ЭВЕЛИНА
ДЕ
ВАЛЬЕРОЛЬ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Ж. Кукольника.

Второе, исправленное изданіе.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА И К°.
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 10 сентября 1841 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

ЭВЕЛИНА ДЕ ВАЛЬЕРОЛЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ФИЛИППЪ ДЕПОРТЪ.

ФИЛИППЪ ДЕПОРТЪ.

Savoir rire, pleurer et feindre,
Dissimuler et se contraindre, —
C'est le secret d'un esprit-fort;
Car le baron devient comte,
S'il fait jouer à grand effort
Un visage qui se démonte.

MAZARINADES, 1648.

ГЛАВА I.

ФРАНЦУЗЪ.

Un vendeur de fraiche marée
Viendra du côté de Lyon
Présider en cette assemblée.

UN PAMPHLET, 1614.

У стараго Лувра, какъ муравьиный рой ползала толпа работниковъ. Стѣны Новой Галереи лѣниво поднимались. Еще на углахъ дворца торчали высокія башни, еще много во всемъ Луврѣ оставалось феодальнаго, мрачнаго, запутаннаго. Главное зданіе, архитектуры Лекò, и но-

вый павиліонъ, построенный Лемерсіе, странно противорѣчили прочимъ остаткамъ стараго за́мка. Между-тѣмъ, въ квартирѣ перваго живописца и главнаго начальника всѣхъ зданій при Людовикѣ XIII замѣтно было особенное движеніе. Со двора, со стороны тюильрійскихъ садовъ, безпрестанно прибѣгали на крылечко молодые люди съ бумагами, и возвращались, кто съ довольнымъ видомъ, кто съ досадой. Симонъ Вуэ, неумолимый учитель и первый живописецъ, разрушительнымъ карандашомъ уничтожалъ мечты своихъ учениковъ, продолжая бесѣду съ ординарными королевскими живописцами и почетными гостями.

— Знаете ли, почтенный Калло̀, мнѣ всегда казалось страннымъ, говорилъ Самсонъ Вуэ, что вы, превосходный рѣзецъ, составляющій славу Франціи, посвящаете, не королю, не королевѣ, а такъ сказать.... ихъ врагу....

— А что̀? спросилъ Калло̀ насмѣшливо: развѣ опять парижская чернь смѣняетъ кардинала? Вѣрно отшельница Лафайетъ будетъ управлять государствомъ? А можетъ-быть этотъ пажъ, Генрихъ д'Эффіа́, съ золотыми кудрями, что̀ каждый день стрѣляетъ изъ дѣтскихъ пушекъ въ сенъ-жерменскомъ паркѣ? А можетъ-быть этотъ дофинъ, первенецъ

послѣ двадцати-лѣтняго безплодія? Или этотъ гладкій Италіянецъ аббатъ Мазарини, крестной отецъ дофина.... другъ королевы?... Пусть и такъ! Но я уважаю кардинала-герцога, и во Франціи никого не нашелъ достойнѣйшаго, кому бы я могъ посвятить мою книгу. Онъ самъ страдалецъ политическихъ интригъ, заговоровъ, тайнъ и народныхъ сплетней. Мой martyrologium въ живыхъ картинахъ представляетъ великіе образцы терпѣнія, а оно нужно великому кардиналу....

— А еще болѣе бѣдной Франціи, замѣтилъ Лемерсіé, главный королевскій архитекторъ: впрочемъ, это простительная трусость.

— Конечно, отвѣчалъ Каллò, поправляя черную шапочку, покрывавшую лысую голову старика: конечно эти слова не ко мнѣ относятся. Я гравировалъ взятіе Ла-Рошели съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ слушалъ разсказы объ этой дивной осадѣ: но когда королю и кардиналу-герцогу угодно было, тому назадъ лѣтъ семь или восемь, обратить оружіе противъ нашей бѣдной Лотарингіи, лишить удѣла нашего храбраго герцога, когда побѣдители требовали у меня гравюры на взятіе Нанси.... Нѣтъ, сказалъ я обоимъ въ глаза, скорѣе отрѣжу себѣ

кисть руки, чѣмъ оскорблю моего несчастнаго государя-герцога неприличнымъ трудомъ.

— И на васъ не разсердились? спросилъ насмѣшливо Лемерсіè.

— Я сказалъ дерзость въ глаза, но никогда не позволялъ себѣ клеветы и ругательствъ въ какомъ-нибудь темномъ и глухомъ подвалѣ, отвѣчалъ Калло̀, поглядывая на мрачные своды квартиры Вуэ.

— Нѣтъ, Калло̀, сказалъ Лемерсіè съ чувствомъ: мы не о себѣ хлопочемъ. Мы хотимъ очистить наши художества отъ иностранцевъ, которыми Кончини и Марія Медичи наводнили Францію; которые не перестали пользоваться милостями кардинала.... нашего....

— Не врага ли, мосье Лемерсіé, хотѣли сказать вы? Не стыдно ли! Кто же строилъ ришліевскій дворецъ? Кто строилъ Рюэлль, загородный зàмокъ кардинала? Кто расписывалъ и украшалъ ихъ картинами? Если бы онъ былъ вашимъ врагомъ, вы бы, господа, давно уже путешествовали въ чужихъ краяхъ по-неволѣ, какъ нѣсколько тысячъ дворянъ, неполадившихъ съ такимъ борцомъ....

— У Калло́ сто отвѣтовъ на одинъ вопросъ, сказалъ Фукіерръ, фламандскій

пейзажистъ, одѣтый съ необыкновенною щеголеватостью; на немъ была короткая блѣдно-розовая шелковая мантія, подбитая блѣдно-синимъ бархатомъ; исподни съ разрѣзами были завязаны множествомъ бантиковъ; сапоги съ большими раструбами, обшитые широкими кружевными оборками; въ рукахъ торчала шляпа съ краснымъ перомъ; на перевязи съ золотыми пряжками висѣла шпага, мѣсяцъ тому назадъ полученная изъ рукъ короля, по ходатайству королевы.

Когда Фукіерръ рѣшался говорить, что́ случалось съ нимъ весьма рѣдко, правая рука всегда была направлена къ шпагѣ, какъ-будто указывая на право дворянина.....

— Отвѣчалъ бы я и вамъ, мосьё де-Фукіерръ, сказалъ Калло́: но меня пугаетъ ваша шпага, такъ сказать.... вчерашній подарокъ его величества; а еще болѣе увѣренность, что вы уже такъ же искусно привыкли владѣть этимъ благороднымъ оружіемъ, какъ и мастерскою кистью.

Фукіерръ покраснѣлъ; толпа живописцевъ смѣялась: только старикъ Вуэ хранилъ свою диктаторскую важность.

— Мастеръ, сказалъ Калло́, вставая и обращаясь къ Вуэ: пора кончить; скажите, что́ вамъ угодно, и отпустите меня.

— Я просилъ васъ для совѣта, маститый художникъ, отвѣчалъ Вуэ угрюмо. Лемерсіé уже поднялъ стѣны галереи, сдѣлалъ всѣ нужныя перестройки, а мнѣ что-то не нравится.

— Такъ сломайте галерею и постройте новую!

— Не то, не то, Калло́! Планъ украшенія галереи картинами и лѣпною работою....

— Перемѣните!....

— Такъ! Но мы уже семь разъ перемѣняли планы.

— Такъ останьтесь при послѣднемъ, или при первомъ.

Художники изъявляли нетерпѣніе. Вуэ примѣтно разсердился, но неумолимый Калло́ не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Надо рѣшить, Калло́; понимаетели? надо рѣшить такъ или иначе, и принятьcя за работу....

— Я рѣшаюсь, отвѣчалъ Калло́.

— На что?

— На все! Я граверъ и работать въ галереѣ не буду: такъ почему же не рѣшиться?....

— Вы оскорбляете мое званіе, мосьё де-Калло́. Слышите ли?.... мое званіе. Вамъ сдѣлали честь приглашеніемъ...

— Возвращаю честь и рѣшаюсь уйти къ моему дѣлу... Сдѣлайте одолженіе,

господинъ первый живописецъ и главный распорядитель всѣхъ работъ въ дворцахъ его величества, не отрывайте меня отъ дѣла приглашеніемъ на совѣты. Нѣтъ ничего хуже какъ совѣты. Вы глава, такъ и распоряжайтесь какъ глава: развѣ у васъ не достаетъ таланта? Иначе, кчему совѣтъ? Король хочетъ мыслей Вуэ, произведеній Вуэ, а не протоколовъ, слѣпленныхъ изъ пустыхъ разсужденій.... На этихъ муниципальныхъ сходкахъ, мосьё де – Фукіерръ потребуетъ, чтобы главную залу расписать въ Армидинъ Садъ, а изъ потолка составить небо со звѣздами и, пожалуй, съ луною; а я дамъ совѣтъ раскрасить главную залу подъ гравюру in chiaro-oscuro; а мосьё Лемерсіé выброситъ живопись, наставитъ колоннъ какъ стрѣлковъ на смотру, и стѣны уберетъ гирляндами изъ лѣцныхъ цвѣтовъ.... Охъ, ужъ мнѣ эти совѣты! Можно совѣтываться, не собирая совѣтовъ.... Они-то заставили перемѣнять планы семь разъ. Сами подумайте: можетъ ли такая нерѣщительность въ искусствѣ послужить къ лучшему?.... Я граверъ, мосьё Вуэ, и слишкомъ уважаю васъ чтобы обременять вашу память и соображеніе моими замѣчаніями. Посмотрѣть на рисунки очень любопытно, тѣмъ болѣе что́ я скоро уѣду въ

Нанси. За эту честь я всегда остался бы признателенъ.

— Вотъ, вотъ они, прервалъ Вуэ. Смотрите, судите, и непремѣнно скажите свое мнѣніе.

Калло́ усѣлся у большаго стола и началъ перелистывать семь огромныхъ тетрадей, въ богатѣйшемъ переплетѣ.

— Какъ бы то ни было, господа, мы должны на будущей недѣлѣ во вторникъ начать работы.... Я предвидѣлъ, что у насъ окажется мало рукъ, и послалъ во всѣ города вызовъ художникамъ.... въ Гренобль, въ Ліонъ, вездѣ. Никто еще не являлся; начнемъ сами, между-тѣмъ подъѣдутъ....

— Тутъ есть Италіянецъ Роспиноза, сказалъ кто-то.

— Италіянецъ! прервалъ Вуэ: и конечно! Работы не дамъ.

Во время патріотической выходки Вуэ противъ иностранцевъ, у входа показался человѣкъ средняго росту, довольно пожилой и непріятной наружности. Широкая, нѣкогда красная, но теперь уже рыжая, мѣщанская епанча закрывала тщательно заштопаное полукафтанье изъ зеленаго толстаго сукна; фреза, не изъ лучшаго полотна, была измята и забѣлена; онъ былъ въ чулкахъ и башмакахъ; въ одной рукѣ держалъ шляпу съ сереб-

рянымъ галуномъ, зеленымъ перомъ, въ другой огромную папку.... Входя въ двери онъ согнулся, и въ такомъ видѣ остановился, одною ногою въ комнатѣ, другою на порогѣ.

— Что́ вамъ угодно? спросилъ Вуэ, примѣтивъ незнакомца.

— Филиппъ Делапортъ, изъ Ліона, живописецъ, отвѣчалъ гость не разгибаясь.

— Милости просимъ! Вѣрно, по нашему вызову....

— По вызову величайшаго изъ нашихъ живописцевъ, я рѣшился оставить всѣ заказы и уроки....

— Надѣюсь, жалѣть не будете. Это, вѣрно, ваши работы....

— Что́ успѣлъ захватить: такъ спѣшилъ исполнить волю великаго человѣка....

— Покажите, покажите!

И Делапортъ началъ развертывать разнородные рисунки и картины.

— Не дурно! сказалъ Вуэ: только посмотрите, эта рука коротка. Вотъ, гдѣ она должна кончиться; голова повернута слишкомъ эффектно.... кчему это? Прямо, просто, гораздо лучше. Зачѣмъ такъ нарядна драпировка? Складки надо обдумывать, точно такъ же, какъ и всю кар-

тину.... Вотъ это изъ рукъ вонъ! продолжалъ Вуэ, взявъ другую картину: тоже вашей работы?....

— Нѣтъ, отвѣчалъ Делапортъ, покраснѣвъ: это работа моего ученика; какъ-нибудь замѣшалась....

— Плохо, плохо! говорилъ Вуэ, разсматривая по порядку картины Делапорта. Лучше всего еще сдѣланы орнаменты,—у вѣтки плоды.... Но картины ваши, простите, ни куда негодны.... И что́ странно, многія какъ-будто писаны другою рукою....

— Для разнообразія, отвѣчалъ Делапортъ, нѣсколько смущенный.

— Можетъ-быть, можетъ-быть, сомнительно говорилъ Вуэ: но въ Луврѣ вамъ нечего дѣлать.... Гдѣ и чѣмъ вы занимались въ Ліонѣ?...

— Разно. Давалъ уроки, писалъ портреты, запрестольные образа....

— Хороши должны быть! замѣтилъ Фукіерръ, поправляя шпагу. (Всѣ улыбнулись.) Что́ еще?....

— Но за труды былъ награждаемъ очень слабо; тогда какъ за расписываніе комнатъ цвѣтками и другими бездѣлицами ліонскіе купцы платили щедро....

— Такъ вотъ родъ вашей живописи! а вы, по-добротѣ, хотѣли взять на себя грѣхи и другихъ ліонскихъ художниковъ!

сказалъ Вуэ, съ гордостью садясь въ кресла.

Смѣхъ возрасталъ. Делапортъ, скрѣпя сердце, отвѣчалъ:

— Вамъ, великимъ людямъ, легко шутить; а намъ, бѣднякамъ, да еще женатымъ, да еще съ дѣтьми, право, не до искусства; думаешь не объ усовершенствованіи таланта, а о хлѣбѣ насущномъ. Я пришелъ, господа, по вызову перваго, именемъ и дѣломъ перваго, живописца. Я зналъ, что картины онъ будетъ писать самъ, а цвѣтовъ не станетъ, и я могу быть употребленъ на что́-нибудь не безъ пользы....

— И весьма, и весьма, любезный другъ, отвѣчалъ Вуэ. Вотъ, король приказалъ Лемерсіе́, въ тѣ комнаты дворца Фонтенбло́, гдѣ прежде жила мадмоазель де-Лафайетъ, продѣлать особую лѣстницу, а мнѣ назначить живописца для раскраски.... Хочешь, поѣзжай; а тамъ, Богъ-дастъ, и въ Луврѣ найдемъ для тебя работу.

— Только быть при васъ, отвѣчалъ Делапортъ, низко кланяясь: только видѣть, какъ вы работаете.... для этого можно согласиться на всякія жертвы.

— Ну, такъ погоди; я тебѣ дамъ рисунки и поѣзжай съ Богомъ.—Что́ вамъ угодно? спросилъ Вуэ у молодаго человѣка прекрасной наружности, который въ

это мгновеніе вошелъ въ залу, также со свиткомъ.

— Живописецъ Альфредъ Дени, изъ Руана, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Покажите вашу работу, сказалъ Вуэ, развернулъ картину Альфреда и нѣсколько мгновеній продолжалось глубокое молчаніе; всѣ восхищались небольшой картинкой, написанной масляными красками; на ней было только двѣ фигуры, Адонисъ и Венера, но такъ много вкусу, такъ много зрѣлости въ рисункѣ и колерахъ, что живописцы, любуясь, сомнительно поглядывали на юношу.

— Точно это ваша работа? спросилъ Вуэ.

— Кто же станетъ хвастать чужимъ трудомъ, когда знаетъ, что новою работой долженъ оправдать себя?

— Ну, случается! сказалъ Фукіерръ, и всѣ посмотрѣли съ улыбкой на Делапорта, который, какъ-будто ничего не слыша, свертывалъ свои и не свои картины.

— Если такъ, отвѣчалъ Альфредъ, мнѣ остается сказать, — работа моя. Можете вѣрить или не вѣрить.

Калло̀ всталъ, подошелъ къ картинѣ и громко сказалъ: «Прекрасно!» Художники съ неудовольствіемъ посмотрѣли на Калло̀.

— Хорошо, хорошо! подхватилъ Вуэ: но ложное стремленіе къ натурѣ, сочиненіе слишкомъ просто; вамъ надо много учиться....

— Всю жизнь! прибавилъ Калло̀: а картина все-таки очень хороша. Поздравляю васъ, молодой человѣкъ, и совѣтую работать, не въ Луврѣ, а въ Ватиканѣ. Тамъ найдете превосходные образцы и превосходнаго учителя, Пуссена.

Художники громко засмѣялись.

— Скоро Пуссена поставятъ наравнѣ съ Рафаэлемъ! сказалъ Фукіерръ.

— Нѣтъ, Фукіерръ, наравнѣ мало! Я не знаю его; онъ у меня не былъ въ школѣ, но по гравюрамъ я вижу, что ему еще далеко до того, чтобы *учить!*..

Вуэ произнесъ эти слова торжественно, намѣкая на свои учительскія заслуги.

Калло̀ съ обычнымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ:

— А я объ томъ только и думаю, какъ бы на старость поѣхать въ Италію, поучиться рисованію у Пуссена и, если старые глаза позволятъ еще что̀-нибудь гравировать, такъ только съ его картинъ.

— Счастливый путь! со злобой сказалъ Вуэ.

Калло̀ въ долгу не остался и отвѣчалъ:

— Благодарю! Но вы требовали моего мнѣнія? Я разсмотрѣлъ всѣ семь плановъ: мое мнѣніе — сдѣлать осьмой. Простите!

Калло́ уѣхалъ. Вуэ взбѣсился и сталъ кричать: — Рѣзчикъ началъ указывать главѣ школы!... Мнѣ некогда.... Хотите, мосье Дени.... я васъ опредѣлю третьимъ помощникомъ для писанія фондовъ, а иногда и драпировокъ?... Сто ливровъ въ годъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Альфредъ, свернулъ картинку и ушолъ.

— Вотъ тебѣ рисунки, сказалъ Вуэ, бросая Делапорту папку: поѣзжай въ Фонтенбло́; спроси Дюбоа; онъ тебѣ покажетъ лѣстницу: въ недѣлю прошу окончить, а нето....

— Пожалуйте что́-нибудь на дорогу, жалобно сказалъ Делапортъ: я совершенно издержался.

— На, десять ливровъ, въ счетъ жалованья. Да смотри, прибавилъ Вуэ: пиши самъ, а не такъ, какъ ты писалъ свои ліонскія картины.

ГЛАВА II.

ФОНТЕНБЛО́.

Tutus agam....

Парижъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Марія Медичи, мать короля Людовика XIII, украсила его множествомъ зданій во вкусѣ флорентинскомъ. Лучшимъ былъ безъ-сомнѣнія Люксамбургскій Дворецъ, построенный возлѣ самаго Парижа, съ которымъ онъ впослѣдствіи слился, и очутился посреди города. Во всѣхъ направленіяхъ столицы тянулись огромные сады; кирпичъ давно уничтожилъ, вытѣснилъ, роскошную кудрявую ихъ зелень; но во время, нами описы-

ваемое, даже улицы носили имена парижской флоры, смотря потому, къ какой сторонѣ сада онѣ примыкали. Въ «Городѣ» (la Cité), на острову, были только соборъ, ратуша, нѣсколько купеческихъ домовъ и тма лавокъ. Новый Мостъ соединялъ «Городъ» съ обоими берегами; на небольшомъ Островѣ Святаго Людовика воздвигались новые дома́ лучшей архитектуры; гражданинъ Мари обнесъ кругомъ весь островъ на свой счетъ каменною набережною, и противъ турнельской набережной стали ставить, на его же счетъ и съ его именемъ, каменный мостъ. По-сю-сторону Сены толпился старый городъ святой Геновевы; по-ту-сторону Лувръ, Тюйльри, кардинальскій дворецъ, еще нѣсколько новыхъ зданій, и пространныя предмѣстья. Въ этой сторонѣ Парижа, въ предмѣстьѣ Сенъ-Дени, какъ и нынѣ, существовалъ Райскій Переулокъ, rue du Paradis, грязный, запачканный, съ крошечными домиками, выбѣленными мѣломъ; ставни были покрыты красною краскою съ голубыми цвѣтками, индѣ въ кувшинахъ, индѣ въ разсыпную; при каждомъ домикѣ — небольшой садъ, воро́та и калитка, по деревенскому образцу. Во всей улицѣ только два дома сколько-нибудь походили на городскіе: они раздѣлялись большимъ са-

домъ и принадлежали двумъ братьямъ Обанъ, парижскимъ мѣщанамъ. Въ ближайшемъ изъ этихъ домовъ къ улицѣ Сенъ-Дени окно въ садъ было открыто: въ немъ сидѣла съ рукодѣльемъ прекрасная среднихъ лѣтъ женщина. Она безпрестанно поглядывала на двухъ порядочныхъ мальчиковъ, однолѣтковъ, игравшихъ съ дѣтскою рѣзвостью подъ яблонью, облѣпленной зелеными плодами; нѣсколько разъ умѣряла ихъ рѣзвость италіянскими восклицаніями, и снова задумывалась. Въ комнату, гдѣ она сидѣла, вошелъ Делапортъ. Лицо его было весело, уста его улыбались.

— Каково идутъ ваши дѣла? спросила женщина съ холодною учтивостью.

— Ради Бога, Джудита, сдѣлайте мнѣ благодѣяніе, не говорите по-итальянски, сказалъ Делапортъ умоляющимъ голосомъ.

— Вы отрекаетесь уже и отъ роднаго языка и отечества?

— Притворно, Джудита; по необходимости.

— Забавная необходимость!

— Въ Ліонѣ выгодно было жить и слыть Итальянцами.... Но здѣсь.... Насъ убьютъ, зарѣжутъ, отравятъ, если узнаютъ, что мы Италіянцы.

— Санта Марія! Да за что́ же это?

— Насолили наши добрымъ Французамъ при королевѣ Маріи. До-сихъ-поръ забыть не могутъ....

— Такъ вы встрѣтили неудачу?

— Напротивъ, напротивъ. Отъ Неаполя до Альпійскихъ горъ я расписывалъ потолки и стѣны, и едва могъ питаться за скудную, ничтожную плату. Не учись я по-латинѣ у стараго аптекаря, гдѣ иногда за серебряную монету по двѣ ночи толокъ порошки; не ходи я къ Испанцу органисту пѣть втораго тенора, пришлось бы умереть съ голоду... Въ Ліонѣ было славное житье, да по вашей милости....

— Сдѣлайте одолженіе, оставьте ваши упреки. Кажется, вы должны быть довольны моимъ поведеніемъ. Вы переѣхали въ Парижъ на мой счетъ, на мои деньги.... Я должна здѣсь устроить судьбу моихъ дѣтей.... Я должна.... Да это не ваше дѣло! Скажите ваши желанія, я ихъ исполню, если....

— Послушайте, Джудита, Деллапорта исчезъ съ этого свѣта!...

— Пожалуй!

— Его мѣсто заступилъ Делапортъ, еще лучше, Депортъ, Французъ: онъ родился въ Италіи и потому сохранилъ нѣкоторую дебелость въ произношеніи,

но такъ мало, что сегодня никто этого недостатка и не замѣтилъ.

— Право?

— Здѣсь мнѣ откроется блистательная будущность. Королевская лѣстница не то, что купеческая! Заплатятъ вчетверо, по задатку вижу. А у Людовика столько лѣстницъ, сколько не насчитать въ цѣломъ Ліонѣ. Живописецъ королевскихъ лѣстницъ низойдетъ и на герцогскую. По ступенкѣ ниже, по экю дешевле.... А посмотрите, какъ отстраивается Парижъ! Тридцать улицъ прошелъ я сегодня: въ каждой два, три дома, какъ грибы растутъ. За словомъ въ карманъ не пойду. Слава Богу, съ прелатами два раза по-латыни разговаривалъ. Славно! Я у пристани.... Ну, теперь къ королю!

— Какъ! къ самому королю? недовѣрчиво спросила Джудита.

— Къ самому королю, Джудита... Ахъ, послушайте! будьте вы не Джудита, а какъ-нибудь иначе, по-французски, знаете, такъ напримѣръ Луиза, Фанни.

— Пожалуй, Фанни!

— Какъ вы добры! Еще одна просьба. Мы наняли двѣ комнаты...

— Кажется, довольно; одна для васъ, другая для меня съ дѣтьми; варимъ на хозяйской кухнѣ...

— Конечно, оно бы довольно, но весь-

домъ отдаютъ весьма дешево, по три ливра въ мѣсяцъ.

— Такъ что́ же?

— Вотъ вамъ три ливра.... наймите весь домъ съ особой кухней, а дѣтей, пожалуйте, не пускайте на дворъ, пока не купите имъ порядочнаго платья; бѣгаютъ оборванные.... Дурное впечатлѣніе! Вы знаете, бѣдному и платятъ бѣдно... А я между-тѣмъ во весь домъ вывѣску развѣшу: »Королевскій живописецъ, Филиппъ Депортъ, ученикъ знаменитѣйшаго италіянскаго мастера,« фамилію придумаю.

Вбѣжали дѣти съ хохотомъ, но увидавъ Депорта, оробѣли, и тихо шли къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, цыплята, сказалъ Депортъ. Ты, Джуліо... нѣтъ, не Джуліо.... ты будешь Жакъ; а ты, Джироламо, ты будешь Жеромъ: слышите? Кто ошибется въ имени или заговоритъ по-италіянски... прошу извинить... розги! Не пускайте ихъ на дворъ... право стыдно. Теперь къ королю, прощайте!

Депортъ проворно собралъ краски, кисти, все, что́ казалось ему нужнымъ; уложилъ въ походный чемоданъ; на плечи, и скоро очутился на другомъ концѣ Парижа, на Италіянскомъ Предмѣстьѣ. Послѣдніе дома Парижа тянулись съ своими

огородами по дорогѣ въ Фонтенбло́. Депортъ усталъ и присѣлъ на прилавкѣ у какого-то палисадника.... Много каретъ съ задернутыми окнами пронеслось мимо; много проскакало всадниковъ; изрѣдка проходили нарядныя носилки и за ними по три, по четыре смѣны красиво одѣтыхъ и вооруженныхъ носильщиковъ. Депортъ съ завистью глядѣлъ на проѣзжающихъ, и нѣсколько разъ порывался итти слѣдомъ за носилками; по-крайней-мѣрѣ такъ совѣтовало ему чувство безопасности... Но вдругъ проѣхала фура на двухъ ослахъ; на ней, кромѣ разной поклажи, сидѣли три нарядные лакея; по шляпамъ съ краснымъ перомъ легко было догадаться, что это придворные слуги. Депортъ догналъ фуру.

— Богъ помощь, пріятели!

— Благодаримъ, отвѣчали лакеи.

— Не видали ль вы моей лошади?

— Нѣтъ.

— Вотъ бѣда! Приходится или итти пѣшкомъ, или воротиться въ Парижъ покупать другую, а Дюбоа будетъ сердиться.

— Дюбоа? въ Фонтенбло́? тревожно спросили лакеи...

— Да, Дюбоа; что́ при королевскомъ гардеробѣ служитъ. У меня къ королю отъ мосьё де-Вуэ и письма и рисунки; приказано отдать Дюбоа. Я живописецъ,

и мнѣ тамъ сдѣланъ заказъ; ожидаютъ: а тутъ такая бѣда!

— Садитесь съ нами, честной господинъ; все скорѣе чѣмъ пѣшкомъ.

— Конечно, конечно! отвѣчалъ Депортъ, мостясь на фурѣ: какъ бы чемоданчикъ поставить? да чтобы не свалился, Боже сохрани!

— Мы держать будемъ.

— Спасибо, спасибо! А можетъ-быть и лошадь отъищемъ. Проклятая! Зашелъ къ пріятелю.... Кажется, и крѣпко привязалъ къ забору.... выхожу — и слѣдъ простылъ... Посматривайте, пожалуйста, авось увидите.

Лакеи съ почтеніемъ держали чемоданъ, и усердно глядѣли во всѣ четыре стороны, надѣясь открыть бѣглую лошадь. Депортъ спалъ, и проснулся уже въ виду Фонтенбло́.

Грустно, скучно въ Фонтенбло́! Какъ-будто не здѣсь блистательные праздники удивляли европейскихъ гостей; какъ-будто не здѣсь прелестные фрески Пинтуриччіо манили далекихъ гостей; какъ-будто вчера былъ послѣдній маскарадъ у покойнаго Генриха IV: гости разъѣхались, сонные слуги какъ тѣни бродили по темнымъ переходамъ дворца и тѣснымъ дворикамъ. Давно ли мастеръ Галиматія утѣшалъ дворъ своимъ забавнымъ балетомъ,

и самъ Беарнецъ съ королевою принимали участіе въ шуткахъ замысловатаго балетмейстера?.. Грустно, скучно въ Фонтенбло́!... На крыльцѣ, въ разныхъ положеніяхъ, лѣпились слуги, стрѣльцы, охотники; множество собакъ на сворахъ чинно окружали крыльцо; одинъ Брумъ, песъ старый, помнившій Кончини и конетабля де-Люина, былъ на свободѣ: ветеранъ, онъ могъ ходить всюду безъ доклада, и весь кухонный штатъ не разъ жаловался на эту привилегію, которая, по мнѣнію Бріолѐ, главнаго королевскаго повара, была гораздо вреднѣе и опаснѣе привилегій парижскихъ парламента и ратуши.

— Брумъ, сказалъ Шотландецъ Кеплеръ: кажется, сегодня не бывать охотѣ, и тебѣ не будетъ службы...

— Того гляди, сказалъ Италіянецъ Лерчи: велятъ соколовъ нести, да станутъ кормить собственноручно, а у меня сегодня племянница за-мужъ выходитъ!

— Что́ же? поклонись Сенъ-Марсу; слово скажетъ королю, — отпустятъ.

— Нѣтъ, лучше Дюбоа, сказалъ Жеромъ Блоа, начальникъ королевскаго погреба: а съ Сенъ-Марсомъ нынче король не ладитъ...

— Не ладитъ! подхватилъ Кеплеръ. Черезъ минуту помирятся, и тому бѣда,

кто слышалъ, какъ король сердился на молодаго капитана... Слушайте старика! угождайте этому мальчику, какъ его называть, право, не знаю. Наше дѣло сторона; кто въ милостяхъ, тотъ и важенъ; при покойномъ королѣ не то было: у Генриха IV такихъ любимцевъ не бывало: любовишки водились; а ужъ этого, нынѣшняго, не случалось. Какъ начала управлять Марія Медичи, да напустила своей италіянщины, совсѣмъ другое пошло: что́ мѣсяцъ, новая птица при дворѣ; у Лудовика такъ и пошли любимцы; одинъ смѣняетъ другаго: ужъ какъ-будто должность какая! Если одному приходится плохо, весь Парижъ только о томъ и толкуетъ, кто теперь будетъ любимцемъ. Имъ-то ничего, а слугамъ отъ этихъ молодцовъ ноги и шея крѣпко болятъ!..

Кто-то бѣжалъ по корридору; всѣ слуги вскочили; на крыльцо вошелъ старикъ Дюбоа.

— Кеплеръ! Лерчи! охоты не будетъ! домой! сказалъ Дюбоа. Симонъ! пошли за Сенъ-Марсомъ; черезъ часъ король пойдетъ съ нимъ гулять пѣшкомъ. Да потомъ пошли къ дю-Карру; скажи, чтобы вся «ба̀нда» въ шесть часовъ со скрипками была во дворцѣ... А поставили вы лѣса для мосьё Депорта на новой лѣстницѣ?

— Поставили.

— Ну, теперь ступайте по домамъ; а я обожду Сенъ-Марса здѣсь на крыльцѣ... И за исторію! тихо сказалъ Дюбоа съ самодовольною улыбкою.

— Чтó король? спросилъ Жеромъ Блоа, постукивая по серебряной табакеркѣ и поднося ее Дюбоа....

— Слава Богу, слава Богу! Сегодня хорошо. Всталъ рано; писалъ латинскіе стихи, потомъ сочинялъ на псаломъ Годо музыку, потомъ позвалъ меня и дружески спросилъ: «Любезный Дюбоа, доволенъ ли ты мною?» — Ваше величество, отвѣчалъ я, могу ли быть недоволенъ, когда вижу васъ въ добромъ здоровьѣ, не на охотѣ, а въ тишинѣ кабинета, въ бесѣдѣ съ Музами. «Глупости, глупости, Дюбоа! Музы.... музы, да не всѣ; не люблю Кліо, ненавижу Талію, презираю Мельпомену.... Одна Музыка, родная дочь музы, kath'exochen....» — Это значитъ, любезный Жеромъ, прибавилъ Дюбоа, нюхая свою щепотку: это значитъ полатыни ....по превосходству.—«Это искусство, продолжалъ король, по-мнѣ. А Кліо... лучше бы ея не было!...»Я счелъ эту выходку личностью, по нѣкоторымъ отношеніямъ; но начался тайный разговоръ, который меня совершенно успокоилъ и кончился тѣмъ, что охота отказана, на-

значенъ музыкальный вечеръ. — Да! заключилъ Дюбоа со вздохомъ: никогда я не прощу кардиналу одного....

— Чего же это, добрый другъ?

— Зачѣмъ онъ запряталъ мадмоазель де-Лафайетъ въ монастырь Визитокъ....

— Да вѣдь она, по доброй волѣ....

— Знаемъ мы эту добрую волю. Подослалъ іезуита; а ужъ эти господа уговаривать умѣютъ. И теперь бѣдный Людовикъ самъ не свой; боюсь, чтобы и ему не вздумалось сложить французскую корону и удалиться въ монастырь. Примѣръ Карла V....

— Какъ, развѣ?...

— Поговариваетъ.... поговариваетъ.... Одна мадмоазель де-Лафайетъ противится этому плану и, дай Богъ ей здоровья, противится съ успѣхомъ....

— Стало-быть они видятся?

— Каждую недѣлю два раза, въ присутствіи старшей сестры и всѣхъ монахинь. И каждый разъ, когда король возвращается изъ монастыря, онъ такъ добръ, ласковъ.... но грустенъ, тяжело грустенъ; живетъ только въ тѣхъ комнатахъ, въ которыхъ жила она, до монастыря; вотъ и здѣсь съ пріѣзду не былъ ни въ одной залѣ, не ходитъ смотрѣть на Приматиччіо: а прежде каждый день два раза хо-

дилъ къ фрескамъ; приказалъ къ комнатамъ Лафайетъ продѣлать особую большую лѣстницу; и, признаюсь, Лемерсіé исполнилъ свое дѣло отлично; теперь ее расписываютъ. Хотите видѣть? Пойдемъ.

ГЛАВА III.

ПѢСНЯ.

Pisne blaho moge.
HANKA.

Лѣстница весьма искусно обставлена была лѣсами. Депортъ, снявъ рыжую эпанчу, расчертилъ уже всю лѣстницу, по рисункамъ Вуэ, и принялся писать вензель мадмоазель де-Лафайетъ изъ незабудокъ; всѣ украшенія, по страннымъ соображеніямъ Вуэ, состояли изъ бѣлыхъ лилій и плюща; работа шла успѣшно, но мертвое молчаніе царствовало на уединенной лѣстницѣ: ни шелеста, ни отзыву человѣческаго голоса. Въ такихъ мѣстахъ уныніе невольно тѣснится въ сердце, без-

отчетный страхъ мѣшаетъ работѣ, и Депортъ, чтобы сколько-нибудь ободрить себя, началъ напѣвать италіянскую пѣсню «La Monacca». Эта пѣсня и въ Италіи была еще нова, а въ Парижѣ вовсе неизвѣстна. Сначала звуки раздавались тихо, будто ползая, и въ пустотѣ еще болѣе наводили тоску на одинокаго пѣвца; непримѣтно, невольно, голосъ крѣпчалъ и, куплетъ за куплетомъ, возвышался въ силѣ. «La Monacca» написана, по древнему обычаю, стиховъ во сто: не успѣлъ Депортъ достигнуть и половины, какъ за дверьми, въ которыя упиралась лѣстница, послышались, шаги. Депортъ онѣмѣлъ и, прислушиваясь, продолжалъ работу. За дверьми кто-то напѣвалъ латинскіе стихи на мотивъ «La Monacca»; но когда дошло дѣло до послѣдняго стиха, невидимый пѣвецъ остановился, не могъ вспомнить окончанія мелодіи, дверь отворилась и Людовикъ XIII съ верху лѣстницы ласково сказалъ Депорту: «Повтори, любезный, эту пѣсню нѣсколько разъ сряду, да по-громче.» И дверь захлопнулась. Испуганный неожиданною аудіенціей, Депортъ повиновался; дрожащимъ голосомъ продолжалъ пѣть куплетъ за куплетомъ, кончилъ и, не слыша приказанія перестать, началъ снова. Не пропѣлъ онъ двухъ трехъ куплетовъ, какъ

король, отворивъ двери, сказалъ: «Довольно, поди сюда!»

Депортъ не успѣлъ счистить пятенъ съ платья, необходимой принадлежности котнатныхъ живописцевъ: онъ завернулся въ свою рыжую эпанчу, и подъ нею, на походѣ, старался стереть охру и сурикъ со стараго камзола. Съ благоговѣйнымъ ужасомъ вошелъ онъ въ первую комнату: тутъ никого не было; въ другой комнатѣ, болѣе обширной, убранной весьма просто, посрединѣ, на большомъ столѣ, лежала груда нотъ и віола. У стола стоялъ король. На немъ была длинная, почти до самыхъ колѣнъ, черная мантія съ рукавами и шитымъ орденомъ Святаго Духа. Изъ-подъ мантіи видно было, что король совсѣмъ одѣтъ; любимыя полосатыя исподни уходили въ широкіе раструбы сапоговъ, обшитыхъ въ нѣсколько рядовъ кружевами. Съ улыбкою глядѣлъ онъ на бумагу, и въ тактъ стучалъ по полу тростью.... Ни живой, ни мертвый, едва дыша, Депортъ стоялъ у порога первой комнаты; ему не случалось говорить въ жизнь свою съ порядочнымъ маркизомъ, а тутъ — глазъ на глазъ съ королемъ Франціи: и какой Франціи! Временъ Ришліе! Депорту казалось, что помостъ подъ нимъ шевелился, стѣны качаются, потолокъ вертится;

вдругъ Людовикъ запѣлъ латинскіе стихи съ риѳмами на мотивъ «La Monacca» и, окончивъ пѣніе, спросилъ довольно тихо: «Такъ ли?»

— Совершенно такъ, ваше величество, не возможно лучше, дрожа отвѣчалъ Депортъ изъ другой комнаты.

— Поди сюда!... Ты знаешь ноты?

— Знаю, ваше величество.

— Сочиняешь самъ?

— Не испытывалъ себя въ этомъ, ваше величество.

— Погляди, такъ ли я написалъ твою пѣсню?

— Совершенно такъ, невозможно лучше, ваше величество.

— Ты умѣешь писать ноты?

— Умѣю, ваше величество.

— Перепиши какъ-можно почище.

— Слушаю, ваше величество.

И Депортъ хотѣлъ удалиться, чтобы гдѣ-нибудь на покоѣ исполнить волю государя.

— Нѣтъ, здѣсь, мой другъ, здѣсь! сказалъ король, вынимая изъ богатой конторки или, какъ называютъ Французы, секретаря, фламандскую нотную бумагу: садись сюда и переписывай, а я, пока, протвержу партію изъ Артурова гимна. Кстати: у тебя хорошій теноръ?

— Второй, ваше величество.

— Все одно, и я пою только втораго баса.... Просмотри эти ноты и ввечеру приходи сюда.

Король ушелъ въ дальніе покои; едва слышно доходили звуки пріятнаго, но не совсѣмъ твердаго голоса. Въ это печальное время жизни Людовика, внутреннія боренія, интриги кардинала, недовѣрчивость къ женѣ и приближеннымъ, тоска по изгнанной матери, робость въ любви, и многія, многія причины развили тяжкій, медленный недугъ, съѣдавшій видимо послѣдніе годы добраго короля. И продолжительное пѣніе для него стало трудно, но сегодня онъ упражнялся черезъ силу, не желая ввечеру отстать отъ другихъ. Депортъ, не смотря, что природа одарила его богатымъ запасомъ дерзости и безстыдства, волнуемый страхомъ и неясными еще надеждами, не видѣлъ нотъ, перепортилъ всѣ листы фламандской бумаги, и въ отчаяніи прибѣгнулъ къ воровству. Онъ видѣлъ, гдѣ у короля хранилась нотная бумага и уже вынулъ тетрадь, уже опустилъ крышку конторки, уже поворачивалъ ключъ.... вдругъ вошелъ король—и Депортъ окаменѣлъ... Но отчаянье—мать великихъ подвиговъ. Изъ отчаянья, Депортъ улыбнулся, и сказалъ довольно твердымъ голосомъ:

— Государь! не виноватъ; заслушался;

испортилъ бумагу; прервать превосходнаго пѣнія вашего величества я не смѣлъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ замѣтно было большое одушевленіе; между-тѣмъ полагая, что дѣло къ спѣху...

— Весьма умно..... прервалъ король, садись же, пожалуйста, и переписывай; пора итти на прогулку.

Депортъ переписывалъ. Вошелъ безъ докладу молодой человѣкъ прелестной наружности: ему было около двадцати лѣтъ. Его щегольской нарядъ капитана королевской гвардіи былъ въ безпорядкѣ, прическа измята, глаза заспаны; на лицѣ написана досада.

— Гдѣ вы это пропадаете, маркизъ? спросилъ король съ видомъ состраданія.

Маркизъ молчалъ.

— Опять всю ночь! продолжалъ король съ тѣмъ же выраженіемъ: въ обществѣ Маріонъ де-Лормъ, стихоплетовъ, развратниковъ. Опять возліянія Бахусу!... Сенъ-Марсъ, когда это все кончится?..

— Когда вашему величеству угодно будетъ оставить меня въ покоѣ, или послать на службу въ испанскую армію.

— Вы съ ума сошли, монсъ д'Эффіа!

— Не думаю, государь! Всѣ говорятъ, что я не глупый малый.

— Капитанъ! какъ вы смѣете такъ

отвѣчать вашему королю, благодѣтелю и другу?

— Вольно же вамъ мучить больнаго, и заставлять гулять, когда я еще не выспался...

— Поди вонъ!

— Мнѣ только того и надо! сказалъ Сенъ-Марсъ про себя, но не довольно тихо, и ушелъ.

Король всталъ, одѣлся самъ, безъ помощи слугъ, а Депортъ окончилъ работу.

— Благодарю, сказалъ король уже не такъ ласково. Спряталъ и черновыя и чистыя ноты въ конторку, заперъ, ключъ положилъ въ карманъ, взялъ трость и шляпу, и грубо сказалъ Депорту: »Пойдемъ гулять.«

Вышли на лѣстницу.

— Ага! Вуэ не только великій живописецъ, но и слуга исправный.... — Это ваша работа? спросилъ Людовикъ, остановясь на первой площадкѣ, надъ которой вензель изъ незабудокъ почти былъ оконченъ.

Депортъ поклонился. Лицо Людовика осѣнилось печальной думой, примѣтнымъ страданіемъ; тихо шепталъ онъ молитву. Депортъ, какъ и вся Франція, зналъ тайну короля; опустилъ глаза, притаилъ дыханіе, и, недвижный, какъ каріатида,

у которой остановился, напряженнымъ слухомъ старался отгадать смыслъ королевскаго шопоту. Людовикъ глубоко вздохнулъ, и въ полголоса произнесъ стихъ Персія:

O curas hominum, quantum est in rebus inani!

Потомъ, обратясь къ Депорту, сказалъ ласковымъ голосомъ: »Такъ ты и живописецъ?« Депортъ поклонился еще ниже.

— Я люблю живопись: но у насъ такъ мало хорошихъ живописцевъ!... хотѣлъ выписать изъ Италіи, но и тамъ теперь, кажется, никого нѣтъ...

— Государь, смиренно отвѣчалъ Депортъ: недавно еще я возвратился оттуда, и рѣшительно долженъ сказать вашему величеству, кромѣ Пуссена, тамъ нѣтъ никого...

— Пуссенъ! Французская фамилія!

— Онъ и родомъ Французъ. Франція теперь первенствуетъ въ художествахъ: въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; еще міръ не можетъ оцѣнить, какія зерна брошены для насъ высокимъ, благотворнымъ, питательнымъ, плодороднымъ покровительствомъ, которымъ вашему величеству угодно было осчастливить французскія художества, и я скажу съ Тибулломъ:

Dî tibi formam,
Dî tibi divitias dederunt, artemque fruendi.

Король сталъ веселѣе и, улыбаясь самодовольно, сказалъ Депорту:

— А враги мои ничего этого не замѣчаютъ и не видятъ; они думаютъ, что я ихъ боюсь и оттого остороженъ, и оттого дѣлаю хорошо... Не правда ли?

И началъ смѣяться. Депортъ осмѣлился вторить королю, и со смѣхомъ отвѣчалъ:

— Славная политика, ваше величество, спасительная система; не даромъ говоритъ Либерій:

Necesse est
Ut multos timeat, quem multi timent.

Король еще болѣе развеселился...

— Да это находка, сказалъ Людовикъ, остановясь и разсматривая Депорта: кто ты, и какъ тебя зовутъ?

— Зовутъ меня Филиппъ Депортъ, а кто я, и самъ не знаю. Нужда велѣла расписывать стѣны и потолки людей богатыхъ, а можетъ-быть Фортуна велитъ и мнѣ въ свою очередь заказывать тѣ же работы другимъ людямъ. Я не отчаяваюсь.

— Ну, любезный Депортъ, ты похожъ на меня: и живописецъ, и музыкантъ, и риторъ! Не достаетъ тебѣ знатности и богатства. Но Богъ милостивъ:

Si fortuna volet, fies de rhetore consul!

Двери отворились, вошелъ Сенъ-Марсъ и, обратясь къ королю, почтительно спросилъ:

— Ваше величество, не лучше ли проѣхаться верхомъ? До обѣда остается не болѣе получаса.

— Развѣ я у тебя спрашивалъ совѣта? отвѣчалъ изумленный Людовикъ. Ты боленъ, и хорошо послѣ распутной ночи пройтись пѣшкомъ!

Сенъ-Марсъ не отвѣчалъ ни слова и шелъ молча за королемъ, поглядывая на Депорта; а Депортъ постоянно, все болѣе и болѣе отставалъ... Костюмъ Сенъ-Марса былъ уже въ большомъ порядкѣ, но одна шпора расшаталась отъ ночной поѣздки. Депортъ тотчасъ это примѣтилъ и, догнавъ Сенъ-Марса, почтительно сказалъ: «Позвольте укрѣпить вашу шпору.»

— Да какъ же ты это сдѣлаешь? спросилъ разсѣянно Сенъ-Марсъ.

— А вотъ, камешкомъ.

— Благодарю, сказалъ Сенъ-Марсъ, когда Депортъ привелъ въ порядокъ шпору и платкомъ стеръ грязь, засохшую на сапожныхъ кружевахъ.

— Всегда къ услугамъ вашимъ, отвѣчалъ Депортъ и продолжалъ итти слѣдомъ за королемъ и Сенъ-Марсомъ, всегда однако жъ въ третьей дистанціи.

Король обошелъ молча двѣ три аллеи, молча возвратился къ новой лѣстницѣ; остановясь на крыльцѣ, обратился къ ступенькамъ, сказалъ тихо — «Прощайте,

до вечера!», и ушелъ въ покои мадмоазель де-Лафайетъ. Депортъ пошелъ-было за королемъ, но Сенъ-Марсъ грубо схватилъ его за руку и спросилъ:

— Ты куда?

— Къ моей работѣ.

— Къ какой!

— Я расписываю лѣстницу...

— Когда проснется король, дай мнѣ знать: слышишь? Я не хочу, чтобы меня о томъ увѣдомили придворные слуги. Слышишь?

— Да гдѣ же вы изволите жить?

— Глупецъ! я буду у племянницы Дюбоа.

— Я человѣкъ новый, маркизъ: благоволите указать. Я всегда къ вашимъ услугамъ...

— Дюбоа будетъ до шести часовъ неотлучно при королѣ, а я неотлучно при его племянницѣ: такъ если одно слово — горе тебѣ!

— Помилуйте, господинъ капитанъ! только укажите, куда прибѣжать; ногъ не пожалѣю.

— Ты видѣлъ издали, въ паркѣ, большую красную бесѣдку съ китайской крышей?

— Видѣлъ.

— Вотъ тамъ! Хлопни три раза въ ладоши: я услышу.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, маркизъ, я всегда къ вашимъ услугамъ, кричалъ Депортъ вслѣдъ Сенъ-Марсу.

ГЛАВА IV.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Savoir rire, pleurer et feindre,
Dissimuler et se contraindre,
C'est le secret d'un esprit-fort;
Car le baron devient comte
S'il fait jouer à grand effort
Un visage qui se démonte.

MAZARINADES. 1648.

На башнѣ протяжно пробило шесть часовъ. Дворецъ въ Фонтенбло оживился; забѣгали слуги; появились у крыльца носилки, кареты, нарядно разубранныя верховыя лошади. Сен-Марсъ шелъ шибко ко дворцу, за нимъ рысью бѣжалъ Депортъ. На крыльцѣ они встрѣтили Дюбоа, которому другіе лакеи подавали широкій плащъ, шляпу и трость.

— Куда ты? спросилъ Сенъ-Марсъ съ улыбкой.

— Домой, господинъ капитанъ, домой, отвѣчалъ Дюбоа.

— Писать исторію?

— Что́ это, капитанъ! вы еще, пожалуй, скажете его величеству; втянете меня въ бѣду...

— Непремѣнно скажу, когда поссоримся, Дюбоа.

— Вѣрно вамъ сказалъ объ этомъ де-Ту, у котораго я просилъ позволенія разсмотрѣть нѣкоторыя бумаги его покойнаго отца, историка Франціи; а онъ и вообрази, что я пишу исторію...

— Нѣтъ, не одинъ де-Ту, многіе говорятъ; да ужъ дай только намъ поссориться, все узнаемъ.

— Да зачѣмъ же намъ ссориться, маркизъ!

— Я и самъ, пока, не вижу причины; а говорятъ, исторія хороша...

— Кто говоритъ?

— Намѣдни у мадамъ де-Рамбулье́ только объ ней и говорили.

— Какъ, у мадамъ де-Рамбулье́! спросилъ Дюбоа со слезами радости: въ этомъ ареопагѣ людей ученыхъ и писателей.... Помилуйте, я недостоинъ такой чести; это, просто, записки очевидца...

— Скромность, скромность, Дюбоа; когда-нибудь я затащу тебя туда.

— Увольте, маркизъ, увольте; моя должность, лѣта...

— Послѣ, послѣ объ этомъ. Король всталъ?

— Давно, но еще не выходилъ.

— А эти уроды собрались?

— Собрались, ваше сіятельство, собрались. Пора и вамъ! Ступайте.

— Пойдемъ, сказалъ Сенъ-Марсъ Депорту, и Дюбоа съ изумленіемъ поглядѣлъ на новаго придворнаго; онъ не предвидѣлъ въ то время какъ много мѣста займетъ этотъ новичокъ въ его запискахъ.

Въ концертной залѣ или, лучше сказать, въ самой большой комнатѣ отдѣленія Лафайетъ, тѣснилось небольшое число избранныхъ. Віолы, лютни и скрипки лежали на кругломъ столѣ; вся банда двадцати четырехъ скрипокъ Генриха IV сидѣла передъ пульпитрами и ожидала короля; только одинъ дю-Карру, королевскій композиторъ, не сидѣлъ на своемъ мѣстѣ: онъ спорилъ въ глубокомъ окнѣ съ отцемъ Сирмондомъ, поэтомъ Годо, и живописцемъ Дерюэ. Герцогъ де-Бофоръ, принцы и дворяне изъ лучшихъ фамилій, не удостоивали собесѣдниковъ вниманія и шептались между собою. Скрипачи, сидя на своихъ мѣстахъ, разговаривали съ другими двумя королевскими

композиторами, Артуромъ Кусто́ и Яковомъ Модюи. Отъ частныхъ разговоровъ образовался въ тѣсной комнатѣ сильный шумъ. Вошелъ де-Нойе́, почти, неслышно, но всѣ замѣтили его присутствіе и умолкли. Секретарь королевства, правая рука и правое ухо кардинала, невольно наводилъ ужасъ на дворянъ, безстрашныхъ на альпійскихъ и пиренейскихъ вершинахъ, но не съ глазу на глазъ съ Ришліё и его клевретами. Печальна судьба такихъ людей какъ де-Нойе́. Все, что́ бы они ни сдѣлали добраго, лесть и страхъ припишутъ кардиналу. Всѣ ошибки, всѣ жестокости Ришліё падутъ на ихъ отвѣтственность: лесть и страхъ не посмѣютъ обвинить кардинала; и де-Нойе́ принадлежалъ именно къ разряду невинныхъ злодѣевъ. Быстрота въ кабинетной работѣ, пріятная наружность, даръ слова, любовь къ наукамъ и художествамъ, способность развязывать Гордіевы узлы заговоровъ, сдѣлали его человѣкомъ необходимымъ для Людовика XIII и кардинала. Изъ клевретовъ Ришліё, только одинъ де-Нойе́, впрочемъ не долго, имѣлъ свободный входъ въ комнаты короля, и Людовикъ былъ убѣжденъ въ его честности и скромности. Даже придворныя дамы, это вѣчно независимое сословіе, приверженныя къ несчастной своей ко-

ролевѣ Аннѣ Австрійской и ненавидѣвшія открыто великаго инквизитора Франціи, какъ онѣ называли кардинала, любили де-Нойé подъ именемъ маленькаго добряка, petit bon-homme. Отецъ Сирмонтъ, духовникъ короля, подошелъ къ нему и почтительно раскланялся.

— Чтó новаго? спросилъ де-Нойé: правда ли, что сегодня опять была ссора съ Генрихомъ?

— Вы знаете лучше меня стихіи, владычествующія во дворцахъ нашего короля.... Ссора! А вчера на столѣ Людовика я нашелъ записку: вотъ копія. Пойдемте къ окну.

Де-Нойé прочелъ: «Капитанъ гвардіи нашей, Генрихъ д'Эффіà, маркизъ де Сенъ-Марсъ, назначается великимъ конюшимъ двора нашего, съ оставленіемъ при прежней должности.»

— Это, пока, еще карандашъ, сказалъ де-Нойé: послѣ ссоры, можетъ-быть, подлинникъ этой записки сгорѣлъ въ каминѣ...

— Сомнѣваюсь, отвѣчалъ отецъ Сирмондъ: не забудьте, что нашъ воспитанникъ, наше твореніе, уже не ѣздитъ въ Рюэль, не доноситъ ничего объ королѣ и принцахъ, а у королевы не отходитъ отъ креселъ Маріи Неверской.

— Безумецъ! она принцесса!

— Конетабль Франціи можетъ жениться на королевской дочери.

— Что́ вы, что́ вы, отецъ Сирмондъ? Но, признаюсь, наше положеніе самое непріятное. Къ королю приставили мы Сенъ-Марса, а теперь къ Сенъ-Марсу приходится приставить дядьку. Вы знаете Сентъ-у (:Saint-Aôut:)? Кардиналъ назначаетъ его.

— Выборъ не дурной, но безполезный... Что́ это вы, господинъ секретарь, и на вечеръ съ бумагами?

— Нѣтъ, это рисунки Вуэ. Признаюсь, мнѣ ужасно надоѣли планы Симона для луврской галереи. Король такъ милостивъ: присылаетъ мнѣ на просмотръ эти кипы; но, право, лучше не строить вовсе ничего, нежели такія дорогія пошлости.

Вошли Сенъ-Марсъ и Депортъ. Дворяне бросились къ маркизу и начали шептаться. Депортъ не зналъ, какъ выскочить изъ толпы, куда невольно ввелъ его Сенъ-Марсъ. Де-Нойе́ не сводилъ глазъ съ молодежи и, примѣтивъ Депорта, невольно спросилъ: «Это кто?» Отецъ Сирмондъ побѣжалъ узнать, кто этотъ новый собесѣдникъ королевскій; но никто не могъ отвѣчать. Скоро во всей залѣ только и слышно было: «Кто это? кто это?...»

Вошелъ король. Двадцать четыре скрип-

ки грянули маршъ, написанный дю-Карру, на переходъ Альпійскихъ Горъ. Грустное лицо короля оживилось; въ воображеніи его возобновились чудеса личной его храбрости и баснословные подвиги дворянства. Король остановился, прослушалъ маршъ, и когда, по окончаніи піесы, вся банда встала, король изъявилъ полное свое удовольствіе. Пользуясь расположеніемъ короля, дю-Карру просилъ дозволенія лютнисту Бланроше́ сыграть новую пѣсню, сочиненную на слова поэта Годо.

— Прошу, прошу, отвѣчалъ король: садитесь, герцогъ; mes cousins, господа, садитесь, садитесь. Де-Нойе́, отецъ Сирмондъ, ко мнѣ поближе; вотъ такъ.

Сенъ-Марсъ подошелъ къ королю и также сѣлъ возлѣ. Бланроше́ удивилъ все общество; но король былъ недоволенъ: ему было досадно, что Бланроше́ побѣдилъ Якова Модюи, любимца королевскаго, прозваннаго, Богъ-знаетъ за что́, «отцемъ музыки.»

— Артуръ! сказалъ Людовикъ, обращаясь къ Кусто́: какъ ты находишь?

— Мнѣ трудно судить, государь! Мы съ Бланроше́ старинные друзья; но я полагаю, что одобреніе князя музыки, мосьё дю-Карру...

Король отворотился и не слушалъ Артура; бѣдный Бланроше́ стоялъ посре-

динѣ какъ вкопанный, ожидая милости или гнѣва; но король, не обращая на него ни какого вниманія, разсѣянно сказалъ дю-Карру:

— Играйте что-нибудь, князь музыки, играйте!... Ну, де-Нойé, продолжалъ король, понизивъ голосъ: чтó же наша луврская галерея?

— Если ваше величество изволили удостоить меня счастія открыто сказать мое мнѣніе, то я счелъ бы себя преступникомъ, если бы похвалилъ планы и чертежи Симона Вуэ.

— Вы не довольны?

— Пóшло, обыкновенно, нѣтъ ничего такого, чтó бы могло говорить позднему потомству: «Воздвигнуто въ царствованіе, Людовика XIII.»

— Правда, правда! а на вашъ вкусъ можно положиться... Скажите, чтó, у васъ много работы? много переписки съ иностранными державами?

— Какъ и всегда, ваше величество. Нѣтъ, лгу; съ тѣхъ поръ, какъ война съ Испаніей уже рѣшена, стало меньше работы: съ кабинетомъ Сенъ-Лоренцо будетъ сноситься Шавиньи, который отправится на войну съ вашимъ величествомъ.

— Отчего же не вы? Я желалъ бы васъ....

— Такъ было угодно кардиналу; я здѣсь нужнѣе.

— О! такъ уже это рѣшено. Я очень радъ, что вы здѣсь остаетесь и имѣете отъ дѣлъ довольно досуга.... Вы и мнѣ нужны здѣсь.

— Какимъ образомъ, ваше величество?

— А вотъ, увидите.

Банда окончила піесу; король всталъ и ушелъ во внутренніе покои; нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; раздался звонокъ; Сенъ-Марсъ пошелъ къ королю, и черезъ мгновенье возвратился съ бумагой, которую и подалъ де-Нойé.

— Вотъ это мѣсто по васъ, сказалъ Сенъ-Марсъ, когда де-Нойé оканчивалъ чтеніе бумаги.

— Вы шутите, маркизъ.

— Иногда; но въ этомъ случаѣ поздравляю Францію. Главный начальникъ дворцовъ и зданій его величества, желаю вамъ успѣха! А между-тѣмъ извольте ѣхать.

— Я хотѣлъ поблагодарить короля....

—Удивительно, какъ блюстители формъ, на радости, сами забываютъ формы. Вы должны явиться къ королю завтра, въ пріемную; и тогда уже увидимъ, пріиметъ ли васъ король или нѣтъ.... Да, мы зав-

тра въ Сенъ-Жерменѣ. Пріѣзжайте около полудня.

Все это говорилъ Сенъ-Марсъ съ такою дѣтскою и беззаботною важностью, что де-Нойѐ, глядя на него, невольно улыбнулся.

— Послушайте, маркизъ, спросилъ де-Нойѐ очень тихо: кто это съ вами вошелъ въ залу?

— А! это мой пріятель, живописецъ.

— Это вы представили его королю?

— Да, я, разсѣянно отвѣчалъ Сенъ-Марсъ. Но уѣзжайте, король не можетъ выйти въ залу.

— Ѣду, ѣду, сказалъ де-Нойѐ, взявъ шляпу и, проходя мимо Депорта, легонько дернулъ его за руку, и сказалъ:

— Пожалуйте завтра ко мнѣ въ два часа по полудни въ Сенъ-Жермень.

Депортъ со всѣхъ ногъ бросился въ слѣдъ де-Нойѐ, желая узнать, кто ему сдѣлалъ честь своимъ приглашеніемъ.

Король возвратился въ залу.

— Вотъ и наши грѣхи, сказалъ Людовикъ, подавая дю-Карру пѣсню, написанную имъ съ напѣву Депорта.

Музыканты и композиторы схватили віолы, и всѣ вдругъ начали разъигрывать королевскую рукопись. Дю-Карру поднялъ смычокъ повелительно, и турецкая музыка прекратилась. Не безъ труда

разъигралъ онъ пѣсню; всѣ въ одинъ голосъ кричали: «Удивительно! превосходно!... Какое прекрасное сочиненіе!...»

— Сочиненіе не мое, а я положилъ только на ноты, сказалъ король.

Всѣ хвалили правильность перекладки. Въ это время отецъ Сирмондъ подалъ королю Martyrologium Каллò.

— Чтó это? спросилъ король перелистывая книгу. А, знаю! Хваленое Martyrologium. По мнѣ очень дурно. Дерюэ! поди сюда.... Какъ по-твоему, хорошо?

— Государь! Каллó мнѣ другъ.

— Знаю, знаю, и потому-то у тебя и спрашиваю; хочу испытать твою искренность.

— Если такъ, государь, я считаю это Martyrologium торжествомъ искусства.

— Помнишь ли ты, сказалъ король съ недовольнымъ видомъ, когда мы были въ Нанси? Я начертилъ твой портретъ, помнишь? Не лучше ли онъ всей этой нацарапанной книги?... Конечно, ты другъ Каллó, а у твоего Каллó больше смѣтки нежели таланта. Посвятилъ книгу кардиналу, и послѣ этого, конечно, всякой ее похвалитъ.

При послѣднихъ словахъ короля, Депортъ воротился въ залу въ мрачномъ раздумьѣ: зачѣмъ зоветъ его де-Нойé.... Увидавъ его, король сказалъ:

— Филиппъ! поди сюда: посмотри и скажи свое мнѣніе; но не гляди кому посвящено, кѣмъ гравировано; скажи просто: хорошо или худо?

Депортъ пересмотрѣлъ Martyrologium, положилъ на столъ презрительно книгу и молча отступилъ.

— Ну, что́!... спросилъ Людовикъ.

— Я не смѣю, государь....

— Я приказываю.

— Если такъ, осмѣлюсь сказать, что мнѣ не нравится. Плохо, ваше величество; очень плохо.

— Вотъ, видите? слышите? Человѣкъ свѣжій, никогда не видалъ ее прежде.... Ты не видалъ книги?

— Никогда, ваше величество.

— Слышите?... И вотъ ваше общественное мнѣніе!

Дерюэ не могъ не вступиться за друга; тѣмъ болѣе, что король любилъ независимость мысли и позволялъ съ собой спорить.

— Я не знаю, ваше величество, этого господина, сказалъ Дерюэ: но, чтобы судить Калло́, надо быть художникомъ, имѣть право....

— И конечно, ординарный живописецъ короля французскаго имѣетъ на то право, отвѣчалъ король съ насмѣшливой

улыбкой и посмотрѣлъ на изумленнаго Депорта. Потомъ подошелъ къ нему и ласково спросилъ:

— А что́, не правду ли я говорилъ: Si fortuna volet, fies de rhetore consul. Бросимъ живопись.... Гдѣ твоя партія? Станемъ пѣть гимнъ Артура.

Ба́нда усѣлась. Раздался гимнъ, написанный Артуромъ Кусто́ на взятіе Нанси. Депортъ пѣлъ лучше всѣхъ. Король былъ въ восторгѣ, но усталъ отъ пѣнія и другихъ ощущеній. Сонъ началъ клонить его, и Людовикъ, вставъ, сказалъ Депорту:

— Филиппъ! прикажи позвать Дюбоа.... Прощайте господа, благодарю за пріятный вечеръ. Прощай Сенъ-Марсъ. Сегодня ты умница и жалѣть не будешь!... Завтра на охоту.

ГЛАВА V.

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОЧЬ.

Le gros Dubois, aliàs dit Cretin,
En plumestant sur son petit pulpitre,
A minuté cette presente épître....

GUILLAUME CRETIN.

Депортъ бѣжалъ по дворцовому корридору, что́ силы было; позади его раздался звонкій голосъ Сенъ-Марса.

— Эй, пріятель! пріятель! куда бѣжишь?

— Къ Дюбоа, маркизъ, къ Дюбоа.

— Самъ, собственными ногами?

— Самъ, господинъ маркизъ.

— Такъ послушай: мнѣ надо ѣхать; скажи Анетѣ, что король меня засадилъ писать на всю ночь. Слышишь?

— Слушаю, отвѣчалъ Депортъ, и побѣжалъ въ садъ. Сенъ-Марсъ пошелъ также садомъ, нѣсколько разъ оглянулся на королевскія окна, перелѣзъ въ паркѣ черезъ заборъ; тамъ ожидалъ его слуга съ лошадью.

— Что̀, мой добрый Ипполитъ, все готово?

— Готово, маркизъ; но не совѣтую отлучаться.

— А что̀?

— Да сегодня прислано изъ Рюэля намъ съ Николаемъ, слугамъ вашимъ, приказаніе ѣхать въ Туренну, домой. Жидъ Эвое сказалъ намъ: «Господинъ маркизъ пожалованъ великимъ конюшимъ, такъ ему особая королевская прислуга будетъ.» Потомъ Эвое сказалъ: «Къ вашему господину господинъ Кардиналъ знатнаго человѣка приставилъ, Сентъ-У. Безъ рясы іезуитъ.» Надо-быть, онъ васъ теперь по всему Фонтенбло́ ищетъ.

— Да развѣ Сентъ-У пріѣхалъ? спросилъ Сенъ-Марсъ покраснѣвъ.

— Пріѣхалъ, ваше сіятельство, пріѣхалъ! Рыжій такой, рябой какъ вода подъ вѣтромъ. Остановился у отца Сирмонда и ждалъ только, чтобъ вечеръ кончился.

— Такъ пусть же обождетъ до утра, а вы оставайтесь съ Николаемъ при мнѣ. Нето и я съ вами къ матушкѣ уѣду, от-

вѣчалъ Сенъ-Марсъ, вспрыгнулъ на коня, и облако пыли поднялось въ грустномъ паркѣ.

— Ни дать, ни взять отецъ его былъ такой же сорви-голова, ворчалъ Ипполитъ, провожая глазами красиваго всадника. А я, такъ-сказать, сегодня не пойду на конюшню. Спросятъ: гдѣ лошадь?... Я имъ завтра скажу: ѣздилъ тутъ, по сосѣдству, къ знакомому.... Охъ плуты! Знаю, что́ подумаютъ, да мнѣ жаль моего цыпленка. Ужъ служить, такъ служить. Пусть ихъ что́ хотятъ думаютъ!...

Ипполитъ исчезъ въ густотѣ лѣса.

— Король васъ проситъ, сказалъ Депортъ, остановясь у окна розовой бесѣдки, и едва переводя дыханіе.

— Что́ такъ рано? спросилъ Дюбоа, уронивъ съ пера на красивый огромный листъ чернильнаго жида.

— Усталъ; мы много сегодня пѣли.

— Какъ? Вы пѣли съ королемъ.

— Не разспрашивайте, а спѣшите къ его величеству.

— Я готовъ. Пойдемъ.... отвѣчалъ Дюбоа, отирая перо объ парикъ и слизывая пятно съ драгоцѣнной тетради.

— Нѣтъ; позвольте отдохнуть, сказалъ Депортъ: да и къ вамъ я имѣю дѣло; безъ вашего совѣта я погибну. Признаюсь, событія, которыя случились сего-

дня, составятъ любопытную страницу въ описаніи жизни Людовика XIII....

— Что́ такое, что́ такое?.... спросилъ Дюбоа, выходя торопливо на крылечко.

— Охъ, бѣгите къ королю! Онъ васъ ожидаетъ, а я такъ усталъ.

— Пожалуйте въ бесѣдку. Анета! займи гостя; я сейчасъ ворочусь....

И Дюбоа поплелся ко дворцу съ особенною поспѣшностью.

Депортъ вошелъ, не ожидая вторичнаго приглашенія. Анета встрѣтила его на порогѣ, зажгла свѣчу и просила садиться.

— Ахъ, милая Анета! Я пришелъ сюда для васъ. Сенъ-Марса вы сегодня не увидите.

— Великій Боже! вы знаете!... Да какого Сенъ-Марса?.... Я съ нимъ и незнакома....

— Перестаньте, милая. Мой другъ сегодня попался въ бѣду.

— Что́ съ нимъ случилось?

— Король засадилъ его на всю ночь писать, и едва ли къ утру онъ отдѣлается.

— Слава Богу! прошептала Анета.

— Какъ, слава Богу! Такъ вы не любите Сенъ-Марса?

— Да можно ли его любить? Ужъ я не первая, честной господинъ. Вотъ, Розину Мельи бросилъ. Глупенькая, сама виновата: повѣрила. Ну, статное ли дѣло,

подумайте сами, честной господинъ, обѣщалъ жениться.... Нѣтъ, на меня плоха надежда: я ему это сказала въ глаза; не отвязывается. Дядѣ не хочу сказать: перепугается; а вы, какъ добрый другъ, посовѣтуйте ему оставить меня въ покоѣ; а нето, какъ пріѣдемъ въ Парижъ, тотчасъ все перескажу придворнымъ дамамъ, и сама Марія ди-Гонцаго узнаетъ.

— А что́, развѣ?... спросилъ лукаво Депортъ.

— Будто вы не знаете! Конечно, изъ этого ничего не выйдетъ. Что́ онъ? маркизъ; а за нее короли сватаются... Да вотъ такъ, подурачиться.... Ужъ я и не знаю, въ кого онъ не влюбленъ. Намѣдни, какъ мы были въ Парижѣ, мосьё Воатюръ, острякъ, что́ ко всѣмъ письма пишетъ, у одной дамы сидѣлъ на антресоляхъ, да какъ сталъ высчитывать любовницъ маркиза, семерыхъ началъ изъ госпожъ, а мы, съ подругой, что̀ у той дамы служитъ, дюжину изъ служанокъ насчитали.... Молчите, молчите! дядюшка идетъ....

Вошелъ Дюбоа и комически раскланялся съ Депортомъ.

— А, господинъ ординарный живописецъ его королевскаго величества! Сегодня день милостей. Мосьё де-Нойѐ получилъ новое назначеніе; маркизъ сдѣланъ

великимъ конюшимъ: кардиналъ согласился; вы пожалованы въ ординарные живописцы.... Вотъ, Анета, что значитъ не пустить Людовика на охоту. Дрянная забава, опасное увеселеніе! Вы соскучились съ моею Анетою? Она у меня ужасно дика. Простите, если я заставилъ васъ такъ долго дожидаться; но вы сами тому причиною: король все время про васъ разсказывалъ.

— Его величество слишкомъ милостивъ; вотъ это-то меня безпокоитъ, и вотъ почему я хотѣлъ съ вами посовѣтоваться. Я выросъ въ Италіи, между образцами искусства и первыми художниками міра. Вы можете посудить, каково мнѣ было сносить униженіе, на кототорое бѣдность заставила меня согласиться. Мнѣ, любимому ученику Караччи, расписывать потолки и лѣстницы! Мнѣ, воспитанному въ роскоши, качаться въ колыбели каменьщика! Вы человѣкъ просвѣщенный и чувствительный; вы поймете мое положеніе. У меня жена, дочь италіянскаго маркиза, который не хуже вашего Сенъ-Марса. Я увезъ ее, долженъ былъ бѣжать, принесть всѣ возможныя жертвы; достигаю Парижа. «Отчизна, думалъ я, ты возвратишь мнѣ утраченное счастіе!» Спѣшу къ этому педанту, старому Вуэ.... Что́ дѣлать! я не

его ученикъ, я не умѣю восхищаться его знаменитыми картинами, которыя бы въ Италіи забросали грязью уличные мальчишки.

— Неужели, мосьё Депортъ! съ ужасомъ перебилъ Дюбоа.

— Ни какого сомнѣнія, ни какого сомнѣнія!.... И что́ же вы думаете? Симонъ Вуэ, котораго отецъ моей жены не пустилъ бы красить крышу дома на своей виллѣ, этотъ мосьё Вуэ, глава какой-то школы, изволилъ послать меня на лѣстницу мадмоазель де-Лафайетъ! Не правда ли, это ужасно?....

— Непостижимо! произнесъ Дюбоа съ видомъ непритворнаго удивленія и не спуская глазъ съ Депорта.

— Вы можете представить, какъ они пріймутъ мое назначеніе; отъ нихъ зависятъ содержаніе, квартира, работы...

— О, извините, извините! Хорошо, что вы сказали объ этомъ мнѣ, а не Сенъ-Марсу. Онъ не умѣетъ говорить хладнокровно; а завтра, когда король будетъ одѣваться, я съумѣю представить...

— Добрый, чувствительный Дюбоа! признательность моя....

— Полноте, полноте!

— Такъ до свиданія, мосьё Дюбоа.

— До завтра, мосье Депортъ. А гдѣ вы живете?

— Мнѣ совѣстно отвѣчать, мосьё Дюбоа. Я живу на лѣстницѣ Лафайетъ.

— Возможно ли! Переночуйте у насъ, а завтра, вѣроятно, вы поѣдете съ нами въ Сенъ-Жермень.

— Непремѣнно. Я обѣщалъ де-Нойé непремѣнно навѣстить его въ Сенъ-Жерменѣ.

— Чего же лучше! Анета приготовитъ намъ что-нибудь закусить; вы можете провести ночь здѣсь, въ моемъ кабинетѣ: я сегодня уже исторіи моей писать не буду.

— А вы пишете исторію?

— Не совсѣмъ исторію, а такъ, знаете, историческія воспоминанія, записки; я очень близокъ къ текущему году. Остается можетъ-быть листовъ двадцать, тридцать... Главы двѣ, три...

— А! вы раздѣляете вашу исторію на главы; это очень удобно для читателя.

— Я потому болѣе и рѣшился сдѣлать подобное раздѣленіе.

— Какъ же вы начинаете? Съ вашего рожденія?

— О, помилуйте! Во-первыхъ, я этого не помню; а во-вторыхъ, кому могутъ быть любопытны обстоятельства моего дѣтства и воспитанія?

— Однако же...

— Нѣтъ, нѣтъ!... Я начинаю со дня кончины Генриха IV.

— Скажите, сдѣлайте одолженіе, я никогда не могъ прочесть ничего полнаго, вѣрнаго, объ этомъ ужасномъ событіи.

— У меня оно очень подробно описано. Хотите? Не устали вы? Покуда дадутъ закусить, мы пробѣжимъ первую главу.

— Помилуйте, да это благодѣяніе! Я не знаю какъ благодарить васъ.

— Простите за слогъ, сказалъ Дюбоа, развертывая огромный фоліантъ изъ-подъ шести такихъ же огромныхъ книгъ: я этой частію не успѣлъ еще заняться. Не угодно ли?...

Депортъ придвинулся. Дюбоа поправилъ парикъ и свѣчи, и чтеніе записокъ покатилось какъ безконечное пѣніе сверчка, который въ неизвѣстной щелкѣ вторилъ историку.... Аврора прекратила пѣніе и сверчка и историка. Собесѣдники принялись ужинать, когда уже суматоха, лошадиный топотъ, крики слугъ, лай псовъ, краканье соколовъ и кречетовъ, возвѣстили всему Фонтенбло́ близость королевскаго отъѣзда.

ГЛАВА VI.

СПОСОБНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

> Hoc primum a te peto, ne me loquentem interpelles, ne medio sermone meo proclames: dabitur tibi loquendi liberum tempus! SENECA.

Въ сенъ-жерменскомъ дворцѣ, въ отдаленномъ флигелѣ, гдѣ въ прежнія времена всегда останавливался кардиналъ Ришліе, въ довольно обширной залѣ, сидѣли государственные секретари Шавиньи и де-Нойе,. Откровенность и дружба, владычествовавшія въ ихъ разговорѣ, какъ-то странно были оправлены въ рамки холодной учтивости и условной вѣжливости, то есть, въ такія противорѣчія, которыя кардиналъ умѣлъ прививать ко всѣмъ своимъ подчиненнымъ. Оба были

совсѣмъ одѣты; оба держали въ рукахъ шляпы, хотя были, такъ сказать, дома; оба говорили другъ другу — ты, но никогда не позволяли себѣ братской шутки, не бывали въ гостяхъ у однихъ и тѣхъ же знакомыхъ, не знали семейныхъ обстоятельствъ одинъ другаго.

— Поздравляю, сказалъ Шавиньи, съ новою милостью, съ новою должностью. Кардиналъ вчера еще согласился на твое назначеніе, поручилъ мнѣ тебѣ сказать, что больше другихъ должно бояться самого Вуэ.

— Неужели, Шавиньи, ты за этимъ только и пріѣхалъ въ Сенъ-Жермень?

— Конечно нѣтъ. А испанскія депеши! И еще одно обстоятельство, которому кардиналъ съ трудомъ вѣритъ: Гастонъ Орлеанскій вчера ночью былъ въ Парижѣ и видѣлся съ Сенъ-Марсомъ.

— Быть не можетъ!

— И мы тоже сказали, съ кардиналомъ, когда отецъ Сирмондъ объявилъ намъ объ этомъ свиданіи. Ты вѣроятно останешься въ Сенъ-Жерменѣ: кардиналъ просилъ, нельзя ли подъ рукою разузнать.

— Да ужъ для одного этого обстоятельства должно остаться.. Братъ короля шутитъ, а многія головы уже съ красными ошейниками.... какъ липы, которыя Одалé,

старый королевскій лѣсничій, назначаетъ къ порубкѣ въ сенъ-жерменскомъ паркѣ. Отъ Сенъ-Марса узнать не легко. Сентъ-У вы прислали напрасно. Я не могу, Шавиньи, съ тобой не согласиться, что лучшее средство — увеличить число друзей Сенъ-Марса еще однимъ другомъ, который бы не такъ явно поклонялся краснымъ чулкамъ... Я имѣю надежду... Но, Шавиньи, это только надежда! Она разрѣшится сегодня, и я поспѣшу увѣдомить кардинала. Теперь, позволь спросить: что́ Испанія?

— Странно, де-Нойé! Въ тонѣ Оливареса замѣтна перемѣна; никогда еще онъ не говорилъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такою увѣренностью, что войны не будетъ. Соображая всѣ обстоятельства, мы полагаемъ, что посѣщеніе Гастона имѣетъ тайную связь съ испанскими дѣлами.

— Что́ жъ кардиналъ?

— Приказалъ сказать тебѣ и посовѣтоваться.

— Конечно, или королева, или Гастонъ Орлеанскій, но ужъ кто-нибудь изъ нихъ, имѣетъ сношенія съ Испаніей. Скажи, Шавиньи, я все время пробылъ при королѣ и ничего не знаю, чѣмъ кончился объискъ?

— Трагическою сценою, слезами и переѣздомъ въ Лувръ. Королева, какъ ты знаешь, проживала въ Val-de-Grâce; кардиналъ нагрянулъ внезапно. Въ монастырѣ никто не ожидалъ такихъ ужасныхъ мѣръ; смущеніе было значительно; вина явственна. Но бумагъ, де-Нойé, бумагъ... ни одной! Кардиналъ заставилъ повиноваться и написать королю просьбу о помилованіи. Потомъ пошли слезы.... Потомъ, до послѣдняго лакея, во всемъ Луврѣ не осталось ни одного Испанца; потомъ королева переѣхала въ Лувръ... король простилъ. Но на рынкахъ маркизъ де-Кокъ выпустилъ новую сатиру: дамы читали ее наизусть въ присутствіи герцогини Эгильонской, племянницы кардинала; прибавили къ сатирѣ нѣсколько своихъ сарказмовъ, и дѣло кончилось.

— Маркизъ де-Кокъ! Знаешь, чтó я думаю?

— А чтó?

— Я подозрѣваю Сенъ-Марса. Онъ написалъ недавно небольшую сатиру на маркизу де-Комбалé; ее читали у королевы; у меня есть копія.

— Въ наше время ни за чтó нельзя ручаться. Но правила, въ которыхъ воспитанъ Сенъ-Марсъ... Нѣтъ, Шавиньи: скорѣе аббатъ Гонди, другъ парижской черни.

— Умная догадка! Но...

Вошелъ Дюбоа.

— Его величество, сказалъ онъ, кивнувъ головою секретарямъ, приказалъ позвать мосьё де-Шавиньи съ бумагами.

Де-Нойé остался одинъ и началъ пересматривать бумаги, которыя слѣдовало представить королю въ первый докладъ по дѣламъ художественнымъ.

— Ординарный живописецъ его величества, Депортъ! доложилъ лакей, отворяя одну половинку двери.

— Зови, зови, сказалъ де-Нойé съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ.

Вошелъ Депортъ и остановился у дверей. Де-Нойé продолжалъ разсматривать бумаги, какъ-будто не замѣчалъ Филиппа; изрѣдка поглядывалъ на него изъ подлобья и, не встрѣчая взоровъ Депорта, поднялъ голову и нѣсколько мгновеній спокойно его разсматривалъ.

— Милости просимъ, милости просимъ! сказалъ наконецъ де-Нойé.

Депортъ низко кланялся.

— Прошу садиться.

Депортъ поклонился еще ниже.

— Садитесь, садитесь! Я не люблю разговаривать, когда мой собесѣдникъ не сидитъ: высокó голову поднимать.

Депортъ сѣлъ на кончикъ стула, стараясь прикрыть рыжей епанчей зашто-

панный камзолъ и шляпу съ перомъ зеленаго... такого мѣщанскаго!... цвѣту.

— Въ спискѣ ординарныхъ живописцевъ я не нахожу васъ.

— Вчера только я удостоился счастія...

— Въ одинъ день со мною! Такъ видно насъ судьба свела.

— Всегда къ услугамъ вашимъ, господинъ секретарь, вставъ и кланяясь отвѣчалъ Депортъ.

— Съ чего же начнемъ, мосьё Депортъ?

— Вашъ проницательный разумъ конечно уже создалъ планъ реформы...

— Какой реформы?

— Новое лицо въ управленіи всегда приноситъ съ собою новые виды, новыя правила, новыя...

— Страхъ, боюсь новаго, мосьё Депортъ: и вотъ почему хотѣлъ съ вами посовѣтоваться.

Сказавъ это, де-Нойé вдругъ перемѣнилъ тонъ дружескій на холодный и важный, и спросилъ:

— Давно ли вы знакомы съ маркизомъ де-Сенъ-Марсъ?

— Съ вчерашняго дня, господинъ секретарь.

— Такъ недавно, а уже имѣли случай оказать ему важныя услуги!

Депортъ вскочилъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Де-Нойé, будто бы разсматривая бумаги, продолжалъ:

— Конечно, услуги не тайныя.

Замѣшательство Депорта возрастало.

— Сенъ-Марсъ, любимецъ, всемогущій любимецъ. Вы слышали? онъ пожалованъ вчера великимъ конюшимъ, а ему всего, кажется, двадцать два три года! И того нѣтъ. Какъ вы думаете?

— Я человѣкъ новый, господинъ секретарь; бѣдный, господинъ секретарь; у меня жена, дѣти, господинъ секретарь; я не вижу въ этомъ ни какого преступленія, что увѣдомилъ маркиза, когда король проснулся, и потомъ сбѣгалъ къ племянницѣ Дюбоа, сказать, что Сенъ-Марсъ вечеромъ къ ней не будетъ.... Только, сдѣлайте милость, господинъ секретарь, не выдайте меня Сенъ-Марсу: онъ меня погубитъ.

— Помилуйте! сказалъ де-Нойé, перемѣняя тонъ холоднаго равенства на покровительный: я васъ даже хвалю за эту услужливость. Вы человѣкъ дальновидный и способный: не примѣчая ни кого важнѣе при особѣ его величества, вы умѣли оказать услугу Сенъ-Марсу. Видя, что сильнѣйшая рука предлагаетъ вамъ свое покровительство, вы колебаться

не станете. — Не правда ли? смѣясь, прибавилъ де-Нойé.

Депортъ, дрожа, отвѣчалъ смѣхомъ.

— Иногда, вопреки пословицѣ, продолжалъ де-Нойé, можно согласить противоположности. Но объ этой любви я ничего не слыхалъ, и при дворѣ, кажется, ничего не знаютъ... Это шалость молодаго человѣка; надо щадить возрастъ и, конечно, мосье Депортъ, вы будете скромны.

— Какъ прикажете, господинъ секретарь. Вы мой начальникъ.

— Мнѣ очень пріятно, отвѣчалъ де-Нойé, болѣе и болѣе принимая сухой видъ и замедляя слова: мнѣ очень пріятно, что вы понимаете свои обязанности. Я не люблю, когда у подчиненныхъ есть свои особенныя тайны.

— Повѣрьте...

— Не перебивайте меня: отвѣчайте на вопросы. Отчего же Сенъ-Марсъ не могъ быть у племянницы Дюбоа?

— Онъ куда-то ѣздилъ.

— Куда?

— Не знаю, потому-что я просидѣлъ всю ночь у Дубоа и слушалъ его записки.

— Записки? Дюбоа пишетъ записки! Мнѣ это не нравится, кардиналу тоже... Чтó же въ нихъ?

— Въ нихъ много дерзкаго.

— Достаньте съ нихъ копію.

— Постараюсь.

Де-Нойé писалъ уже письмо, а Депортъ безпрестанно оглядывался.

— Не худо бы знать, куда онъ это ѣздилъ? говорилъ де-Нойé, какъ-будто съ самимъ собою. Вамъ еще не назначено содержаніе, мосьё Депортъ, а вы человѣкъ семейный... Надо жить... Казначейство далеко: такъ я вамъ, покуда, что-нибудь дамъ изъ своего кармана. Кардиналъ, вѣроятно, не оставитъ васъ безъ помощи... Я доложу объ васъ сегодня и его величеству. Все зависитъ отъ васъ самихъ... А теперь поѣзжайте прямо къ кардиналу и отдайте это письмо въ руки его эминенціи. Вотъ вамъ на дорогу.

Кошелекъ и письмо очутились въ рукахъ Депорта.

— Не погубите! жалобно простоналъ Филиппъ: я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Все зависитъ отъ васъ самихъ, сухо отвѣчалъ де-Нойé и рукою указалъ на двери.

— Постараюсь заслужить ваше благоволеніе, господинъ секретарь. Имѣйте состраданіе къ отцу семейства...

Де-Нойé кивнулъ головой и Депортъ, откланиваясь, протѣснился въ двери.

Нѣсколько минутъ простоялъ Депортъ на мощеномъ дворикѣ сенъ-жерменскаго дворца, отирая съ лица холодный потъ и втягивая свѣжій воздухъ. Онъ читалъ записки Дюбоа: онъ понялъ, куда такъ ловко поставилъ его де-Нойé, но, по неопытности какъ себя вести въ большомъ свѣтѣ, можно сказать, на самой вершинѣ этой скользкой и крутой горы, не зналъ, куда попалъ онъ, на лѣстницу ли честей и почетной дѣятельности, или въ темный переходъ Венеціянскаго Совѣта. Одна выгода сіяла золотою звѣздою въ этомъ мракѣ сомнѣній и страха: а много ли на свѣтѣ людей отвергнутъ путь, освѣщаемый звѣздою богатства?

«Впередъ» подумалъ Депортъ и поѣхалъ въ Парижъ. Не заѣзжая домой, онъ отправился къ кардиналу. Въ сѣняхъ остановилъ его полосатый швейцаръ съ вопросомъ: «Кто, и куда?»

— Къ его эминенціи.

— Къ самому?

— Совершенно такъ, мой герой; совершенно такъ.

— Погоди, поди сюда.

Швейцаръ отвелъ Депорта въ караульню и передалъ на руки сержанту.

— Объискать его! закричалъ сержантъ, и Депорта осмотрѣли съ ногъ до головы,

нашли письмо, и когда узнали, что оно отъ де-Нойé, стали извиняться.

— Но таковъ порядокъ, сказалъ сержантъ: мы и герцоговъ иногда водимъ въ нашу караульню; не ровенъ часъ. Эти павлины, по милости его эминенціи, нынче безъ хвостовъ: такъ пожалуй, со злости... Герберъ! проводи господина къ Шавиньи.

— Шавиньи нѣтъ; уѣхалъ.

— Ну, такъ къ Бріенну.

— Какъ? въ общую залу? Да можетъ-быть не надо, чтобы этого господина видѣли въ залѣ.

— Правда. Умница Герберъ! Такъ къ Оксерру, на заднюю лѣстницу.

— Письмо отъ де-Нойé, сказалъ Оксерръ: вѣрно что-нибудь важное! Пожалуйте, я отнесу кардиналу-герцогу.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ Депортъ: приказано отдать въ руки его эминенціи.

— Ахъ, такъ пойдемте! За каждую минуту мы отвѣчаемъ всѣмъ нашимъ счастіемъ...

— Нельзя! сказалъ высокій Каталонецъ, стоявшій у дверей: кардиналъ нездоровъ.

— Онъ несетъ лекарство, довольно громко сказалъ Оксерръ.

— Пропусти! раздался глухой голосъ, и Депортъ, дрожа какъ листъ, едва смѣлъ

итти по ковру, чтобы подать письмо кардиналу.

Ришліё лежалъ въ широкихъ креслахъ, наполненныхъ подушками; кривой пульпитръ на пружинахъ ходилъ около креселъ съ кучею бумагъ; отъ легкаго прикосновенія руки, пульпитръ забѣжалъ за спинку креселъ. Къ ужасу Депорта, въ рукахъ кардинала былъ довольно большой ножъ. Обои кусками висѣли надъ богатыми, но изрѣзанными и исцарапанными креслами; ноги были окутаны малиновымъ бархатнымъ одѣяломъ: на немъ крѣпкимъ сномъ спала цѣлая семья кошекъ; возлѣ сидѣла собака и, когда вошелъ Депортъ, она заворчала.

— Букингамъ! тихо сказалъ кардиналъ, и песъ улегся. Кардиналъ воткнулъ ножъ въ стѣну и взялъ письмо, бывшее въ дрожащихъ рукахъ Депорта.

Прочитавъ письмо, кардиналъ отъ смѣху закашлялся: отъ этого движенія кошки проснулись и начали потягиваться.

— Пошли прочь, лентяи, сказалъ кардиналъ, легонько шевеля носкомъ: нѣжатся... и больше всѣхъ моя герцогиня...

Кардиналъ смѣялся и кашлялъ. Депортъ изрѣдка рѣшался взглядывать на этого, не человѣка, а тайнаго духа, закупореннаго въ подушкахъ, который однимъ движеніемъ руки, однимъ звукомъ, измѣнялъ

ходъ дѣлъ во всей Европѣ, сбрасывалъ головы съ плечъ герцоговъ и маршаловъ Франціи, ссылалъ и заключалъ въ крѣпости королевъ и принцевъ крови. И одѣтъ онъ былъ не по-человѣчески: ногъ не было видно; суконная красная мантія, подшитая фіолетовой шелковой матеріей, была испещрена чернильными и желтыми пятнами; въ прорѣзи мантіи выходили руки, въ шерстяныхъ узкихъ рукавахъ, завязанныхъ бантами; на головѣ была красная скуфья; остроконечная сѣдая борода и короткіе усы торчали около плотно сжатыхъ губъ. Сухое и сморщенное лицо, какъ и мантія, было покрыто фіолетовыми пятнышками, которыя почитались признакомъ добраго здоровья: когда они исчезали, Ришліё страдалъ нестерпимой лихорадкой; другіе недуги не обращали вниманія на пятнышки и мучили свою жертву, какъ случалось, безпорядочно, но ужасно.... На этотъ разъ кардиналъ былъ здоровъ: его окружали признаки политической опасности, и тогда физическія страданія какъ-будто смѣнялись. Какъ на угольяхъ стоялъ Депортъ передъ кардиналомъ. Долго разсматривалъ его Ришліё, потомъ опять засмѣялся, опять закашлялся, сбросилъ кошекъ такъ сильно, что онѣ проснулись въ разсыпную, и тѣшился злобною нечаянностью.

— Къ чему же вы способны, а? спросилъ кардиналъ поднимаясь, и довольно бодро сталъ ходить по комнатѣ.

Депортъ не смотрѣлъ на него, но слѣдовалъ за направленіемъ ногъ, обутыхъ въ красные чулки и въ остроконечныя шитыя шелками туфли.

— Посмотримъ, посмотримъ, говорилъ Ришліё, медленно двигаясь. Вы знаете герцога Вандомскаго? а?..

— Не имѣлъ счастія его видѣть, но, слышать, слышалъ, ваша эминенція...

— Большое счастіе, нечего сказать! А что́ же вы про него слышали?

— Будто-бы онъ не любитъ вашей эминенціи.

Помолчавъ, кардиналъ снова спросилъ:

— Вы знакомы съ ла-Валеттомъ?

— Нѣтъ, ваша эминенція.

— Ну, такъ оставайтесь при Сенъ-Марсѣ, сказалъ Ришліё съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, и потомъ, понизивъ голосъ:

— Нѣтъ, не можетъ быть! де-Нойе́ не ошибется. — Мазарини получилъ изъ Италіи картины: вы слышали объ этомъ?

— Нѣтъ, ваша эминенція.

— Такъ слушайте. Онѣ переложены письмами. Мазарини ищетъ человѣка, на котораго скромность онъ можетъ положиться и развернуть картины вдвоемъ...

Понимаете ли? Помогите ему. Содержанія писемъ мнѣ не нужно, только одну, двѣ подписи... Лишь бы слѣдъ... Конечно, не изъ Италіи. Примѣчайте, нѣтъ ли тамъ именъ Бульіона, Вандома, Ла-Валетта, Маріи... въ этомъ родѣ... Или, что́ еще важнѣе, какія слова... италіянскія, французскія, или испанскія?... Слышите ли, испанскія?... Не знаю, изъ чего де-Нойѐ заключилъ, что вы способный человѣкъ; но я принимаю въ свою службу только молодыхъ дворянъ: они у меня безъ дѣла, или за бездѣльемъ; а, что́ называется, дѣловые, способные люди, тѣ должны выдержать испытаніе, представить опыты... Вы понимаете?... Прощайте.

— Тьфу, ты дьявольщина! сказалъ Депортъ, выходя изъ дворца кардинальскаго и оглянулся. Если я тутъ хоть одну букву понимаю! Чего они хотятъ отъ меня?... Надо догадаться, Депортъ, надо догадаться! иначе, прощай вся фортуна, которая, хотя и не сдѣлала меня консуломъ, однако жъ поставила въ такія отношенія съ первыми людьми государства, такъ близко къ ихъ кошелькамъ!... Надо догадаться! Пойдемъ къ Мазарини...

ГЛАВА VII.

ИТАЛІЯНЕЦЪ.

Il flatte, lors même qu'il tue.
LA MILLIADE, 1649.

Молодой аббатъ писалъ письмо и безпрестанно смѣялся; вставалъ, подходилъ къ зеркалу, охорашивался, и опять садился за веселое письмо. Богатые мягкіе ковры покрывали стѣны и полъ его кабинета; въ углахъ четыре вазы тихо дымились дорогими благовоніями; у большаго зеркала стояла хрустальная ванна: вода въ ней безпрестанно смѣнялась. Аббатъ, окончивъ письмо, подошелъ къ ваннѣ, вымылъ руки и сталъ отирать ихъ фламандскимъ полотенцемъ. Докла-

дываютъ: «Филиппъ Депортъ, ординарный живописецъ его величества!»

— Проси.

Входитъ.

Положивъ полотенцо, Мазарини ласково обратился къ Депорту.

— Очень пріятно познакомиться. Прошу садиться.

— Нѣтъ, эминенца! плачевнымъ голосомъ заговорилъ Депортъ по-италіянски: я не сяду передъ вами, а стану на колѣни и буду умолять....

Депортъ въ самомъ дѣлѣ упалъ на колѣни.

— Что съ вами? что съ вами? съ безпокойствомъ спросилъ Мазарини, запирая двери на ключъ.

— Эминенца! вы получили картины: это извѣстно при дворѣ; и чѣмъ переложены картины, и объ этомъ поговариваютъ....

Мазарини нѣсколько смѣшался. Депортъ былъ внѣ себя отъ радости и едва скрывалъ восторгъ свой.

— Могу ли быть откровененъ? продолжалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ: могу ли надѣяться, что голосъ отчизны найдетъ отголосокъ въ вашемъ сердцѣ? Могу ли положиться...

— Слово, господинъ живописецъ!...

— Я не Французъ, а Италіянецъ;

обстоятельства, самъ король, потребовали чтобы я сдѣлался Французомъ: такъ не любятъ насъ здѣсь! Не допускайте въ тайны ваши ни одного Галла. Вотъ, объ чемъ прошу васъ, и вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ. Я въ вашихъ рукахъ: не погубите!

—Вашу руку, добрый соотечественникъ, вашу руку, сказалъ Мазарини, и насильно увлекъ Депорта къ кресламъ. — Какъ вы узнали объ этихъ картинахъ? спросилъ аббатъ съ коварной улыбкой.

— Сенъ-Марсъ говорилъ королю, смѣло отвѣчалъ Депортъ.

— Что же король?

— Король махнулъ рукой и отвѣчалъ: «Не мое дѣло».

— И конечно, сказалъ Мазарини, пожимая плечами. Удивительно, какъ клевета изобрѣтательна и быстра! Представьте: картины Джуліо Романо могли возбудить странныя и смѣшныя догадки; я не могъ ихъ показать никому, и это очень естественно: вы легко можете убѣдиться; потрудитесь взглянуть.

— Такъ онѣ уже развернуты? быстро спросилъ Депортъ.

— Какъ, развернуты?....

— То есть, вы уже вынули письма?

— Да ни какихъ писемъ не было! А

поглядите, и вы сами догадаетесь, почему я долженъ ихъ прятать. Пожалуйте.

Мазарини поднялъ обои, и снова опустилъ ихъ.

— Постойте, дорогой соотечественникъ! Надо сдѣлать условіе.... Я сохраню вашу тайну.... но...

— Клянусь ватиканскимъ престоломъ, что всякую тайну вашу я буду считать священною, ненарушимою, и если....

— Довольно.... Намъ надобно беречь другъ друга.... Пойдемъ.

Коверъ отпахнулся, и Депортъ увидѣлъ небольшую ротонду, убранную четырьмя картинами и множествомъ зеркалъ. Свѣтъ падалъ сверху сквозь разноцвѣтныя стекла. Картины были такъ искусно разставлены, что въ зеркалахъ образовали непрерывныя группы фигуръ. Внизу, вдоль стѣнъ ротонды, лежали малиновыя бархатныя подушки въ три яруса, и такимъ образомъ замѣняли софы; нѣсколько этихъ огромныхъ подушекъ валялось по полу.

— Вы видите, сказалъ Мазарини: могъ ли я показать эти картины кому бы то ни было. И такъ уже злорѣчіе неутомимо преслѣдуетъ мою домашнюю жизнь. Конечно, все это роскошь, все суета; но я въ Парижѣ безъ дѣла, домой не пускаютъ. Чѣмъ замѣнить воздухъ моей Италіи?

Чѣмъ успокоить тоску по отчизнѣ?... Вы понимаете это чувство?

И конечно, не смотря на вольные нравы того времени, картины Джуліо Романо, исполенныя всей нѣги и соблазна, были бы не у мѣста въ покояхъ аббата, который добивался кардинальской шапки, и еще при такомъ цѣломудренномъ и набожномъ королѣ. Депортъ предался художническому восторгу; утверждалъ, что одна изъ картинъ принадлежитъ Рафаэлю; бился съ аббатомъ объ закладъ, но Мазарини не смѣлъ спорить съ ординарнымъ живописцемъ, и не зналъ какъ благодарить за новое открытіе. За обоями кто-то весьма нѣжно кашлянулъ; послышались легкіе, мягкіе шаги.

— Пойдемъ, сказалъ аббатъ, схвативъ Депорта за руку и увлекая черезъ зеркальную дверь: пойдемъ черезъ библіотеку.

— Послушайте, дорогой Филиппо! сказалъ Мазарини съ выраженіемъ простодушнаго любопытства: мы здѣсь одни. Скажите, кто подослалъ васъ? королева или кардиналъ, мой благодѣтель?

Депортъ никакъ не ожидалъ этого вопроса. Онъ смѣшался и обнаружилъ мало опытности въ тонкой наукѣ. Геній падаетъ, но зато встаетъ величественно. Депортъ устремилъ свои сѣрые глаза на

Мазарини; принялъ важный видъ и таинственно произнесъ:

— Вы хотите знать непремѣнно? Извольте! Святѣйшій отецъ Урбанъ Седьмой.

Аббатъ поблѣднѣлъ въ свою очередь, и по невольному чувству схватилъ себя за голову, какъ-будто опасаясь за свою кардинальскую шапку, о которой такъ много хлопоталъ Ришліе.

— Я вамъ отплатилъ, monsignor, за вашу недовѣрчивость, смѣясь сказалъ Депортъ и дерзко взялъ за руку Мазарини. Перестаньте! Кто станетъ подсылать живописца, котораго судьба еще вчера только свела съ этими кедрами французскаго Ливана? Кто положится на расторопность и ловкость артиста, который, конечно, способенъ только хранить любовныя тайны....? Меня увлекъ патріотизмъ. Но вы уже заразились французскою недовѣрчивостью.

— Перестаньте, перестаньте, синьоръ. Мое положеніе поселило во мнѣ эту глупую мысль. Повѣрите ли?... Нѣтъ!.... перестанемъ говорить объ этомъ... Куда вы теперь? Не хотите ли со мной откушать?

— Въ другой разъ, въ другой разъ! отвѣчалъ Депортъ, такъ развязно, такъ по-дружески, какъ-будто вѣкъ былъ знакомъ съ Мазарини. Я располагалъ зайти въ Лувръ, посмотрѣть на картины; осо-

бенно хотѣлось мнѣ видѣть мадону Рафаэля, что въ комнатахъ королевы: и тогда прямо въ Сенъ-Жермень. Я думаю, король не можетъ понять, куда я дѣвался.

— Постойте, постойте! я вамъ доставлю прекрасный случай, сказалъ Мазарини, приписалъ нѣсколько словъ къ своему письму, свернулъ его въ трубочку, обвилъ зеленымъ снуркомъ, привѣсилъ печать изъ розоваго воску, вспрыснулъ какой-то влагой изъ хрустальной вазы, такъ, что по всей комнатѣ пошелъ запахъ ясмину, и, подавая Депорту, сказалъ:

— Спросите дѣвицу Филандръ и отдайте ей это письмо.

— Что же будетъ?

— Вы увидите мадону.

— Благодарю, эминенца.

— Очень радъ вашему знакомству, и полагаю, что оно превратится въ искреннюю, прочную дружбу.

— Я почту себя счастливѣйшимъ человѣкомъ.... говорилъ Депортъ, низко кланяясь, и, не кончивъ рѣчи, скрылся.

— Старый котъ! прошепталъ Мазарини, со злобой кусая губы; посмотримъ, въ чьихъ лапахъ останется эта крыса?

Маленькій аббатъ былъ сильно встревоженъ. Нѣсколько разъ, тó садился онъ за письменный столъ, тó выходилъ на обширный балконъ, убранный произ-

веденіями родной флоры, то, вынувъ пукъ писемъ, съ любовію пересматривалъ разноцвѣтные листы фламандской бумаги, исписанные различными почерками; наконецъ заперъ двери на замо́къ, усѣлся, и началъ шифрами дѣлать выписки изъ дорогихъ писемъ.

— Надо съ вами проститься! грустно повторялъ аббатъ: но старому коту не достанетесь!

ГЛАВА VIII.

ИСПАНЕЦЪ.

Son âme prend toute figure,
Hormis celle d'une âme pure.

LA MILLIADE.

Лувръ Лекó, мрачное, но величественное зданіе, на берегу Сены, красиво отдѣлялся отъ стараго Лувра, похожаго на разрушенные остатки рыцарскаго зáмка временъ Карла Великаго, а еще болѣе на дряхлый арсеналъ. На набережной тѣснились прохожіе съ любопытствомъ. Королева, такъ недавно, по-неволѣ или, лучше сказать, по волѣ кардинала, переѣхала сюда изъ Долины Благодати: народъ всегда сострадаетъ къ угнетенному, и хотя особенно не любилъ гордой Ис-

панки, сожалѣлъ однако жъ о увѣнчанной страдалицѣ. Кареты придворныхъ увеличивали тѣсноту. Подъѣхала карета, и народъ почти облѣпилъ ее. «Герцогъ, кричала чернь, выручи королеву изъ кошечьихъ лапъ!» — «Герцогъ, обруби уши красному борову!» — «Герцогъ, не зѣвай самъ! Тебя давно ищутъ!»

Герцогъ Буліонскій спокойно вышелъ изъ кареты и отправился во дворецъ, а чернь обратилась къ купцу, который произнесъ послѣднюю просьбу или совѣтъ, и, окруживъ, стала разспрашивать.

— Мало ли что́ я знаю!... Да бѣденъ сталъ.... Безъ денегъ слова не скажу. Видѣли ль, на прошедшей недѣлѣ, какъ на Островѣ Святаго Людовика старый домишко горѣлъ? Ну! такъ огонь и злые люди все унесли.... Бѣденъ сталъ... Ступайте, ступайте, ничего не скажу!...

Незнакомецъ нагнулся на деревянныя перилы и смотрѣлъ на мутныя волны Сены. Депортъ стоялъ въ толпѣ, и все слышалъ, все видѣлъ. Онъ подошелъ къ Гойкѣ и, ударивъ его по плечу, спросилъ тихо:

— Не хочешь ли мнѣ служить?

— А ты что́ за птица? въ свою очередь спросилъ Гойко, такъ иногда звали незнакомца, потому что настоящаго име-

ни этотъ человѣкъ, казалось, не имѣлъ отъ-роду.

По черному суконному платью легко было почесть Гойку первостатейнымъ парижскимъ купцомъ; по физіономіи, прекрасной, но обличавшей происхожденіе, и по нѣкоторымъ ухваткамъ, нельзя было сомнѣваться, что онъ жидъ. Печать разсѣянныхъ дѣтей Израиля глубоко была врѣзана во всѣ черты Гойки; но, не смотря на это, всѣ торговки на Новомъ Мосту и на Гревской Площади прозвали Гойку красавцемъ, имя, которое никому больше не принадлежало на всѣхъ рынкахъ и площадяхъ Парижа. Возлѣ Гойки, на двухъ колесахъ, стояла небольшая походная лавочка съ бездѣлушками. На странный вопросъ Гойки Депортъ отвѣчалъ торопливо:

— И самъ еще не знаю, соколъ или чайка, но крылья растутъ; видно, въ соколы попаду.

— Ну такъ тогда спроси на Островѣ Святаго Людовика, гдѣ живетъ Филиппъ изъ Ліона.

— Что за вздоръ! сказалъ съ досадой Депортъ: это мое прозвище.

— Да такія прозвища сотнями.

Филиппъ Депортъ изъ Ліона бросился во дворецъ.

— Вотъ онъ куда! подумалъ Гойко,

опустилъ ручныя оглобли съ подпоркой, и, сѣвъ на нихъ, сказалъ почти громко:
— Обождемъ, обождемъ!

Герцогъ Буліонскій вошелъ въ уборную королевы безъ докладу, и всѣ присутствовавшіе испугались.

— Простите, Madame, сказалъ онъ сурово: послѣ того, что́ съ нами дѣлаетъ этотъ котъ, право, забудешь всѣ приличія.

— Что́ случилось, mon cousin? спросила королева, поблѣднѣвъ.

Она была совершенно одѣта; оставалось только надѣть черную, съ длиннымъ шлейфомъ и расшитую золотомъ, мантію, которую уже держала мадамъ де-Сенесé, первая почетная дама, (:dame d'honneur:). Коротенькая и узкая талія королевы и длинный кружевной воротникъ, черное атласное, внизу расшитое золотомъ платье, нарядные, пышно раскинутые на вискахъ локоны, все это увеличивало только ея блѣдность при появленіи де-Бульіона.

— Вы знаете, mon cousin, прибавила она нетвердымъ голосомъ, что я принуждена была согласиться на всѣ требованія моего государя и супруга, и дала слово....

— Не мѣшаться въ иностранныя политическія дѣла, перебилъ герцогъ, къ

общему неудовольствію: я читалъ ваше письмо, Madame, и жалѣлъ только о томъ, что вы не пощадили вашихъ слугъ.... Мнѣ остается, можетъ-быть, часъ или два свободы, и потому я долженъ спѣшить. Герцогъ Вандомскій осужденъ. Всѣ собрались въ Сенъ-Жермень, чтобы присудить казнь сыну Генриха IV! Герцогиня и дѣти, внуки великаго короля, уже изгнаны навсегда изъ предѣловъ Франціи; герцогъ бѣжалъ, и вотъ записка его: онъ совѣтуетъ мнѣ сдѣлать то же, и я пришелъ только откланяться вашему величеству.

— Поѣзжайте, поѣзжайте скорѣе въ вашъ неприступный Седанъ, сказала торопливо неосторожная королева: Франція оттуда ожидаетъ своего освобожденія.

— И не обманется! отвѣчалъ герцогъ, подходя къ рукѣ Анны Австрійской, потóмъ неловко поклонился всѣмъ предстоявшимъ и ушелъ, ужасно стуча шпорами.

— Да это Марсъ! сказалъ маркизъ Дезюмидъ.

— Вы слышали все, мадамъ де-Сенесѐ? съ горькой и коварной улыбкой спросила королева.

— Слышала, отвѣчала брюзгливая старуха: и удивляюсь, какъ ваше величество насильно хотите изъ меня сдѣлать доносчицу. Довольно, кажется, король причинилъ мнѣ непріятности, заставивъ пере-

читывать ваши письма и выписывать ихъ невинное содержаніе. А вы хотите меня еще сдѣлать участницей заговора! Ваше величество, позвольте мнѣ уйти.

— Уйдите.

— Надѣньте мантію.

— Извольте.

— Теперь позвольте откланяться.

— До свиданія, мадамъ де-Сенесé, до свиданія.

Мадамъ де-Сенесé ушла; королева размѣнялась взорами съ молодой, прелестной дѣвушкой, которая сидѣла у окна и глядѣла на Сену.

— Что это наша Филандръ такъ разболталась сегодня?....

И всѣ стали прислушиваться къ разговору, который, казалось, происходилъ за перегородкой.

Филандръ, первая комнатная дама королевы dame d'atour, жила внизу, подъ самыми уборными покоями, и по небольшой лѣсенкѣ могла являться прямо въ гардеробную: деревянная стѣнка отдѣляла эту комнату отъ большой уборной, гдѣ нерѣдко тоалетъ королевы продолжался до самаго обѣда. Филандръ была уже отпущена и прилежно занималась въ своей комнатѣ чтеніемъ новаго романа Скюдери. Депортъ вошелъ въ сѣни, гдѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ, разсыльныхъ

лакеевъ королевы; объ немъ доложили, и дѣвица Филандръ, со всею важностью своего сана и зрѣлыхъ лѣтъ, приняла Депорта.

«Пожилая дѣва!» подумалъ Депортъ: «надо быть любезнымъ!» и, подавая письмо, съ улыбкою сказалъ:

— Конечно я лишилъ васъ удовольствія, перервавъ занимательное чтеніе: но ваша улыбка ободряетъ меня надеждой, что вы не сердитесь.

— Погодите, погодите, сказала Филандръ: это не ко мнѣ. Кажется, мадамъ де-Сенесé уже ушла...

И она бросилась съ письмомъ наверхъ. Обѣ двери остались открытыми; голоса достигали до напряженнаго слуха Депорта, но разобрать словъ не было возможности. Вдругъ раздался громкій женскій хохотъ. Филандръ, смѣясь, но смѣясь скромно, согласно съ лѣтами, тихо спускалась по лѣсенкѣ, остановилась на серединѣ, и съ важностью сказала, «Пожалуйте.»

— Куда? спросилъ Депортъ.

— Къ ея величеству.

Депортъ смѣло и безъ страху отправился наверхъ. Послѣ свиданій, которыя ему въ короткое время удалось выдержать, онъ не боялся никого на этомъ свѣтѣ, и вошелъ въ уборную такъ спо-

койно, свободно, какъ, можетъ быть, не удавалось войти ни одному придворному. Съ появленіемъ Депорта хохотъ возобновился. Дѣвицы, зажавъ коралловыя губки платкомъ, отворотились и глядѣли въ окно. Нѣсколько человѣкъ мужчинъ стояли въ разныхъ мѣстахъ уборной и хохотали съ полнымъ усердіемъ; многіе притворно. Королева держала въ рукѣ письмо Мазарини, въ другой большое опахало, и предавалась смѣху съ дѣтскимъ простодушіемъ. Успокоившись нѣсколько, королева сказала Депорту:

— Ваше желаніе можетъ быть исполнено. Мой Рафаэль въ большой гостиной: потрудитесь отворить только вотъ эти двери.

Депортъ отдалъ почтительный поклонъ королевѣ, молча, на цыпочкахъ, отправился въ гостиную, съ умысломъ не плотно заперъ дверь, и приникъ къ ней любопытнымъ ухомъ.

— Вотъ удивительный любимецъ! сказалъ мужской голосъ.

— И вѣрно его готовятъ на мѣсто Сенъ-Марса.

Опять раздался хохотъ, но скоро затихъ: его смѣнили легкій шепотъ и легкій смѣхъ; нельзя было разобрать словъ, и Депортъ приставилъ глаза къ замочной щели. Видитъ: какая-то дама на цыпоч-

кахъ проходитъ уборную, кланяется королевѣ и отправляется къ гостиной..... Опять всѣ захохотали. Депортъ отскочилъ: онъ догадался, что дама передразнивала его, что смѣхъ приходится на его счетъ. Депортъ не обидѣлся; нѣтъ, онъ улыбнулся, посмотрѣлъ вскользъ на Рафаэля, Мурилльо, Веласкеса и другія картины испанской школы, и хотѣлъ уже выйти, какъ вдругъ какая-то дама прошла въ уборную, и вслѣдъ затѣмъ послышался громкій голосъ королевы: «Полно! довольно!...» Раздались шарканья, и мужчины одинъ за другимъ проходили черезъ гостиную, всѣ на цыпочкахъ, не хуже Депорта, всѣ поспѣшно и молча. Филиппъ сталъ спиною къ проходящимъ и, сложивъ руки самымъ поэтическимъ образомъ, то есть, крестомъ на груди, смотрѣлъ на Мурилльо съ видомъ глубочайшей задумчивости. Вошла королева и двѣ дамы. Филиппъ будто ихъ не видитъ. Королева остановилась и, съ удовольствіемъ, громко замѣтила, что Мурилльо знатокамъ нравится больше чѣмъ Рафаэль. Депортъ, услышавъ голосъ королевы, тотчасъ повернулся и сложился въ почтительную фигуру.

— Нравится вамъ мой Мурилльо?

— Чудо! Верхъ искусства! Никогда этимъ Италіянцамъ, никогда Французамъ

не достигнуть до такихъ великихъ образцевъ!

— Развѣ вы не Французъ?

Депортъ долго молчалъ; поглядѣлъ на двухъ дамъ, сопровождавшихъ королеву, потомъ вздохнулъ, опять бросилъ сомнительный взглядъ на дамъ и тихимъ голосомъ, какъ-будто стараясь скрыть вздохъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ! Я Французъ. Французъ, ваше величество.

Королева много испытала горя за приверженность къ соотечественникамъ, лишилась всѣхъ испанскихъ дамъ своихъ, слугъ, всего, всего, даже книгъ; и только украдкой наслаждалась разговоромъ на родномъ языкѣ съ Богомъ, со святыми: а съ людьми рѣдко, тайно, съ величайшимъ опасеніемъ. Восторгъ Депорта отъ испанской школы, его восклицаніе, его медленный отвѣтъ, грусть... Королева не сомнѣвалась, что передъ нею Испанецъ и, обратясь къ мадамъ де-Сенесé, тихо сказала. «Принесите, милая, миніатюрную копію съ Веласкеса, чтó у меня въ кабинетѣ; только сами не безпокойтесь снимать: позовите кого-нибудь изъ слугъ...» Мадамъ де-Сенесé ушла, королева схватила за руку дѣвушку и, подходя съ нею поспѣшно къ Депорту, сказала по-испански:

— Моя Марія меня не выдастъ... Вы Испанецъ?...

— Ваше величество! умилосердитесь! вы можете погубить меня! жалобно отвѣчалъ Депортъ.

Королева и Марія Неверская сѣли на софѣ.

— Не бойтесь! Довольно жертвъ! Но какимъ образомъ? Скажите? Откуда вы, изъ Мадрита, или другаго города?

— Отецъ мой, отвѣчалъ Депортъ не долго думая, убитъ на войнѣ съ Французами; мы съ матерью жили въ Неаполѣ; я учился живописи у Эспаньолета; но, когда убили отца, я пошелъ въ ряды Гонзалеса, чтобы отмстить за смерть моего родителя. Подъ Казаломъ я попался въ плѣнъ, и когда насъ вели въ Парижъ, меня и другаго Испанца, мы бѣжали, перемѣнили имена и объ томъ только и думаемъ, какъ возвратиться въ Неаполь.

— Поживите съ нами. Вамъ теперь улыбнулось счастіе.

— Охъ! Тяжело, ваше величество, служить врагамъ отчизны. Конечно, милость короля велика: я ея не достоенъ! Но быть постоянно при его особѣ, слышать какъ неистовствуютъ противъ его католическаго величества, не смѣть сказать сло́ва... о, это ужасно!

— Представьте же, каково мое поло-

женіе! Сколько лѣтъ Франція ведетъ войну противъ отчизны своей королевы!... Тсъ! Идутъ! — Благодарю васъ, милая, сказала королева по-французски, взявъ миніатюру изъ рукъ мадамъ де-Сенесé, и потомъ, обращаясь къ Депорту, продолжала на томъ же языкѣ: — Посмотрите, какъ вы находите копію?— Мнѣ совѣстно, милая, васъ безпокоить, но я забыла свой мѣшокъ... Пришлите мнѣ его съ Фанни, а сами потрудитесь сказать, чтобы принесли сюда мою арфу.

Мадамъ де-Сенесé опять ушла, и королева опять заговорила по-испански:

— Марія, Марія, гдѣ твое письмо? Вотъ само небо посылаетъ человѣка, на котораго можно положиться.... Испанецъ не измѣнитъ!

— Государыня!

— Пустяки, пустяки, я ручаюсь.

И выдернула изъ-за платья записку, которую хранила Марія на дѣвственной груди.

— Отдайте Сенъ-Марсу... Не бойтесь его: Сенъ-Марсъ не врагъ Испаніи.... Сдѣлайте мнѣ какую-нибудь картинку; отдайте мадмоазель Филандръ: это подастъ мнѣ поводъ позвать васъ, и вы будете имѣть свободный пропускъ въ мою гостиную... Только, ради самаго неба, скрывайте ваше происхожденіе!

— Я о томъ только хотѣлъ умолять ваше величество.

— Дорого немного, отвѣчала королева по-французски: но королева французская должна покровительствовать французскимъ художникамъ.

И взявъ свой мѣшокъ изъ рукъ Фанни, подала свитокъ изумленному Депорту.

— Исправьте эту миніатюру какъ-можно тщательнѣе и не забудьте обѣщанной картины. — Фанни, проводите живописца къ мадмоазель Филандръ.

Депортъ только кланялся. Королева кивнула головой; Марія Неверская также, и Депортъ отправился за Фанни, дорогой укладывая поклажу въ широкіе карманы стараго камзола. Дѣвица Филандръ опять положила книгу, когда Депортъ спустился по лѣстницѣ.

— Насмотрѣлись! спросила она насмѣшливо.

— И до смерти не забуду, лукаво отвѣчалъ Депортъ. Не могу высказать моей благодарности...

— Слова вздохи Эола, пишетъ Скюдери: докажите.

— Приказывайте.

— Отдайте эту записочку «отъ меня» вашему другу, Мазарини.

— Ну, сказалъ Депортъ, выходя изъ Лувра: сюда надобно будетъ ходить съ

чемоданомъ: столько поклажи и порученій!... Чортъ знаетъ куда итти: домой, къ Мазарини, къ Ришліе, или къ самому королю?...

ГЛАВА IX.

ЗОЛОТОЙ ПЕПЕЛЪ.

A désirer un cheval d'or;
on en avoit toujours la bride.
РЫЦАРСКАЯ ПОСЛОВИЦА.

Неопытный Депортъ думалъ вслухъ. Изумленный Гойко покатилъ за нимъ свою лавочку.

— Пропусти, господинъ! сказалъ Гойко, накатывая Депорту на ноги дву-колесную тележку.

— А! это ты, Гойко.

— Какой я Гойко, честной господинъ! Я вамъ ужъ докладывалъ, что меня зовутъ Филиппомъ изъ Ліона.

— Да перестань, говорятъ тебѣ, вздоръ молоть. Я Филиппъ изъ Ліона.

*

— И я Филиппъ изъ Ліона; тутъ бѣды нѣтъ; а вотъ что́ худо, что у васъ епанчу чѣмъ-то продыравило.

— Твоя правда. Не ходить же по дворцамъ въ лохмотьяхъ. Гдѣ-бы купить готовое порядочное платье?

— Вотъ то-то и есть! Служить зовете, а за ваши деньги и чулковъ, я думаю, не заштопаешь. Подите-ка въ городъ, толкнитесь въ лавки: все готовое найдете; да хватитъ ли у васъ тридцать, сорокъ ливровъ? А я васъ бы за пятнадцать человѣкомъ сдѣлалъ.

— Безъ шутокъ?

— Что́ за шутки! Тутъ, вчера или третьягодня, навѣрно не знаю, роялисты сражались съ кардиналистами. Черные-то писцы, или чортъ ихъ знаетъ, не въ свое дѣло замѣшались; трехъ и прикололи, а наши-то съ острова и понабѣжали, покойниковъ раздѣли, да и домой.... И стрѣлкамъ нечѣмъ было поживиться. Хотите? А? Пятнадцать ливровъ, право не дорого! Да мнѣ-то за труды ливра три надо бы прикинуть.

— Возьми за все шестнадцать.

— Какъ можно! что̀ за торгъ!.... да ужъ пожалуй, со вздохомъ сказалъ Гойко: для почину! Авось вы на-руку счастливы; а то, право, сегодня ни одной нит-

ки не продалъ.... За мной, честной господинъ.

И новые знакомцы повернули на Островъ Святаго Людовика по новому Каменному Мосту, недавно открытому.

Аббатъ Мазарини оканчивалъ выписки изъ завѣтныхъ писемъ. Чѣмъ болѣе работа приближалась къ окончанію, тѣмъ веселѣе становился аббатъ; кончилъ: всѣ выписки умѣстились на двухъ тончайшихъ листкахъ; аббатъ сдѣлалъ изъ нихъ два плотные свертка, скаталъ ихъ на мраморномъ столѣ; пожалъ пружину своего каноническаго креста: крестъ раскрылся; тамъ уже много было подобныхъ свертковъ; новые улеглись очень удобно, и крестъ захлопнулся. Мазарини собралъ оригинальныя письма и бросилъ ихъ въ курильницу: дымъ заклубился. Мазарини растворилъ всѣ окна и дверь на балконъ, и усѣлся подъ тѣнію двухъ цвѣтущихъ померанцевъ. — «Теперь хоть обыскивай! прошепталъ онъ: хоть всѣ половицы моего помоста перекинь... не найдешь ничего, кромѣ чистой бумаги.» Вдругъ кто-то постучался въ двери. «Кто тамъ?» спросилъ аббатъ, входя въ ком-

нату, изъ которой дымъ еще не успѣлъ освободиться.

— Мосьё Депортъ, отвѣчалъ Луи, главный слуга Мазарини: возвратился изъ Лувра и хочетъ непремѣнно васъ видѣть.

— Попроси, чтобы обождалъ, я только-что вошелъ въ ванну и потому заперъ двери.... пять минутъ, и я къ его услугамъ. Пусть не поскучаетъ; проси его въ залу: мы будемъ разговаривать черезъ двери.

Съ первымъ словомъ аббатъ началъ раздѣваться, съ послѣднимъ уже сидѣлъ въ ваннѣ.

За дверьми раздался кашель.

— Здравствуйте, caro pittore! закричалъ аббатъ.

— Къ вашимъ услугамъ, эминенца, къ вашимъ услугамъ! отвѣчалъ Депортъ изъ залы.

— Да что́ это вы такъ скоро пожаловали меня въ кардиналы?

— Пора!

— Да, не худо бы! прошепталъ Мазарини: хотя кардинальская шапка не спасла Лавалета отъ судейскаго приговора. — А что́, видѣли Рафаэля?... сказалъ онъ громко.

— Покорнѣйше благодарю! Какъ-нельзя лучше!

— Что́, не говорила съ вами королева?

— Такъ, слова два, три, мимоходомъ.

— Я воображаю, подумалъ Мазарини, какъ королева смѣялась, когда прочла портретъ новаго любимца. — Чтó кардиналъ, здоровъ? опять громко спросилъ Мазарини.

— Не имѣлъ счастія видѣть!

«Вретъ! про себя говорилъ аббатъ: я думаю вмѣстѣ читали мое письмо; кардиналъ, вѣрно, также смѣялся, а за тебя, дружокъ, не ручаюсь.» — Ну, вотъ я и готовъ, сказалъ аббатъ, выскочивъ изъ ванны и надѣвая пуховый пудермантель и такіе же сапоги. Милости просимъ, милости просимъ!

Депортъ вошелъ. Мазарини обтиралъ голову, изрѣдка поглядывая на Депорта, одѣтаго съ приличіемъ и опрятностью. Отъ щеголя-аббата это обстоятельство не могло укрыться.

— Письмо отъ мадмоазель Филандръ, тихо сказалъ Депортъ.

— Положите, пожалуйте, на столъ.

Депортъ, лишь-только вышелъ, почувствовалъ запахъ сожженной бумаги, и при всякомъ удобномъ случаѣ смотрѣлъ во всѣ углы, догадываясь, откуда бы могъ происходить этотъ запахъ. Два, три лоскута не попали въ вазу и торчали изъ-подъ крышки курильницы.

— Я имѣю просьбу къ вашей эминенціи, сказалъ Депортъ униженно.

— Приказывайте, любезный другъ.

— Я видѣлъ у васъ въ библіотекѣ три или четыре гравюры Марко-Антоніо; я имѣю въ нихъ крайнюю нужду дня на два, на три.

— Позвольте!... да у меня полное собраніе, и, кажется, не въ двухъ ли экземплярахъ; постойте, я вамъ тотчасъ принесу.

Аббатъ схватилъ письмо мадмоазель Филандръ, надѣлъ на голую шею каноническій свой крестъ, и ушелъ въ библіотеку.

Тихо поднялась крышка курильницы: лоскутки очутились въ рукахъ Депорта; даже пепломъ онъ подѣлился съ Мазарини, и когда аббатъ вынесъ цѣлую пачку гравюръ, Депортъ въ другомъ углу разсматривалъ небольшое золотое блюдо работы Челини.

— Я весьма радъ, сказалъ аббатъ, что могу подѣлиться съ вами такою драгоцѣнностью.

«Мы ужъ подѣлились!» подумалъ Депортъ.

— Два экземпляра, продолжалъ Мазарини: и одинъ вы не откажете принять отъ меня въ знакъ благодарности за то участіе, которое вы сегодня во мнѣ приняли.

— Помилуйте!... Мнѣ такъ совѣстно... Но мой долгъ повиноваться.... Кстати, я теперь спѣшу къ женѣ, и могу взять папку съ собою.

═══

— Домой! Какъ бы не такъ! говорилъ Депортъ самъ съ собою на улицѣ: а золотой-то пепелъ.... Нѣтъ, Мазарини, я долженъ продать тебя, иначе кардиналъ будетъ считать меня неспособнымъ. А безъ этой мысли я погибъ: кто захочетъ поддерживать человѣка, въ которомъ обманулся?... Но уже поздно; смеркается...

Депортъ прибавилъ ходу; но по неровной мостовой за нимъ раздавались еще чьи-то шаги. Депортъ оглянулся: то былъ Гойко.

— Чтó это вы съ такой ношей, мосьё Депортъ?

Тьфу, ты, чортъ, какъ онъ знаетъ мою фамилію? подумалъ Депортъ, и невольно остановился.

— Какъ это вы безъ ножа такъ поздно ходите?... Положимъ, шпаги вамъ нельзя носить; а ножъ, вотъ напримѣръ, такой, право не мѣшало бы....

И Гойко выпустилъ изъ рукава длинный прямой ножъ, который и дѣйствительно весьма удобно могъ замѣнять шпа-

гу. Депортъ сначала испугался и поглядѣлъ сомнительно на страшнаго товарища, но потомъ, ободрясь, сказалъ ласково:

— Продай, Гойко.

— Опять Гойко! Право, я разсержусь, честной господинъ. А за ножъ пожалуйте пару пистолей.

— Что́ ты, съ ума сошелъ!

— Съ ножнами, съ ножнами, честной господинъ.

— Ну, пожалуй! Что́ жъ, идешь ко мнѣ въ службу?

— Объ этомъ поговоримъ завтра, а теперь я обожду васъ въ кардинальскомъ саду и подержу вашу папку и ножъ; съ оружіемъ васъ не пропустятъ.

Депортъ вздрогнулъ, и повиновался.

— Впустите! раздался знакомый голосъ Ришлié.

Депортъ подошелъ къ кресламъ кардинала, и съ торжествующимъ видомъ положилъ на пульпитръ лоскутки писемъ и бумажку съ золотымъ пепломъ.

— Они сгорѣли? спросилъ Ришліе съ видомъ удивленія.

—Какъ видите, ваша эминенція. Позд-

но я имѣлъ счастіе получить ваше приказаніе.

— Нѣтъ, нѣтъ! не поздно! отвѣчалъ Ришліё, пересматривая лоскутки, съ видимымъ удовольствіемъ: опоздалъ не я. Приговоръ уже произнесенъ.... сегодня будетъ исполненъ... Вотъ этихъ трехъ словъ для меня довольно... Но, какъ ты добылъ эти золотыя три слова?

— Я пришелъ къ Мазарини просить покровительства и предложить мои услуги. Онъ обѣщалъ представить меня королевѣ...

— Я запрещаю, прервалъ Ришліё, нахмурясь: онъ можетъ погубить тебя, запутать, и я лишусь способнаго человѣка. Сгніешь въ бастильскихъ подвалахъ, гдѣ одинъ твой софамилецъ Лапортъ уже кается за привязанность къ королевѣ.... Ну, что дальше?

— Я почувствовалъ запахъ дыма и попросилъ у аббата позволить мнѣ на два, на три дня гравюръ Марко-Антоніо: я былъ увѣренъ, что эти гравюры у него есть. Аббатъ былъ такъ добръ, вышелъ за гравюрами въ библіотеку, а я въ курильницу, откуда....

Кардиналъ засмѣялся; на одномъ изъ лоскутковъ, принесенныхъ Депортомъ, написалъ карандашемъ нѣсколько словъ, и, подавая новому агенту, сказалъ:

— На; видишь, я не скупъ, какъ говоритъ Сенъ-Марсъ. Отдай Монторону, и поѣзжай въ Сенъ-Жермень.... Служи Сенъ-Марсу... Постарайся... Да тебя, кажется, не надо учить... Ступай!

— Эвоэ, Эвоэ! сказалъ Ришліе, когда Депортъ ушелъ.

Изъ-подъ занавѣски, закрывавшей окно, выползла тощая, длинная фигура, со всѣми признаками еврейскаго происхожденія.

— Узнай этого человѣка во всѣхъ подробностяхъ: онъ замѣчателенъ.

Сказавъ это, кардиналъ указалъ на двери, и утонулъ въ креслахъ.

Эвоэ выбѣжалъ на крыльцо, но не нашелъ въ саду Депорта. Тамъ Гойко толковалъ съ тремя неизвѣстными людьми, которые, заслыша, что кто-то идетъ, разсыпались и пропали въ подвальномъ этажѣ дворца.

— Гойко!

— Эвоэ?... Ну, что́?

— Кардиналъ не хочетъ мѣшаться въ дѣла парламента и ратуши.

— Что́ же мнѣ дѣлать? Неужели мнѣ пойти на грабежъ.

— Гойко! Гойко! раздался тихій зовъ въ аллеѣ.

— Ахъ, это мосьё Депортъ!

— Депортъ? сказалъ Эвоэ, схвативъ

Гойку за руку: десять пистолей, только принеси объ немъ вѣрныя свѣдѣнія...

И Эвоэ въ свою очередь исчезъ въ темной аллеѣ.

— Врешь! заплатишь дороже, проворчалъ Гойко, спѣша на встрѣчу Депорту.

ГЛАВА X.

ЦИРКУЛЯРЪ.

Que vous nous causez de tourment,
Fâcheux parlement!
Mais nos seigneurs du parlement
Donneront bientôt jugement
Contre ces traitres insolens.

Депортъ вошелъ неожиданно въ гостиную новой своей квартиры въ Райскомъ Переулкѣ. Джудита и дѣти вскрикнули. Депортъ съ гордою осанкою остановился по-серединѣ: какъ-будто хотѣлъ, чтобы его осмотрѣли съ ногъ до головы.

— Господи! я не узнала васъ! Откуда? Такъ скоро! Неужели ваша лѣстница уже готова и вамъ за нее подарили такое хорошее платье?

— Вы хотите погубить меня, Джудита!... Опять по-италіянски!...

— Да неужели мы и на-единѣ не можемъ говорить на родномъ языкѣ?

— Не можемъ.— Сдѣлай милость, Джудита, продолжалъ Депортъ, совершенно измѣняя тонъ обращенія съ Джудитою: прикажи подать чего-нибудь закусить. Я сегодня изъ Сенъ-Жермена, и ровно ничего не ѣлъ съ самаго утра. А междутѣмъ я осмотрю нашу квартиру.

Депортъ взялъ со стола единственную свѣчу и, въ сопровожденіи жены и дѣтей, обошелъ всѣ комнаты.

— Не дурно! жить можно! сказалъ онъ холодно, возвращаясь въ гостиную. Дурная мебель, дурной полъ: ну, да все это пока, на-время, бивуаки.

Джудита глядѣла на него съ изумленіемъ. Депортъ замѣтилъ это, и садясь въ старыя, полу-разрушенныя кресла, сказалъ медленно и важно:

— Наши странныя отношенія, Джудита, не допускаютъ искренности: но я не злопамятенъ. Разскажу тебѣ все, только на одномъ условіи: не требуй объясненій. Слово, одинъ нескромный вопросъ, и я буду нѣмъ какъ рыба.

— Я и не любопытствую, хоть предисловіе очень занимательно.

— Скажу, скажу. Мнѣ даже хочется все сказать. Ну, такъ, во-первыхъ, извѣстно и вѣдомо да будетъ, что Филиппъ

Депортъ — ординарный живописецъ его королевскаго величества.

— Какъ! вы — ординарный живописецъ? королевскій живописецъ?

— Конечно, вамъ, и это не нравится? продолжалъ Депортъ насмѣшливо; но король лучше умѣетъ цѣнить людей, нежели его завистливые подданные. Во-вторыхъ, Филиппъ Депортъ имѣетъ деньги!

Ораторъ ударилъ рукой по кошельку, торчавшему за поясомъ.

— Въ-третьихъ, Фанни Депортъ найметъ завтра слугу, служанку и кухарку; уберетъ комнаты хорошими цвѣтами, купитъ все нужное для хозяйства, и вообще весь домъ приведется въ такой видъ, какъ у ліонскаго купца Трумона. Но непремѣнно завтра. Въ-четвертыхъ, въ кабинетъ мосьё Депорта подъ смертною казнію запрещается входить кому бы то ни было, по причинѣ государственной важности рисунковъ, которые тамъ находиться имѣютъ.

Ораторъ положилъ руку на огромную папку съ гравюрами, украшенную тиснеными золотыми гербами.

— И наконецъ, въ-пятыхъ, поелику, судя по мебели, комната, въ коей мы находимся, есть столовая, ergo... пожалуйте обѣдать.

— Ужинать?

— И! нѣтъ, нѣтъ! обѣдъ всегда прежде, а ужинать я буду въ Сенъ-Жерменѣ...

— Какъ!... еще сегодня?

— Я сейчасъ онѣмѣю! отвѣчалъ Депортъ, и Джудита пошла въ кухню и возвратилась съ жаренымъ гусемъ.

— Лошадей привели, спрашиваютъ мосьё Депорта: для васъ, что̀ ли? спросилъ хозяинъ дома, входя въ столовую.

— А! это вѣрно Гойко, мой факторъ.

— Какой я Гойко, Бога вы не боитесь, честной господинъ!

— Ну, что́ жъ, ты ѣдешь со мной, или съискалъ надежнаго слугу?

— Гдѣ теперь надежные слуги? Да и по-ночи кого найдешь, когда въ городѣ такая тревога! Страхъ беретъ, чтобы не убили.

— А что́ такое?

— Ой, честной господинъ! отвѣчалъ Гойко: по всѣмъ улицамъ цѣпи, стрѣлковъ ставятъ; а ратушевые по домамъ ходятъ и объискиваютъ. Кого-то ловятъ.

— Что́ ты врешь, жиденокъ!

— Какой я жидъ! Я такой же христіанинъ какъ и вы. Гдѣ теперь жиды? И за деньги не увидишь! А ратушевые ходятъ: я кругомъ обѣхалъ; только до вашего дому успѣлъ доскакать, какъ за мною цѣпи стали протягивать.

— Да какъ же я ничего не видалъ?

— Зачѣмъ не смотрѣли! А я теперь и самъ не знаю, какъ домой попаду.

— Домой? А кто́ же со мной поѣдетъ въ Сенъ-Жермень?

— Я... нѣтъ! Тамъ эти господа, придворные лакеи: дѣла у нихъ нѣтъ; только зубы на нашу братью скалятъ.

Между-тѣмъ Депортъ оканчивалъ гуся и запивалъ кислымъ виномъ; морщился, но совѣстился при чужихъ людяхъ пополнить инструкцію, данную Джудитѣ.

— Послушай, Гойко, поѣдешь со мной? а не то не дамъ ни гроша.

— Какъ бы не такъ! я ѣхать съ вами не торговался; и теперь ночь; господа въ шинкахъ; шалятъ. Нѣтъ, я не поѣду.

— Такъ и я не поѣду.

— Ну, а все-таки за лошадей заплатите.

— Гойко, видно тебя мало били!

— А за что̀?

— Пошелъ вонъ!

— Я закричу; прійдутъ ратушевые.

Въ это мгновеніе въ окна низкаго дома, въ которомъ жилъ Депортъ, брызнулъ свѣтъ отъ факеловъ.

— Это что́? спросилъ испуганный Депортъ.

— Что́! Не правду ли я говорилъ? Ратушевые, можетъ-быть, и за вами.

— Какъ, за мной?

— А куда же вы это хотѣли ѣхать ночью! Вы не придворный: зачѣмъ же вамъ въ Сенъ-Жермень?.... О, у насъ ратушевые все знаютъ!

— Чортъ тебя побери съ твоими ратушевыми! Это ты, Іуда, накликалъ судейскую челядь?

Вдругъ за дверьми раздался голосъ:

— Именемъ короля, отворите!

Вошелъ старшина парижской ратуши, съ двумя полицейскими чиновниками и двумя десятскими изъ городскихъ стрѣлковъ, и громогласно произнесъ:

— Циркулярно. По приговору Совѣта его королевскаго величества, нижеписанные люди осуждены на вѣчное изгнаніе изъ предѣловъ Франціи, за участіе въ заговорѣ герцога Вандомскаго противъ его эминенціи кардинала и герцога Ришліё; и всякое имущество ихъ подвергается запрещенію и обращается въ государственную казну.

Затѣмъ старшина прочелъ списокъ, гдѣ было около двухъ десятковъ разнаго рода именъ, съ означеніемъ городовъ, улицъ и домовъ ихъ жительства.

— Изъ сего явствуетъ, продолжалъ старшина, что дворянинъ Жоржъ-де-Вальероль, капитанъ второй драгунской компаніи, имѣетъ жительство въ этой улицѣ, въ домѣ садовника Обана...

— Это не у меня, у брата, сказалъ хозяинъ, но десятскій зажалъ ему ротъ, приговаривая:

— И безъ тебя знаютъ, болванъ! Да порядокъ такой. Не перебивать старшины!

Но старшины и перебивать не было возможности, потому что, услышавъ восклицаніе, онъ не останавливался, но только возвысилъ голосъ и продолжалъ:

— Но какъ домъ сей принадлежитъ не садовнику Григорію Обану, а брату его, кожевнику Ильѣ Обану, то симъ и объявляется, что, буде ежели, по сосѣдству, Жоржъ де-Вальероль перебѣжитъ изъ дома Григорія Обана въ домъ онаго Ильи Обана, то имѣетъ онъ, Илья Обанъ, или жильцы онаго, того Жоржа де-Вальероля представить въ ратушу города Парижа для немедленнаго исполненія приговора. Подписано собственною рукою городскаго головы.

Исполнивъ обязанность службы, старшина опустилъ руку съ палкой, которую во все время чтенія держалъ вверхъ, и началъ извиняться.

— Помилуйте, господинъ старшина, сказалъ хозяинъ: да мосьё де-Вальероль давно уже, съ мѣсяцъ будетъ, откупилъ у брата домъ съ малымъ садомъ; братъ себѣ оставилъ только большой садъ, огороды, и самъ живетъ въ теплицѣ.

— Начальство все знаетъ, отвѣчалъ старшина; но по книгамъ домъ еще не былъ переписанъ за Вальеролемъ, потому-то сегодня мы и не могли взять его въ казну: ночью все исправится, а завтра приступимъ къ дѣлу.

— А самого, вѣрно, не нашли?

— Нѣтъ, мы еще у него не были.

— Какъ! воскликнули Депортъ и хозяинъ вмѣстѣ.

— Не были, не были. Мы ходимъ изъ дому въ домъ и читаемъ циркуляръ.

— А между-тѣмъ преступникъ можетъ скрыться.

— Того-то намъ и надо! Куда же онъ скроется? Убѣжитъ за границу? Ратуша будетъ благодарна; не надобно будетъ издерживаться на его отправленіе. Убѣжитъ на свой счетъ.

Старшина, дружески бесѣдуя, усѣлся и продолжалъ:

— Нельзя же, чтобы сосѣди изъ тѣхъ домовъ, которые мы уже посѣтили, не дали знать объ насъ Вальеролю...

— Но такимъ образомъ, сказалъ Депортъ: высокочестной господинъ старшина, онъ можетъ припрятать деньги, вещи, которыя принадлежатъ уже казнѣ.

— Если бы эти деньги и вещи, отвѣчалъ старшина съ улыбкой, принадлежали намъ или, по-крайней-мѣрѣ, ра-

тушѣ, дѣло другое; а казна сама богата. Между-тѣмъ надо руководствоваться и человѣколюбіемъ.

Какъ бы ихъ выжить отсюда? подумалъ Депортъ и сказалъ громко:

— А что́, если объ этомъ узнаетъ кардиналъ?

— Во-первыхъ, отвѣчалъ спокойно старшина: мы свято наблюдаемъ предписанныя формы, а во-вторыхъ: кто же пойдетъ доносить?

— Не доносить, а просто, для смѣху, разсказать кардиналу. И вотъ, если бы я сегодня по-утру зналъ, какъ вы исполняете законами предписанныя формы, непремѣнно бы разсказалъ и Ришліё, и Мазарини, и де-Нойе́...

— Вы? Ришліё?

— А если король не будетъ еще спать, когда я пріѣду въ Сенъ-Жермень, то еще и сегодня я утѣшу его величество этимъ происшествіемъ, вмѣсто сказки.

— Вы?... королю?...

Хотя недовѣрчиво, однако жъ, вставъ, спросилъ старшина.

— Гойко, подавай лошадей; а я вотъ только соберу рисунки для докладу его величеству.

— Осмѣлюсь спросить, заикаясь произнесъ старшина: вы не шутите?

— Оставьте, пожалуйста, меня въ по-

коѣ, сказалъ Депортъ: законами предписанныя формы отняли у меня только время; я непремѣнно опоздаю, король ложится такъ рано... Раскинули цѣпи: вѣрно человѣка моего задержали гдѣ-нубудь; я долженъ ѣхать одинъ... Это, впрочемъ, все на вашей отвѣтственности, господинъ старшина.

— Позвольте, осмѣлюсь спросить: вамъ для чего нуженъ человѣкъ?

— Да что̀ же, я самъ что̀ ли повезу эти эстампы его величеству? сказалъ Депортъ, указывая на папку съ гравюрами Марко-Антоніо.

— Позвольте предложить, осмѣлюсь сказать, наши услуги.... Я вамъ дамъ дюжаго городоваго стрѣлка: человѣкъ бывалый... и на дорогѣ безопаснѣе.

— Нечего дѣлать, давайте.

— Этіеннъ, Этіеннъ! поди сюда! Возьми этотъ портфѣль; береги пуще глазу: это картины его величества. Поѣдешь въ Сенъ-Жермень съ мосьё... мосьё... Не имѣю чести знать...

— Ординарный живописецъ его величества, Депортъ.

— Съ его сіятельствомъ ординарнымъ живописцемъ его величества, маркизомъ Депортъ. А завтра по утру вернешься пѣшкомъ, прямо въ ратушу.

Этіеннъ надѣлъ шапку, взялъ портфѣль

и сѣлъ на лошадь. Депортъ простился съ Женой и благополучно отправился въ путь.

— Ну, нечего дѣлать! Пойдемъ теперь прямо къ де-Вальеролю, сказалъ старшина.

Хозяинъ съ особеннымъ удовольствіемъ заперъ ворота, оглядываясь, все ли на дворѣ цѣло.

ГЛАВА XI.

ИЗГНАННИКЪ, ИЛИ НАЧАЛО РОМАНА.

Ludit in humanis divina potentia rebus
Et saepe in paucis claudere magna solet.

Въ домѣ де-Вальероля всѣ окна были освѣщены. Отецъ Вигандъ причащалъ Святыхъ Тайнъ и соборовалъ масломъ Луизу де-Вальероль, жену капитана. Эвелина, шестнадцати-лѣтняя дочь ихъ, обливала слезами замирающія ноги матери. Обрядъ кончился. Луиза не могла произнести ни одного слова; но уста улыбались: она встрѣчала смерть съ убѣжденіемъ, съ вѣрою въ жизнь лучшую. Минута кончины наступила. Отецъ Вигандъ

снова подошелъ къ одру умирающей и началъ читать In manus tuas, Domine... Услышавъ отходную, Эвелина вскрикнула, и безъ чувствъ упала на землю. Капитанъ на рукахъ перенесъ ее въ другую комнату. Вдругъ за дверьми раздался знакомый голосъ:

— Именемъ короля, отворите!

Служанка вздрогнула. Отецъ Вигандъ остановился. Одинъ капитанъ остался совершенно хладнокровенъ, стараясь привести въ чувство Эвелину.

— Отворите! сказалъ онъ покойно.

Старшина со свитой вошелъ въ комнату. Онъ уже поднялъ палку; уже распустилъ свитокъ; десятскій придвинулъ факелъ..... но отецъ Вигандъ съ Дарами вышелъ изъ спальни и всѣ, не исключая и старшины, преклонили колѣна.

— Капитанъ, сказалъ въ полголоса отецъ Вигандъ: она отошла! Я закрылъ глаза, а вамъ надобно, какъ мужу, замкнуть уста.

Отецъ Вигандъ поставилъ Дары на большой столъ, покрылъ потиръ, и подошелъ къ Эвелинѣ.

— Что́, капитанъ?

— Она проснется; но что́ увидитъ, отецъ Вигандъ! Эти господа пришли за мною. Я знаю мою судьбу: они меня увезутъ на-вѣки изъ родной Франціи; я

не могу похоронить жены, не имѣю даже денегъ на похороны. Скажите, что́ мнѣ дѣлать?

Отецъ Вигандъ поднялъ изсохшія отъ поста руки и величественно произнесъ:— In manus tuas, Domine, filiam quoque recipias! Утѣшьтесь, капитанъ: завтра я возвращусь сюда съ моею братьею; мы сохранимъ для васъ Эвелину въ монастырѣ Визитокъ, предадимъ землѣ добрую духовную дочь мою, Луизу, и отправимъ отъ своего ордена депутата къ кардиналу... Пишите ко мнѣ. Вы знаете, король удостоиваетъ меня своего вниманія; кардиналъ уважаетъ меня... А теперь, повинуйтесь закону.

— Другъ и благодѣтель! отвѣчалъ капитанъ, крѣпко сжавъ руку монаха. Она просыпается... Прощай, Эвелина!... подѣлись этимъ поцѣлуемъ съ Луизой!.. Я вернусь черезъ полчаса, сказалъ онъ служанкѣ и бросился въ двери.

— Стой! закричалъ десятской.

Капитанъ остановился, ничего не понимая. Но отецъ Вигандъ подошелъ съ покрытыми Дарами.

Всѣ преклонили головы.

— Съ вами, съ вами, дѣти мои, сказалъ старикъ: онъ не уйдетъ отъ васъ. Пропустите, я ручаюсь.

Всѣ безмолвно шли по улицѣ; изо всѣхъ

оконъ и воротъ торчали головы, и съ приближеніемъ старшины прятались.

— Потушите огни! сказалъ отецъ Вигандъ.

— Нельзя, съ важностью произнесъ старшина.

Но уже было поздно; факелы погасли.

— Прощай, добрый сынъ, сказалъ отецъ Вигандъ.

Капитанъ сталъ на колѣни. Старецъ поставилъ ему потиръ на голову, произнесъ краткую молитву и напутствовалъ благословеніемъ.

— Твердости, прибавилъ онъ, вѣры и молитвы!... На развалинахъ прошедшаго зиждется будущее; а горе — лучшее основаніе радости! Будь спокоенъ; я позабочусь о дочеряхъ моихъ: о живой и мертвой. Ступай съ миромъ!

Капитанъ не уронилъ ни слезинки, поцѣловалъ потиръ, потомъ руку старца; всталъ, посмотрѣлъ на освѣщенныя окна своего дома, и тихо повторилъ: — In manus tuas, Domine!

— Amen! сказалъ отецъ Вигандъ.

Оба кивнули другъ другу головой и разошлись.

Молча продолжали путь плѣнникъ и его судейская стража; уже хотѣли поворотить въ улицу Сенъ-Дени; вдругъ, на встрѣчу огромной величины человѣкъ,

гигантъ въ сравненіи съ старшиною и его причетомъ.

— Стой! сказалъ онъ, и всѣ попятились.

— Капитанъ, вы ли?

— Я! отвѣчалъ де-Вальероль тише майскаго вѣтра.

— Ну, такъ прощайте!

— Прощай, Помпей! Береги Эвелину!

— До послѣдней капли крови! И въ горѣ не безъ радости, капитанъ; я вамъ скажу важную штуку: соколъ въ Англіи!

— Быть не можетъ!

— Оттого-то я и замѣшкался, капитанъ; но ужъ это такъ вѣрно, какъ тó, что у меня только одинъ усъ. Сегодня и въ парижскомъ парламентѣ такъ объявлено.

— Ну, такъ пойдемте, господа! Теперь хоть бы и умереть, если бъ не Эвелина.

— Не извольте безпокоиться: все перемелется, будетъ мука... Прощайте, капитанъ!

Они обнялись, простились, и Помпей пошелъ своею дорогой, а капитанъ за старшиною. Совершенно спокойный, изрѣдка только подымалъ онъ глаза къ небу, какъ-будто желая прочесть въ звѣздахъ, чѣмъ рѣшило небо будущность Эвелины.

ГЛАВА XII.

НОЧНАЯ БЕСѢДА.

Во многихъ отдѣленіяхъ сенъ-жерменскаго дворца окна были освѣщены, когда Депортъ подъѣхалъ къ главному крыльцу съ городскимъ стрѣлкомъ, слѣзъ съ лошади, взялъ папку и пошелъ во дворецъ. Онъ миновалъ большія проходныя сѣни, и садомъ отправился къ тому крылу дворца, гдѣ жилъ Сенъ-Марсъ. Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ Сентъ-У, который, по всѣмъ примѣтамъ, подслушивалъ у дверей Сенъ-Марса и, заслышавъ Депорта, поспѣшно скрылся въ противуположныя

двери. Почти въ то же мгновеніе послышались шаги Сенъ-Марса: онъ шелъ шибко, напѣвая въ полголоса пѣсню.

— Здравствуй!.... куда ты это пропадалъ? сказалъ Сенъ-Марсъ: мнѣ казалось, будто безъ тебя скучно.

Хитрый Депортъ низко поклонился Сенъ-Марсу, указалъ на двери, куда убѣжалъ Сентъ-У, наклонилъ голову и приложилъ къ уху палецъ. Сенъ-Марсъ засмѣялся, взялъ его за руку и втащилъ въ свою комнату.

— Что́ такое, Филиппъ? кого ты видѣлъ? Вѣрно Сентъ-У теръ свое ухо у моихъ дверей. Скажи ему, Николай, что это между дворянами не водится, и что я могу иногда такъ прихлопнуть, что ухо останется у моей двери. Не обинуйся; я отвѣчаю. А пока что̀ будетъ, подавай ужинать и вели осѣдлать Люцифера. Ипполитъ, это твое дѣло. Подай сапоги и приготовь дорожный плащъ и пистолеты. — Ну, Филиппъ, гдѣ ты былъ? что́ видѣлъ? Разсказывай.

— Во-первыхъ, и прежде всего, позвольте поздравить съ новою милостью.

Сенъ-Марсъ вздохнулъ и отвѣчалъ съ примѣтною досадою:

— Шоры, братецъ, новыя шоры, больше ничего. Нечему радоваться... За тебя мнѣ весело. Твоя должность, въ самомъ

дѣлѣ, честь, награда.... А великій конюшій!.... Ну, отвѣчай же Филиппъ, гдѣ ты былъ?...

— Гдѣ я былъ? Вы не повѣрите, господинъ великій! А когда я покажу доказательства, вы повѣрите, но удивитесь.

— Что́ ты говоришь, Филиппъ? Загадки хороши въ дамскомъ обществѣ.

— Такъ извольте разгадку, господинъ великій.

Депортъ почтительно подалъ Сенъ-Марсу записочку.

Маркизъ, увидавъ ее, вздрогнулъ, прочелъ и, спрятавъ на грудь, сталъ съ досадой ходить по комнатѣ. Ипполитъ несъ сапоги и мантію.

— Не нужно, не нужно, сказалъ Сенъ-Марсъ, тихо толкая Ипполита: поздно! Поутру еще все кончилось! Я думаю, приговоръ уже въ парламентѣ, въ ратушѣ... А Меркуръ и Безонсонъ уже изгнаны изъ Парижа!

Принесли ужинать.

— Садись, мнѣ не хочется ѣсть, а ты, я думаю, проголодался, сказалъ Сенъ-Марсъ.

Депортъ, не желая гнѣвить маркиза, сѣлъ и принялся за критику королевской кухни.

— Удивительно, какъ пріятно быть придворнымъ человѣкомъ, разсуждалъ Де-

портъ громко: не надобно ходить на грязные наши рынки, спорить и ссориться... сиди и кушай!

Сенъ-Марсъ позвонилъ. Вошелъ слуга.

— Что́, Николай, уѣхали наши кардиналисты?

— Убрались, слава Богу!

— А король?

— Его величество изволили уйти въ почивальню.

— Ну, такъ подай вина. Въ этомъ королевскомъ монастырѣ, любезный Филиппъ, нельзя встрѣтить такого веселаго собесѣдника какъ ты. Это находка! Кстати: ты поешь, а я нынче заразился стихами. И до какой степени достигъ я совершенства! Въ послѣдній разъ, за ужиномъ у Маріонъ де-Лормъ, Воатюръ скажетъ стихъ, я прежде всѣхъ отвѣчу стихомъ же и задамъ другой. Кто мастеръ на стихи, такъ это Ротру.... Молодецъ! А Корнель тупъ: это видно, что ему стихъ дорого приходится.

Подали вино. Конечно есть мгновенья и у Асмодея, когда злобная дѣятельность его устаетъ, дремлетъ; есть однако жъ и характеры, которые, своимъ простодушіемъ, дѣтскимъ веселіемъ, обливаютъ небесною сладостью желчь злодѣя, и онъ, на часъ, на день, невольно дѣлается добрякомъ, безотчетно предается безвинному

веселію и даже на-время становится способнымъ къ высокимъ ощущеніямъ. Депортъ, или еще не совершенно очерствѣлъ душею, или утомился отъ тягостныхъ подвиговъ дня: онъ позабылъ всѣ свои похожденія, намѣренія, надежды, все, все; и, попивая роскошной сокъ бордоскаго винограду, сталъ веселъ и добръ.

— Ты поешь, Филиппъ?.... спой мнѣ что-нибудь, сказалъ Сенъ-Марсъ, присѣвъ къ столу, налилъ себѣ огромный стаканъ вина и осушилъ разомъ.

— Что́ же бы вамъ спѣть, маркизъ? Веселую?

— Да, ужъ конечно не Miserere!

— Постойте, постойте: дай Богъ памяти! Вотъ, если бы со мной была моя тетрадь!

— Какая тетрадь?

— Ахъ, маркизъ! по бѣдности покупать дорого, а пѣсня полюбится, такъ и перепишешь.

— Не бойся, Филиппъ, разбогатѣешь; поможемъ.

Филиппъ поцѣловалъ руку Сенъ-Марса такъ быстро, что тотъ не успѣлъ и вырвать ее.

— Что ты, что ты, Филиппъ?

— Да ужъ такъ, ваше сіятельство: на радости не выдержалъ; вы такіе добрые! Постойте жъ, я вамъ спою зато романсъ

вотъ ужъ по васъ! Его сочинилъ ліонскій рыцарь Бекфроа, въ 1340 году, или около этого времени, въ Ліонѣ. Поется по преданію; называется онъ Virtus antiqua: слушайте, маркизъ.

И Депортъ запѣлъ:

Прости! корабль взмахнулъ крыломъ!
Зоветъ труба моей дружины!
Иль на щитѣ, иль со щитомъ
Вернусь къ тебѣ изъ Палестины.
Молва о подвигахъ моихъ,
Шумя, прійдетъ моимъ предтечей,
И лавръ изъ нѣжныхъ рукъ твоихъ
Наградой будетъ мнѣ и встрѣчей!

* *
*

Клянуся сердцемъ и мечомъ:
Иль на щитѣ, иль со щитомъ!

* *
*

Сто битвъ, сто рѣкъ, сто городовъ
О имени твоемъ узнаютъ;
На ста языкахъ, сто пѣвцовъ
И запоютъ и заиграютъ!
И вновь волнуясь и шумя,
Твоей великой славы полны,
Къ твоимъ стопамъ примчатъ меня
Могучія сѣдыя волны....

* *
*

Клянуся сердцемъ и мечомъ:
Иль на щитѣ, иль со щитомъ!

* *
*

Но если приговоръ судьбы
Въ бояхъ пошлетъ мнѣ смерть на встрѣчу:
На грозный зовъ ея трубы
Я именемъ твоимъ отвѣчу!

Паду на щитъ, чтобъ вензель твой
Врагамъ не выдать умирая;
И, побѣжденъ одной судьбой,
Умру, тебя благословляя!

* *
*

Клянуся сердцемъ и мечомъ:
Иль на щитѣ, иль со щитомъ!

Сенъ-Марсъ задумчиво слушалъ Депорта. Когда онъ кончилъ, Сенъ-Марсъ вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Какъ бы я желалъ быть на мѣстѣ этого рыцаря!

— То есть, какъ? спросилъ Депортъ.

— Такъ! Спѣть романсъ подъ окномъ Лувра, сѣсть въ Марсели на корабль и очутиться за тысячу миль отъ Франціи.

— Если такъ, постойте, я вамъ спою другой романсъ.

— Не хочу, не хочу.... Пѣніе наводитъ на меня тоску.... Перемѣнимъ разговоръ.

И слово за слово, пошли разсказы о любовныхъ похожденіяхъ. Депортъ немилосердо лгалъ и хвасталъ. Между-тѣмъ ночь почти пролетала. Вдругъ раздались шаги по корридору; вошелъ Николай со свѣчкой и письмомъ.

— Что такое? спросилъ съ досадой Сенъ-Марсъ.

— Не знаю; отъ архіепископа парижскаго притащилъ нарочный.

— Вотъ еще одно изъ удовольствій

моей службы, сказалъ Сенъ-Марсъ, прочитавъ бумагу и поднимаясь изъ-за стола. Давай одѣваться.... И очень нужно умирать ночью! могъ бы до утра подождать.

— А кто умеръ? осмѣлюсь спросить.

— Пріоръ кармелитскаго монастыря.

— Не имѣю чести знать.

— Король весьма дюбилъ и уважалъ отца Виганда, говорилъ Сенъ-Марсъ, одѣваясь. И какъ странно умеръ! Причащалъ какого-то больнаго; воротился домой; подали ужинать: отецъ Вигандъ жаловался на ознобъ, началъ читать молитву, зашатался; едва успѣли монахи подхватить его, и отнесли въ постель уже трупъ Виганда.

— Удивительно! Истинно удивительно!

— Впрочемъ, отецъ Вигандъ былъ крѣпко старъ. Чего онъ не помнилъ!.... И король очень часто посылалъ къ нему за справками, какъ въ архивъ..... Ну, прощай, Филиппъ!

— Да куда же вы идете ночью?

— Будить короля.

— Какъ! будить его величество, потому-что скончался монахъ?

— Нѣтъ; потому-что скончался другъ короля. Я имѣю повелѣніе въ подобныхъ случаяхъ не откладывать до утра и будить его величество, потому-что король встанетъ, прочитаетъ вмѣстѣ со мной и

отцомъ Сирмондомъ всѣ молитвы за упокой, велитъ звонить въ колокола, и подъ ихъ звукъ опять уснетъ сладкимъ сномъ. Николай! сходи разбуди отца Сирмонда и скажи, что отецъ Вигандъ скончался; а возвращаясь, разбуди звонаря: пусть будетъ готовъ. — Ты спишь, прибавилъ Сенъ-Марсъ въ полголоса: ты спишь, прекрасная, и не мечтаешь, какъ я повинуюсь совѣтамъ твоимъ, какъ усердно исполняю мню тяжкую, скучную службу.— Ну, прощай!

— Господинъ великій, благодѣтель мой, могу ли я отлучиться завтра въ Парижъ? Надобно не много похлопотать объ женѣ и дѣтяхъ.

— Поѣзжай, поѣзжай. Я скажу королю, что отпустилъ тебя на три дня.... Впрочемъ, я и сегодня сказалъ, что ты отпросился у меня на нѣсколько дней.... Прощай!

Сенъ-Марсъ исчезъ изъ виду. Лакеи разбѣжались, и Денортъ, нѣсколько разъ оглянувшись, постучался въ дверь Сентъ-У.

— Надо познакомиться, тихо прошепталъ онъ: мы сослуживцы.

ЭВЕЛИНА ДЕ ВАЛЬЕРОЛЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ДЖУДИТА ВАОЛИ.

ДЖУДИТА ВАОЛИ.

Mazarin! songez à vous!
On vous connaît, presque tous.
Vous faites à chaque place
Quelque tour de passe-passe...
.....

LES TRIOLETS DE MAZARIN, 1648.

ГЛАВА XIII.

ВЕЛИКОДУШІЕ.

Депортъ съ городскимъ стрѣлкомъ подъѣзжалъ къ своей грязной улицѣ. На встрѣчу ему изъ Райскаго Переулка показалось Распятіе: за нимъ орденъ босыхъ кармелитовъ, съ погребальнымъ пѣніемъ, предшествовалъ простому, покрашенному, деревянному гробу, безъ обычныхъ орна-

ментовъ. Гробъ этотъ несли нищіе. За нимъ шелъ огромный человѣкъ безъ шапки, въ полу-драгунскомъ костюмѣ, но безъ оружія. Воинственное лицо Помпея украшено было однимъ длиннымъ, чернымъ съ просѣдью усомъ; другая сторона верхней губы была вся въ морщинахъ отъ старой раны. Не смотря на одинъ усъ и на исковерканную губу, лицо Помпея было величественно, открыто; черные глаза сверкали: онъ шелъ съ какакою-то гордостью. За нимъ ползла куча нищихъ, всегдашнихъ провожатаевъ на послѣднее жилье въ этой жизни. Густая толпа, недвижно, плотнѣе стѣны, составляла непреодолимую баррикаду въ Райскій Переулокъ. Изъ толпы раздавался вопль, прямо противъ дома кожевника Обана.

«Не случилось ли чего у насъ въ домѣ?» сказалъ Депортъ, и поѣхалъ прямо на толпу; но никто и не думалъ дать дорогу всадникамъ: черезъ головы онъ только могъ видѣть, что кричала молодая, прелестная дѣвушка. Обнявъ, держала ее другая женщина; но дѣвушка кричала «Пустите! Пустите!» и рвалась къ толпѣ, которая, протянувъ къ ней руки, казалось, говорила: «Нельзя! Не пустимъ!» Когда процессія повернула за уголъ и гробъ скрылся изъ виду, дѣвушка под-

няла глаза и руки къ небу. «Совершилось!» сказала она, какъ-будто успокоилась и, отирая глаза, довольно твердо пошла къ своему дому. Толпа двинулась за нею. Примѣтивъ въ народѣ жену и дѣтей, Депортъ поѣхалъ за ними. Но дѣвушка не могла войти въ домъ свой: у воротъ стоялъ городской стрѣлокъ и не впускалъ никого. На крыльцѣ, знакомый старшина опечатывалъ двери печатью ратуши. Стрѣлки запирали ставни и привѣшивали снурки для печатей. Дѣвушка въ изумленіи отступила, и оглянулась, какъ-будто спрашивала, что́ значитъ этотъ неожиданный второй обрядъ. Депортъ довольно свободно проѣхалъ къ женѣ и дѣтямъ.

— Фанни! что́ все это значитъ? спросилъ онъ.

— Ужасно и подумать, отвѣчала Джудита, отирая слезу: мать только-что понесли на кладбище; отца ночью увели въ темницу; домъ и всѣ пожитки взяли въ казну.... Куда она теперь, бѣдная, дѣнется?

Депортъ почесалъ затылокъ и сказалъ:

— Да, трудненько! Впрочемъ, въ этомъ большой бѣды для нея не вижу. Молода, хороша собой!... въ Парижѣ не пропадетъ: надобно только умѣнье....

Сосѣди страшно посмотрѣли другъ на

друга и на Депорта: это были мастеровые хозяева, ихъ жены и дочери. Только въ этомъ классѣ людей и сохранялись послѣднія добродѣтели французскаго народа: высшія касты и грязная чернь съ Острова Святаго Людовика предавались разврату шумно, открыто. Не доставало двухъ, трехъ дерзкихъ зачинщиковъ, и Парижъ вывелъ бы на улицы свои безстыдныя похожденія, какъ было въ Римѣ предъ изданіемъ Legis Poreæ. Депортъ замолчалъ: онъ зналъ, что парижскій народъ отъ безмолвнаго негодованія быстро переходилъ къ неистовству и, въ злобѣ, любилъ портить мостовую и метать камешки. Дѣвушка засмотрѣлась на толпу; какъ небо, голубые глаза не выражали ничего; всѣ чувства были убиты; она не плакала, не стонала, нѣтъ, была спокойна, а страшно было глядѣть на нее. Но зато женщина, которая прежде удерживала ее, теперь плакала, проклинала судей, предстоявшихъ и самого кардинала.

— Куда теперь дѣнется Эвелина! кричала она. Въ монастырь что́-ли итти ей?

Эвелина сѣла на прилавкѣ у воротъ своихъ, прислонила голову къ забору, и безмысленно, безчувственно глядѣла на синее небо. Старшина съ причетомъ удалился, приложивъ печати къ воротамъ и

приставивъ къ нимъ еще одного стрѣлка. За старшиной, мало-по-малу, разошлись и люди, искренно соболѣзнуя о несчастной Эвелинѣ. Депортъ не сводилъ съ нея глазъ и, когда толпа значительно уменьшилась, онъ соскочилъ съ лошади, отдалъ поводья стрѣлку, а самъ взялъ Джудиту за руку и подошелъ къ Эвелинѣ.

— Фанни, будь ей второю матерью! сказалъ Депортъ съ трагическою важностью. — Утѣшьтесь, благородная дѣвица, Богъ посылаетъ вамъ помощь: нашъ домъ, наше состояніе, все къ услугамъ вашимъ!

— Встаньте, Эвелина, поблагодарите добрыхъ людей! сказала служанка.

Толпа снова стала собираться. Эвелина протянула руку, но нельзя было понять, что́ значило это движеніе.

— Поцѣлуй, Фанни, эту несчастную руку! сказалъ Депортъ, заливаясь слезами.

Джудита охотно повиновалась, но Эвелина не допустила, вскочила съ прилавка, бросилась на шею Джудиты и зарыдала. Всѣ были тронуты; служанка упала къ ногамъ Депорта; Джудита оглянулась и сказала мужу:

— Давно бы такъ! Великодушіе — кра-

сота мужчины, и я не забуду вашего поступка!

Филиппъ не плакалъ, но почтительно наклонился и отиралъ глаза.

— Богъ наградитъ васъ, добрые люди! кричали женщины изъ толпы.

Эвелина подняла голову.

— Пойдемъ, милая, сказала Джудита. Я мать, но у меня нѣтъ дочери.

Эвелина обняла одною рукою Джудиту и, опустивъ голову на плечо ея, тихо пошла къ дому кожевника Обана.

— Пойдемъ! сказалъ Депортъ, улыбаясь и взявъ за руку служанку: и для тебя станетъ мѣста; а Эвелина можетъ нуждаться въ твоей помощи.

За Депортомъ шли слѣдомъ всѣ сосѣди; женщины осыпáли его благословеніями, но мужчины шептались и покачивали головами.

Прошло нѣсколько мгновеній, и Депортъ ушелъ со двора не безъ опасенія: у воротъ толпа сосѣдей представляла какъ-бы враждебную армію съ непріязненными замыслами. Едва онъ скрылся изъ виду, разноцвѣтные мѣщане поползли на дворъ Обана. Кожевникъ, услышавъ голоса добрыхъ своихъ пріятелей, бросилъ работу и вышелъ на дворъ.

— Скажи, пожалуйста, Обанъ, сказалъ

бондарь Коле́: какіе это у тебя живутъ люди?

— А что́? съ самодовольной улыбкой спросилъ Обанъ.

— Да такъ, мастеръ, отвѣчалъ бондарь Коле́: странно что-то.

— Да что́ тутъ страннаго? Будто ужъ въ предмѣстьѣ только и жить бѣднымъ дворянамъ, да нашей братьи!

— Да не то, мастеръ: вѣдь и этотъ жилецъ-то твой не изъ знати! Какой-нибудь изъ челяди герцогской или графской...

— Поднимай выше...

— Ну, такъ писарь торговый.

— Выше, выше... Посмотрѣли бы вы, какъ онъ вчера самого старшину пугнулъ: не зналъ, какъ угодить!

— Да кто же онъ?

— Такъ... ничего... Придворный живописецъ..... Съ королемъ разговариваетъ!

— Что́ ты это, мастеръ!

— И теперь-то онъ изъ Сенъ-Жермена пріѣхалъ; къ королю вчера картины возилъ.

— То-то у него такія дворянскія рѣчи!

— Да, да, дворянскія, гордо говорилъ Обанъ: у него слова словно журавли летятъ. У старшины языкъ извѣстно какой, а прикусилъ вчера: такъ онъ его дернулъ!

— Все такъ, мастеръ, да страшно за нашу добрую Эвелину. Вѣдь она у насъ на глазахъ выросла; и покойница-то, ея матушка, ангелъ была, по всей улицѣ только объ ней и говорили; и бѣднымъ помогала, а сама въ какой нищетѣ жила до пріѣзда капитана!... Такъ вотъ, видишь, по всей улицѣ теперь толкъ идетъ, не отнять ли нашей Эвелины у чужихъ людей, да не сложиться ли? Пусть ее на хлѣбахъ держитъ Каролина, портниха. У ней и работа есть всегда, и дѣвушекъ своихъ въ такомъ порядкѣ держитъ, и веселѣе у знакомой.

— Охъ, вы головы, головы! сказалъ Обанъ. Понимаете ли, что вы этимъ поступкомъ оскорбите короля?

— Какъ такъ? спросилъ бондарь, испуганный замѣчаніемъ Обана.

— Да вѣдь господинъ-то изъ придворныхъ.

— А можетъ, кардинальскій.

— Нѣтъ, королевскій, я вамъ говорю.

— Эй, Обанъ, какъ хочешь, а только тутъ что-то не ладно.

— Да съ чего вы взяли?

— Съ чего?...

Въ это время на крыльцо вышла Джудита. Смуглое, но прекрасное лицо ея было осѣнено глубокою, тайною грустью. Ей было не болѣе двадцати пяти или

шести лѣтъ, но чело уже носило складки, вѣрные признаки скучной, хлопотливой, досадной жизни; губы, прекрасно созданныя, были сухи и блѣдны; глаза, драгоцѣннаго блеску, но впалые, еще сверкали какъ угасающіе уголья.

— Обанъ! Обанъ! потрудитесь принести дровъ на кухню, сказала она весьма пріятнымъ голосомъ, но произношеніе ей измѣнило.

— Сейчасъ, сударыня! отвѣчалъ Обанъ, накладывая беремя.

— Италіянцы! Италіянцы! зашумѣли сосѣди.

— Охъ, вы головы, головы! отвѣчалъ Обанъ. Да какихъ народовъ у нашего короля нѣтъ! И такіе случились! А что̀ они за Италіянцы? Мосьё Депортъ, да еще Филиппъ! Ну, что̀? развѣ не Французы?

— Да ты почемъ знаешь?

— Да вѣдь старшины обманывать нельзя! Полно вольничать! Пошли по домамъ! Каждый береги свой носъ, а въ чужія двери не суй.

— Разводи италіянщину! уходя говорили сосѣди: посмотримъ, каково изъ этого омута выйдешь! — Пойдемъ, а посматривать все-таки не мѣшаетъ.

Джудита стряпала на кухнѣ; дѣти вертѣлись около матери; служанка, утомлен-

ная безсонницей и горемъ, спала въ креслахъ; Эвелина сидѣла у окна въ глубокой задумчивости. Окно было не заперто; вѣтеръ поворачивалъ то окно, то ставни; сосѣди все-еще не могли разойтись. Вдругъ, по улицѣ, пробѣжалъ молодой человѣкъ мимо оконъ. Эвелина вздрогнула, вскрикнула «Альфредъ!» и перевѣсилась черезъ окошко. Альфредъ стоялъ уже у воротъ садовника Обана, хотѣлъ войти, но увидѣлъ стрѣлковъ, печати, и окаменѣлъ на мѣстѣ. Сосѣди окружили его, указывали на домъ кожевника, на окно, и, какъ стрѣла, Альфредъ добѣжалъ къ узкому палисаднику, отдѣлявшему домъ Обана отъ улицы.

— Эвелина! закричалъ онъ. Неужели?..

Она плакала.

— Въ одну ночь лишиться всего!

— Всего, Альфредъ! рыдая отвѣчала Эвелина: даже надежды!...

— Нѣтъ, Эвелина, небеса справедливы! Я презрѣлъ скудную плату за недостойную работу, презрѣлъ потому, что не видѣлъ еще пропасти, въ которую васъ бросили обстоятельства. Но теперь я буду трудиться: я возьму съ бою славу, богатство; я буду исполиномъ въ работѣ. И день и ночь рука моя не оставитъ кисти; моимъ отдыхомъ будетъ только тó блаженное мгновеніе, когда я прибѣгу

къ этому окну, взгляну на васъ, и снова въ Лувръ, на шаткіе подмостки.... Благословите, Эвелина!

Эвелина рыдала, и сама не зная что̀ дѣлаетъ, послала троекратное знаменіе креста счастливому Альфреду.

ГЛАВА XIV.

ШКОЛА.

Pierios differ cantusque chorosque sororum,
Aes dabit ex istis nulla puella tibi.

МАРЦІАЛЪ.

Альфредъ бѣжалъ въ Лувръ безъ оглядки.

— Гдѣ мастеръ Симонъ? спросилъ онъ у перваго слуги, который ему попался еще на набережной.

— Спросите въ галереѣ: онъ или тамъ, или дома.

Въ галереѣ было много людей, много художниковъ; но Вуэ не было. Альфредъ перескакивалъ съ балки на балку, съ кучи муссору на покрытый опилками помостъ; толкалъ работниковъ, задѣвалъ

шпаги дворянъ и не извинялся, видѣлъ знакомыхъ художниковъ и не кланялся. Глаза его искали и нигдѣ не находили начальника французской школы.

— Гдѣ мосьё Вуэ? закричалъ онъ, остановясь на парадной лѣстницѣ.

Работники расхохотались. Лемерсіé стоялъ на той же лѣстницѣ и на балюстрадѣ, который тогда ставили на мѣсто, карандашемъ чтó-то рисовалъ и показывалъ каменщику. Крикъ Альфреда возбудилъ его вниманіе; онъ посмотрѣлъ на дерзкаго съ досадою и громко сказалъ:

— Молодой человѣкъ! здѣсь хозяинъ король, а не Вуэ... Симонъ сидитъ дома и злится. Не совѣтую попадаться въ такія минуты оскорбленному мастеру.

Альфредъ ничего не понималъ. «Дома?» закричалъ онъ по-прежнему и бросился мимо Лемерсіé къ дверямъ.

— Тише, сумасшедшій! сказалъ главный архитекторъ. Онъ опрокинетъ балюстрадъ!...

Но Альфредъ былъ уже далеко.

Симонъ Вуэ, безъ верхняго платья, съ растрепанными волосами, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ луврской своей квартирѣ. Нѣсколько человѣкъ молодыхъ художниковъ молча стояли въ глубокомъ окнѣ, и со страхомъ и трепетомъ поглядывали на неистоваго Аякса. На полу

валялись семь книгъ съ рисунками Луврской Галереи.

— Кончено! говорилъ онъ, толкнувъ ногой седьмую книгу: ни одной картины, ни одного рисунка не дамъ! Посмотримъ, какъ мосьё де-Нойé будетъ расписывать галерею!

— Да чтó имъ за дѣло! сказалъ молодой человѣкъ: будто они думаютъ объ искусствѣ! Вообразили, что Луврская Галерея — золотое руно; тутъ-то наживутся, особенно если Лемерсіé останется:

— Лемерсіé не останется! горько улыбнувшись воскликнулъ Вуэ. И Лемерсіé, и Фукіерръ, и всѣ наши, такъ называемые, друзья и пріятели, уже были съ поклономъ у де-Нойѐ, уже поздравляли кардинала съ новою побѣдой. Друзья наши, друзья въ глаза говорили Ришліё, что къ числу величайшихъ подвиговъ его принадлежитъ назначеніе де-Нойé начальникомъ работъ!

— Но, мастеръ, по-крайней-мѣрѣ вы не можете жаловаться на вашу школу!

— Дѣти мои, отвѣчалъ Симонъ, обнимая юношу: да, вы поступили благородно, честно. Обида учителю — обида ученикамъ; вы отказались отъ работъ; вы пришли ко мнѣ съ утѣшеніемъ; но, Лебрёнъ, досада меня не ослѣпляетъ! Ступайте всѣ назадъ! Я не хочу, чтобы

красный котъ за меня преслѣдовалъ цвѣтъ нашихъ художниковъ.

— Нѣтъ, мастеръ! не знаю какъ другіе, но мы съ Дюфреноа дали другъ другу честное слово безъ васъ не работать.

— Дѣти мои!... въ восторгѣ сказалъ Вуэ. И мы покажемъ Франціи, гдѣ ея таланты! — Ну, а ты, овечка? спросилъ онъ другаго молодаго человѣка, весьма бѣдно одѣтаго и стоявшаго позади всѣхъ.

— Я, мастеръ Симонъ?... покраснѣвъ говорилъ юноша.

— Ну, ну, что́? Полно скромничать! Сманили?.. Безъ меня далеко не уйдешь!

— Я, мастеръ?.... заикаясь отвѣчалъ молодой человѣкъ, и не могъ кончить; его выручилъ Дюфреноа.

— Лессюэръ, сказалъ онъ, уже работалъ въ Луврѣ, когда мы пришли въ галерею и объявили, что мастеръ Симонъ оставляетъ работы. Лессюэръ первый отряхнулъ кисть, свернулъ рисунки и сошелъ съ подмостковъ. «Что́, овечка?» спросили мы. Лессюэръ, не отвѣчая ни слова, ушелъ, и мы нашли его въ вашей прихожей: онъ боялся войти одинъ и первый.

— Что́ же ты думалъ, моя овечка? Скажи, что́ ты хотѣлъ сказать мнѣ?

Лессюэръ потупилъ глаза и, запинаясь на каждомъ словѣ, отвѣчалъ:

— Сыну стыдно оставлять отца, ученику учителя.

— Браво! закричали всѣ.

— Лессюэръ иначе не говоритъ какъ афоризмами, сказалъ Дюфреноа.

— Иногда изъ печатныхъ книжекъ, прибавилъ Лебрёнъ тихо.

Въ это мгновеніе вошелъ Депортъ. Симонъ едва могъ скрыть свое бѣшенство. Депортъ подалъ ему бумагу довольно почтительно, но уже безъ прежней униженной учтивости. Симонъ на-скоро пробѣжалъ бумагу, швырнулъ ею прямо въ лицо Депорту, и сказалъ отрывисто:

— Не ко мнѣ! Ошибка! Я болѣе не начальникъ дворцовыхъ работъ, не первый живописецъ короля французскаго! Нѣтъ! я просто — Симонъ Вуэ, основатель и глава французской школы живописи.

— Да какъ вы смѣете?... началъ Депортъ.

— Что? завопилъ въ бѣшенствѣ Вуэ, засучивая рукава сорочки.

И всѣ ученики, кромѣ Лессюэра, двинулись за учителемъ.

Вбѣжалъ Альфредъ, блѣдный, отчаянный и бросился къ ногамъ Вуэ.

— Мастеръ Симонъ! я на все согласенъ! Но пустите меня скорѣе на луврскіе подмостки.

— Прочь! закричалъ Вуэ. Прочь! Сту-

пай къ де-Нойé, къ кардиналу; ступай къ его племянницѣ, герцогинѣ Эгильіонской. Ты молодъ, ты хорошъ: волочись; растирай краски, когда она будетъ рисовать портретъ кота въ ватиканской ливреѣ! И тебя пожалуютъ въ ординарные живописцы. Видишь, посмотри, вотъ ліонскій маляръ, можетъ-быть, краскотеръ! А посмотри, погляди: все платье съ иголочки! Фламандскія кружева! Какія перья на шляпѣ! Пуговицы съ камешками! Брильянтики на пряжкахъ! Даромъ не достанешь такого наряду! А помнишь, какъ въ лохмотьяхъ нищаго онъ хвасталъ дрянным, и то чужимъ, мараньемъ?

— Мастеръ Симонъ! жалобно сказалъ Альфредъ.

— Прочь! Не хочу! Я переѣзжаю изъ Лувра, по-прежнему открываю мой домъ, мою дорогую школу, гдѣ растетъ слава Франціи... Прочь! Не нужно!

— Молодой человѣкъ, съ важностью сказалъ Депортъ: я васъ беру въ *мою* школу, и мы увидимъ, гдѣ разцвѣтетъ слава Франціи, у старыхъ ли педантовъ, или у свободныхъ поклонниковъ истиннаго искусства.

— Ахъ ты, харемазъ!.... закричалъ Вуэ. Вонъ!

— Пойдемъ, пойдемъ, молодой чело-

вѣкъ.— А тебя уймутъ, рисовальная машина! Все будетъ извѣстно кардиналу.

— Да чѣмъ же ты и взялъ, если не доносами, разбойникъ?...

Ученики бросились на Депорта, но онъ, схвативъ Альфреда за руку, бѣжалъ безъ оглядки, и вскорѣ скрылся въ темныхъ переходахъ дворцовыхъ корридоровъ.

— Онъ ушелъ! говорили художники, возвращаясь въ покои Вуэ.

— Они ушли! сказалъ Депортъ, но месть моя найдетъ ихъ, догонитъ. — Молодой человѣкъ, я видѣлъ вашу работу вскользь, и ожидаю отъ васъ много..... Но, послушайте: чего вы ищите?

— Денегъ, денегъ, и денегъ! отвѣчалъ Альфредъ отчаянно и такъ громко, что Депортъ схватилъ его за руки и сказалъ:

— Тише, ради Бога, тише! Я вижу, вы не изъ педантовъ.... Деньги будутъ, я ручаюсь, но, слово честнаго человѣка: будете ли вы слушаться моихъ совѣтовъ?

— Честное слово! Только давайте работу!

— Послушайте: эти парики лучше клевещутъ нежели пишутъ; у нихъ есть связи, покровители; надобно предупредить ихъ замыслы, и я долженъ ѣхать въ Сенъ-Жермень, не откладывая ни на

минуту. Завтра приходите ко мнѣ. Я живу въ предмѣстьѣ Сенъ-Дени въ Райскомъ Переулкѣ, въ домѣ кожевника Обана.

— Обана?... съ изумленіемъ спросилъ Альфредъ.

— Вы знаете? Такъ приходите же завтра и мы откроемъ школу. За работу!... До свиданья!...

Депортъ исчезъ. Но Альфредъ долго еще стоялъ въ раздумьѣ, волнуясь то надеждой, то невольнымъ страхомъ.

ГЛАВА XV.

НАМѢКИ.

Огромный полу-драгунъ шелъ ровнымъ скорымъ шагомъ по Райскому Переулку; съ другой стороны по улицѣ бѣжалъ ему на встрѣчу Альфредъ.

— Гаръ-Піонъ! закричалъ онъ, ты ли?

— А то кто же! отвѣчалъ Помпей, поправляя единственный усъ.

— Откуда?

— Съ похоронъ.

— Но кто похоронилъ ее? Простился ли съ нею капитанъ? Гдѣ онъ?...

— Все на порядкахъ, все на порядкахъ! Она отошла еще при капитанѣ; потомъ пришли господа черные, взяли и увели самого въ городскую тюрьму; а теперь его тамъ нѣтъ: я заходилъ навѣдаться. По утру увезли: а ужъ куда, и сами не знаютъ.

— На чей счетъ похоронили Луизу?

— Ну, нашлись люди! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, покручивая усъ, и улыбаясь самодовольно: слава Богу, нѣтъ такого бѣдняка, у котораго бы не хватило денегъ на доброе дѣло!

— А! такъ вѣрно и на похороны далъ денегъ Депортъ?

— Какой Депортъ? спросилъ Гаръ-Піонъ съ неудовольствіемъ! Очень я и позволю чужому мѣшаться въ наши семейныя дѣла! И что́ за птица, этотъ господинъ?

— Королевскій живописецъ, который принялъ къ себѣ Эвелину.

— Какъ? принялъ къ себѣ Эвелину! Да развѣ ей въ своемъ домѣ стало тѣсно?

— Гаръ-Піонъ! такъ ты еще много кое-что не знаешь! Домъ и все имущество взято въ казну, по закону, послѣ изгнанника...

— Такъ, такъ. Есть законъ, я слышалъ. Но въ капитанскомъ домѣ остались вещи, и мои, и Жаннеты; мы не изгнан-

ники: а я казнѣ дарить не намѣренъ.... А гдѣ живетъ живописецъ!

— Да вотъ мы у его оконъ.

— Знатно! Дальше не пойду; такъ усталъ сегодня: миль шесть выходилъ. Преогромный этотъ городишка!

Сказавъ это, Гаръ-Піонъ поворотилъ къ воротамъ, у которыхъ Жанъ и Жеромъ любовались на огромнаго Помнея; дѣти бросились въ кухню къ матери.

— А какъ его зовутъ? спросилъ Гаръ-Піонъ, нагибаясь, чтобы войти въ калитку.

— Мосьё Депортъ.

— Важно! Коротко выговаривать: а то я и на своей фамиліи заикаюсь.

Слѣдуя за дѣтьми, Альфредъ и Гаръ-Піонъ вошли на кухню. Джудита примѣтно испугалась.

— Не извольте тревожиться, сударыня, сказалъ Гаръ-Піонъ почтительно: это меня, такъ, ядро проѣздомъ исковеркало; всей губы чуть не оторвало. Слава Богу, хоть одинъ усъ остался! а на этой сторонѣ, чортъ ихъ знаетъ, волосы не растутъ.

— Что̀ вамъ угодно? спросила съ трепетомъ Джудита.

— Да что́ вы, сударыня, жена этого господина?.... какъ бишь его зовутъ?

— Депортъ, подсказалъ Алфредъ.

— Да, жена мосье Депорта, или милости вашей не во гнѣвъ будь сказано.... или его кухарка?

— И то и другое, отвѣчала Джудита, невольно улыбаясь.

— То-то! Гаръ-Піонъ тотчасъ смѣкнулъ: по работѣ — слуга, по лицу — барыня.

— Да что́ вамъ угодно, мосье Гаръ-Піонъ?

— Какой я мосье! Я, сударыня, драгунъ. Послѣ вальтелинскаго дѣла пошелъ къ капитану Вальеролю: а ужъ съ однимъ усомъ и разбитыми ногами служить не приходилось.

— Послѣ вальтелинскаго дѣла?.... къ капитану Вальеролю? краснѣя и дрожа спросила Джудита.

— Точно такъ, смѣю сказать, сударыня. Такъ вотъ, изволите видѣть: вы моего молодаго командира въ полонъ взяли, такъ ужъ берите и армію. Сдаюсь.

— Да что́ же тебѣ угодно, любезный другъ?

— За ласки ваши молодой моей барышнѣ буду вамъ служить, какъ маршалу Шомбергу служилъ, тѣломъ и душею.

— Я не знаю, какъ мужъ...

— Мужъ въ хозяйствѣ сторона... позвольте, сударыня! такъ у васъ огонь потухнетъ, сказалъ Гаръ-Піонъ, бросилъ

шапку въ уголъ и подложилъ нѣсколько полѣнъ на очагъ.

— Очень благодарна, почтенный воинъ. — А вамъ что́ угодно? спросила Джудита, обращаясь къ товарищу Гаръ-Піона.

Альфредъ покраснѣлъ и смѣшался.

— Это, сударыня, подхватилъ Гаръ-Піонъ, большой другъ покойницы капитанши... Не то, что другъ, какъ бываютъ, а сынъ... и не то, что сынъ, а... какъ бы объяснить?... Ну, да я вамъ послѣ скажу, а то онъ еще больше покраснѣетъ... Сиди смирно, нашъ Вандомъ... То есть, не лѣзь намъ въ глаза кардиналъ, такъ мы бы скоро и свадебку съиграли.... Ну, да я послѣ вамъ скажу. Дѣло, знаете, пока, тайное.

— Онъ ошибается, сказалъ Альфредъ, запинаясь и краснѣя: совсѣмъ не то. Мосье Депортъ былъ столько милостивъ, принялъ меня въ свою школу и приказалъ прійти... навѣдаться...

— Въ свою школу? улыбаясь, спросила Джудита.

— Точно такъ, сударыня. Я полагалъ, что онъ уже возвратился изъ Сенъ-Жермена.

— Да, онъ пріѣхалъ оттуда очень рано.

— Онъ опять поѣхалъ туда: я имѣлъ честь съ нимъ видѣться у мосье Вуэ.

Онъ располагалъ возвратиться къ вечеру или завтра.

Джудита улыбнулась и отвѣчала:

— Ну, такъ мы не будемъ дожидаться. Не хотите ли въ мою школу? Она вамъ будетъ нужнѣе. Но прежде должно узнать, что объ этомъ думаетъ моя ученица. Откушайте съ нами, молодой человѣкъ. Помогите мнѣ утѣшить Эвелину.

И Джудита взяла большой горшокъ съ макаронами.

— Позвольте, позвольте, сударыня! сказалъ Гаръ-Піонъ: не извольте безпокоиться; это мое дѣло: подать съумѣю.

— Нечего дѣлать! Любезный Гаръ-Піонъ, распоряжайся, милости просимъ.

— Что́ вы тутъ дѣлаете, господа, на кухнѣ? сказалъ Гаръ-Піонъ дѣтямъ: не хорошо! Ступайте въ комнаты... А нето, я на васъ — передники, и кастрюли — въ руки.

Дѣти, покраснѣвъ, побѣжали въ столовую.

Гаръ-Піонъ поставилъ кушанье на столъ, и, какъ-будто дома, отправился въ другіе покои. Въ третьей комнатѣ онъ нашелъ и Эвелину и Жаннету. Эвелина проснулась, едва раздался скрыпъ двери, вскочила и бросилась къ нему, заливаясь слезами.

— Помпей! мой бѣдный Помпей! мой несчастный Помпей!

— Пожалуйте кушать, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, ни мало не измѣняясь въ лицѣ.

— Гдѣ матушка? Гдѣ отецъ мой?

— Матушка, какъ сами знаете. А капитанъ посланъ отъ короля за важнымъ дѣломъ въ Италію.... Дѣло къ спѣху.... Нельзя было и попрощаться... служба!..

— Такъ онъ не въ темницѣ?

— Что́ за вздоръ!... Я самъ лошадей нанималъ.

— Но почему опечатали нашъ домъ, пожитки?

— Капитанъ приказалъ, для того, чтобы вы не жили въ домѣ, гдѣ скончалась ваша матушка. Такъ опечатаннымъ онъ и останется до его пріѣзду.

Жаннета проснулась, и съ изумленіемъ слушала, какъ лгалъ добрый Гаръ-Піонъ.

«Удивительный человѣкъ!» въ одинъ голосъ сказали и Джудита и Альфредъ въ другой комнатѣ. Гаръ-Піонъ не безъ умыслу употребилъ въ разговорѣ всю силу своего баса. Его невозмутимая физіономія, прямой, открытый взглядъ, все заставляло вѣрить словамъ его.

— Непонятно! сказала Эвелина. Какъ же онъ не подумалъ обо мнѣ?

— Вотъ то-то и есть, сударыня. Наша братья ужъ черезъ чуръ бываетъ усерд-

на. Вмѣсто того, чтобы исполнить приказаніе капитана, пойти нанять вамъ квартиру, я разсудилъ прежде похоронить покойницу. Пока похороны исправилъ, пока нанялъ квартиру, а тутъ Богъ все и устроилъ.... Простите, сударыня, виноватъ!

— Что́ же мы теперь будемъ дѣлать, Гаръ-Піонъ? спросила Эвелина, волнуемая и недовѣрчивостью и надеждой.

— Подумаемъ на досугѣ; а теперь пожалуйте кушать. Мы въ чужомъ домѣ: хозяйка дожидается.

Эвелина пошла въ столовую, а Гаръ-Піонъ обратился къ Жаннетѣ:

— Ну, мнѣ надо въ городъ сходить, квартиру отказать, а ты, пока, поди да послужи.

Присутствіе Альфреда, который подтвердилъ разсказы Гаръ-Піона, и ласки доброй Джудиты, нѣсколько успокоили Эвелину. Примѣтивъ въ своей госпожѣ счастливую перемѣну, Гаръ-Піонъ скрылся. Когда Жаннета ушла на кухню, Джудита стала долго и пристально разсматривать молодую чету. Глубокая грусть осѣнила прекрасное лицо хозяйки: она тяжело вздохнула. Альфредъ и Эвелина, какъ два эха, откликнулись на сердце Джудиты; но дѣти не обращали вниманія

на большихъ, и, утоливъ голодъ, начали шалить и поссорились.

— Прочь отъ стола! сказала Джудита.

Дѣти заплакали. Не смотря на просьбы Эвелины и Альфреда, Джудита была неумолима.

— Прочь, прочь! повторила она: пошли въ свою комнату! Сидѣть тамъ смирно, пока не позову!

Дѣти ушли, заливаясь слезами и оглядываясь, не простятъ ли.

— Слава Богу, ушли! — Молодые люди, сказала Джудита, съ выраженіемъ искренняго участія: ваша взаимная любовь слишкомъ замѣтна.

И Альфредъ и Эвелина покраснѣли. Джудита продолжала:

— Молю васъ объ одномъ: скрывайте вашу любовь передъ моимъ мужемъ!

Альфредъ вскочилъ изъ-за стола. Эвелина подняла глаза съ изумленіемъ. Джудита продолжала.

— Конечно, не слѣдовало бы мнѣ давать такихъ совѣтовъ; но мы познакомимся ближе, и вы убѣдитесь, что я имѣю поводъ совѣтовать, имѣю нѣкоторое право на дружбу Эвелины... Если вы меня не обманули, мосьё Дени, то останьтесь въ этой небывалой школѣ, посѣщайте нашъ домъ, но сохраните возможно холодный

тонъ съ Эвелиной; если можно, даже видъ отвращенія.

— Что это все значитъ? спросила Эвелина, изумленная неожиданными совѣтами.

— Не опасайтесь ничего, моя добрая Эвелина. Богъ за васъ! Я и сама еще не знаю, гдѣ опасность; но знаю моего мужа. Я было повѣрила его великодушію, но потомъ вспомнила, что даромъ онъ не дѣлаетъ благодѣяній.

— Я не уйду отсюда, сказалъ Альфредъ, пока вы не скажете.

— Неблагодарный! сказала Джудита: развѣ моя искренность не ручается за мою дружбу и заботливость? Я одна могу уладить дѣло; вы только испортите его навсегда и безвозвратно... Вамъ и не снится, какъ силенъ Депортъ: открытое сраженіе мы проиграемъ непремѣнно.... Впрочемъ, сколько я привыкла понимать его, опасность еще въ темной дали, и самъ онъ еще не знаетъ своихъ намѣреній.

— Что же намъ дѣлать, милая, добрая Джудита? спросила Эвелина.

— Вамъ?... лечь и отдохуть; а Альфреду бѣжать отсюда какъ-можно скорѣе и приходить, когда назначено.

— Но....

— Повинуйтесь! сказала Эвелина, вставъ и уходя въ свою комнату, повинуйтесь!

Само небо говоритъ намъ устами Джудиты! Берите примѣръ съ меня. Прощайте.

Эвелина остановилась въ дверяхъ и сказала съ упрекомъ: — Альфредъ!

— Я повинуюсь, отвѣчалъ онъ, схватилъ шляпу, и скрылся.

ГЛАВА XVI.

СОЛДАТЪ.

Lorsqu'il faut entrer en garde,
Je fais moi seul tous les rangs.
MAZARINADES, 1649.

Гаръ-Піонъ, устроивъ, какъ мы видѣли, домашнія дѣла, отправился прямо къ окружному старшинѣ, или эшвену. Эшвенъ жилъ въ угловомъ домѣ, на той же улицѣ, и послѣ плотнаго обѣда изволилъ давать отеческія наставленія городскимъ стрѣлкамъ за дурное поведеніе въ продолженіе вчерашняго объиску. Обвинители стояли по правую руку, обвиненные по лѣвую. Старшина, въ шелковомъ халатѣ, безъ парика, и въ остроконечныхъ туфляхъ, сидѣлъ на деревянномъ табуретѣ. Стар-

шина на всѣ доносы отвѣчалъ; «Мы разсмотримъ..... Приличную просьбу..... Ну, а ты о чемъ?.....» И слушанье дѣлъ продолжалось безостановочно. Вдругъ, двери съ шумомъ растворились, и фигура Гаръ-Піона согнулась и выпрямилась передъ самымъ носомъ эшвена, который, покраснѣвъ отъ злости, закричалъ:

— На мѣсто! На три шага!

— Извольте сами отмѣрять, отвѣчалъ Помпей: а я, какъ три раза шагну, такъ всего дому не хватитъ.

— Кто ты таковъ?

— Драгунъ былъ, драгунъ есмь, и умру драгуномъ. Имя мое Помпей-Ипполитъ-Геновева, фамиліи не помню, прозвище Гаръ- Піонъ.

— Что тебѣ надобно?

— Я пришелъ требовать моихъ вещей, которыя вы противозаконно сегодня опечатали.

— Что ты тамъ бредишь?

— Солдатъ никогда не бредитъ; некогда: днемъ много дѣла, ночью крѣпко спитъ. Пожалуйте мои вещи.

— Да какія вещи?

— Во-первыхъ, арфу съ золотой львиной головкой.

— Ты сумасшедшій!

— Солдатъ съ ума сойти не можетъ; некогда: днемъ думать не досугъ; ночью

крѣпко спитъ. Во-вторыхъ, шкафъ съ платьемъ: тамъ мои женскіе наряды.

— Да что ты это врешь?

— Солдатъ никогда не вретъ; некогда: днемъ служба, а наша служба на чистоту, безъ задоринки; а ночью.....

— Да какой это чортъ ко мнѣ пришелъ!

— Не извольте такъ говорить: грѣхъ!... и вашему званію не прилично: у васъ подъ командой и полковники и капитаны. Конечно, ваши офицеры не больше какъ старые купцы, да все-таки городскіе тесаки носятъ. Конечно, ихъ тесаки всеравно что кухонные ножи, да все-таки оружіе; и если счетъ повести, такъ вашъ капитанъ не старше сержанта итальянской арміи, полковникъ не старше унтеръ-офицера, а ужъ старшина все-таки наравнѣ съ капитаномъ прійдется, и чортъ ему не компанія: я это, такъ, стороною говорю... Въ-третьихъ, тамъ мои игольники, наперстки, шпильки, ножницы, всякое такое швейное добро.

— Да пойдешь ли ты вонъ?

— Солдатъ безъ команды назадъ не пойдетъ... Наконецъ, мои книжки и восковая роза... Пожалуйте мои вещи, господинъ старшина.

— Я тебя отправлю въ больницу.

— Не извольте гнѣваться! Вы могли описать и опечатать имущество мосьё

де-Вальероля, только не имущество его слугъ: мы ни въ чемъ не виноваты. Пожалуйте мои вещи.

— Ну, въ умѣ ли ты? Развѣ ты баба?

— Не то чтобъ баба, господинъ старшина, а имѣю женскія привычки: люблю читать книги, играть на арфѣ, шить и ходить въ женскомъ платьѣ на службу во дворецъ Ришліё, когда играютъ комедіи.

Старшина расхохотался. И въ самомъ дѣлѣ, смѣшно было вообразить женщину ростомъ съ Гаръ-Піона.

— Не извольте смѣяться, господинъ старшина. Вотъ, какъ король пріѣдетъ и капитана простятъ, такъ мы и потребуемъ всѣхъ вещей по этому списку, что́ у меня... А вы сегодня, безъ описи, на живую нитку, изволили печати вѣшать. Противно законамъ! Я сегодня, у табашницы, изъ Судейскаго Дворца черненькаго видѣлъ; дѣло ему разсказалъ. Онъ и говоритъ: — Береги только опись; чуть только станутъ ломаться, просьбу въ парламентъ, или, просто, знакомому президенту, или совѣтнику, или прокурору: не дорого сто́итъ!

Старшина смѣшался.

— Что́ же! мнѣ теперь къ любому совѣтнику пойти можно, продолжалъ Помпей: я служу не гдѣ-нибудь, а у при-

дворнаго. Мосьё Депортъ — человѣкъ важный: портретъ съ короля пишетъ; такъ...

— Ты служишь у мосьё Депорта?

— Точно такъ, господинъ старшина. Пожалуйте мои вещи...

— Любезный другъ, я вижу, всѣ эти вещи принадлежатъ женщинѣ и, вѣроятно, дочери преступника, который...

— Не извольте говорить преступника, а изгнанника!

— Ну, да, да!... Мы можемъ сдѣлать это уваженіе для мосьё Депорта.

— Такъ сдѣлайте это уваженіе поскорѣе, потому что мнѣ вещи нужны; а не то, не извольте гнѣваться, я пойду къ самому головѣ: такъ мосьё Депортъ наказалъ.

— Хорошо, любезный другъ, можно и сейчасъ выдать. Да кто мнѣ поручится?...

— Да вы потрудитесь высунуть носъ черезъ окошко: сами увидите, куда я перетащу мои вещи.

— Ну, хорошо! сказалъ старшина, и, написавъ записку, подалъ перо Гаръ-Піону.

— Что́ это?

— Роспишись въ полученіи вещей.

— Да я еще ничего не получалъ.

— Всё-одно, получишь; и не только тѣ вещи, о которыхъ просишь, а можешь

взять, что́ покажется: лишь бы для виду что́-нибудь осталось. На всякой случай чернаго ходу я и не опечатывалъ, изъ уваженія къ мосьё Депорту, а расписка — глухая. Мы ее должны имѣть... формы!... законы!...

— Да какъ же я роспишусь, господинъ старшина, когда я писать не умѣю?

— А какъ же ты читаешь книжки?

— Да развѣ всё-равно, что̀ читать, что́ писать?

Старшина расхохотался, позвалъ капитана, купца Оливіе́, и приказалъ выдать Гаръ-Піону вещи по его усмотрѣнію и приготовить объ ихъ реестръ для подписанія мосьё Депорту, маркизу и ординарному живописцу.

Джудита сидѣла у окна, ожидая Гаръ-Піона, и распоряжалась съ Жаннетой и дѣтьми, какъ бы скрыть отъ мужа преждевременное посѣщеніе Альфреда. Гаръ-Піонъ не замедлилъ явиться, держа въ рукахъ восковую розу. За нимъ сосѣди несли шкатулку, огромный шкафъ, арфу, и множество разныхъ вещей и вещицъ, по выбору Помпея. Процессія торжественно вошла на дворъ, шумно прославляя новый воинскій подвигъ Гаръ-Піона.

Эвелина проснулась въ самое то время, когда Помпей съ розой вошелъ въ комнату.

— Роза моей матери!..... вскрикнула Эвелина. Мои бездѣлушки!.. мои платья!.. арфа!...

— Куда прикажете поставить?

— Откуда ты взялъ, Гаръ-Піонъ?

— Капитанъ приказалъ.

Всѣ вещи были разставлены въ двухъ, почти пустыхъ, комнатахъ, и Гаръ-Піонъ сталъ откланиваться.

— Постой, Помпей! сказала Джудита, и взяла съ него слово не говорить Депорту объ Альфредѣ.

— Наше дѣло сторона, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ: въ любовныя дѣла мѣшаться не станемъ, а то еще перепортишь. Вотъ, еще до вальтелинскаго дѣла... не помню деревушки... и меня по сердцу прихватило. Такая важная попалась Италіянка!.. Хотѣлъ у нихъ въ деревнѣ и остаться... Лучше было бы: усикъ мой на мѣстѣ бы остался. Да что̀ ты будешь дѣлать! Чортъ.... извините, сударыня!... чортъ всегда возлѣ любви.... Въ ту же деревушку папскіе пришли, а съ ними и капитанъ: да такой подлипала!... на-бѣду и красивъ собой и богатъ; сманилъ мою пташку, да какъ! Съ трехъ дней Берта ужъ и говорить со мной перестала... Не

знаю, чѣмъ кончилось; мы въ походъ пошли... да проклятое это сраженіе... и добро бы еще сраженіе, а то, просто, уличная схватка.... Поцарапались.... а тутъ — ядро мимо!... Кажется, и не попало въ меня... чортъ знаетъ... извините, сударыня!... какъ далеко пролетѣло, а рожу исковеркало!... Хорошо, что ужъ заразъ и усъ и любовь изъ головы вышибло... Извините, сударыня!

— Не помнишь ли, отворачиваясь къ окну, дрожащимъ голосомъ спросила Джудита: какъ звали капитана?

— Какъ же не помнить! Помнилъ. Да ядро проѣздомъ имя вышибло. Послѣ того я такъ сталъ на голову слабъ!.... свое имя забываю. Прощайте, сударыня.

ГЛАВА XVII.

ПОРТРЕТЪ.

Гаръ-Піонъ вышелъ за ворота, сѣлъ на прилавкѣ и закурилъ трубку. Толпа сосѣдей окружила его. Не успѣли размѣняться общими привѣтствіями, какъ въ толпѣ раздался крикъ: «Италіянецъ ѣдетъ!» И въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ улицы, на лошади показался Депортъ. Онъ ѣхалъ шагомъ; возлѣ шелъ Альфредъ. Гаръ-Піонъ отдалъ трубку сосѣду, а самъ отворилъ ворота и, снявъ шапку, ожидалъ новаго хозяина. Когда Депортъ въѣхалъ въ ворота, Гаръ-Піонъ такъ громко крик-

нулъ: «Поздравляю съ пріѣздомъ!», что Депортъ отъ страху и незапности едва не свалился съ лошади.

— Не извольте пугаться, сказалъ Гаръ-Піонъ, схвативъ поводья: это я, Помпей-Ипполитъ-Геновева Гаръ-Піонъ, драгунъ второй компаніи, и вашъ слуга, мосье Депортъ.

— Что́ тебѣ надо? спросилъ Депортъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ, не сходя съ лошади и напрасно стараясь вырвать поводья изъ рукъ Помпея.

— Мы ужъ съ хозяйкой порѣшили, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ: ваше дѣло сторона; а вотъ что́: извольте выслушать!

И Гаръ-Піонъ вкратцѣ разсказалъ Депорту, что́ должно говорить Эвелинѣ про капитана. Депортъ съ трудомъ понялъ, кто таковъ Гаръ-Піонъ: но разсказъ и ободрилъ его, и разувѣрилъ.

— Отведи лошадь, сказалъ онъ со всею важностью хозяина, и приходи ко мнѣ. Надобно кое-куда сходить.

— А что́ Эвелина? спросилъ Депортъ, входя въ комнаты.

— Какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, отвѣчала Джудита: сидитъ, плачетъ, больна.

— Надо ее чѣмъ-нибудь развлечь.... Вотъ, кстати, Альфредъ. Первый урокъ — портретъ Эвелины..... Нѣтъ, постойте! Прежде поглядите, не можете ли исправить этой миніатюры.

Депортъ подалъ Альфреду миніатюрную копію съ Веласкеса.

— Часа два работы, отвѣчалъ Дени.

— Ну, такъ прошу садиться. Вы можете кончить до вечера: не скоро еще смеркнется. Краски, кисти, все у меня есть: я вчера запасся..... Милости просимъ!

Альфредъ принялся за работу. Джудита со злобной улыбкой глядѣла на мужа. Вбѣжали дѣти съ крикомъ; за ними вошелъ Гаръ-Піонъ и Гойко.

— Маменька! маменька! кричалъ Жеромъ: уѣдемте отсюда; насъ хотятъ сосѣди убить.

— Что́ съ тобой, мой другъ? спросила перепуганная Джудита.

Да, сказалъ Гаръ-Піонъ, дѣло что́-то не ладно: чуть было маленькаго господина не поколотили.

— Какъ? Что́!

— Мы втроемъ выручали: я, Обанъ, и вотъ этотъ... (Гаръ-Піонъ указалъ на Гойко.) — «Италіянцы!» кричатъ всѣ, да и только. По выговору узнали... Вы приняли мою барышню, а я принялъ на

себя вашу защиту, и сказалъ сосѣдямъ, что старый драгунъ — все одно что̀ молодая армія. Вооружился, какъ сами видите, вертеломъ и жаровней съ вашей кухни, и сегодня буду спать у воротъ, чтобы барышни моей ночью какъ-нибудь изъ усердія сосѣди не разбудили. Насильно хотятъ на свой счетъ ее содержать, а на вашу милость не надѣются.

Депортъ поблѣднѣлъ какъ полотно: Джудита не мало встревожилась; Эвелина, отворивъ двери, слушала Помпея съ удивленіемъ; Гойко не сводилъ глазъ съ Депорта. Одинъ только Альфредъ продолжалъ работать, изрѣдка улыбаясь и поглядывая на смущеннаго хозяина.

— Что̀ же намъ дѣлать? тихо спросилъ Депортъ.

— Во-первыхъ, подписать эту бумагу по-французски, съ полнымъ вашимъ титуломъ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, подавая росписку въ полученіи вещей Эвелины.

— А гдѣ же вещи? спросилъ Депортъ, прочитавъ и подписывая бумагу.

— На мѣстѣ! сказалъ Гаръ-Піонъ; во-вторыхъ, нанять другую квартиру, да не въ предмѣстьѣ, потому что здѣсь всегда эта вольница шумитъ и дерется за разбитый горшокъ: а тамъ, поближе къ Лувру, къ ратушѣ.

— Гойко! слышишь, Гойко? сейчасъ

квартиру! Да и кстати: гдѣ я здѣсь помѣщу мою школу?... Слышишь, Гойко! наверху, чтобы мнѣ жить, комнатъ десять, двѣнадцать; а внизу мастерскія.... Пошелъ!

— Пойти не бѣда, я всегда почиталъ мои ноги разгонными лошадьми, отвѣчалъ Гойко: только безъ денегъ нанять трудно; надо дать на руку.

— Только не на твою. Ты ужъ только съищи, а заплатить я и самъ съумѣю. Пошелъ же! а не то...

— Иду: чего вы сердитесь?

— Въ-третьихъ, продолжалъ Гаръ-Піонъ: переѣзжать, не днемъ и не ночью, а на зарѣ; потому что господамъ сосѣдямъ дай Богъ до зари успокоиться.... Вы какъ-то обмолвились...

— Все къ лучшему! сказалъ Депортъ, примѣтивъ Эвелину: я радъ, что дѣла мои позволяютъ сдѣлать вдругъ столько неожиданныхъ издержекъ. Жаль только одного, Альфредъ, что я не засталъ въ Сенъ-Жерменѣ ни живой души: всѣ на охотѣ. Но... не правда ли?... и Вуэ противъ насъ пока ничего не предпріиметъ? Кардиналъ и секретари въ Рюэли... Одинъ только Мазарини въ Парижѣ, но къ нему они не пойдутъ. Кстати, храбрый драгунъ, прибавилъ Депортъ, обращаясь къ Гаръ-Піону съ улыбкой: желаніе ка-

питана будетъ исполнено. Я самъ не могу написать портрета твоей госпожи..... у меня такъ много дѣлъ!.. такъ вотъ мосье Дени, мой ученикъ, этимъ займется.

— Конечно, конечно! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, поглядывая на Эвелину и улыбаясь отъ удовольствія, что такъ ловко и быстро понялъ Депорта.

Сверхъ-того его восхищала мысль, что молодая чета будетъ имѣть возможность бесѣдовать безъ малѣйшихъ подозрѣній, и что Депортъ невольно помогаетъ тому, чему бы, можетъ-быть, и воспротивился, если бы зналъ отношенія молодыхъ людей.

— Конечно, конечно! Капитанъ мнѣ крѣпко-на-крѣпко приказывалъ... Да искусенъ ли вашъ ученикъ, мосье Депортъ?

— Не бойся, не бойся! со смѣхомъ отвѣчалъ Депортъ: сладимъ! — Не правда ли, Альфредъ?

Но Альфредъ не скоро могъ отвѣчать. Мысли и чувства его перемѣшались. Писать портретъ Эвелины! Да это счастіе, блаженство!... Но если кисть измѣнитъ!.. Не задрожитъ ли рука? Дадутъ ли слезы блаженства волю и спокойствіе взору?.... Да и зачѣмъ этотъ портретъ? Какое его назначеніе?... И почему Альфредъ уже ученикъ Депорта?... И кто этотъ Депортъ, этотъ дерзкій хвастунъ, который не сты-

дится лгать въ глаза женѣ и людямъ, гораздо ближе знающимъ Альфреда, и, наконецъ, самому Альфреду?.. Но, когда, по таинственнымъ причинамъ, онъ долженъ скрывать свою любовь, даже знакомство, когда сама Эвелина требуетъ повиновенія и слѣпой довѣренности къ этой Джудитѣ, ихъ простодушному, но печальному, защитнику; когда все возвышается высокою стѣною между нимъ и Эвелиной, — писать портретъ ея, писать тихо, долго, со всею отчетливостью любовника... о! вы поймете положеніе Альфреда! Онъ готовъ былъ броситься въ объятія Депорта, разцѣловать своего учителя, измѣнить своей тайнѣ, тайнѣ Джудиты... но взоръ его встрѣтился со взорами Эвелины, и Альфредъ опомнился.

— Не удивляйтесь, мосьё Депортъ, сказалъ Альфредъ, если предложеніе ваше привело меня въ смущеніе: я никогда еще не писалъ женскаго портрета.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Практика...

— Но я боюсь женщинъ, мосьё Депортъ.

— Живописецъ боится женщинъ!.... да что́ вы это, Альфредъ? со смѣхомъ говорилъ Депортъ; позвольте заняться и свѣтскимъ вашимъ воспитаніемъ. Французскіе художники много теряютъ отъ того,

что они только художники, не люди, не свѣтскіе люди: любезные, ловкіе, развязные, какъ этого требуетъ наше общество. Мы, Французы, никогда не достигнемъ до того образованія, какое имѣютъ наши за-альпійскіе собратья. Я знаю ихъ; я выросъ въ Италіи, въ странѣ тончайшаго этикета и пламеннѣйшихъ чувствъ... И, признаюсь, я самъ нѣсколько переродился и, благодаря случаю, не похожъ на вашего медвѣдя Вуэ и на прочій звѣринецъ французскихъ художествъ. Такъ, Альфредъ, я займусь вашимъ образованіемъ, и завтра же начинайте писать портретъ моей жены или Эвелины..... Нѣтъ! Эвелины. Это ее сколько-нибудь разсѣетъ. По рукамъ?

— Я вамъ далъ слово.

— Ну, такъ завтра!

Эвелина скрылась. Тысячи мыслей волновали ее. Каждый день видѣть Альфреда! бесѣдовать съ нимъ иногда на-единѣ!... Но зачѣмъ? длячего?.... Вопросамъ и догадкамъ не было конца. Между-тѣмъ Альфредъ кончилъ работу, къ искреннему удовольствію Депорта, простился и ушелъ, также не менѣе волнуемый сомнѣніемъ и надеждами.

— Что́ ты опять затѣваешь? спросила Джудита, когда кромѣ мужа всѣ разошлись.

Депортъ злобно улыбнулся и, смотря пристально на Джудиту, думалъ: «Гдѣ тебѣ, бабьей головѣ, понять соображеніе искуснаго генерала, которому наконецъ судьба подарила армію! Да! этотъ Альфредъ, эта Эвелина — мои войска, и мудрые падутъ, и хитрѣйшіе затрепещутъ въ тенетахъ.... Одно бѣда, — молодежь: того гляди, еще слюбятся!» И, взявъ за руку жену, Депортъ сказалъ тихо:

— Джудита! я никогда не спрашиваю о твоихъ тайнахъ. Теперь ты бы могла быть мнѣ полезна, но, къ несчастію, наши отношенія...

— Что́ за вздоръ! прервала Джудита. Мало ли услугъ...

— Окажи послѣднюю! Ты должна быть неотходно при Эвелинѣ, пока Альфредъ будетъ писать портретъ; прерывать всѣ разговоры, которые будутъ заключать въ себѣ какой-нибудь намекъ на любовь; словомъ, всѣми средствами препятствовать....

— Да зачѣмъ же препятствовать?

— Зачѣмъ?...

— И лѣта согласны, и оба хороши собой: она такая милая!

— Онъ также, кажется, хорошій человѣкъ.

— Онъ! воскликнулъ Депортъ: въ томъ-то и вся бѣда, что онъ.... Правда, это

несчастіе, но вмѣстѣ и необходимость великихъ талантовъ. Повѣришь ли ты, что Альфредъ самаго развратнаго поведенія? Погляди, какъ онъ бѣденъ: все проматываетъ на женщинъ!

— Какъ вамъ не стыдно!

— Да, да! Если ты полюбила Эвелину, такъ должна всѣми мѣрами препятствовать ихъ сближенію, и не скрывать отъ нея пороковъ Альфреда. Это средство тотчасъ укрѣпитъ естественную слабость женскаго сердца, а онъ пусть себѣ влюбляется. На твоемъ мѣстѣ, я бы даже... Нѣтъ, это ужъ я и самъ сдѣлаю; ты только береги Эвелину.

Джудита глубоко вздохнула, собиралась съ мыслями, хотѣла что́-то сказать; но двери растворились: вбѣжалъ Гойко.

— Есть!... И какой домъ!... И какъ дешево!

— Ступай же, ступай же, Джудита! приготовь все къ переѣзду... Я осмотрю квартиру, пришлю носилки, и вы съ Эвелиной и съ дѣтьми тотчасъ отправляйтесь; а Гаръ-Піонъ перевезетъ вещи.

ГЛАВА XVIII.

НОВОСЕЛЬЕ.

— Ну, Гойко! сказалъ Депортъ, когда они были уже на улицѣ.

— Позвольте вамъ напомнить, что я такой же, какъ и вы, Филиппъ, изъ Ліона. Чернь меня такъ называетъ по незнанію. Ужъ если вамъ не нравится собственное ваше имя, зовите меня Самуиломъ.

— Пожалуй.

— Не пожалуй: я этого требую.

— Мнѣ нравится твой нравъ. Не да-

ромъ я выбралъ тебя изъ цѣлаго рынку мелкихъ продавцовъ.

«Кто кого?» подумалъ Гойко.

— Гдѣ же твоя лавочка?

— Сдалъ, пока, знакомому. Только если вы будете такъ платить, то мнѣ прійдется опять поставить ее на колеса и отправиться по городскимъ предмѣстьямъ продавать мыло, пуговки, иголки.

— Не умничай, Самуилъ! Два экю въ мѣсяцъ, кажется, довольно.

— Прибавьте еще одинъ: сапоговъ износишь больше чѣмъ на два экю.

— Ахъ, ты, жиденокъ! да ты въ цѣлый годъ не выработаешь двухъ экю.

— Ну, пускай будетъ и два, а еще одинъ, если я хорошо служить буду.

— А если худо?... Молчи, лучше: а то за одинъ уступишь.

— Ну, Богъ съ вами! Только за эту цѣну я въ Сенъ-Жермень не поѣду.

— Нельзя, Гойко, надобно ѣхать; и лишь-только король въ ворота, ты на коня.

— А что́ дадите, когда я вамъ прежде скажу такъ, что король въ Паркъ, а вы на встрѣчу.

— Клянусь, не будетъ обиды.

— Ну, такъ я вамъ скажу, вы увидите: только мнѣ самому заплатить нужно.

— На, на, Іуда! чортъ тебя возьми! сказалъ Депортъ, вынимая деньги.

— Вы только платите, такъ я вамъ не то еще скажу, про кого хотите: про кардинала можно...

Гойко оглянулся; за ними шелъ кто-то весьма подозрительной наружности.

— Ой! продолжалъ Гойко: это за нами Брумквисъ идетъ.

— Кто?

— Брумквисъ; Англичанинъ. Онъ тоже много знаетъ.

— Не худо бы познакомиться.

— Ой, нѣтъ! продастъ!...—Сюда, сюда!... вотъ и квартира, сказалъ Гойко, схватилъ Депорта за руку, и втащилъ въ ворота высокаго дворца, украшеннаго лѣпными трофеями и герцогскими коронами.

— Ты съ ума сошелъ? Да это герцогскія палаты!

— Ну, такъ что̀ жъ? Вы и не ошиблись. Хозяинъ въ Англіи; хозяйку выслали изъ Парижа; домъ въ казну взяли и отпускаютъ въ наемъ.... Дешево, богато... Можно потомъ и жильцовъ взять.

Скоро на новую квартиру пріѣхали и дамы, а рано поутру, передъ зарею, Гаръ-

Піонъ съ подводами и пожитками тронулся въ путь во дворецъ Вандомскій. Обанъ стоялъ посереди двора въ отчаяніи, хотя Помпей и оставилъ въ его рукахъ немало денегъ. Провожая пожитки Депорта, Обанъ вышелъ на улицу и громко ругалъ своихъ сосѣдей. Заслыша голоса у квартиры Депорта, усерднѣйшіе и ближайшіе сосѣди вскочили съ постелей, поспѣшили одѣться и выбѣжать на улицу; но обозъ уже скрылся: только одинъ Обанъ стоялъ у растворенныхъ воротъ, и благодарилъ сосѣдей самыми чувствительными словами за изгнаніе такого важнаго и прибыльнаго жильца. Бѣгство Депорта возбудило любопытство, удивленіе, шумъ, крики. Наконецъ составился совѣтъ. Многіе хотѣли преслѣдовать обозъ Депорта, но возникли разногласіе и споры, и привлекли городскихъ стрѣлковъ. Капитанъ Оливіе́ распустилъ собраніе и закрылъ уличный парламентъ. Всѣ разошлись по домамъ; только одинъ Обанъ стоялъ у воротъ своихъ и напутствовалъ отходящихъ трогательными рѣчами.

Утро взошло со всею весеннею роскошью. Богатыя малиновыя занавѣски Вандомскихъ палатъ озарились первыми лучами солнца, и разбросили разноцвѣтные отблески на пестрые ковры и вы-

сокія кресла съ вышивными сидѣньемъ и спинками. Депортъ всю ночь не спалъ; волнуемый множествомъ предположеній, онъ не могъ ни на одномъ остановиться, и утро застало его въ креслахъ. Онъ осмотрѣлся и задумался. Признаки богатства и пышности сына Генриха IV давили, тѣснили его воображеніе. Невольно въ памяти его ожили страшныя картины, разсыпанныя простодушнымъ перомъ въ запискахъ Дюбоа. Казни, отравленія, изгнанія, заключенія, пытки, все это волновалось передъ глазами Депорта. «Зачѣмъ я читалъ ихъ, эти проклятыя записки!» подумалъ Депортъ. «Что́ ожидаетъ меня? Богатство при кардиналѣ Ришліе такъ же не прочно, какъ и слава, и почести, и происхожденіе!..... Ничто не защитило королевы-матери, братьевъ короля, жены Людовика, друзей, кардиналовъ, отъ руки палача или отъ постыднаго изгнанія!... И вотъ, я самъ, маленькій человѣкъ, живу за бездѣлицу въ роскошныхъ палатахъ герцога Вандомскаго! Гдѣ же хозяинъ?... Какой-то преступникъ, осужденный на казнь, спасъ себя доносомъ на герцога, утверждая, будто онъ уговаривалъ его убить Ришліе. И сынъ Генриха IV не смѣетъ оправдываться, бѣжитъ въ Англію! Жена и дѣти въ ссылкѣ; друзья изгнаны изъ Франціи.... И онъ

ли одинъ!... Маршалъ де-Марильякъ, въ Италіи, изъ середи арміи, которая такъ его любила, взятъ какъ простой сержантъ и осужденъ какъ воръ, какъ убійца!.... И сколько палатъ, подобныхъ этому дворцу, опустѣли и обратились въ шелковыя фабрики, въ купеческія конторы!... При страшномъ кардиналѣ нѣтъ надежнаго мѣста, спокойнаго угла, безопасной пустыни; нѣтъ мѣты для усилій и жертвъ: онъ никогда не скажетъ «Довольно!» Мазарини не замѣнитъ его: нѣтъ!....»

Раздался стукъ у дверей, и Депортъ вскочилъ въ испугѣ: онъ боялся, не услышалъ ли кто-нибудь что́ онъ думалъ. Стукъ повторился: — «А, Гойко!» сказалъ Депортъ, и отодвинулъ огромный золоченый крюкъ, которымъ въ то время запирались внутренія покои въ домахъ, для безопасности отъ ночныхъ похожденій молодыхъ людей.

— Что́ заплатите, не знаю: отъ васъ я не жду щедрости, сказалъ Гойко. Но мнѣ все-равно. Знайте, что король черезъ часъ будетъ въ Луврѣ, а кардинала, больнаго, привезли ночью. Король изъ Лувра будетъ къ кардиналу на совѣтъ, а оттуда къ Визиткамъ, а оттуда опять въ Сенъ-Жермень.

— Да какъ ты это все знаешь?

Гойко улыбнулся и отвѣчалъ:

— Надобно знать: приказано, и конецъ!... Когда я на рынкѣ шпильки продавалъ, я и тогда уже зналъ, въ какомъ парикѣ будетъ голова сидѣть въ ратушѣ, въ какомъ предмѣстьѣ Парижа будетъ шумъ, гдѣ будутъ пить дворяне, и мало ли еще что́! У васъ счастливая рука; сегодня меня человѣкъ шесть въ друзья брали, да я еще не сторговался: хотѣлъ вамъ оказать послѣднюю услугу.

— Въ какіе друзья?... Отчего послѣднюю?

— Гмъ! Въ друзья взять, значитъ: ходи, бѣгай, слушай, языковъ добывай... Ну, а это правило, я думаю, вы съ дѣтства знаете: кто больше заплатитъ, тому и служи.

— Сколько же тебѣ даютъ?

— Пока, четыре экю въ мѣсяцъ... Да вы такъ въ Лувръ опоздаете.

— Правда, правда, Гойко!... Четырехъ не дамъ. Служи другимъ, да на дорогѣ не попадайся. Прощай!

«Ни чѣмъ не развяжешь кошелька у этого чорта!» печально сказалъ Гойко, медленно слѣдуя за Депортомъ. «Сара, Сара! когда я тебя выкуплю?»

Депортъ уже былъ далеко, когда Гойко спустился на парадное крыльцо. Два, дурно сдѣланные, но мраморные, льва

украшали входъ. Гойко сѣлъ верхомъ на льва и внимательно наблюдалъ за проходящими. Пришелъ Альфредъ. Треножникъ, полотно и краски были для него легкой ношей: онъ шелъ писать портретъ Эвелины! Гойко посмотрѣлъ на него и улыбнулся. Когда Альфредъ взбѣжалъ на лѣстницу, Гойко покачалъ головою и въ полголоса сказалъ: — «Какъ много можно бы сказать этому безумцу! Онъ заплатилъ бы всѣмъ своимъ состояніемъ за одну вѣсточку; да нельзя: нерасчетливо! Все его состояніе — будущность.... дрянной залогъ: на него никакого кредиту... О! если бы не Сара, я взялъ бы съ него послѣднюю монету. Теперь нельзя. Лови крупную рыбу, а за рыбкой не гоняйся... Самуилъ, пойдемъ на рынокъ!... Странно! итти на рынокъ что́ на пиръ, мнѣ все-равно.... Да давно ли ты пировалъ, Самуилъ?...» И, проговоривъ это съ горькой улыбкой, Гойко скрылся.

Жаннета увѣдомила Эвелину, что Альфредъ пришелъ, поставилъ треножникъ и полотно, готовитъ краски и ждетъ блаженнаго мгновенія. Джудита вошла и сказала то же. Печальная Эвелина, какъ была, въ черномъ платьѣ, съ золотымъ крестомъ на шеѣ, не взглянувъ даже въ зеркало, вышла къ Альфреду вмѣстѣ съ Джудитой. Всѣ трое долго молчали, глядя

на полотно; какъ-будто всѣ трое спрашивали, кчему этотъ портретъ.

— Садитесь, наконецъ сказала Джудита: надобно по-крайней-мѣрѣ начать.

— Нѣтъ, я не начну, рѣшительно отвѣчалъ Альфредъ, пока вы не объясните мнѣ вчерашнихъ предостереженій.

Джудита посмотрѣла на Эвелину и, не обращая вниманія на Альфреда, сказала:

— Не вѣрьте, моя милая, обѣтамъ любви, клятвамъ, пламеннымъ восклицаніямъ. Можно ли любить и не заботиться о безопасности любимой женщины? Не пишите портрета, бросьтесь съ кинжаломъ на Депорта, потребуйте у него объясненія: на что̀ и для кого портретъ? но дотѣхъ-поръ оставьте нашъ домъ и не возмущайте мирной жизни нашей. Мы съ Эвелиной вдвоемъ съумѣемъ защищаться, безъ помощи людей, которые слишкомъ рано хотятъ управлять волею женщинъ.

— Простите меня! простите! сказалъ Альфредъ и тронутый и пристыженный.

— Полно, полно! Садитесь и пишите портретъ Эвелины. Депортъ можетъ возвратиться, а вы и не начинали.

Усѣлись. Мѣлъ двинулся по холсту.... Рука остановилась: они засмотрѣлись.

— Начало хорошо; продолжайте, сказала Джудита.

Альфредъ снова сдѣлалъ нѣсколько дви-

женій рукою; но, или мѣлъ былъ дуренъ, или глазъ невѣренъ, только надобно было стирать проведенныя черты и опять приниматься за работу.

— Друзья мои! сказала Джудита, кажется, прійдется, для бо́льшаго успѣха, посадить на мое мѣсто Депорта.

Альфредъ засмѣялся; даже печальная дѣвушка улыбнулась. Художникъ понялъ свое положеніе и работа двинулась.

— Странно, однако жъ, сами согласитесь, сказалъ Альфредъ: что́ долженъ я думать о моемъ учителѣ, о положеніи Эвелины, о нашихъ отношеніяхъ съ Депортомъ, если и жена его не скрываетъ передъ чужими людьми своего отвращенія и своихъ опасеній?

— Справедливо, Альфредъ. Я достойна вашего упрека; я увлеклась вашей любовью, испугалась неожиданныхъ событій, которыя меня болѣе недѣли преслѣдуютъ самыми непонятными чудесами. Мнѣ стало страшно за вашу будущность, потому-что сладостный сонъ моей любви кончился годами страданій... а ужъ этимъ страданіямъ я и конца не вижу..... О! если бъ не дѣти, давно бы меня не было на этомъ пустынномъ свѣтѣ, гдѣ для меня нѣтъ ни надеждъ, ни утѣшеній. Даже простыя ежедневныя приманки, столь

дорогія для каждой женщины, для меня не существуютъ... Согласитесь: я не такъ еще стара, чтобы отказаться отъ всего на этомъ свѣтѣ и обратить его въ тѣсный монастырь семейной жизни... Такъ, вѣрно, были обстоятельства, были случаи, отъ которыхъ сердце обратилось въ уголь, въ пепелъ, и болѣе горѣть не можетъ.

Эвелина оборотилась къ Джудитѣ, такъ, что портрета писать не было возможности. Альфредъ не смѣлъ напомнить, и лѣниво набрасывалъ пятна для рукъ и платья.

— Джудита! съ чувствомъ спросила Эвелина: неужели мои несчастія...

— Гдѣ они, Эвелина? Смерть матери, отъѣздъ отца, конечно, большія потери; но эти раны заживаютъ; такъ устроено Небомъ; потому что дѣти, по естественному порядку, должны смѣнить родителей; но другія привязанности, другія, не связи, а, такъ сказать, сросты?.. О, дай Богъ и не узнать вамъ какъ мучительны эти раны! Какъ ни время, ни безчисленныя перемѣны быстрой жизни, не могутъ не только залечить ихъ, нѣтъ! сколько-нибудь унять нестерпимую боль, которая отъ времени усиливается до смертельной степени...

— Разскажите, Джудита! разскажите ваши несчастія. Вамъ будетъ легче, когда

друзья будутъ раздѣлять съ вами тягостное бремя.

— Пожалуй! отвѣчала Джудита. Не любопытная повѣсть, но для васъ обоихъ очень важная и поучительная. Не станемъ откладывать. Депортъ скоро возвратится. Слушайте.

ГЛАВА XIX.

ДЖУДИТА ВАОЛИ.

(Первый эпизодъ.)

Ma mére, il faut me marier,
Car Mazarin est arrivé;
J'ai promis à ce drôle
Qu'ai le désir de l'épouser
Pour avoir ses pistoles.

—Ma fille, il vous le faut quitter
Et tous les présens refuser,
Quoiqu'il ait bonne mine;
Car si vous l'aviez épousé,
Vous seriez mazarine.

—Ma mère, vous avez grand tort:
Vous savez que je l'aime fort.
Et sachez que je saurai bien
Jouer mon personnage.

MAZARINADES, 1849.

I.

ПОТЕРИ.

«Я родилась далеко отсюда; но вы, я думаю, часто слышите про мою отчизну. Три великія царства спорятъ давно, и съ такимъ упорствомъ, за клочекъ земли, какъ-будто на немъ растутъ драгоцѣнные камни и металлы. Богата моя отчиз-

на, богата красотами природы, богата виноградниками и плодами; но люди бѣдны, городовъ нѣтъ, торговое мѣстечко— наша столица, нашъ Парижъ. Адда пробѣгаетъ по всей долинѣ и уходитъ въ Италію. Альпы какъ-будто родились у насъ, и пошли на сѣверъ. И отъ этихъ родственныхъ связей земли нашей, мы ни Италіянцы, ни Швейцарцы: слуги всѣхъ націй, лагерь всѣхъ европейскихъ войскъ. Сегодня Австрійцы, завтра Испанцы, тамъ Французы, иногда войска италіянскихъ государствъ; тѣ ли, другіе ли, но ужъ кто-нибудь да есть. Вальтелина не можетъ накормить всѣхъ этихъ гостей. Виноградъ, не дозрѣвъ, уходитъ изъ небольшихъ садовъ нашихъ; незваные гости безъ платы распоряжаются и другими нашими плодами: мулы вальтелинскіе подъ военными обозами; люди на мостахъ и дорогахъ, подъ сильнымъ присмотромъ, гладятъ пути врагамъ своимъ. И какая это египетская работа!.... Утромъ все въ порядкѣ, все на мѣстѣ: хоть города вези! Вдругъ, дикій ручей попадетъ на завалъ, выскочитъ изъ русла и, пролагая новый путь къ быстрой Аддѣ, ломаетъ, рветъ, разбрасываетъ военную дорогу, работу бѣдныхъ Вальтелинцовъ....

«Давно, лѣтъ пятнадцать тому, и Валь-

телинѣ улыбнулось счастіе. Чужіе ушли, но зато свои не остались въ покоѣ. Отставъ отъ коварнаго Милана, мы жили въ дружбѣ съ альпійскими сосѣдями, присоединились къ Граубюнтену и считались частію этого кантона. Но тогда съ горъ безпрепятственно сошли въ нашу долину новыя вѣрованія, новые проповѣдники. Быстро распространялась новая Церковь: между отступниками отъ папизма былъ и отецъ мой; мнѣ было тогда около девяти лѣтъ. Увлеченный новымъ ученіемъ, отецъ хотѣлъ, чтобы и жена и дочь послѣдовали его примѣру. Матушка пришла въ ужасъ, когда Гаэтано объявилъ свою волю. Обнявъ меня крѣпко, она какъ-будто боялась, что дочь украдутъ черные проповѣдники германской реформы; упрекала отца въ отступничествѣ; клялась не измѣнять вѣрѣ своихъ отцовъ и, однажды... меня не было дома... Богъ-знаетъ отъ чего, слегла въ постель. Гаэтано былъ неумолимъ. Недугъ матушки онъ приписывалъ упрямству; не позвалъ врача, и самъ не хотѣлъ озаботиться о несчастной. Болѣзнь усилилась, и когда опасность обнаружилась въ послѣдней степени, тогда только пошелъ онъ искать какого-то ученаго пришельца, который съ богословскими свѣдѣніями соединялъ лечебныя. Я одна осталась при матушкѣ.

«Джудита! сказала больная едва внятно: бѣги къ отцу Антоніо. Скажи: я умираю....» Я бросилась въ монастырь, и по дорогѣ кричала: «Матушка умираетъ! матушка умираетъ!...» И когда отецъ Антоніо съ Дарами шелъ къ нашему дому, а я бѣжала за нимъ, едва поспѣвая отъ усталости, у воротъ нашихъ чернѣла толпа жителей Сондріо. Громко спорили. Какой-то черный человѣкъ доказывалъ толпѣ, что Маргариты Ваоли не должно исповѣдывать, но приготовить къ смерти по новому правилу. Мы были уже у самаго порогу. Почти въ то же время подошелъ къ дверямъ и Гаэтано съ ученымъ Швейцарцемъ. Увидѣвъ отца Антоніо, Гаэтано пришелъ въ бѣшенство, захлопнулъ двери и, держа ручку замка, оборотился къ намъ и закричалъ:— Не пущу въ домъ мой паписта, да не снидетъ на насъ проклятіе Господне! — «Пустите! сказала я: матушка умираетъ...» — Да не сопутствуетъ ей грѣхъ бесѣды съ козлищами и поклонниками Ваала! — «Маргарита умираетъ!... раздалось въ толпѣ: пропусти, отступникъ, святаго отца!» — Нѣтъ! Я привелъ къ ней пастыря истиннаго, а этого не пущу! И вы, грѣшники, паписты, овцы въ волчьихъ лапахъ, опомнитесь и покайтеся!

«Въ отвѣтъ послышался глухой стонъ толпы и брызнулъ дождь камней. «Смерть отступникамъ!» Побѣжалъ крикъ съ улицы на улицу. Толпа раздѣлилась; ножи засверкали: двери стали свободны. Отецъ Антоніо спокойно вошелъ въ нашъ домъ; я вбѣжала за нимъ дрожа и плача. Подходимъ къ матери: она открыла глаза. Вдругъ, всѣ окна задребезжали и посыпались вмѣстѣ съ камнями на полъ. Маргарита хотѣла приподняться, и отошла.— «Волки, дѣти Ваала! пейте кровь праведника!» закричалъ отецъ мой въ дверяхъ и упалъ мертвый на порогѣ.

«Я выбѣжала на улицу, кричала «Помогите!» но никто не хотѣлъ слушать, всѣ бѣгали съ ножами; со многихъ дымилась кровь. Я встрѣтила знакомыхъ, но и тѣ, убѣгая, кричали: «Благодари Бога, Джудита, мы истребили еретиковъ!»

«Сама не зная куда и зачѣмъ, я бѣжала за ними. Уже на долинѣ я опомнилась и вернулась. Сондріо опустѣло: ни живой души на улицахъ; кое-гдѣ встрѣчала я трупы; изрѣдка слышала въ домѣ стоны умирающихъ. Страхъ придавалъ мнѣ быстроту, крылья. Вбѣгаю домой, и вижу: монахи съ отцомъ Антоніо уже приготовили тѣла родителей моихъ къ погребенію... Странно: я не плакала! Тѣсно было душѣ моей; сердце щемило: я глядѣ-

ла на все съ изумленіемъ, съ какимъ-то дерзкимъ ужасомъ. Да, мнѣ было страшно, а я любопытствовала, разспрашивала, прикасалась къ ранамъ отца моего, и когда, подъ-вечеръ, монахи подняли мертвецовъ и двинулись въ путь, я пошла за ними уже со слезами, кричала, даже сердилась, зачѣмъ унесли у меня отца и мать.... Я не могла вообразить, что они умерли. Процессія медленно шла по пустымъ улицамъ Сондріо. При встрѣчѣ каждаго трупа два монаха насъ оставляли и принимались за покойника. При нѣкоторыхъ мертвецахъ мы уже находили монаховъ другаго ордена и также съ готовыми гробами. Мы были близко монастыря и кладбища. Вдругъ, густыя толпы народа, съ ножами на-голо, загородили дорогу... — «Стой! кричали многіе: бросьте отступниковъ! Ужо́ мы похоронимъ ихъ въ Маллеро и Аддѣ... а теперь спѣшите въ церкви: служите Te Deum: Вальтелина очищена отъ еретиковъ!» Но монахи покойно продолжали путь свой. Увидѣвъ меня, жители Сондріо закричали: — «Какъ? и Гаэтано Ва́оли?...» И монахи не успѣли опомниться, какъ уже гробъ отца моего былъ въ рукахъ народа, и его понесли къ тому мѣсту, гдѣ ручей Маллеро бросается въ Адду. «На, голубая, женишка!» закрича-

ла толпа, и Гаэтано исчезъ въ шумномъ потокѣ Маллеро... Я все время шла за трупомъ отца, молила, плакала, но никто меня не слушалъ.... Когда волны поглотили Гаэтано, съ веселыми криками побѣжалъ народъ въ церкви. Я осталась одна; глядѣла въ волны: отца не было. Прислушивалась, не кричитъ ли онъ? но въ отвѣтъ — шумъ Маллеро и отдаленный гулъ, необыкновенный, страшный. Казалось, весь воздухъ дрожалъ! Раздались колокола въ нашемъ Сондріо: имъ отвѣтили въ Тирано. Смерклось. По всей долинѣ, въ разныхъ мѣстахъ, горѣло пожарное зарево, гудѣли колокола: мнѣ казалось, будто я слышу звонъ изъ Кіавенны и Борміо. Наступила ночь; стало страшно; бѣгу домой: по улицамъ еще не успокоились люди. Дома мнѣ стало еще страшнѣе. Я прибѣжала къ сосѣдкѣ, которую очень любила покойная матушка: она жила окнами противъ оконъ нашего дома.—Гдѣ ты пропадала, Джудита? спросила она съ примѣтною радостью: и мы, и дѣти, вездѣ тебя искали! Ну, слава Богу, хоть ты жива! —«Но батюшка!... — Подѣломъ ему: палкой хотѣлъ жену вѣрѣ учить, еретикъ окаянный! Забудь объ немъ, Джудита, а молись объ несчастной матери. — «А что́ матушка?...»

«Горько улыбнулась Катарина, взяла

меня на руки и унесла къ своимъ дѣтямъ. У нея было два сына и дочь. Дочь, Марія, была гораздо постарше меня, такъ, что черезъ годъ думали и замужъ выдать: она обрадовалась моему приходу, и скоро успокоила мое дѣтское горе. Мы уснули вмѣстѣ на одной постели.

II.

ЖЕНИХИ.

«Лучшее время моей жизни — это годы сиротства. Материнская привязанность Катарины, дружба Маріи, внимательность всего дома, казалось, съ избыткомъ замѣнили мнѣ суроваго отца и слабую, хворую мать. Марія вышла замужъ за какого-то флорентинскаго кавалера: онъ оставилъ войну и уѣхалъ съ женою въ отчизну. Дорого стоило Катаринѣ разстаться съ дочерью, тѣмъ болѣе что, уже послѣ свадьбы, открылось, что Марія, несмотря на всѣ достоинства флорентинскаго богача, не можетъ любить его. Сердце Маріи принадлежало французскому офицеру, нѣжному юношѣ, который, сколько помню я, назывался д'Орбиньи, и передъ самой свадьбой долженъ былъ отправиться въ походъ, отложивъ объясненіе съ Катариной до заключенія мира,

котораго тогда всякой день ожидали. Марія уѣхала, и вся привязанность доброй матери досталась на мою долю. Я подрастала; люди останавливались, глядя на меня; восхищались моими глазами, станомъ, осанкой, походкой, рѣчами. Пришла пора: Катарина искала жениха, но непремѣнно въ Сондріо. Лишиться второй дочери, на это не могла рѣшиться добрая Катарина: и женихъ отъискался.

«Я не умѣла еще любить. Повѣрьте: любовь искусство; ему надо учиться. А эти пламенныя страсти, *пришелъ*, *увидѣлъ*, *полюбилъ*, имѣютъ еще четвертый, столь же краткій, быстрый періодъ, то есть, *и разлюбилъ*. Молодая дѣвушка любитъ, какъ будущій музыкантъ, еще ребенкомъ, уже правильно насвистываетъ пѣсню: но развѣ это музыка?... какъ молодой живописецъ чертитъ уголькомъ на стѣнахъ и столахъ головки, фигурки, деревья и домики: но развѣ это живопись?.. И развѣ наша первая дѣвичья любовь въ самомъ дѣлѣ любовь? Не сердитесь, мои друзья, а я считаю каждую первую любовь предчувствіемъ, школой; меньше: азбукой!... И мнѣ хотѣлось любить кого-нибудь, потому что Марія любила своего д'Орбиньи, а матушка покойнаго отца, Катарина своего чулочника.... и вообще всѣ женщины Сондріо любили, то австрійскихъ,

то испанскихъ, то французскихъ воиновъ: патріотизмъ въ этомъ случаѣ онѣ прятали въ молитвенники, потому что въ церквахъ только, всѣ, единодушно, усердно молились объ освобожденіи Вальтелины отъ нашествія варваровъ. Я не могла подражать моимъ сверстницамъ. Катарина строго смотрѣла за моими связями и знакомствами, и я, отъ скуки, полюбила молодаго Француза. Вся конная рота, составлявшая гарнизонъ нашего мѣстечка, состояла подъ его начальствомъ. Жоржъ былъ постарше д'Орбиньи, но геройскій видъ, воинственное лицо, открытый, прямой характеръ, любовь къ нему всѣхъ жителей, поселили во мнѣ нелѣпую страсть. Отъ сверстницъ я не могла укрыться: слухи и сплетни дошли до Жоржа. Сижу я однажды у окна и мечтаю о моемъ Жоржѣ: вошла Катарина, усѣлась противъ меня и, послѣ краткаго молчанія, начала говорить торжественно:—«Послушай, Джудита, пора тебѣ и пристроиться. Сыскался и женихъ въ Сондріо.» Я поблѣднѣла. Катарина продолжала: «Ты, вѣрно, замѣтила: пойдешь ли ты въ церковь, къ сосѣдямъ, на прогулку, какъ съ неба всегда явится молодой человѣкъ...»

«Мнѣ сдѣлалось дурно; я не могла не узнать въ этомъ молодомъ человѣкѣ сына нашего головы, богатаго наслѣдника

многихъ виноградниковъ и многихъ мѣшковъ золота. Но какой онъ женихъ! Ни одна изъ моихъ знакомыхъ не была влюблена въ него; онъ никогда не ѣздилъ верхомъ на андалузскомъ конѣ мимо моихъ оконъ; всегда въ черномъ, какъ швейцарскій проповѣдникъ; даже въ обращеніи его замѣтна была простота новыхъ ученыхъ, которыхъ, послѣ смерти отца моего, я такъ ненавидѣла. Я скрѣпилась и хотѣла, во что́ бы то ни стало, дослушать добрую Катарину. — «Піетро д'Аргола, продолжала она, влюбленъ въ тебя дотого, что его, право, жаль.» Я стала внимательнѣе. «Онъ написалъ цѣлую книгу о любви, гдѣ превозноситъ тебя похвалами. Любовь его достигла послѣднихъ предѣловъ, и, если ты не рѣшишься подарить его счастіемъ, онъ оставитъ наше Сондріо навсегда. Повѣрь, это не угроза. Во всей семьѣ — твердый, упрямый характеръ, но всѣ исполнены честности и достоинства... Ну, такъ, Джудита...» — Матушка, отвѣчала я довольно спокойно: я не люблю Піетро.

«Не успѣла я сказать этого, двери отворились, и въ нихъ показалась голова Піетро. Лицо его въ эту минуту было истинно прекрасно; грусть и двѣ большія слезы придавали глазамъ его романическую томность. — «Простите! почти шепо-

томъ сказалъ онъ: простите навсегда!»— Я была тронута. Катарина глубоко опечалена. Вскочивъ съ мѣста, я не знала куда дѣваться, что́ сказать: точно острымъ ножемъ провели по сердцу и тотчасъ залили цѣлебнымъ масломъ.... Катарина глядѣла на меня, какъ-будто ожидая, что я обрадую ее другимъ отвѣтомъ на предложеніе Піетро. Но его уже не было. Изъ окна я видѣла какъ онъ кому-то кланялся и благодарилъ: но кому? Я не смѣла взглянуть въ окошко... Двери растворились. Вошелъ Жоржъ. Представьте весь ужасъ моего положенія! Радость, опасенія, мысли о Піетро, догадки насчетъ такого неожиданнаго посѣщенія... Жоржъ подошелъ, весьма почтительно поклонился, и сѣлъ возлѣ, безъ приглашенія: — «Добрая Джудита, сказалъ онъ задумчиво, не глядя на насъ: простите, если я пришелъ уничтожить зародыши чувства, которое такъ легко вспыхиваетъ въ сердцѣ молодой дѣвушки, и отстранить отъ совѣсти моей грѣхъ, что я былъ невольною причиною погибели добраго моего друга Піетро д'Аргола; а онъ едва ли перенесетъ потерю Джудиты. Можетъ-быть, слухи слишкомъ лестны для меня; можетъ-быть, люди хотѣли пошутить надъ вашимъ простодушіемъ; но..... я женатъ!»

«Мнѣ не на шутку сдѣлалось дурно; онъ, ничего не замѣчая, продолжалъ: — «И даже для васъ, очаровательная Джудита, не измѣню чудной женѣ моей, хотя она за горами, въ далекомъ Парижѣ.... Вѣрность королю, вѣрность въ дружбѣ и любви — вотъ старая, заслуженная слава капитана Вальероля!...»

— Моего отца?... спросила съ трепетомъ Эвелина.

Альфредъ также не удержался отъ восклицанія.

«Рѣчь капитана убила меня, продолжала Джудита, не отвѣчая собесѣдникамъ: я совершенно смѣшалась; добрая Катарина отъ удивленія онѣмѣла и, всплеснувъ руками, глядѣла на меня съ выраженіемъ упрека и оскорбленія. Капитанъ хотѣлъ сколько-нибудь успокоить старушку и оправдать меня въ глазахъ второй моей матери; но не успѣлъ сказать трехъ словъ, какъ раздались колокола; улица покрылась народомъ; ударили въ набатъ. На быстромъ конѣ къ окошку подскакалъ драгунъ; я спряталась въ уголъ... — «Что́ такое, Помпей?» спросилъ капитанъ.

— Удивительно!.... это Гаръ-Піонъ! вскричала Эвелина.

«Вѣроятно. — «Непріятель! отвѣчалъ драгунъ... Будетъ сраженіе. Рота сейчасъ

прискачетъ. Люди мнѣ показали гдѣ вы, капитанъ, и имъ покажутъ.»

«Рота драгунъ неслась по улицѣ. Капитанъ уже былъ на конѣ; мы слышали, какъ онъ разспрашивалъ о непріятелѣ.— «Сильный отрядъ, капитанъ, отвѣчалъ тотъ же драгунъ: съ пушками!» — Австрійцы или Испанцы? — «Испанцы,» кричали драгуны. — Что̀ дѣлать! уйдемъ въ горы до поры до времени: а всему виноватъ генералъ Конти!

«Рота поскакала. Волненіе на улицахъ продолжалось; сосѣди запирали ставни, и наши кто-то захлопнулъ съ улицы; мы остались въ темнотѣ. Катарина, испуганная, изумленная, не могла ни говорить, ни встать; я, спрятавшись въ уголъ при первомъ появленіи драгуна, не смѣла изъ него выйти: меня занимала не война: мы такъ уже привыкли почти къ ежедневнымъ перемѣнамъ военнаго постоя, что скучали, когда одни и тѣ же войска долго засиживались въ Сондріо; нѣтъ! я считала капитана измѣнникомъ, неблагодарнымъ: мнѣ казалось, что онъ женился нарочно, чтобы меня унизить. Мнѣ стало жаль Піетро, совѣстно передъ Катариной, стыдно передъ сверстницами... Наконецъ старушка пришла въ себя и тихо спросила: — «Ты здѣсь, Джудита?» — Здѣсь! отвѣчала я такъ тихо, что Катарина по-

вторила свой вопросъ.—«Чтó все это значитъ? разскажи мнѣ, Джудита!» — Я не знаю, матушка. Вы сами слышали..... Испанцы..... — «Чтó намъ до нихъ! не всё ли одно кто будетъ грабить бѣдную Вальтелину?.... Но ты скажи мнѣ....» — Матушка! простите!... — Я бросилась въ ея объятія и, заливаясь слезами, разсказала ей, со всею искренностью, краткую повѣсть моей любви. Катарина захохотала: я обидѣлась; но насъ помирилъ пушечный выстрѣлъ. Сраженіе завязалось противъ нашего дома. Выстрѣлы и стукъ сабель дробились еще около полу-часа, мѣшаясь съ криками и топотомъ коней; вдругъ все утихло. Мы осмѣлились отворить двери, калитку; выходимъ на улицу: нѣсколько человѣкъ раненныхъ лежитъ на площадкѣ; вдали видны войска; французская рота ушла, Испанцы ее преслѣдовали... Незамѣтно выползли и другіе сосѣди, окружили раненныхъ; между ними было человѣкъ десять Испанцевъ, два Француза и Піетро д'Аргола... Онъ увидѣлъ меня, когда его несли мимо нашего дома: — «Прости, Джудита!» закричалъ онъ такимъ пронзительнымъ голосомъ, что я безъ чувствъ упала на руки Катарины.

—

III.

НОВЫЕ ГОСТИ.

«Я очнулась отъ новаго шуму: на улицѣ играли трубы и раздавался мѣрный топотъ лошадей. — «Это наши, сказала Катарина: не бойся, Джудита, это наши!»

«Я, съ постели, видѣла смѣшныя фигуры италіянской конницы. Несмотря на слабость, я встала и подошла къ окну; сильный отрядъ разношерстныхъ италіянскихъ войскъ, какъ стѣна, медленно подвигался по улицѣ. —«Давно не видали!» сказала я, принуждая себя улыбнуться. Отрядъ ѣхалъ еще медленнѣе: нерѣдко по тѣснотѣ улицъ останавливался и опять трогался съ мѣста. Вдругъ, что́-то ихъ весьма долго задержало. Передъ нашими окнами, на красивомъ черномъ конѣ съ красноватыми огненными глазами, убранномъ перьями и турецкой сбруей, сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, осьми. Черныя кудри сыпались изъ-подъ золотой каски, осѣненной множествомъ разноцвѣтныхъ перьевъ; золотыя легкія латы обливали стройный станъ всадника; красный крестъ — на груди, красный крестъ — на голубомъ небольшомъ знамени, которое, высоко, подъ золоченымъ остріемъ копія, играло съ вѣтромъ: все

вооруженіе обнаруживало начальника или, по-крайней-мѣрѣ, богача. За нимъ, также въ каскахъ и въ черныхъ латахъ съ красными крестами, на дурныхъ клячахъ, смирно и уныло сидѣли воины. Мы узнали папское войско. Но, признаюсь, ихъ начальникъ стеръ съ моей памяти, по-крайней-мѣрѣ въ ту минуту, и Жоржа и Піетро. Я невольно охорашивалась, улыбалась, глядя на пляску неутомимой лошади; наконецъ встрѣтилась взорами съ красивымъ всадникомъ: онъ улыбнулся; я покраснѣла. Отрядъ тронулся, и всадникъ съ особенною пріятностью намъ поклонился. Мы обѣ встали и отвѣтили почтительнымъ поклономъ начальнику войскъ его святѣйшества. За такимъ богатымъ полководцемъ я ожидала цѣлой арміи, но, къ удивленію, проѣхало не болѣе ста человѣкъ, и потянулся обозъ отряда. Вошелъ Паоло, сынъ Катарины. — Ну, что́ слышно? спросила старушка. — «Господи Боже мой! отвѣчалъ грустно Паоло: десять тысячъ въ Сондріо, когда насъ самихъ и трехъ тысячъ не будетъ!» — Да неужели всѣ оста́новятся у насъ? — «По-крайней-мѣрѣ сегодня; особенно, когда узнали, что въ долинѣ Испанцы.» — Что́ же голова? — «Да что́! генералу Конти уступилъ свой домъ, а венеціянскому сенатору назначилъ вашъ домъ, матуш-

ка.» — Мой домъ?... А куда же мы сами дѣнемся? Развѣ переѣхать напротивъ, въ домъ Джудиты? —«Нѣтъ, матушка; нынче и сиротскихъ правъ не уважаютъ: домъ Ваоли назначенъ папскому капитану.»

«Ахъ, какъ я обрадовалась! Милые друзья; я думала, вѣрно самъ Богъ такъ устроилъ. Любовь къ Жоржу, участіе, теплое участіе къ бѣдному Піетро, исчезли. Я во весь вечеръ не отходила отъ окна, и вся задрожала, когда капитанъ, сопровождаемый слугами, множествомъ лошадей и обозомъ, подъѣхалъ къ моему дому, и, ласково, дружески, какъ старый знакомый, поклонился Джудитѣ. Долго онъ раздавалъ приказанія, стоя у воротъ и не сводя глазъ съ моего окна; наконецъ ушелъ въ домъ, но не забылъ поклониться. Окно раскрылось; капитанъ, безъ шлема и латъ, въ бархатномъ розовомъ камзолѣ съ серебряными снурками, голубыми отворотами и блестящими пуговицами, подошелъ къ окну. Несмотря на малый его ростъ, въ жизни моей я не видала такого красавца! Но смерклось. Паоло заперъ ставни; мнѣ стало очень скучно. На бѣду, Катарина не переставала громко сердиться на голову, и къ каждому обвиненію прилагала вопросъ: «Не правда ли, Джудита?» Пріѣхалъ и нашъ постоялецъ. Лошади и лю-

ди не могли помѣститься на тѣсномъ дворѣ Катарины; сенаторъ такого надѣлалъ шуму, что голова, въ тотъ же вечеръ, перемѣстилъ его къ своему зятю; но зато на постой къ намъ прислалъ флорентинскаго сержанта, у котораго была только лошадь да трубка. Кавардоне, такъ называли его, былъ сговорчивъ, удовольствовался одной комнатой, съѣлъ, что́ дали, легъ, гдѣ показали и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

«На другой день я встала раньше обыкновеннаго и уже сидѣла у окна съ моими пяльцами. Работа шла медленно; я ошибалась безпрестанно: надобно было выдергивать цѣлые цвѣтки, вышитые не по образцу, или не на мѣстѣ, или не тѣмъ шелкомъ. Отъ ожиданія продолжительнаго, отъ тяжкаго нетерпѣнія, я почти захворала; досадныя слезы невольно навертывались на глаза; иногда, въ забытьѣ, я отгоняла докучную муху, а мухи, я думаю, тогда во всемъ Сондріо не было: глубокая осень съ безконечными дождями наводняла нашъ Маллеро, и, бурная, полная, Адда катилась мутными волнами. Наконецъ отворилось окно. Какъ весеннее утро показался юноша: слуги одѣвали капитана; онъ надѣлъ бѣлый бархатный камзолъ съ пунсовыми обшлагами, покрытый на груди пунсовыми снурка-

ми, и сѣлъ у окна; слуги принесли столикъ, завтракъ и шкатулку. Капитанъ сталъ чистить ногти. Не успѣлъ онъ расположиться у окна, какъ поползли къ нему гости. Вскорѣ самъ генералъ Торквато Конти вошелъ въ домъ мой. Капитанъ всталъ и, весьма развязно, ловко, безъ солдатской принужденности, принялъ генерала. Разговоръ ихъ былъ продолжителенъ. Капитанъ, какъ я по всему заключила, не соглашался съ генераломъ; Конти и всѣ гости настаивали, упрашивали, и наконецъ всѣ разошлись. Потомъ уже сказывалъ онъ мнѣ, что его убѣждали ѣхать во Францію для переговоровъ, но онъ для меня отказался отъ этой чести. Капитанъ сѣлъ снова къ окну, сталъ чистить ногти и улыбался.... такъ мило, такъ лукаво!... Вошелъ къ нему Паоло. Капитанъ что-то сказалъ ему и Паоло прибѣжалъ къ намъ.

— «Матушка! матушка! капитанъ узналъ, что домъ принадлежитъ Джудитѣ и непремѣнно хочетъ познакомиться съ хозяйкой.»—Я покраснѣла, и углубилась въ работу, будто не слышу. — «Милости просимъ, сказала старушка: мы отъ такой чести никогда не прочь; кажется, очень знатный и порядочный человѣкъ.»

«Мы познакомились.

—

IV.

СВАДЬБА.

«Ахъ, милые друзья! кчему вамъ разсказывать, какъ горячо мы полюбили другъ друга, какъ легко обманывали Катарину, дѣтей ея, сосѣдей? Но вскорѣ блаженство мое смѣнилось ужасомъ: невозможно было скрыть моего положенія. Первая угадала тайну Катарина. Ни одного упрека, ни какого наставленія; но, убѣдясь въ горькой истинѣ, она отправилась къ капитану. Я была совершенно спокойна: меня пугала одна Катарина; но, когда минула тяжелая минута объясненія, котда я увидѣла, что матушка не сердится, не горюетъ, я опять стала весела по-прежнему, и мысль быть матерью, женою, утро́ила блаженство моей любви. Я не сомнѣвалась въ Джуліо, потому что и день и часъ моего союза уже были назначены; Джуліо просилъ только о временной тайнѣ. Катарина возвратилась съ веселымъ лицомъ, не могла нахвалиться обхожденіемъ Джуліо, разсказала, что застала его въ бесѣдѣ съ нунціемъ кардиналомъ, который ѣдетъ во Францію, и съ генераломъ Торквато Конти. Когда эти важныя особы удалились, позвали Катарину. Джуліо самъ пред-

упредилъ непріятное объясненіе, и разсказалъ свои намѣренія; но важныя политическія причины не позволяли браку совершиться въ Сондріо, и онъ не зналъ самъ, гдѣ бы лучше исполнить обрядъ, въ Кіавеннѣ или въ Тирано.

— «Въ Кіавеннѣ, сказала старушка, у меня нѣтъ никого знакомаго.» — Зато у меня, отвѣчалъ Джуліо, есть тамъ свои люди; я тотчасъ напишу туда. Приготовьте Джудиту къ отъѣзду; я спѣшу этимъ дѣломъ, чтобы успокоить васъ, добрая Катарина. Сегодня же я пришлю за нею людей: но, ради самаго неба, не погубите насъ нескромностію! Мѣсяцъ молчанія — и все уладится. А жениться надо; если бы можно было, сейчасъ, сію минуту. Я человѣкъ военный: Богъ знаетъ, что́ можетъ случиться! Но съ моимъ состояніемъ она будетъ спокойна; совѣсть чиста, счастіе жизни упрочено, честь ребенка.... Однимъ словомъ, откладывать нельзя.

— «Вотъ какой благородный человѣкъ! сказала со слезами Катарина. Грѣхъ — дѣло житейское; но такъ честно загладить преступленіе, такъ спѣшить исправленіемъ ошибки... это качество нынче рѣдко встрѣтишь!»

«Представьте мою радость, мое счастіе!... Конечно, я собралась очень ско-

ро; по условію, я должна была тотчасъ послѣ брака отправиться въ Миланъ, и тамъ ждать Джуліо, который обѣщалъ туда пріѣхать ровно черезъ мѣсяцъ: къ этому времени, не знаю почему, ожидали непремѣннаго окончанія войны. Остальную часть дня мы прощались съ Катариной; я обѣщала въ продолженіе моего временнаго вдовства навѣстить Марію, а потомъ пріѣхать погостить къ старушкѣ. Смерклось; пришелъ Джуліо. Первый разъ безъ страху, какъ супруги, мы бросились въ объятія другъ друга: Джуліо плакалъ отъ радости, цѣловалъ руки счастливой Катарины: наконецъ мы приняли ея благословеніе, и ушли. Старушка съ умысломъ послала за чѣмъ-то и дѣтей и слугъ, кого въ Тирано, кого въ окрестные монастыри, и сама свѣтила намъ на лѣстницѣ. Кавардоне спалъ. На дворѣ ожидала меня богато убранная лошадь и папскіе усатые и бородатые латники. Сѣли всѣ на лошадей. Я сказала Катаринѣ послѣднее «прости», и мы тронулись въ путь. Изъ воротъ мы поворотили направо, мимо дома: въ окнѣ торчала моя Катарина; луна странно освѣщала старое лицо, и она стояла будто гостья съ того свѣта: мнѣ стало грустно.—«Прости, Джудита!» прошептала она. — «Прости, Джудита!»

повторилъ пронзительный голосъ; я чуть не упала съ лошади: подъ окномъ стоялъ Піетро, такой страшный, такой блѣдный!...—«Смѣлѣй, смѣлѣй!» прошепталъ Джуліо, и мы прибавили ходу.

«Не скоро я могла успокоиться. Разнообразіе ощущеній; непривычка къ верховой ѣздѣ, особенно въ моемъ положеніи; скользкая, узкая дорога; на каждомъ шагу опасность: мнѣ сдѣлалось дурно... Нѣжная заботливость Джуліо была лучшимъ лекарствомъ, и мы шагомъ пробирались къ Кіавеннѣ; въ пріятномъ разговорѣ, я почти не замѣтила переѣздовъ. Мы пріѣхали въ Кіавенну поздно ночью: луна скрылась; стало очень темно; на улицахъ мы не встрѣтили живой души.— «Все ли готово? ждутъ ли насъ?» спросилъ Джуліо. — «Будьте спокойны! Я позволю зарядить собою пушку, если Діаволо не уладилъ дѣла. —«In punto!» сказалъ кто-то въ темнотѣ. — «Діаволо, Діаволо!» прошептали спутники. — «Ну, что́?» спросилъ Джуліо, и голосъ его дрожалъ.— Все готово, отвѣчалъ Діаволо: насилу уладилъ. Отецъ Сильвестръ непремѣнно хотѣлъ знать, кто вы. — «Ну, что́ же? надо было сказать и заплатить за тайну.» — Я такъ и сдѣлалъ. Но отецъ Сильвестръ не иначе согласился, какъ на томъ условіи, чтобы обрядъ совершил-

ся безъ свѣчъ. — «Что́ ты! съ ума сошелъ!» — Нѣтъ; по-мнѣ такъ онъ правъ: зажгутъ свѣчи, пойдетъ по городу тревога, сбѣгутся. — «Совершенно справедливо!» сказала я. — Ну, нечего дѣлать! Надо согласиться, хотя это странно. — «Да позвольте! вы не Джуліо, а Филиппо», сказалъ Діаволо — Это почему? — «Ужъ не извольте безпокоиться; въ бумагѣ все написано, какъ слѣдуетъ, а въ церкви своего имени не произносите: тамъ будутъ и прислужники, а они даже имени вашего знать не должны.»

— Очень умно, сказала я.

— «Да какъ же не умно! замѣтилъ Діаволо: какъ на бѣду, самъ кардиналъ Бани уже здѣсь, и если узнаетъ какъ-нибудь, что ночью вѣнчали капитана Джуліо изъ Сондріо, догадается: чего добраго!... надѣлаетъ шуму, напишетъ къ вашему отцу: все пропало; будете съ женой ходить поміру; мѣсяцъ обождать не долго.»

«Мы подъѣхали къ церкви. Латники остались у паперти, гдѣ приготовлена была крытая повозка для моего отъѣзду въ Миланъ. — «Я изъ церкви провожу тебя, Джудита, сказалъ Джуліо, до перваго городка. — А вы ступайте впередъ и поджидайте насъ.» — Слушаю съ, отвѣчалъ Діаволо.

«Мы вошли въ церковь. — «Ахъ! надобно еще сказать слово», продолжалъ Джуліо и вышелъ на паперть; но не прошло мгновенія, онъ воротился, взялъ меня за руку и повелъ къ алтарю. Мы оба дрожали, особенно женихъ. Я слышала, какъ ускакали всадники.

«Обрядъ совершился; мы въ повозкѣ. Наступила блаженнѣйшая минута: я осыпала горячими поцѣлуями уже супруга, онъ прижималъ меня къ сердцу, и, тихо, шопотомъ, умолялъ успокоиться, заснуть, отдохнуть отъ всѣхъ хлопотъ, страху, усталости. Лошади мчались: я уснула въ объятіяхъ Джуліо.... О! зачѣмъ я проснулась?... Было свѣтло; мы поднимались на альпійскія высоты... мужъ мой спалъ... Но то былъ не Джуліо!...

— Кто же? спросили съ ужасомъ Альфредъ и Эвелина.

— Филиппо Деллапорта!

V.

ЗАМУЖСТВО.

«Не стану вамъ разсказывать моего отчаянія, распросовъ, проклятій, болѣзней, попытокъ бѣгства, иногда и грѣшныхъ намѣреній лишить себя жизни. Все это было очень естественно въ моемъ по-

ложеніи. Скажу вамъ только, что настоятельные, дерзкіе вопросы, сопровождаемые, признаюсь, даже ругательствами и угрозами, доставили мнѣ только тѣ свѣдѣнія, что Филиппо Деллапорта, неаполитанскій живописецъ, по бѣдности шелъ искать счастія во Францію, промышляя дорогой на путевые расходы; что Діаволо или, какъ называлъ его Филиппо, синьоръ Ланети, встрѣтилъ Деллапорту въ Кіавеннѣ, познакомился и, когда узналъ, что Филиппо холостъ, крайне бѣденъ и пробирается во Францію, Ланети предложилъ ему три тысячи ливровъ и меня. При совершенной нищетѣ, три тысячи ливровъ казались Филиппу цѣлой государственной казной, и онъ согласился. Кто былъ Джуліо, кто я, все это для него оставалось тайной: онъ получилъ половину денегъ впередъ, вторую обѣщали ему заплатить въ Греноблѣ, гдѣ мы и остановились на нѣсколько дней. Тамъ мы нашли сильные отряды французской арміи съ кардиналомъ-генералиссимусомъ... Слабость, раскаяніе въ легкомысліи, стыдъ возвратиться на родину, страхъ совершить грѣхъ смертельный... я рѣшилась на-время покориться жребію! Жизнь и здоровье ребенка еще болѣе заставляли меня быть благоразумною. Деллапорта былъ еще довольно мо-

лодъ... лѣтъ тридцати пяти, шести; довольно хорошо образованъ, не дурно пѣлъ, говорилъ прекрасно... Я начала мириться съ моимъ положеніемъ, но мы жили съ нимъ какъ добрые знакомые, которыхъ судьба на всю жизнь поставила подъ одну крышу. Мысль о мести не оставляла меня; но сказать объ этомъ Деллапортѣ я опасалась: можетъ-быть, месть моя несогласна будетъ съ его расчетами, а, главное, съ его врожденною трусостью. Замѣтьте, что я, даже въ припадкахъ отчаянія и бѣшенства, не назвала Джуліо по фамиліи: я рѣшилась скрыть ее до поры до времени даже отъ мужа. Въ Греноблѣ Филиппо получилъ свои деньги, ночью, отъ того же Діаволо, который, положивъ передъ соннымъ Филиппо мѣшокъ, скрылся—и слѣдъ простылъ. Мы переѣхали въ Ліонъ, коекакъ устроились. Родились близнецы, Джуліо и Джироламо... Материнскія заботы совершенно изгладили послѣднія воспоминанія объ измѣнникѣ. Я опять похорошѣла, такъ, что самъ Филиппо нерѣдко засматривался на жену свою: иногда рѣшался даже напомнить о правахъ своихъ, но, не знаю, какъ помогло мнѣ Небо: я всегда грозно встрѣчала его требованія и наконецъ онъ обо мнѣ пересталъ и думать. Деньги наши израсхо-

довались. Филиппо принялся за работу, и я замѣтила, что онъ, не живописецъ, а простой маляръ. Онъ началъ расписывать лѣстницы и комнаты богатѣйшихъ купцовъ ліонскихъ: въ этомъ онъ очень былъ искусенъ, и плата за его ничтожныя работы была довольно значительная, такъ, что совершенно обезпечивала наше существованіе. Деллапорта примѣтно началъ скучать своею женитьбой: мы почти не видались, хотя занимали только два покоя; изрѣдка онъ приходилъ въ мою комнату, сердился на расходы и совѣтовалъ.... что́ бы вы думали?... стыдно вымолвить... Но однажды онъ пришелъ домой поздно ввечеру, обошелся со мной необыкновенно ласково: учтивостямъ не было конца; онъ помогалъ мнѣ убаюкивать дѣтей; они заснули, и Деллапорта, или Депортъ, взялъ меня за руку.

— «Джудита! сказалъ онъ съ чувствомъ: мы въ крайности; работы по зимѣ прекратились; весь дворъ въ Ліонѣ; король нездоровъ, даже опасно; ты можешь представить, кому теперь до украшенія залъ и лѣстницъ живописными цвѣтками! Голодная смерть намъ угрожаетъ. Но ты можешь спасти насъ и дѣтей, обогатиться, жить счастливо. Ты такъ молода!... Ты такъ жаждешь любви!... И, конечно, не я тотъ счастливецъ, кому

назначены первые восторги послѣ двулѣтняго замужняго вдовства. Воспоминанія разлучили насъ навѣки... Тягостное бремя для мужа — такая жена и такія дѣти!...» Онъ съ презрѣніемъ поглядѣлъ на колыбель, гдѣ два мои ангела спали сладкимъ, невозмутимымъ сномъ. — «Такъ разойдемся, сказала я равнодушно. Я отдамъ дѣтей на руки добрыхъ людей, а сама пойду въ монастырь».—Разводъ! Ты задумала развестись со мною? Но развѣ я даромъ содержалъ два года тебя и твоихъ поганыхъ щенковъ?—«Филиппо!...» Я схватила ножъ: онъ вырвалъ его, и продолжалъ въ бѣшенствѣ.—«Заплати за жизнь, которую ты погубила; заплати за независимость, заплати за отверженную любовь: за все, за все! Ты можешь это сдѣлать, Джудита, и случай уже представился.» — Филиппо, Филиппо! кричала я. — «Ты знаешь его: еще на родинѣ онъ полюбилъ тебя; мы будемъ жить вмѣстѣ, онъ будетъ учиться у меня живописи: ни какихъ подозрѣній; ни какихъ догадокъ.... Понимаешь ли? А мы разбогатѣемъ: понимаешь ли?»

«Я съ трудомъ понимала его; чувства меня оставляли.

— «Ты догадалась, Джудита?... ты со-

гласна? Онъ стучится. Войдите, войдите, она ваша!»

Двери отворились: вошелъ Піетро д'Аргола. Деллапорта скрылся. Я встала и, съ трудомъ держась за спинку креселъ, хотѣла закричать, но у меня не стало голосу.

«Піетро бросился на колѣна. — «Ради Неба, будьте спокойны! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ. Я пришелъ не съ тѣмъ, чтобы васъ оскорбить, унизить: нѣтъ! все кончилось между нами; я женатъ, я счастливъ; но ваше положеніе меня тронуло. Я узналъ, что вы въ Ліонѣ: зову вашего мужа; съ первыхъ словъ я замѣтилъ, что онъ хочетъ продать васъ.... Боже Великій! подумалъ я, чего не изобрѣтетъ корысть человѣческая! И кому достанется этотъ цвѣтокъ? Если такъ уже должно быть..... я отниму у него это страшное средство обогащенія... И золотыя горы были предложены вашему мужу. Мы условились прибѣгнуть къ крайнимъ способамъ, въ случаѣ вашего несогласія.... Онъ и не мечтаетъ, что доставилъ мнѣ только часъ бесѣды съ вами на-единѣ, бесѣды послѣдней, бесѣды предсмертной..... Не пугайтесь, Джудита! Опасность не для васъ..... Садитесь и выслушайте.»

—

VI.

РАЗСКАЗЪ ВЪ РАЗСКАЗѢ.

«Я не женатъ и счастія не встрѣтилъ, говорилъ Піетро: люблю васъ по-прежнему, но эти дѣти насъ разлучили надолго, можетъ-быть, на вѣки. Вы уѣхали съ капитаномъ: я стоялъ у окна и простился съ вами съ твердымъ намѣреніемъ лишить себя жизни въ ту же ночь. Я сражался съ Испанцами—напрасно, смерти не встрѣтилъ! И во второй разъ самоубійство мнѣ измѣнило!... Пронзительный крикъ мой убилъ Катарину: я слышалъ, какъ она упала на полъ, и бѣжалъ домой.... Ночью будятъ моего отца: погода была ужасная; Паоло со слезами разсказывалъ о смерти матери, о вашемъ бѣгствѣ... куда, никто не зналъ. Отецъ мой, по должности, приказалъ созвать старшинъ; всѣ отправились въ домъ Катарины. Я одинъ зналъ, что́ и какъ случилось; но измѣнить дорого́й измѣнницѣ, покрыть имя ея на родинѣ стыдомъ.... нѣтъ! я васъ любилъ по-прежнему.... Пусть лучше, думалъ я, неизвѣстность покроетъ непроницаемымъ мракомъ и ваше бѣгство и ваши несчастія. О! я и въ нихъ не сомнѣвался; больше: я ихъ предчувствовалъ.... Отецъ воро-

тился и улегся; но вскорѣ обнаружился жаръ, бредъ: простуда была слишкомъ сильна, помощь моя необходима, послѣднія обязанности священны. Я похоронилъ отца, продалъ все имущество, и узнавъ, что капитанъ посланъ въ Гренобль для переговоровъ съ кардиналомъ, отправился во Францію. Я не нашелъ его тамъ: онъ оставилъ войное ремесло и уѣхалъ съ папскимъ нунціемъ, кардиналомъ Бани, въ Ліонъ. Въ Ліонѣ я опять не нашелъ его: слухи меня обманули; я узналъ навѣрное, что онъ подъ Казаломъ. Поздно пріѣхалъ я во французскій лагерь. Имя капитана Вальероля доставило мнѣ свободный пропускъ и скорое свиданіе съ этимъ достойнымъ человѣкомъ. — «Что́? не опять ли сражаться съ нами противу Испанцевъ?» спросилъ онъ. — Пожалуй! отвѣчалъ я: только у меня есть небольшое дѣло, которое, думаю, лишитъ меня удовольствія сражаться подъ вашимъ начальствомъ. — «Какое дѣло?» — Тайна. — «Въ такомъ случаѣ и не спрашиваю. Конечно, вы ночуете у меня?» — У васъ, капитанъ.

«Мы поужинали, заснули, но утромъ рано разбудила насъ вѣстовая пушка. Черезъ часъ французскія войска были въ боевомъ порядкѣ: я сѣлъ на коня, и присталъ къ волонтерамъ, которыхъ всег-

да такое множество при французскихъ знаменахъ.

«Изъ Казала раздались выстрѣлы; имъ отвѣтили шестью пушечными ударами, и войска двинулись. Оставалось не болѣе пяти сотъ шаговъ разстоянія между линіями испанской и французской. Ядра съ гуломъ разрѣзывали воздухъ; пули прыгали какъ крупный градъ. Сквозь дымъ и пыль, войска увидѣли всадника въ одеждѣ аббата; онъ издали махалъ бѣлымъ платкомъ и кричалъ по-испански: «Paz, Paz! Tregua!...» Дивная картина!.. смерть со всѣми орудіями своими, какъ-будто провалилась сквозь землю; войска, которыя страшными, ослѣпительно блестящими волнами катились другъ другу на встрѣчу, стали недвижны; воинственные крики смѣнились могильнымъ молчаніемъ; аббатъ прискакалъ на самую середину площадки, которая оставалась между враждующими войсками, и остановился, показывая бумагу: начальники обѣихъ армій выѣхали изъ рядовъ, окружили аббата, и черезъ мгновеніе, махая шляпами, закричали: «Миръ! Миръ!....» Начались поздравленія. Всѣ кланялись аббату; наконецъ онъ повернулъ коня, и съ генералами подъѣхалъ ко французской арміи. Онъ былъ близко: я могъ разсмотрѣть его въ лицо... Джудита! аб-

батъ — былъ капитанъ Джуліо!... Я не зналъ что́ дѣлать; невольно выѣхалъ изъ рядовъ и приблизился къ тѣсному кругу генераловъ и капитановъ. Маршалъ Шомбергъ прочелъ условія мира; всѣ закричали: — Да здравствуетъ король и великій кардиналъ! — «Прощайте, сказалъ Джуліо, до свиданія! Меня ждутъ!» И на своей быстрой, маленькой лошадкѣ ускакалъ. Я бросился за нимъ, но моя обозная кляча пристала, и на этотъ разъ я не могъ исполнить своего намѣренія.... Изъ города въ городъ гоняюсь за моимъ аббатомъ: препятствія усиливаютъ желаніе съ нимъ объясниться. Наконецъ, и онъ и я въ Ліонѣ.... Бѣгу; но мнѣ отвѣчаютъ, что аббатъ, то у короля, то у королевы-матери, то у нунція Бани, то у кардинала Лавалетта, то у кардинала Ришліё. Наконецъ, я застаю его дома, одного. Въ щегольскомъ свѣтскомъ домашнемъ костюмѣ, маленькій аббатъ лежалъ на софѣ и съ хохотомъ читалъ записку. — «Что́ вамъ угодно?» спросилъ онъ, продолжая читать. — Я пришелъ спросить у васъ, гдѣ Джудита Ваоли изъ Сондріо?

«Записка выпала изъ рукъ аббата. Блѣдный, онъ вскочилъ и схватилъ ножъ, висѣвшій надъ софою въ числѣ другихъ оружій.... Я вынулъ свой.... Съ минуту продолжалось молчаніе... — «Какое вамъ

дѣло?» наконецъ спросилъ онъ задыхаясь отъ злости, какъ волкъ, которому нѣтъ далѣе дороги.— Безъ вопросовъ, сказалъ я. Вы должны отвѣчать, или я пойду къ кардиналу Бани, и узнаю, потому что вы уѣхали изъ Сондріо съ нимъ или за нимъ. — «Послушайте, съ принужденной улыбкой отвѣчалъ Джуліо: не знаю, какія права вы имѣете на эту измѣнницу, но я васъ долженъ успокоить. Измѣнивъ мнѣ, измѣнивъ, вѣроятно, и вамъ, она вышла замужъ.» — За кого? — «Ужъ этого я вамъ сказать не могу. Я видѣлъ ихъ въ Миланѣ, жену и мужа, но послѣ измѣны я не хотѣлъ съ нею говорить, хотя она опять навязывалась.

«До-сей-поры я молчала, не проронила ни одного слова, слушала всѣмъ существомъ моимъ; но эта черная, гнусная неблагодарность разорвала мое сердце. Я плакала, кричала, проклинала такъ, что дѣти проснулись и у дверей послышались шаги и голоса. Скрѣпивъ сердце, я уже только знаками просила Піетро продолжать разсказъ свой.

— «Джудита, бѣдная Джудита! что́ могъ я отвѣчать? продолжалъ Піетро. Опустивъ голову, я даже не сказалъ аббату «простите,» и ушелъ.... Брожу по улицамъ Ліона; вижу васъ въ окнѣ, съ вами какой-то мужчина. Войти? Перепугаю васъ.

Сомнѣніе, страхъ, месть, любовь, все смѣшалось въ одно безъименное чувство... Разспрашиваю, и узнаю, что мужчина — вашъ супругъ, что онъ комнатный живописецъ, что у васъ двое дѣтей, что вы живете затворницей.... Вдругъ, онъ выходитъ самъ; поглядѣлъ на мою одежду: счелъ меня, можетъ-быть, герцогомъ: до такой степени простиралась его учтивость!—Вы живописецъ Деллапорта? спросилъ я.—«Всегда къ услугамъ вашимъ,» отвѣчалъ онъ весьма почтительно. — Вы свободны? — «Всегда къ услугамъ вашимъ.» — Можете потрудиться зайти ко мнѣ? Есть работы...—«За особую честь,» и прочая... Мы пришли въ домъ, гдѣ я остановился. Я заперъ двери и... Богъ-знаетъ почему, угадалъ ли я характеръ вашего мужа, или по инстинкту... я схватилъ его за горло и съ бѣшенствомъ спросилъ: — Сколько тебѣ заплатили за эту гнусную ложь? Ты не мужъ Джудиты! —«Три тысячи ливровъ,» зѣпищалъ онъ.... Въ ужасѣ я оттолкнулъ его....— «Но, синьоре, прибавилъ онъ, не за ложь, а за правду, за горькую правду. Я, точно, мужъ Джудиты. Но не желаю вамъ быть такимъ мужемъ: мужъ по титулу...» — Какъ? Такъ она живетъ съ другимъ, а ты только покрываешь...—«Вотъ то-то и бѣда, что ни съ кѣмъ не живетъ.» —

Это непонятно! — «Истинно, синьоре, непонятно! Видно еще никто не приглянулся, или и въ самомъ дѣлѣ она не перестала любить какого-то Джуліо...» — Такъ ты даже и не знаешь кто этотъ Джуліо? — «Допытывался: не говоритъ.»

«Джудита! подумалъ я: свято сохраню твою тайну; наша месть будетъ вѣрнѣе.»

«И такъ, любезный, сказалъ я, ты по-прежнему бѣденъ?» — Охъ, эччеленца, ужасно бѣденъ!... нечѣмъ чужую семью кормить. — «Продай жену.» — «А кто ее купитъ, безъ ея воли!» — «Не бойся; мы старые знакомые, сойдемся.»

«Мы ударили по рукамъ; дѣло слажено. Вашъ мужъ получилъ задатокъ и доставилъ мнѣ случай побесѣдовать съ вами на-единѣ. Не сердитесь за это ужасное средство: у меня не было времени другими путями искать этого свиданія. Мужъ давно не уважаетъ васъ; честь ваша не пострадаетъ отъ моего посѣщенія: все останется въ тайнѣ.... Но я не кончилъ моего разсказа. Убѣдясь въ гнусномъ поступкѣ Джуліо, я отправился къ нему, объявилъ, что все знаю, что я хотѣлъ на васъ жениться, и теперь не прочь, что Деллапорту легко согласить къ разводу, но я не возьму въ домъ мой супруги, неочищенной благородной местію. — Долгъ этой мести, заключилъ я, лежитъ

на мнѣ, и, синьоръ Джуліо, конечно вы не откажетесь назначить мѣсто, часъ и оружіе. — «Въ этомъ вы не могли сомнѣваться, отвѣчалъ Джуліо: но позвольте сколько-нибудь оправдать себя въ глазахъ вашихъ.»

«Но что́ же изъ всего оправданія узналъ я? Ему захотѣлось кардинальской шапки: другъ и покровитель его, Бани, назначенъ былъ нунціемъ во Францію; Урбанъ VIII требовалъ мира, и Бани отправилъ капитана, уже просто аббатомъ, въ Ривальто. Скрыть любовной связи не было возможности: Катарина не остановилась бы на вальтелинскихъ властяхъ и обратилась бы къ святѣйшему отцу. Оставалось одно средство — выдать васъ за-мужъ за неизвѣстнаго человѣка и отправить въ Германію или во Францію. Такъ и случилось. Но, Джудита, наступилъ и часъ мести! Богъ за правое дѣло, и тогда счастіе мое въ рукахъ вашихъ. Но если завтра вы меня не увидите, вотъ мое завѣщаніе; вы можете разорвать ненавистныя узы: этого станетъ на всю жизнь вашу и несчастныхъ дѣтей.»

«Я умоляла Піетро оставить такія ужасныя намѣренія; увѣряла, что я простила Джуліо, отвергала даръ великодушной, истинной любви.

— «Если такъ, то невинныя дѣти мое-

го соперника могутъ нуждаться въ этой помощи,» отвѣчалъ онъ на всѣ мои убѣжденія, положилъ бумагу дѣтямъ подъ подушки и бросился къ дверямъ.

«Я не успѣла опомниться. — Піетро!..» закричала я, но мнѣ отвѣчалъ уже Депортъ: — «Не кричи! Не кричи: сосѣди услышатъ; а намъ надобно сохранить хотя видъ порядочной жизни.»

VII.

ПОЕДИНОКЪ.

«Я не отвѣчала ни слова; мнѣ даже не обидны были слова недостойнаго человѣка, и, къ особенному удивленію Депорта, я стала одѣваться.

— «Куда это ты!» спросилъ онъ. — Синьоръ Деллапорта! сказала я съ важностью: благодарю васъ за пріятное возобновленіе дорогаго знакомства: но говорю вамъ разъ навсегда, что ежели вы осмѣлитесь.... — «Полно, полно!....» со смѣхомъ говорилъ Депортъ.

«Я хлопнула дверьми и выбѣжала на улицу. Было очень поздно, или, лучше сказать, рано; уже занималась заря: я безпрестанно встрѣчала экипажи, всадниковъ, носилки. Лоара была освѣщена множествомъ факеловъ и покрыта парад-

ными огромными лодками. По улицамъ безпрерывно проѣзжали дорожныя кареты. Наконецъ, встрѣчаю толпу всадниковъ: впереди ѣхалъ маленькой аббатъ Джуліо.

«Вѣрно на мѣсто сраженія,» подумала я, и пошла за ними. Сердце билось; я уже догнала Джуліо, уже хотѣла броситься подъ ноги его лошади и умолять возвратиться, какъ вдругъ факелы другаго поѣзда освѣтили мое лицо. «Джудита!...»— Діаволо!... —«Здѣсь Джудита!« сказалъ онъ довольно громко, и какъ-будто на крыльяхъ всѣ исчезли изъ виду... Безумная! я бѣжала за ними, кричала «Джуліо!» и уже за городскими воротами, за предмѣстьемъ, въ полѣ, когда по всему открытому горизонту, освѣщенному утренней зарей, не видно было ни живой души, остановилась я, съ трудомъ переводя дыханіе. Безъ слезъ, безъ вздоху, я сѣла на сырой травѣ; больше получаса я не могла подняться съ мѣста. Наконецъ встаю, иду тихо въ городъ.... вдругъ слышу не вдалекѣ топотъ коней: скачутъ всадники; проскакали по дорогѣ въ Парижъ. Не прошло двухъ, трехъ минутъ, послышались крики: «Ловите! Убійцы! Ловите!» Изъ лѣсу высыпали городскіе стрѣлки: меня остановили; я имъ сказала, что видѣла всадниковъ, и куда они поскакали.

— «Ушли, злодѣи! сказалъ старшій. Видишь, у нихъ тутъ и лошади были приготовлены. Нечего дѣлать! несите мертвеца въ ратушу; авось узнаемъ, кто.»

«Всемогущій Боже! то былъ Піетро д'Аргола! Три ножа торчали въ груди, голова была окровавлена...

«Джуліо! еще преступленіе!... но гдѣ свидѣтели?» подумала я, и проводила стрѣлковъ до самой ратуши, которая была въ пяти шагахъ отъ нашего дома. Страхъ допросовъ и пытки удержалъ меня. Я возвратилась домой. Депортъ спалъ. Преклонивъ колѣна передъ образомъ Богоматери, я долго и горячо молилась за Піетро.... Онъ погибъ, единственно любившій меня: а Джуліо въ славѣ, въ богатствѣ!... Ришліё старъ, боленъ неизлечимо, и скоро мы услышимъ о новомъ кардиналѣ, о новомъ министрѣ Франціи.»

ГЛАВА XX.

ВЫЗОВЪ.

Король въ Луврѣ. Рѣдкость! Съ нѣкотораго времени онъ не любитъ Парижа; Сенъ-Жерменъ и старый, бѣдный Луксембургъ, да изрѣдка Фонтенбло́ — любимыя мѣста пребыванія короля Людовика XII.

Придворные толпились въ залахъ дворца. У дверей, откуда ожидали выходу, стояли государственные секретари, де-Нойе́, Шавиньи, Бріеннъ, и первые сановники королевства: между ними и маленькій аббатъ Мазарини, который, хотя

и не участвовалъ еще въ королевскомъ Совѣтѣ, по должности, однако жъ часто бывалъ призываемъ для домашнихъ совѣщаній. Толпа постоянно умножалась. Депортъ различными путями добрался до главнаго кружка и, всякой разъ, когда де-Нойѐ поворачивалъ голову въ ту сторону, гдѣ стоялъ Депортъ, ординарный живописецъ низменно кланялся. Двери отворились: вошелъ король съ Сенъ-Марсомъ. Лицо Людовика было, противъ всеобщаго ожиданія, свѣтло, радостно; онъ примѣтно спѣшилъ привѣтствіями, но остановился, проходя мимо де-Нойѐ.

— Что̀? сказалъ король, улыбаясь: довольны ли вы?

— Щедроты вашего величества... (де-Нойѐ хотѣлъ что́-то отвѣчать.)

— Не говорите, не говорите! Я скупъ: меня трудно заставить рѣшиться на такія огромныя издержки; но ваша записка составлена умно; доказательства такъ ясно изложены: я не могъ не согласиться на перестройку Лувра... Желаю вамъ успѣха, для чести Франціи.

Король пошелъ-было дальше, но увидѣвъ Шантелу, извѣстнаго любителя художествъ, человѣка слишкомъ далекаго отъ придворныхъ интригъ, опять воротился къ де-Нойе́ и сказалъ:

— Нашъ общій пріятель, Шантлу, вчера доставилъ намъ пріятное утро; онъ съ пользою путешествовалъ по Италіи: я полагаю, и въ новыхъ затѣяхъ онъ бы много помогъ намъ.

— Государь, я не смѣлъ утруждать вашего величества многими просьбами вдругъ; но я имѣлъ намѣреніе...

— Представьте. Я всегда готовъ сдѣлать пріятное вамъ и Шантлу.... Это, впрочемъ, будетъ служить вамъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за отказъ насчетъ Пуссена.... Право, не могу! Будетъ дорого стоитъ, а у насъ и такъ списокъ ординарныхъ живописцовъ обремененъ знаменитыми именами.

Король удостоилъ еще двухъ человѣкъ незначительныхъ вопросовъ. Между-тѣмъ какъ король разговаривалъ съ придворными, великій конюшій подошелъ къ Депорту и успѣлъ только сказать: «Гдѣ ты пропадаешь? Бѣги къ Визиткамъ и жди у ограды.»

Король позвалъ Сенъ-Марса и ушелъ съ нимъ изъ залы.

Пока Депортъ протѣснился сквозь толпу придворныхъ, пока разъузналъ, гдѣ монастырь Визитокъ, прошло немало времени, и несчастный Депортъ бѣгомъ долженъ былъ спѣшить на указанное мѣсто. Тогда не знали еще фіакровъ и разнаго

рода наемныхъ средствъ перемѣщенія: у кого не было своего экипажа или, по крайней-мѣрѣ, верховой лошади, тотъ поневолѣ щеголялъ пѣшкомъ по грязнымъ улицамъ стараго городишка, въ которомъ, въ недавное только время, при необъятной дѣятельности кардинала, выросли немногія зданія, достойныя столицы обширной монархіи. Не успѣлъ Депортъ пробѣжать двухъ—трехъ улицъ, на встрѣчу идетъ Гойко.

— Куда это вы?

— Не твое дѣло.

— Какъ, не мое дѣло?... Вы не успѣете добѣжать до монастыря Визитокъ!

Депортъ остолбенѣлъ.

— Какъ ты знаешь?....

— По расчету... Вы опоздаете непремѣнно!

— Развѣ такъ далеко?

— Ужасно! Пожалуйте червонецъ, я вамъ тотчасъ достану лошадь.

— Ливръ.

— Не могу.

— Два.

— Нельзя.

— На, Іуда; только.....

— Извольте итти по дорогѣ помаленьку я васъ догоню.

И, не прошло какихъ-нибудь пяти ми-

нутъ, Гойко воротился на добромъ конѣ. Депортъ уѣхалъ.

— Постой! я изъ тебя повытаскаю чортово золото, сказалъ Гойко, укладывая кожаную мошну въ сапогъ. Сара! уже десять! Еще четыреста девяносто!.. Боже Израиля! когда это кончится?...

Депортъ поспѣлъ во-время, осмотрѣлъ монастырь, въ темномъ переулкѣ привязалъ кое-какъ лошадь, и ходилъ взадъ и впередъ передъ монастырскими воротами. Показалась вдали карета. Не было сомнѣнія, что ѣдетъ король. Депортъ отбѣжалъ шаговъ на двадцать и потомъ, возратясь, шелъ на встрѣчу каретѣ мѣрнымъ, ровнымъ шагомъ. Сошлись у воротъ; карета поворотила такъ, чтобы взъѣхать на монастырскій дворъ, но ни живой души не было; привратница спала. Занавѣска отдернулась: послышался голосъ короля:—Сенъ-Марсъ! надо тебѣ выйти.

— Ужасно не хочется. Грязь.... — А! кстати! Филиппъ, скажи: пусть отопрутъ ворота.

Депортъ бросился къ калиткѣ, разбудилъ привратницу, помогъ отворить ворота и, когда карета проѣзжала мимо, король отдернулъ занавѣску со своей стороны и ласково погрозилъ Депорту пальцемъ. Филиппъ побѣжалъ за каретой, полагая, что король хочетъ ему сказать

что́-нибудь; но занавѣска задернулась и Депортъ остановился посреди обширнаго монастырскаго двора, съ ногъ до головы обрызганный грязью. Не успѣлъ онъ рѣшиться, что́ слѣдуетъ предпринять въ подобномъ случаѣ, какъ раздался голосъ Сенъ-Марса: «Филиппъ, поди сюда!» Депортъ напрасно искалъ сухихъ мѣстъ; онъ перепрыгивалъ черезъ огромныя лужи: костюмъ его пестрѣлъ новыми пятнами. Сенъ-Марсъ стоялъ въ нижней галереѣ монастыря и помиралъ со смѣху.

— Хорошо вамъ, господинъ великій, ѣздить съ королемъ въ каретѣ! А мнѣ пѣшкомъ такую даль!... да потомъ еще въ грязный океанъ!

Сенъ-Марсъ восхищался положеніемъ Депорта и смѣялся отъ души. «Направо!... налѣво!» кричалъ онъ Депорту. Вловецъ еще болѣе сбивался съ пути, и грязь летѣла мутными брызгами изъ-подъ ногъ Депорта.

— Берегъ! сказалъ Сенъ-Марсъ, когда Депортъ достигъ галереи: поздравляю поздравляю!

— Хорошъ я! со смѣхомъ отвѣчалъ Депортъ, отряхивая грязь и протирая глаза. Видите, я исполнилъ ваше приказаніе, прибѣжалъ: я зналъ, что, вѣрно, нужно.... Только не показывайте меня въ такомъ видѣ его величеству... Правда, я

немного позамарался, но я зналъ, что присутствіе мое здѣсь нужно, и...

— Очень нужно! отвѣчалъ Сенъ-Марсъ, оставляя шутливый тонъ: дѣло великой важности.

— Чтó такое? чтò такое? съ напряженнымъ любопытствомъ спросилъ Депортъ.

— А вотъ, видишь: король пошелъ въ общую залу и будетъ цѣлый часъ бесѣдовать съ Лафайетъ, въ присутствіи сестры Старшей и всѣхъ монахинь. Но изъ насъ никто не допускается къ этой бесѣдѣ: я долженъ гулять по этому кирпичному помосту одинъ-одинёхонекъ. Сегодня мы еще въ каретѣ: а въ хорошую погоду верхами; я цѣлый часъ иногда долженъ бесѣдовать съ лошадьми. Такъ я и расчелъ, что всё же лучше провести этотъ ужасный часъ въ бесѣдѣ съ такимъ умнымъ и любезнымъ человѣкомъ....

Депортъ кланялся, хотя на душѣ ему было очень тяжело: заплатить червонецъ за лошадь, испортить новое платье, и все это для того, что господину великому на галереѣ одному скучно!.. Но Депортъ кланялся и смѣялся.

— Король сегодня въ отличномъ расположеніи духа? спросилъ Депортъ.

— Это случается съ нимъ всегда, когда

ему въ чемъ-нибудь удастся не согласиться съ кардиналомъ.

— Я смѣю спросить....

— Смѣешь. Это по вашей части. Кардиналъ, посредствомъ де-Нойé, успѣлъ убѣдить короля, что Лувръ надо отдѣлать на-славу, выписать для того изъ Италіи художниковъ и, прежде прочихъ, Пуссена. На послѣднее король не согласился. «Мало ли у меня, отвѣчалъ король, ординарныхъ живописцевъ?.... И тѣ ничего не дѣлаютъ! И такъ старый мой Лувръ будетъ стоить трехъ городовъ: а эти выписные всегда такъ дóроги!» Однимъ словомъ, на запискѣ де-Нойé о Пуссенѣ — крестъ.

— Жаль! сказалъ Депортъ.

— А чтó?

— Да парижскіе живописцы — ужасная дрянь. Не говорю о тѣхъ колпакахъ, чтó посѣдѣли въ неуспѣхахъ и въ педантствѣ; но даже и между молодыми нѣтъ ни одной порядочной надежды.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Клянусь! У меня въ школѣ есть еще одинъ, два таланта, но имъ въ Луврѣ работать нельзя; а у Симона ни одного, ровно ни одного.

— У тебя въ школѣ?...

— Не шутуте! Сами увидите. А эти люди, пускай сами плохи, да если бъ

по-крайней-мѣрѣ слушались умныхъ людей: а то нѣтъ; самонадѣянность, хвастовство, невѣжество.... И вотъ почему французскіе художники — лакеи, а италіянскіе — маркизы, герцоги, и въ своемъ дѣлѣ, и въ обращеніи.

— Полно, полно! Симонъ Вуэ съ большими способностями.

— Къ чему? Къ ругательствамъ? Подъ пьяную руку онъ не щадитъ никого. Послушали бы вы, какъ онъ честилъ даже васъ.

— Меня? Да я съ нимъ и не говорилъ никогда.

— Станете вы съ нимъ разговаривать! А можетъ быть, онъ за это и злится?... И, повѣрьте: это ихъ интриги, что король не соглашается. Ужъ конечно: пріѣдетъ Пуссенъ, закусятъ они губы!

— Король идетъ!

— Я убѣгу, спрячусь....

— Стой, ни съ мѣста!

Король вышелъ на галерею. Сестра Старшая проводила его до дверей, но, увидѣвъ постороннихъ, вернулась. Король самъ притворилъ двери и махнулъ кучеру.

— А, и ты здѣсь! сказалъ онъ Депорту, глубоко вздыхая.

Лицо Людовика, блѣдное, болѣзненное, осѣнено было глубокою думою; глаза

сіяли добротою: на устахъ улыбка кротости и смиренія.

— Что́, Сенъ-Марсъ, не велѣть ли еще ему сдѣлать портретъ съ нашего ангела?

— Ваше величество! только великодушію вашему я обязанъ незаслуженною славою и значеніемъ, но для портрета, о которомъ ваше величество теперь думать изволите, только одинъ живописецъ на свѣтѣ.

— Кто же этотъ одинъ?

— Николай Пуссенъ.

Король задумался. Всѣ молчали.

— Я боюсь одного, сказалъ Людовикъ, чтобы мое упрямство въ самомъ дѣлѣ не лишило Франціи втораго Рафаэля..... Шантлу вчера разсказывалъ про этого Пуссена цѣлую поэму. Де-Нойе́ тоже человѣкъ со вкусомъ: въ Италіи Пуссенъ пріобрѣлъ такую славу, говорятъ, даже первенство....

— Совершенное первенство, ваше величество, подхватилъ Депортъ.

— Какъ ты думаешь, Сенъ-Марсъ? спросилъ король.

— Да что́ же сдѣлали хорошаго, государь, ваши ординарные живописцы? Вы изволили отказать де-Нойе́ въ приглашеніи вообще Италіянцевъ: подарите ему

одного Пуссена.... Притомъ же можно его пригласить на малый срокъ.

— На четыре года, отвѣчалъ король... Не много ли это будетъ стоить?

— Всё же меньше, нежели чего стóитъ Вуэ съ этой безконечной ватагой.

— Ребенокъ! Неужели старыхъ слугъ я оставлю безъ хлѣба?

— А зачѣмъ же ничего не дѣлаютъ?

— Споришь, Сенъ-Марсъ! Опять споришь!

— Я не спорю. Пускай остаются; а работать некому.

— Не правда! И они останутся, и Пуссенъ будетъ. — Депортъ, скажи де-Нойé, что я ожидаю его сегодня въ Сенъ-Жермень. Пусть привезетъ съ собою и граммату къ Пуссену. — Слава Богу! прибавилъ король, я всегда оставляю эту благодатную обитель съ какою-нибудь доброю и полезною мыслію!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВЫ. *Стр.*

I. Французъ. 1
II. Фонтенбло. 15
III. Пѣсня. 28
IV. Музыкальный вечеръ. 40
V. Литературная ночь. 53
VI. Способный человѣкъ. 62
VII. Италіянецъ. 77
VIII. Испанецъ. 85
IX. Золотой пепелъ. 99
X. Циркуляръ. 110
XI. Изгнанникъ или начало романа. . . . 121
XII. Ночная бесѣда. 128

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

XIII. Великодушіе 137
XIV. Школа. 148
XV. Намѣки 156
XVI. Солдатъ 167
XVII. Портретъ. 175
XVIII. Новоселье. 185
XIX. Джудита Ваоли 197
XX. Вызовъ. 239

ЭВЕЛИНА
ДЕ
ВАЛЬЕРОЛЬ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Ж. Кукольника.

Второе, исправленное изданіе.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА И К°.
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 3 октября 1841 года.

Цензоръ *А. Фрейганъ.*

ЭВЕЛИНА ДЕ ВАЛЬЕРОЛЬ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ROMA BARBERINA.

ROMA BARBERINA.

Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini.
(РИМСКАЯ ПОГОВОРКА XVII ВѢКА.)

РИМСКІЯ ГЛАВЫ.

—

Эпизодъ второй.

Ad libitum.

(ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.)

(Этотъ второй эпизодъ, какъ и первый, имѣетъ тѣсную связь съ цѣлымъ; но какъ въ немъ размѣщено множество подробностей слишкомъ частныхъ, относящихся собственно къ исторіи художествъ и художниковъ XVII столѣтія, то я позво-

лилъ себѣ поставить въ заглавіи эпиграфъ ad libitum: то есть, всѣ «Римскія главы», имѣющія особую нумерацію, могутъ быть при чтеніи пропущены читателемъ, если для него почему либо подробности художественной исторіи могутъ показаться незанимательными и утомительными. Но, чтобы не прервать нити самаго разсказа, я счелъ нужнымъ въ немногихъ словахъ изложить содержаніе «Римскихъ главъ», во сколько онѣ имѣютъ неразрывную связь съ цѣлымъ. Такъ:

Вслѣдствіе приказанія Людовика XIII знаменитому французскому художнику Николаю Пуссену послано было въ Римъ приглашеніе черезъ посредство капитана д'Орбиньи, отправленнаго къ папѣ съ политическими депешами. Папа Урбанъ VIII, стараясь подражать великимъ своимъ предшественникамъ, покровительствовалъ художествамъ, воздвигалъ замѣчательныя зданія, и потому весьма былъ опечаленъ вызовомъ Пуссена во Францію. Не желая ни имѣть личныхъ съ Франціей неудовольствій, ни отпустить Пуссена, Урбанъ употребилъ близкихъ его друзей къ отвращенію художника отъ поѣздки въ Парижъ. Весь Римъ раздѣлялъ мнѣніе папы. Пуссенъ, съ одной стороны, полагаясь на покровительство папы и другихъ сильныхъ людей, съ другой, не

желая быть ослушникомъ королевской волѣ, далъ непрямой отвѣтъ: онъ обѣщалъ явиться въ Парижъ, но не опредѣлялъ сроку. Избѣгая личнаго свиданія съ капитаномъ, который, по важности политическихъ депешей, спѣшилъ возвратиться во Францію, Пуссенъ оставилъ дома письмо, скрылся въ предмѣстіяхъ, и возвратился тогда уже, когда, по его расчету, капитанъ долженъ былъ уѣхать изъ Рима. Опасаясь съ нимъ повстрѣчаться, Пуссенъ пошелъ въ противоположную своему дому сторону, и на площади Ротунды сошелся съ капитаномъ де Вальеролемъ, который, по изгнаніи, переѣхалъ въ Римъ, гдѣ удобнѣе и скорѣе могъ получить какія-нибудь свѣдѣнія объ оставленной дочери. Узнавъ, что Пуссенъ ѣдетъ во Францію, Вальероль объяснилъ ему свои несчастія, и Пуссенъ согласился взять его съ собою въ Парижъ подъ видомъ слуги, чтобы онъ могъ отыскать свою дочь и немедленно, уже съ нею, переѣхать въ Италію. Еще одно обстоятельство: въ Римѣ Пуссенъ нечаянно познакомился съ Ванъ-Дейкомъ и нечаянно обидѣлъ фламандскаго художника, сказавъ, что въ Римѣ, изъ современнаго, ничего нѣтъ любопытнаго по его, то есть, по портретной, части. Урбанъ, не видя средствъ удержать Пуссена въ Римѣ, поручилъ

кардиналу Барберини, своему брату, увѣдомить аббата Мазарини, что онъ не получитъ кардинальской шапки до возвращенія Пуссена изъ Франціи.

Теперь читатель, если ему угодно, можетъ прямо перейти къ главѣ шестой.)

ГЛАВА I.

(Римская I.)

НИЩІЙ.

Солнце закатилось; длинныя тѣни отъ колоннъ и статуй, разсыпанныхъ въ садахъ Медичи, исчезли, — все стало плотною, неразрывною тѣнью, сумракомъ: и лавровыя аллеи, и богатые вестибулы, и весь этотъ чудный Римъ, увѣнчанный куполомъ Петра, который такъ рѣзко очертился на синемъ горизонтѣ. Вдали, какъ декорація, вырѣзанная изъ картона, чернѣли Аппенины; воздухъ дрожалъ, струился безъ вѣтру; казалось, все улеглось, упокоилось вмѣстѣ съ солнцемъ;

даже собесѣдники смолкли: каждый призадумался, каждый ушелъ, улетѣлъ въ далекія страны, гдѣ то же солнце видѣло его рожденіе, да не то же небо питало возрастающія силы юности. Въ Римѣ какъ-то и солнце царственнѣе, и воображеніе легче, и душа шире. Разлетѣлись думы собесѣдниковъ, и долго не могли возвратиться и облечься въ тихія рѣчи. Нѣтъ! этихъ тайныхъ, иногда безсмысленныхъ, разорванныхъ думъ не повторяютъ уста: для нихъ нѣтъ словъ, онѣ разрѣшаются вздохомъ!... и этимъ-то тихимъ, тайнымъ вздохомъ, одинъ за другимъ, собесѣдники облегчили стѣсненныя груди.

— Клаудіо, сказалъ Пуссенъ, положивъ руку на плечо юноши, который не сводилъ глазъ съ отуманеннаго Рима: перестань, Клаудіо!.... не упомнишь, и въ картинѣ будетъ не то.

— Ахъ, учитель! отвѣчалъ Клаудіо, дайте наглядѣться: вы можете по волѣ наслаждаться природою во всякое время; вы можете иногда и передѣлывать природу; и это мы знаемъ. Нерѣдко мнѣ удавалось забываться передъ вашимъ пейзажемъ, и мнѣ казалось, что это видъ изъ окна: беру шляпу, бѣгу туда, въ эту роскошную долину, гдѣ каждый кустъ вспотѣлъ отъ зною, гдѣ такъ сочна и жирна

почва, такъ окладисто каждое дерево, такъ свѣжо отъ воды!.... Выхожу.... передо мной грязная улица!... И тогда только вспомню, что я видѣлъ пейзажъ Пуссена.

— Послушай, Клаудіо, сказалъ Пуссенъ: мнѣ досадны твои рѣчи.

— Можетъ-быть; только мнѣ до вашей досады нѣтъ дѣла, и если я заработаю триста ефимковъ, или, по-крайней-мѣрѣ, тысячу ливровъ, тогда закажу вамъ пейзажъ и буду съ него учиться.

— Помилуй, Клаудіо! да тебѣ надо бы прежде заняться рисованіемъ: ты не умѣешь порядочно начертить носа.

— Да что́ мнѣ въ носѣ! отвѣчалъ Клаудіо. Ужъ конечно, въ картинѣ вашей, гдѣ младенца Моисея пускаютъ на воду, фигуры не сто́ютъ группы деревъ что возлѣ.... Что́ человѣкъ? Бѣда не велика, если онъ не лучше натуры. Но дерево, учитель, дерево! Когда такого дерева не сыщешь вокругъ Флоренціи, во всемъ Провансѣ; а оно дерево; да еще и какое! лучше самого себя!.... Да что̀ мнѣ послѣ этого люди? Меньше травы, которую они мнутъ такъ безбожно... И что́ въ томъ, когда вы искусно освѣтите человѣка? Ровно ничего. Ни какого эффекта! А дерево, а зелень, а роскошную долину, а далекія горы!... Уходятъ, ухо-

дятъ.... конца нѣтъ! Чудо!... Терпѣть не могу людей, точно такъ же, какъ этой проклятой лошади Августино Тасси, которую иду теперь кормить тѣмъ, чѣмъ бы хотѣлъ всю жизнь самъ питаться. Она ѣстъ мою траву: понимаете? Она ѣстъ мое время.... Прощайте!

Клаудіо ушелъ. Пуссенъ призадумался, Жакъ Бланшаръ смѣялся, Стелла не сводилъ глазъ съ Пуссена, прочіе всё-еще смотрѣли на Римъ, хотя онъ представлялся сплошною сѣрою массой, и только одинъ куполъ не терялъ формы и эффекта. Облака, будто сочиненныя Пуссенемъ, живописно покрывали небо, умножая мракъ и величіе вечера.

— Чудакъ! сказалъ Бланшаръ: онъ не притворяется. Онъ точно такъ думаетъ, и вы увидите, что этотъ пирожникъ добьется до чего-нибудь важнаго, умнаго.

— Но не геніальнаго, отвѣчалъ Пуссенъ. Люблю гордость, но не умышленное уничиженіе. Онъ и конюхъ, и поваръ, и краскотёръ у Автустино Тасси; мы всѣ предлагали ему помощь и независимое существованіе. Кардиналъ Барберини и кардиналъ Массими оба сулили ему пенсію: не хочетъ! Я нарочно заходилъ къ Тасси: тотъ самъ стыдится своего слуги; и, правду сказать, начатки Желè гораздо лучше картинъ учителя.

— Вы шутите съ Тасси, сказалъ Валентино, а Беретини взялъ его въ новый дворецъ малые плафоны писать.

— Да когда же Беретини возьметъ въ помощники порядочнаго художника? замѣтилъ Піедро Теста: онъ и самъ будто стекла расписываетъ.

Всѣ молчали.

— Печальный вѣкъ для художествъ! продолжалъ Теста, и глаза юноши сверкали, голосъ дрожалъ: Гверчино, Альбани и Гвидо-Рени въ Болоньѣ; Доменикино, Ривера и Ланфранко въ Неаполѣ. Никого изъ маститыхъ учителей нѣтъ въ Римѣ; школа въ рукахъ этого хвастуна кортонскаго; великіе мрутъ съ голоду, а этотъ прозрачный живописецъ и Бернини съ своей архитектурной рѣзьбой или рѣзною архитектурой, вотъ главы художества, вотъ Римская школа!.... Римская школа!

Снова послѣдовало продолжительное молчаніе. Вдругъ раздался рѣзкій голосъ, котораго до-того не слышно было въ бесѣдѣ:

— Ради святаго Антоніо и святаго Джакомо, моего патрона, дайте милостыню Джакомо Болоньскому!

Всѣ встали и вышли изъ темнаго портика на встрѣчу знаменитому нищему. Луна озарила собраніе; болѣе сорока че-

ловѣкъ наперерывъ старались подать Джакомо, кто что́ могъ; шляпа его наполнилась мелкими деньгами. Нищій усѣлся на травѣ, поставилъ шляпу возлѣ себя и началъ считать деньги; спѣшилъ, ошибался и снова начиналъ пересчитывать.

— Не уходите! кричалъ онъ вслѣдъ отходившимъ: ради самого Бога и моего патрона Джакомо, не уходите! Меня ограбятъ! Жена на воду глядитъ и все видитъ: не уходите! я съ вами до дому добреду. А на порогѣ у меня три креста; сундукъ освятилъ отецъ Антоніо; замо́къ въ церкви три дни лежалъ. До́ма я не боюсь, а доро́гой, доро́гой....

Художники поглядѣли другъ на друга. Въ это время изъ-за облаковъ всплыла луна, и печальныя лица художниковъ, озаренныя серебрянымъ ея блескомъ, представляли самую выразительную историческую картину, которую можно бы назвать картиной единодушнаго сожалѣнія. Нищій, первый, это замѣтилъ и засмѣялся.

— Вотъ, если бы во время о́но, сказалъ онъ, продолжая смѣяться: я бы васъ, господа!

— А что́ бы вы? спросилъ Андрей Сакки.

Взялъ бы живыхъ, вотъ, какъ стоите, непримѣтными гвоздиками приколотилъ

бы куда-нибудь на потолокъ, и подписалъ бы по-латыни Flagellatio.

— Отчего же Flagellatio?

— Да развѣ ваше почтительное сожалѣніе не есть истязаніе? Подали милостыню, такъ и ступайте.

— Но вы сами требовали, почтительно сказалъ Пуссенъ, чтобы мы проводили васъ домой.

— Да, да! отвѣчалъ нищій, вскочилъ, и, взявъ Пуссена подъ руку, пошелъ такъ поспѣшно, что всѣ съ трудомъ едва могли за нимъ слѣдовать.

Нищій говорилъ всю дорогу, говорилъ очень много; но, къ удивленію всѣхъ собесѣдниковъ, Пуссенъ сталъ съ нимъ спорить. Миновали уже Porta del Popolo, и приближались къ Испанской Площади, которая тогда еще не была украшена великолѣпной Гюффіеровской лѣстницей, но дворецъ Пропаганды уже былъ на своемъ мѣстѣ. Нѣсколько гостинницъ и заборы новыхъ построекъ окружали одну изъ прекраснѣйшихъ нынѣ площадей Рима; вся площадь покрыта была народомъ; у многихъ гостинницъ стояли дорожные экипажи и верховыя лошади. Испанская Площадь уже и въ то время была мѣстомъ пристанища для иностранцевъ: всѣ путешественники останавливались въ плохихъ ея гостинницахъ. Сдѣлки, справки, из-

вѣстія, новости, даже политика, все это можно было найти на Испанской Площади по захожденіи солнца. Только здѣсь Римъ терялъ свой важный, религіозный характеръ и походилъ болѣе на Римъ Августа, съ кое-какими обычаями, о которыхъ упоминаетъ Горацій. Испанская гостинница, лучшее тогда частное зданіе на всей площади, стояла впустѣ, и между другими домами, освѣщенными внутри и частію снаружи, казалась необитаемымъ, заколдованнымъ домомъ. Зато гостинница Французовъ снизу до верху была освѣщена множествомъ огней и преисполнена посѣтителями. На ея балконѣ выставленъ былъ масляный бумажный щитъ съ изображеніемъ орла и съ французскою надписью à l'Aigle Noir. Передъ крыльцомъ, слуги проводили лошадей, и не оставалось сомнѣнія, что новые гости изъ Франціи пожаловали къ Черному Орлу. Примѣтивъ это, многіе изъ нашихъ собесѣдниковъ вскрикнули — «Новости! новости изъ Франціи!» — и бросились къ гостинницѣ.

— Вы не любопытны? спросилъ нищій: Николо, вы не любопытны?

— Ни мало! Во Франціи у меня нѣтъ ни одного родственника; нѣтъ даже хорошаго знакомаго. Я Римлянинъ.

— Смотрите же, не будьте Коріоланомъ!

— Это почему? спросилъ удивленный Пуссенъ.

Нищій взялъ его за руку и таинственно сказалъ:

— У меня отъ жены перешла способность къ колдовству, и я, не знаю почему, готовъ спорить, что Франція прислала за вами. Но, смотрите, не будьте Коріоланомъ.... Ага! вотъ, вотъ она!... и это, по-вашему, хорошо?

Съ этими словами нищій схватилъ Пуссена сзади за обѣ руки и повернулъ къ водомету, украшающему и по-нынѣ Испанскую Площадь: онъ имѣетъ видъ барки, обливаемой со всѣхъ сторонъ водою и потому называется Баркаччіа.

— Что́ за смыслъ? Барка хороша на водѣ, а не подъ водою. Что́ это можетъ значить?..... Я растолкую: это кораблекрушеніе вкуса. Бернини съ Урбаномъ и съ Петромъ Кортонскимъ топятъ красоту въ грязной водѣ грязнаго водопровода.

Пуссенъ улыбнулся. Нищій продолжалъ:

— Я васъ за одно не люблю, Николо: за равнодушіе. Какой вы Италіянецъ! можно ли не сердиться на гаерство вашего времени? По-крайней-мѣрѣ смѣй-

тесь, какъ Французъ.... Какъ это скучно!... Вы человѣкъ безъ націи.

— Вамъ сказано, сказалъ кто́-то на дурномъ италіянскомъ языкѣ, кутаясь въ широтій плащъ и надвинувъ на глаза широкую шляпу: что Nicolo Pussino — Римлянинъ.

— Тедеско! закричалъ нищій: не перебивать Джакомо Болоньскаго! онъ самъ уважаетъ древность, но не хотѣлъ бы, въ человѣкѣ живомъ, встрѣчать мертвой античной статуи. Мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ, а я еще живу и говорю правду; и говорю правду, потому что не равнодушенъ къ правдѣ, и гуляю ночью, потому только, что слишкомъ люблю свѣтъ. Видали вы мои картины?... Я не пишу уже лѣтъ двадцать: куда! больше!.... Живу милостыней, потому что слишкомъ любилъ свѣтъ, правду.... Видали вы моего «Святаго Петротія»? Видали?... А?... что́?... То́-то же!

И нищій сталъ смѣяться съ такимъ самодовольствіемъ, какого никогда, можетъ-быть, не чувствовалъ Рафаэль, окончивъ самую счастливую изъ своихъ картинъ.

— Надо же такого несчастія! продолжалъ онъ, вдругъ перемѣнивъ и положеніе и голосъ; выпрямился, принялъ гордую, благородную осанку, снялъ шляпу, поправилъ волоса. Увидите! Петру

Кортонскому закажутъ для Ватиканской Базилики картину; непремѣнно закажутъ. Горькое сближеніе! Варвары ободрали римскія церкви: Барберини обезображиваютъ произведенія Брамантовъ и Буонароти руками поденщиковъ! И пришлась же Петровской церкви тяжкая доля!.... Въ царствованіе Урбана она должна быть окончена! Надо же такого несчастія! Я лишился моего прекраснаго таланта именно въ царствованіе Барберини. И, знаете что́, я имѣю подозрѣніе.... Да! да!.... Я увѣренъ, я дамъ расписку.... Барберини, ночью, третьяго марта, послѣ полуночи, похитили у меня прекрасный талантъ.... Но я пойду къ нимъ: гдѣ-нибудь во дворцѣ или на виллахъ я отыщу мой талантъ! Они его спрятали, они заграбили способности не у меня одного: они завистливы! Урбанъ карандашомъ чертитъ свои болѣзненныя мечты, а каменщикъ Бернини и краскотёръ кортонскій исполняютъ ихъ, какъ умѣютъ. Нѣтъ, Николо: картина твоя «Муки Святаго Эразма,» написанная для Ватиканской Базилики, очень хороша. Ты въ этой картинѣ умница! Но моя будетъ не хуже. Прощай!

Нищій пошелъ и воротился.

— Николо! Николо! А зачѣмъ ты только на этой одной картинѣ подписалъ свое имя? Стыдно! Пиши такъ, чтобы погля-

дѣть на картину, — и довольно: это Пуссино! Вотъ такъ ты пишешь пейзажи!

— Джакомо! отвѣчалъ Пуссенъ, я подписалъ потому, что считалъ себя недостойнымъ стоять на ряду съ великими учителями, и боялся, чтобы невѣжда, по незнанію, не оскорбилъ ихъ великой памяти, приписывая имъ слабый трудъ слабаго художника.

— Хорошо, Николо! Правду говорятъ: ты скромный умница. Но, вспомни, кому не заказываютъ теперь картинъ для Ватиканской Базилики!... Какъ зовутъ этого Француза, что корчитъ Караваджіо? Заказали ему «Муки святыхъ Процесса и Мартиніана:» ей! заказали.... И это все дѣлаютъ Барберини! Постой! я ихъ!

И нищій отправился прямо къ дворцу Барберини, недавно оконченному.

Человѣкъ среднихъ лѣтъ, тотъ самый, который было вмѣшался въ разговоръ нищаго, подошелъ къ Пуссену, и, приложивъ руку къ шляпѣ, почтительно сказалъ:

— Позвольте спросить, я человѣкъ пріѣзжій: кто этотъ Джакомо Болоньскій?

— Анибалъ Караччи, отвѣчалъ Пуссенъ, называлъ этого Джакомо красою и славой болоньской школы, соперники — непобѣдимымъ Титаномъ, дѣти — добрымъ

колдуномъ, жена — сумасшедшимъ, а посторонніе — Джакомо Каведоне Болоньскимъ.

— Странно! Отчего же Рубенсъ не сказалъ мнѣ объ немъ ни слова?

— Вы ученикъ Рубенса? спросили художники.

— Да! отвѣчалъ сухо Фламандецъ. Я найду въ Римѣ работы этого чудака?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Пуссенъ. Надо ѣхать въ Болонью.

— Я съѣзжу. А завтра позвольте мнѣ посѣтить вашу мастерскую.

— Милости просимъ! Но я долженъ знать имя и фамилію моего посѣтителя. Иначе не пускаю. Любопытные — враги художниковъ.

— Такъ я у васъ не буду, отвѣчалъ Фламандецъ, отворачиваясь отъ него нѣсколько въ сторону.

Помолчавъ, Фламандецъ опять спросилъ съ обычнымъ равнодушіемъ:

— Скажите, какія мастерскія въ Римѣ открыты для иностранныхъ художниковъ?

— Для художниковъ—всѣ. Но это названіе имѣетъ слишкомъ обширный смыслъ.

— Вы, Римляне, отвѣчалъ Фламандецъ, дѣлаете изъ художества какое-то таинство; мы его считаемъ пріятнымъ искусствомъ, которое не унижаетъ благорожденнаго.... Общество художниковъ

считаемъ обществомъ лучшимъ между другими, а первымъ его условіемъ снисходительность и вѣжливую готовность подѣлиться свѣдѣніями и опытомъ.

Фламандецъ отошелъ, надвинулъ шляпу до самыхъ глазъ, завернулся въ плащъ и глядѣлъ на воду, обливающую Баркаччіо.

— Логика въ словахъ художника, сказалъ Пуссенъ, признакъ истиннаго таланта. Но видно, что вы еще не познакомились съ Римомъ.

— Для того-то я и пріѣхалъ изъ Антверпена и прямо изъ гостинницы пошелъ въ Медицейскіе Сады, въ знаменитую аѳинскую школу знаменитаго Пуссино. Слушалъ, а знакомиться было не мѣсто; радовался, да обнимать васъ было, кажется, не кстати; разговорился.... и досадно!

— Да полно досадовать! простодушно отвѣчалъ Пуссенъ. Приходите ко мнѣ; только скажите свое имя.

— Я не король, инкогнито не ѣзжу, а имя мое не придастъ ни какого особеннаго вѣсу моей фигурѣ; вы увидѣли меня въ первый разъ, и въ первый разъ услышите такое имя. — Антоній Ванъ-Дейкъ, сказалъ Фламандецъ и опять отвернулся.

— Фламандскій Тиціанъ! фламандскій Тиціанъ! закричали художники.

Ванъ-Дейкъ съ изумленіемъ услышалъ восклицанія, и не могъ вымолвить слова.

— Видите, Антоніо! сказалъ Пуссенъ улыбаясь: Римъ не Парижъ, а отъ Антверпена, кажется, подальше. — Знаете, ли, господа, что Парижу столько же извѣстенъ Ванъ-Дейкъ, какъ Ванъ-Дейку Джакомо Болоньскій!

— Безъ сравненій, мой господинъ! безъ сравненій! Случайное незнаніе не есть еще невѣжество, грубо и хмурясь замѣтилъ Ванъ-Дейкъ.

— Конечно! безъ малѣйшей досады отвѣчалъ Пуссенъ: и какъ вы удостоили меня своихъ вопросовъ, то мой долгъ отвѣчать обстоятельно, такъ, чтобы вы могли воспользоваться моими словами. Римъ нынѣ весьма богатъ отличными художниками; нѣкоторые передъ вами налицо, и вы сдѣлаете вдругъ много знакомствъ, только сократите несносныя формы фламандскаго этикета.

— Между художниками и во Франціи нѣтъ этикета, сказалъ Ванъ-Дейкъ и снова повернулъ голову къ Баркаччіи.

— Во-первыхъ, продолжалъ Пуссенъ не останавливаясь: выдаю вамъ моего Андреуччіо, котораго по спискамъ зовутъ Андреемъ Сакки: попросите, чтобы онъ

показалъ вамъ своего «Святаго Ромуальда». Вотъ вамъ два Француза, Жанъ Стелла́ и Валентенъ, мои друзья. Валентена обидѣлъ Джако Болоньскій; его картина для Ватиканской Базилики превосходная вещь, хотя и я съ нимъ спорю за пристрастіе къ Караваджіо. Вотъ еще Французъ, Жакъ Бланшаръ: да онъ только и думаетъ о Валенціи, а соперникомъ считаетъ только Александра Турки Веронскаго; и съ нимъ я иногда спорю.

— Я вижу, прервалъ Ванъ-Дейкъ, кровь не перерождается! Въ Римѣ вы мнѣ указываете на французскія знаменитости!

— Позвольте, позвольте! Вотъ вамъ Піедро Теста. Объ немъ Рубенсъ, вѣрно, ничего не сказывалъ, а жаль, что онъ его не знаетъ: мой Піетро совершенная противоположность вашему учителю. Иногда, подумаешь, что онъ пишетъ не днемъ, а въ сумерки, при лампѣ особеннаго свѣту... Вотъ вамъ и соотечественникъ!.... Объ немъ, я думаю, знаютъ всѣ фландрскія ратуши.... Францискъ Кеноа: онъ у насъ такъ и прослылъ Фламандцемъ... Петра Беретини нѣтъ съ нами; ему некогда; да объ немъ сегодня вы много слышали. А вотъ еще Гримальди: только онъ съ моимъ Клаудіо за дерево отдадутъ голову Лаокоона; да и вообще.... признаться ли?.... по вашей

части въ Римѣ мало поживы. Впрочемъ, мы все вамъ покажемъ. Милости просимъ, милости просимъ!... а пока, простите!

Пуссенъ ушелъ съ Валентеномъ и Стелла̀, прочіе остались разсматривать Фламандскаго Тиціана, который еще болѣе надвинулъ на глаза шляпу и сквозь зубы ворчалъ съ досадой:

— По вашей части! Что́ же? Я ужъ кромѣ портрета и сочинить ничего не съумѣю! Это хотѣлъ ты сказать что́-ли? Постой же! я тебѣ сдѣлаю исторію. Погоди, Римлянинъ!

Толпа значительно умножалась: иные получили письма изъ Франціи и разсказывали новости; иные не получили ни какой вѣсточки, досадовали и проклинали альпійскія горы. Фламандцы, заслышавъ имя Ванъ-Дейка, со всѣхъ сторонъ сбѣгались къ Баркаччіи и наконецъ увлекли своего Тиціана въ гостинницу.

— Пойдемъ, пойдемъ! кричалъ Іоганнъ Мель (Мее!), таща за руку новаго знакомца, который ворчалъ и повиновался съ неохотой: пойдемъ! я васъ познакомлю съ римскимъ виномъ, которое такъ же плохо, какъ и римскіе художники. Я выпилъ сегодня семнадцать фульетъ, и, когда услышалъ, что вы бесѣдуете съ

этими господами у Баркаччіи, выпилъ осемнадцатую и бросился спасать васъ.

— Я не пью.... Меня....

— Не пьете! Да какъ можно не пить въ Италіи, гдѣ вино дешевле нашихъ трубокъ!

— Не пью. Но меня всбѣсилъ этотъ французскій Рафаэль; я ему напишу историческую картину.

— Знаю, знаю, кричалъ Мель: у нихъ всегда на языкѣ лексиконъ таинствъ и трудностей... Всѣ съ ума сойдутъ, какъ Джакомо Болоньскій. Нѣтъ, землякъ! тутъ есть художники, только не эти. Тутъ есть Питтеръ Лааръ, слыхали вы?

— Нѣтъ!

— Не слыхали? Просто, Рафаэль. Италіянцы прозвали его Бамбоццо. Ну пусть уродъ — нашъ Лааръ: да что́ они взяли? Бамбоццо перейдетъ въ роды и роды. Взглянешь на картину, нельзя не смѣяться, хоть бы пріѣхалъ съ похоронъ любовницы. Чортъ!... просто, чортъ! Онъ тамъ, въ гостинницѣ, не могъ встать: перелилъ, а ума не потерялъ. Вы услышите, какъ онъ говоритъ.... есть у него другъ, Италіянецъ Черкоцци, тоже мастеръ на бамбочіады: такъ и зовутъ его Микель-Анджело бамбочіадъ; да ужъ это изъ зависти къ Питеру. Куда ему до Питтера! А хорошъ, хорошъ!... Всегда пьетъ

съ нами... Питеръ, Питеръ! гостя привели.

И Мель почти насильно втащилъ Ванъ-Дейка въ грязную римскую таверну.

— Попался въ руки къ дьяволу! сказалъ Сакки, глядя вслѣдъ толпѣ Фламандцевъ.

— Да это вашъ ученикъ, сказалъ Теста.

— Нѣтъ! его учитель — Сатана. Вы знаете, что́ Мель на послѣдяхъ со мною сдѣлалъ? На большой картинѣ, назначенной для дворца Барберини, въ одну ночь всѣ платья расписалъ бамбочіадами! И злость, и смѣхъ! Только, на всякій случай, я его прогналъ.

Художники смѣялись. Мимо кружка ихъ прошелъ кто́-то. Опустивъ голову, незнакомецъ съ глубокимъ вздохомъ сказалъ:

— Эвелина!... Ни какого извѣстія!.... Боже! когда мы увидимся!

ГЛАВА II.

(Римская II.)

PALAZZO BARBERINI.

Дворецъ Барберини блисталъ безчисленными огнями. Вся площадь была покрыта каретами, носилками, лошадьми, носильщиками, конными солдатами, которые разъѣзжали по площади и по всѣмъ примыкающимъ къ ней улицамъ, удерживали любопытный народъ, толпившійся со всѣхъ сторонъ ко дворцу, въ тотъ день только оконченному.

— Что́ это у нихъ? кричала молодая усатая матрона съ Транстевере, кормя грудью двухъ дюжихъ мальчиковъ подъ

открытымъ небомъ благословеннаго города.

— Конклавъ, или Соборъ на Тедесковъ, или пляска въ тихомолку, — отвѣчалъ молодой человѣкъ съ черными кудрями до плечъ, босой и съ обнаженными до локтя руками. Рубашка его была на груди разстегнута; подъ ней висѣлъ на снуркѣ мѣдный крестъ, а за поясомъ длинный ножъ и кошелекъ. Лицо его носило цвѣтъ ржанаго хлѣба, но черты лица и черные глаза были прекрасны. Матрона глядѣла на него пламенно, страстно, и отъ дыханія ея стало жарко дѣтямъ.

— Какъ бы не такъ! въ полголоса сказалъ высокій мужчина въ красной курткѣ и красныхъ чулкахъ: видалъ я его и на заднихъ лѣстницахъ не въ одномъ домѣ съ гербами!

Матрона взглянула на красную куртку также пламенно, но это было пламя злости.

— Красные чулки! задыхаясь сказала она: видно ты въ этихъ домахъ на посылкахъ служишь; всю молодежь нашу знаешь....

Красные чулки отворотились и стали говорить о постороннихъ вещахъ съ черной мантіей, прикрывавшей длинную, тонкую, фигуру клерика монастыря Святаго

Сильвестро, который наказывалъ розгами учениковъ, по усмотрѣнію учителей.

— Что́ это у нихъ? спросили красные чулки.

— Соборъ о балдахинѣ Петровской Базилики, отвѣчала съ особенною важностію мантія.

— Да отчего же въ новомъ дворцѣ? Онъ еще не освященъ и святѣйшій отецъ туда не переѣхалъ.

— Сегодня, только сегодня была инавгурація и во всѣхъ монастыряхъ получены грамматы о благополучномъ окончаніи новаго папскаго жилища.

— Такъ папа здѣсь и жить будетъ? спросила матрона.

— Здѣсь, здѣсь, моя горлица! отвѣчалъ клерикъ, протягивая руку къ ея подбородку.

Но кто́-то сильно оттолкнулъ руку, и тѣснился впередъ, говоря что́-то весьма скоро и непонятно. Клерикъ смутился, и отдернувъ руку, толкнулъ красные чулки, которые въ длинныхъ и грубыхъ своихъ башмакахъ наступили на голыя ноги молодаго человѣка; тотъ въ свою очередь оттолкнулъ ихъ на ноги матроны и суматоха завязалась.

Нищій, причина безпорядку, закричалъ громко — «Люди, смирно!» — и всѣ бросились на виновника общей ссоры; толпа

раздѣлилась на партіи, но Каведоне не спѣшилъ оправдываться. Онъ сложилъ руки на груди, правую ногу поставилъ нѣсколько впередъ, голову откинулъ назадъ и съ невозмутимою важностью сказалъ: — «Дѣти! неужели вы меня не узнаете?» Этотъ вопросъ привелъ въ робость самыхъ дерзкихъ Всѣ молча на него смотрѣли; наконецъ матрона рѣшилась спросить, кто онъ.

— Я? съ бѣшенствомъ закричалъ Каведоне: кто я? Ты меня не знаешь, молочница, когда я тебя видалъ не въ одной мастерской моихъ учениковъ и не въ такомъ сложномъ платьѣ?... Попроще, попроще....

Джакомо смѣялся. Матрона перекинула дѣтей на руки молодаго человѣка, и, потерши руки, сжала ихъ въ могучіе кулаки и бросилась на Джакомо; но мантія и красные чулки съ примѣтнымъ удовольствіемъ схватили матрону и, во все продолженіе дальнѣйшей сцены, несмотря на ея крики и ругательства, не извѣстно почему, не выпускали изъ попечительныхъ объятій: вѣроятно, боялись за дряхлаго нищаго. Каведоне принялъ прежній важный видъ, и сталъ читать нравственное наставленіе съ такимъ жаромъ, съ такими рѣзкими тѣлодвиженіями, что толпа забыла дворецъ и папу и, освѣ-

щенная огнями изъ оконъ барберинiевскаго палаццо, окружила Джакомо и загородила дорогу. Изъ пристройки къ сосѣдней капуцинской церкви вышли люди съ факелами, и скоро подошли къ толпѣ, которая не могла видѣть ихъ приближенiя. — «Дорогу! дорогу!» закричалъ передовой. Толпа въ страхѣ разступилась, и отливомъ своимъ оттолкнула Джакомо къ самому крыльцу дворца. Каведоне забылъ все, и уличную рѣчь свою, и обиды, и хотѣлъ войти во дворецъ; но дюжiй привратникъ изъ Швейцарцевъ не пустилъ его. Завязалась новая ссора; между-тѣмъ факелы освѣтили крыльцо, и кардиналъ Барберини, братъ папы Урбана VIII, вышелъ изъ простыхъ носилокъ. Каведоне обратился къ нему, и съ особенною скоростью сталъ говорить:

— Помилуйте, эминенца! ваши люди похожи на васъ! ни какого уваженiя къ художнику! Вы развратили Римъ, выгнали всѣхъ великихъ живописцевъ изъ столицы, наняли толпу поденщиковъ и и украсили ихъ титулами. Того назвали архитекторомъ, того первымъ живописцемъ, того привратникомъ, того носильщикомъ: но вѣдь это все поденщики: я вамъ ручаюсь и, если угодно, дамъ расписку.

— Любезный сынъ, съ важностью от-

вѣчалъ кардиналъ: не хорошо старику поносить достойныхъ людей; уйди съ миромъ и принеси завтра исповѣдь духовному отцу твоему.

Каведоне преклонилъ правое колѣно и далъ дорогу суровому капуцину. Кардиналъ вошелъ въ блистательно освѣщенныя сѣни. Каведоне за нимъ. Привратникъ снова загородилъ ему дорогу.

— Эминенца! закричалъ Каведоне, я ничего не буду говорить о барберинiевскихъ генiяхъ; только позвольте сказать одно слово его святѣйшеству.

Капуцинъ улыбнулся и тихо сталъ подниматься по великолѣпной лѣстницѣ, украшенной античными статуями и мраморнымъ львомъ.

— Эминенца!... постойте, эминенца!... такъ подайте милостыню Джакомо Болоньскому!

— Да здравствуетъ Джакомо Болоньскiй! заревѣла толпа, и по всей площади раздавалось громкое «Браво!»

— Джакомо Болоньскому? сказалъ кардиналъ, остановясь на первой площадкѣ лѣстницы.—Обѣ двери, привратникъ! обѣ двери!.... Для Каведоне всегда открыты дворцы и келiи Барберини!

— То́-то же! съ гордостью сказалъ Каведоне, толкая Швейцарца и входя въ

сѣни. — Понимаешь ли теперь, что ты оселъ?

— Понимаю, почтительно отвѣчалъ привратникъ.

— Тó-то же! — Я вамъ очень благодаренъ, эминенца, говорилъ Каведоне, догоняя кардинала: не за себя, но на улицѣ людей много, и такое дерзкое обхожденіе какого-нибудь альпійскаго козла могло оскорбить Римлянъ. — Понимаешь ли? прибавилъ Каведоне, обращаясь къ Швейцарцу.... тó-то же!

— Пойдемте, пойдемте! сказалъ капуцинъ: его святѣйшество будетъ весьма радъ вамъ.

— Я надѣюсь! гордо отвѣчалъ Каведоне, и пошелъ быстро на лѣстницу, но еще разъ оглянулся на привратника и проворчалъ: — Альпійская сова!...

Прямо съ лѣстницы вошелъ онъ съ кардиналомъ въ главную залу дворца Барберини. Около двадцати кардиналовъ окружали папу. Урбанъ сидѣлъ въ высокихъ креслахъ и глядѣлъ на плафонъ; множество лампъ и свѣчей, разставленныхъ на подвижныхъ пирамидахъ, освѣщали еще сегодня оконченную живопись. Петръ Кортонскій, Беретини и еще нѣсколько человѣкъ художниковъ стояли по-одаль, не сводя глазъ съ лица святѣйшаго отца.

— Братъ Франческо! сказалъ Урбанъ,

подымаясь съ креселъ и сдѣлавъ три шага на встрѣчу кардиналу: мы ожидали васъ, и не смѣли произносить приговора.

— Я привелъ еще одного судію, отвѣчалъ кардиналъ, смиренно кланяясь.

Всѣ съ изумленіемъ посмотрѣли на оборваннаго нищаго; но благородное лицо Каведоне, изрытое морщинами, гордая осанка, остатки желтовато-бѣлыхъ кудрей, все это еще болѣе увеличивало любопытство и удивленіе; огненные взоры Джакомо впились въ потолокъ, и онъ, какъ-будто забывъ, что находится передъ лицомъ папы, сталъ размахивать руками, шляпой, защищался отъ яркаго блеску пирамидъ, и съ улыбкой спросилъ не сводя глазъ съ плафона:

— Это такъ и писано, чтобы смотрѣть ночью?... а?

Всѣ улыбнулись. Папа и Беретини покраснѣли, одинъ отъ досады, другой отъ стыда. Никто не успѣлъ отвѣчать чудаку. Онъ самъ разрѣшилъ вопросъ свой.

— Нѣтъ, нѣтъ! эту машину можно смотрѣть и днемъ.

— Если позволятъ, грозно сказалъ папа.

Всѣ приняли суровый видъ; одинъ капуцинъ улыбался.

— Не позволятъ, потери нѣтъ! Въ

Римѣ, не во дворцѣ Барберини искать образцовъ.

— Кто этотъ дерзкій бродяга? гнѣвно спросилъ Урбанъ.

— Джакомо Каведоне, спокойно отвѣчалъ самъ нищій, не сводя глазъ съ плафона, и при переходѣ на другую сторону, толкнулъ кардинала Массими.

Урбанъ расхохотался и пошелъ къ старику; кардиналы двинулись толпой за папой; услышавъ шаги, Каведоне протянулъ руку и сказалъ:

— Отсюда гораздо лучше! несравненно болѣе эффекта.

И онъ хотѣлъ уже взять Урбана за руку и поставить его на свое мѣсто; но кардиналы бросились между нихъ, оттолкнули Каведоне, въ полголоса говоря ему: «Святѣйшій отецъ, святѣйшій отецъ!» Старикъ повернулся съ юношеской быстротою и упалъ на колѣни. Урбанъ остановился.

— Ваше святѣйшество!..... бормоталъ Каведоне.

— Прійми пастырское благословеніе мое, несчастный сынъ, и буди съ нами яко въ домѣ отца твоего!

Каведоне молился. Урбанъ ожидалъ окончанія молитвы; кардиналы приняли видъ почтительнаго сожалѣнія; одинъ капуцинъ улыбался.

Каведоне всталъ, оглянулся, поклонился на всѣ четыре стороны и съ комическою важностью сказалъ....

— Прощайте!

— Куда же? спросилъ Урбанъ.

— Въ Болонью. Я видѣлъ святѣйшаго отца и теперь не боюсь колдовства моей жены.

— Но я хотѣлъ показать вамъ весь дворецъ мой; вы еще его не видали.

— А, покажите, покажите, не мѣшаетъ! съ ребяческимъ простодушіемъ отвѣчалъ Каведоне: пойдемъ!

Урбанъ улыбнулся и сказалъ:

— Но прежде надо наградить художника за трудъ, который сдѣлалъ и на васъ такое сильное впечатлѣніе.

— Преумно! замѣтилъ Каведоне тѣмъ же тономъ: только не золотомъ; испортите.

— А чѣмъ же?

— Прикажите ему въ награду не писать болѣе ничего.

— Это почему?

— Потому что онъ лучше этого плафона ничего не напишетъ.... Да, Піетро! Вѣрь старику, не напишешь! И за плафонъ я сердитъ: ну, да Богъ съ тобой! много хорошаго. Пойдемъ смотрѣть дворецъ.

— Беретини, сказалъ Урбанъ, обращаясь къ своему любимому живописцу: благодарю!... а награда будетъ; мы подумаемъ. Пойдемъ.

Папа ушелъ во внутреннiе покои; за нимъ развязно и свободно, будто старинный знакомый и домашнiй человѣкъ, первый шелъ Каведоне, размахивая шляпою; потомъ капуцинъ съ другими кардиналами, наконецъ художники и прислужники. Каведоне, входя въ каждую комнату, вертѣлся и оглядывался.

— Шею сломаешь: такъ много хорошаго! говорилъ онъ, и опять вертѣлся на одной ногѣ. Но, примѣтивъ картину, изображающую Святаго Антонiо Корсини, писанную Гвидо-Рени, онъ остановилъ шествiе восклицанiями и прыжками; нѣсколько разъ перестанавливалъ подвижную лампу; наконецъ сыскалъ свѣтъ, сложилъ руки, отошелъ подальше, и спокойно разсматривалъ мастерское произведенiе.

— За этимъ я и пришелъ! Надобно, ваше святѣйшество, и мнѣ что-нибудь написать достойное мозаики въ Петровскую церковь, а въ Латеранскiй — не

хочу. Гвидо Рени писалъ эту картину для Латеранскаго собора; а я напишу «Муки Святаго Джакомо» въ Петровскую... Позвольте, ваше святѣйшество... Не будетъ годиться, не берите; но благословите.

— Весьма буду радъ, отвѣчалъ Урбанъ: но съ однимъ условіемъ.

— Назначьте тысячу, всѣ исполню.

— Условіе нужно для успѣха. Вы должны писать картину въ родной вашей Болоньи.

— Кто подсказалъ вашему святѣйшеству это одно невозможное условіе? Вы знаете, я вамъ говорилъ, кажется: тамъ у меня врагъ—жена; она сейчасъ заколдуетъ холстъ, кисти, краски; и Каведоне, который теперь гордится нищенствомъ, оскорбитъ искусство новымъ безславнымъ трудомъ!

— Не опасайтесь. Съ вами наше благословеніе!

Каведоне бросился на колѣни, и, осѣненный знаменіемъ креста, всталъ, поправилъ волоса, надѣлъ шляпу и пошелъ, не въ обратный путь, а впередъ, въ слѣдующіе покои.

— Зачѣмъ ты назначилъ это странное условіе? спросилъ капуцинъ шопотомъ, тихо слѣдуя за папой.

— Зачѣмъ ты привелъ этого сумасшедшаго? спросилъ его папа.

— Затѣмъ, чтобы успокоить народъ. Ты знаешь, какъ его любятъ и уважаютъ. Ты слышалъ на площади? — Привѣтствовали не меня, а Каведоне, отвѣчалъ капуцинъ.

— Теперь я дамъ отвѣтъ на твой вопросъ, сказалъ Урбанъ. Условіе, которое я ему назначилъ, освободитъ Римъ отъ невольнаго возмутителя. Народъ не увидитъ болѣе знаменитаго нищаго.

Каведоне вернулся со страннымъ спокойствіемъ; увидавъ папу, онъ снялъ шляпу и, слѣдуя за нимъ съ неописаннымъ веселіемъ, хвалилъ все на-повалъ, былъ необыкновенно разсудителенъ и послѣдователенъ въ разговорахъ. Капуцинъ пересталъ улыбаться и сомнительно поглядывалъ на несчастнаго, считая его хитрымъ притворщикомъ. Но Каведоне скоро оправдался. Едва вошли въ покой, украшенный знаменитою картиною Николая Пуссена:

— Римъ! закричалъ онъ: Римъ! погляди, каковъ ты былъ! — Я никогда не воображалъ, ваше святѣйшество, чтобы можно было изъ одного и того же произведенія сдѣлать и превосходную картину и превосходную книгу. У меня колѣни гнутся передъ двойственнымъ изяществомъ этой удивительной картины.... Этотъ господинъ умираетъ; этотъ другой

долженъ быть настоящій его другъ, онъ клянется отмстить, непремѣнно отмстить за его смерть: и только отмстить; не правда-ли? Посмотрите, умирающій долженъ быть великій человѣкъ, а по-крайней-мѣрѣ важный, потому что домъ его величественнѣе вашего дворца. Такая архитектура, я думаю, лучше всѣхъ новѣйшихъ памятниковъ зодчества. Постройте городъ по картинамъ Пуссино: онъ будетъ величественнѣе древняго Рима, великолѣпнѣе Александріи! Дивлюсь, какъ можно строить послѣ Пуссино!... А этотъ умирающій дѣйствительно человѣкъ важный: у него есть другъ, одинъ другъ, какъ у меня, какъ и у всякаго бѣдняка; но онъ къ тому еще и вельможа, потому что у него много друзей.... Настоящіе? О нѣтъ! Одни изъявляютъ притворное сожалѣніе; на другихъ написано только любопытство. Они пришли въ часъ смерти: надѣются, что онъ успѣетъ еще продиктовать кодициллъ въ ихъ пользу.... Тутъ же, гдѣ-нибудь, есть и консулъ; я вижу знаки; а вотъ, кажется, и prefectus urbis.... Чего же лучше? такіе свидѣтели!... и въ курію завѣщанія носить не надо.... Но этотъ человѣкъ не только вельможа: онъ герой. Посмотрите, какъ онъ спокойно умираетъ! Онъ Римлянинъ! Оскорбленная гордость требуетъ мести...

Онъ добръ: посмотрите какъ сожалѣетъ объ немъ его семейство, и какъ это сожалѣніе не похоже на живописную гримасу, которую безъ различія пола и возраста, бросаютъ на присутствующихъ при картинной смерти.... Книга!... поэма!... натура!...—Вельможа! Нѣтъ, вы ошиблись: онъ высокой крови. Посмотрите, какъ царственно величіе всего семейства!..... Вспомнилъ, вспомнилъ! Такъ умиралъ Германикъ!

Всѣ молчали. Папа особенно былъ доволенъ достоинствами картины, объявленными Джакомо Болоньскимъ.... Голосъ Каведоне остановился на такой нотѣ, которая непремѣнно обѣщала продолженіе рѣчи; и, дѣйствительно, Каведоне расхохотался и сталъ говорить:

— И я жалѣлъ, что лишился моего прекраснаго таланта!.... Лучше просить милостыню, нежели проповѣдывать въ пустынѣ. Кто́ пойметъ тебя, Николо? кто́ оцѣнитъ твои ученыя изысканія, ихъ дивное приложеніе къ искусству?... Можетъ-быть, во Франціи ты будешь счастливѣе..... Сомнѣваюсь; но, дай Богъ успѣха.

Урбанъ посмотрѣлъ на своего брата Франческо съ изумленнымъ видомъ. Капуцинъ, не понимая значенія этихъ взглядовъ, подошелъ къ брату....

— Ты слышалъ? спросилъ Урбанъ шопотомъ: такъ это не тайна? Плохо.

— Я не знаю, о чемъ ты говоришь.

— Да, да! я забылъ сообщить тебѣ важную и непріятную новость. — Пойдемъ, громко прибавилъ Урбанъ, и всѣ тронулись въ путь.

Лѣстница въ библіотеку шла улиткой; Джакомо остановился.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, я не пойду.... Колдуны только строютъ такія лѣстницы въ лачужкахъ, потому что мѣста мало; и колдуны всегда молоды.... Нѣтъ, я не пойду: того гляди, обвалится.

Всѣ смѣялись.

— Я не трусъ! сказалъ оскорбленный Джакомо, и бросился наверхъ какъ серна.

Урбанъ не могъ сохранить своей важности, и также разсмѣялся; но поступокъ Джакомо избавилъ дряхлыхъ кардиналовъ отъ тяжкаго воздушнаго путешествія; Урбанъ отпустилъ всѣхъ, кромѣ брата и Бернини, и пошелъ съ ними въ библіотеку. Тамъ уже прогуливался Джакомо, разсматривая пятьдесятъ тысячъ томовъ книгъ и рукописей; бросался изъ одного угла въ другой; вынулъ огромный фоліантъ и сталъ читать. Библіотека, какъ и весь дворецъ, была освѣщена лампами и свѣчами. Урбанъ, не прерывая чтенія

Джакомо, сѣлъ у окна и усадилъ капуцина; Бернини стоялъ у дверей.

— Этотъ экземпляръ полнѣе, громко разсуждалъ самъ съ собою Каведоне: мнѣ объ немъ много еще сегодня говорилъ Пуссино, но и тотъ, что́ у Санъ-Сильвестро де-Монте-Кавалло, тоже довольно хорошъ. Маттео Цоколини, впрочемъ, писалъ какъ кошка, и я удивляюсь терпѣнію Пуссино; онъ прочелъ всѣ рукописи Маттео, сдѣлалъ выписки и замѣчанія. Да это еще ничего: онъ прочелъ всѣ книги Аль-Гасина, Вителіона, Альберта Дюрера и Альберта!... Послѣ этого, неудивительно, что онъ понимаетъ перспективу: а насъ учили Болоньскіе школьники! — Нечего смотрѣть, въ заключеніе сказалъ Каведоне, ставя книгу на мѣсто: разомъ всего не прочтешь. Пора домой.

— Погодите, сказалъ Урбанъ. Вы знакомы, какъ я вижу, съ Пуссино: часто видитесь?

— Изрѣдка, ваше святѣйшество. Онъ работаетъ, а я тунеядецъ, прошу милостыни; вотъ почему и сходимся рѣдко.

— Я полагаю, онъ уважаетъ васъ.

— Еще бы! Пуссино — человѣкъ.

— Что́ онъ? ничего не говорилъ о Парижѣ?

— Онъ и думать забылъ о Франціи; у него отечество — Форумъ, друзья и

братья — антики: жена, домашніе — живопись и книги.

— Вы полагаете, онъ не поѣдетъ?

— Не зовутъ; но и тогда, кажется, не поѣдетъ.

— Какъ вы думаете? онъ полезнѣе и для Франціи здѣсь: онъ руководствуетъ молодыхъ Французовъ и въ искусствѣ и въ жизни. Мнѣ не хочется отпустить его, но удерживать не прилично. Людовикъ XIII зоветъ его: онъ долженъ повиноваться королю. Мнѣ мѣшаться въ это дѣло не ловко. Надо чтобы друзья, которыхъ онъ уважаетъ... понимаете ли?

— Совершенно понимаю, ваше святѣйшество, и иду къ Пуссино.

— Постойте: потрудитесь отдать ему и граммату королевскую, и письмо де-Нейё, которыя присланы съ прочими бумагами отъ нашего кардинала Ришліё.

— А если меня ограбятъ дорогой?

— Правда, сказалъ капуцинъ: это легко можетъ случиться. — Позвольте, ваше святѣйшество, отнести ихъ мнѣ, а Джакомо пусть потрудится сходить впередъ и предувѣдомить Пуссино, не говоря, что письма уже получены.

— Весьма умно. Иду.

— Постойте: а мы съ вами увидимся передъ отъѣздомъ въ Болонью? спросилъ папа.

— А вотъ я прощусь съ Пуссино, высплюсь, схожу въ Ватиканъ, сниму мѣрку для картины, и зайду къ вашему святѣйшеству проститься.

— Не забудьте же, сказалъ съ улыбкой Урбанъ.

— Какъ можно! сказалъ Джакомо, надѣлъ шляпу и пошелъ.

— Новое доказательство дружбы Ришліе! сказалъ шопотомъ капуцинъ. Лувръ— его затѣя.

— Нѣтъ, другъ мой, отвѣчалъ Урбанъ также тихо: тамъ есть у насъ врагъ, который на меня сердится; но, если онъ успѣетъ отнять у меня Пуссино, не видать ему кардинальской шапки, пока папа Урбанъ на ватиканскомъ престолѣ.

Джакомо возвратился.

— Прикажите проводить меня по другой лѣстницѣ, сказалъ онъ папѣ: страхъ беретъ. Я всё думаю, что въ адъ сходить приходится.

— Проводи его, Піетро! съ примѣтной досадой сказалъ Урбанъ.

— Да позвольте спросить, ваше святѣйшество, кто́ приглашаетъ во Францію Пуссино? Король или этотъ кардиналъ-гугенотъ?...

— Вотъ мѣтко! въ полномъ удовольствіи воскликнулъ Урбанъ: конечно, если бы я зналъ, что въ душѣ этого еписко-

па люсонскаго всѣ религіи перемѣшало честолюбіе, никогда бы не быть ему княземъ Церкви. Кардиналъ-гугенотъ!

Урбанъ смѣялся.

— Такъ онъ приглашаетъ Пуссино?

— Конечно онъ, хотя подъ именемъ короля.

— Ну, такъ можно и не ѣхать.

— Конечно можно; но на васъ вся надежда.

Бернини стоялъ близко, потому что Урбанъ позвалъ его для проводовъ Джакомо; вслушиваясь въ разговоръ, онъ почтительно преклонился и сказалъ:

— Ваше святѣйшество, я полагаю, что вызовомъ Пуссино въ Парижъ мы обязаны аббату Мазарини.

Урбанъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Бернини и сказалъ:

— Великій зодчій, ты, какъ Рубенсъ, будешь великимъ посломъ, если умѣешь отгадывать тайныхъ дѣйствователей безъ видимыхъ причинъ.

— Гораздо проще, ваше святѣйшество: я также, съ кавалеромъ д'Орбиньи, получилъ письма изъ Парижа и все искалъ случаю имѣть счастіе представить ихъ вашему святѣйшеству.

— Какія письма? тревожно спросилъ Урбанъ, и, пробѣжавъ бумаги, съ досадой воскликнулъ:

— Аббатъ Мазарини предлагаетъ Бернини ежегодно двѣнадцать тысячъ экю, и всѣ возможныя выгоды, отъ имени короля и кардинала?... Нѣтъ, Піетро! Богъ создалъ тебя для Рима, а Римъ для тебя.... Не пущу!

— Въ письмахъ была записочка къ кардиналу Бани, сказалъ архитекторъ, но его эминенція теперь въ легаціи. Я не знаю, можетъ-быть, и въ ней есть какое-либо вредное для Рима предложеніе.

— Подай.

Урбанъ прочелъ записку, улыбнулся и, обращаясь къ брату, сказалъ весело:

— Поздравляю васъ съ новымъ кардиналомъ, Джуліо Мазарини! Прочтите.

Капуцинъ подошелъ къ ближайшей лампѣ, и прочелъ слѣдующее:

«Благодѣтель и другъ! Предложеніе мое любезному Бернини вынуждено обстоятельствами. Кардиналъ и королева настоятельно требовали, чтобы я пригласилъ въ Парижъ лучшихъ италіянскихъ художниковъ. Бернини мнѣ другъ, они это знали; но его святѣйшество лишится геніальнаго человѣка и вѣрнаго слуги и потому употребите всѣ средства, мой благодѣтель и другъ, и не пускайте Піетро въ Парижъ: польза и удовольствіе святѣйшаго отца должны быть нашими единственными законами. Вашъ—Джуліо.»

— Счастливъ Мазарини, сказалъ Урбанъ, если этой записки не успѣлъ прочесть Ришліё. — Джакомо! теперь ступайте къ Пуссено, но, не забудьте: все, что здѣсь слышали — тайна.... Кардиналъ Маза....

— Позвольте, ваше святѣйшество, почтительно прервалъ капуцинъ, отводя Урбана въ сторону.—Вы ошибаетесь: можно будетъ сдѣлать его княземъ Церкви, но назначьте условіе. Между аббатомъ и кардиналомъ Мазарини лежитъ послѣдній подвигъ.

— Какой, Франческо?

— Пусть постарается возвратить намъ Пуссино какъ-можно скорѣе, потому что намъ неловко удерживать его теперь въ Римѣ, если онъ самъ не захочетъ у насъ остаться.... А я постараюсь увѣдомить о томъ Мазарини такъ, что и Ришліё не догадается. Письма изъ Испаніи въ свернутыхъ картинахъ, отправленныя къ Мазарини тайными его агентами, везены черезъ Италію; я ихъ читалъ: неужели Ришліё не прочелъ ихъ по-моему?.... Плохое средство.... Гдѣ твои новыя книги?

Капуцинъ разсмотрѣлъ кучу ново-из-

данныхъ книгъ, выбралъ одну, и, подходя къ Урбану, спросилъ:

— Согласенъ?

— Amen! отвѣчалъ папа, и всѣ разошлись.

ГЛАВА XXI.

(Римская III.)

ПУССЕНОВСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

— Дóма жена? спросилъ Пуссенъ у служанки, примѣтно испуганной, и растрепанной.

— Нѣтъ, отвѣчала она съ особенною поспѣшностью. Приходилъ Гаспаро за нею отъ вашего тестя; у нихъ сегодня гости.

— И у нея гости! сказалъ Пуссенъ друзьямъ, указывая на Маріанну.

Пуссенъ самъ добылъ огня и зажегъ древнюю мѣдную лючерну.

— Ступай, Маріанна; ты мнѣ не нужна; можешь заниматься чѣмъ хочешь, пока жена прійдетъ.

Маріанна заперла двери и исчезла.

Пуссенъ поставилъ лючерну на продолговатый столъ; по сторонамъ стояли двѣ деревянныя скамьи со спинками, каждая другой формы, и съ особенно удобнымъ выдолбомъ въ сидѣньи; потомъ принесъ небольшую этрурскую вазу, и началъ въ нее жать лимоны. Стелла́ и Валентенъ уже сидѣли въ глубокихъ скамьяхъ: Валентенъ продолжалъ сердиться на Джакомо и доказывалъ Стеллѣ, что онъ написалъ свою картину совершенно хорошо. Раздался стукъ. Пуссенъ отворилъ двери; вошли Кеноа, Сакки, Черкоцци и еще нѣсколько художниковъ.

— Мы никогда не наговоримся, сказалъ съ улыбкою Пуссенъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Черкоцци, мы никогда не наслушаемся... Я прямо изъ трактира, гдѣ проповѣдуетъ Лааръ. Пока говорили о Рубенсѣ съ пріѣзжимъ Голландцемъ, я слушалъ; но, когда стали разсказывать о парикахъ и длинныхъ волосахъ какого-то синьоръ-альдермана, котораго отлучили въ Англіи отъ Церкви за четыре лишнія кудри, которыя онъ придѣлалъ къ своимъ собственнымъ волосамъ, я ушелъ.

Пуссино вышелъ въ небольшой садъ и сорвалъ нѣсколько штукъ лимоновъ; общество умножалось. Опять стукъ; кар-

диналъ Массими. Опять стукъ; кардиналъ Маффеи. Черезъ нѣсколько времени пришелъ и Гаспаро.

— Что́, жена у васъ? спросилъ Пуссенъ.

— Нѣтъ; она сегодня и не бывала.

Пуссенъ горько улыбнулся и, продолжая жать лимоны, посмотрѣлъ лукаво на кардиналовъ.

— Не правда ли, сказалъ онъ: женщины одарены въ высочайшей степени тонкимъ предчувствіемъ? Что́ имъ дѣлать въ художнической бесѣдѣ? Для насъ потѣха, для нихъ скука! И вотъ жена предчувствовала свое положеніе; ушла; ей теперь не скучно, а насъ никто не связываетъ.

— Нельзя не подивиться вашему хладнокровію, сказалъ Маффеи: жена ваша такъ рѣдко васъ видитъ, хотя вы всегда почти дома.

— Скажите лучше, что я очень рѣдко ее вижу, хотя я почти всегда дома. Кругъ ея знакомства такъ обширенъ, что я даже не могу сохранить въ памяти однихъ именъ всѣхъ ея подругъ. Но, какъ бы то́ ни было, я не хочу мѣшаться въ дѣла моей жены. Говорятъ про нее слишкомъ много дурнаго, по-крайней-мѣрѣ столько, что я начинаю уже вѣрить ея добродѣтели, въ которой увѣряетъ меня

и Гаспаро... Да вотъ, онъ знаетъ, что я женился на сестрѣ его изъ благодарности. Милостивый, ласковый пріемъ чужому человѣку безъ имени и состоянія, отеческая попечительность во время болѣзни, прекрасныя качества всего семейства Дюге́, очаровали меня: я считалъ женитьбу на одной изъ дочерей почтеннаго человѣка свидѣтельствомъ моей благодарности и уваженія. Она тогда не любила никого; и меня тоже. Минули годы: мы замѣтили, что не можемъ влюбиться другъ въ друга; это намъ жить еще не мѣшаетъ, а я вывелъ заключеніе, что надо свататься тогда, когда женское сердце совершило періодъ дѣвичьей любви... Надобно дожидаться въ женщинѣ періода любви супружеской. Я былъ глупъ, и теперь не взыскиваю.

Пуссенъ вышелъ.

— И живетъ, и говоритъ, какъ пишетъ! сказалъ Черкоцци. Меня просили написать бамбочіаду изъ его домашней жизни; рука не поднимается!

Я самъ написалъ на себя бамбочіаду, сказалъ Пуссенъ, входя и держа въ одной рукѣ продолговатый сосудъ изъ простой глины, а другою указывая на портретъ, висѣвшій на стѣнѣ.

Художники съ изумленіемъ глядѣли то́ на портретъ, плохо освѣщенный боль-

нымъ свѣтомъ лючерны, тó на Пуссена, который спокойно изъ своего глинянаго сосуда вливалъ воду въ этрурскую вазу. Гаспаро покраснѣлъ и, заикаясь, сказалъ Пуссену:

— Николо! это послѣдній сосудъ, который вы сдѣлали?

— А чтó, не нравится?

— Напротивъ, прекрасно!

— Постой, увидишь ковши: сегодня на зарѣ писать нельзя было, такъ я и обжигалъ мои ковши по способу Аль-Гасина.... и весьма удачно: ни одной трещины! У меня теперь ковшей дюжина: довольно; завтра вылѣплю для молодыхъ померанцевъ горшки, на одну идею, но въ каждомъ будетъ иная модуляція.

— Но такъ вы разрушаете симметрію, замѣтилъ кардиналъ Массими.

— Симметрія — врагъ вкуса; разнообразіе есть природа, міръ, вселенная. Посмотрите, какъ несимметрически убрано небо разномѣрными звѣздами. Говорятъ, будто и планеты всѣ разнаго объема и формы. Поглядите на лѣсъ, на море: одно дерево и одна волна не похожи на другую волну и на другое дерево. Гармонія, согласіе, это дѣло другое: но симметрія не есть согласіе, а однообразіе. Гармонія не можетъ быть въ тождествѣ, а въ логическихъ, причинныхъ отношеніяхъ

двухъ или болѣе противоположныхъ предметовъ. Напримѣръ, два бойца равной храбрости напали другъ на друга: и тотъ и другой подняли кулаки; отставили другую руку; у обоихъ такъ же сверкаютъ глаза, такъ же волоса щетинятся; такъ же упирается нога: и нѣтъ картины, а есть симметрія. — Гаспаро! принеси ковши. — Вы увидите какъ важны въ искусствѣ модуляціи на одну и ту же идею; и Римляне понимали эту гармонію противоположностей: вы можете замѣтить это тонкое чувство вкуса въ разнообразіи древней посуды, домашней утвари, нѣкоторымъ образомъ и самыхъ зданій.

— Всё такъ, сказалъ Черкоцци, но гдѣ же бамбочіада?

— Посмотрите хорошенько; возьмите свѣчу: сами увидите, а говорить не слѣдуетъ.

Черкоцци взялъ лючерну и освѣтилъ портретъ: онъ еще не былъ оконченъ; лицо было совершенно отдѣлано; на стѣнѣ, за Пуссенемъ, уже была надпись:

Effigies Nicolaï Poussini,
Andelyensis, pictoris, anno....

но годъ еще не былъ выставленъ. Вдали окно; въ окнѣ женщина: въ ней легко было узнать жену Пуссена. Ее обнимали неизвѣстныя руки. Черкоцци понялъ бам-

бочіаду и, молча, поставилъ лючерну на прежнее мѣсто.

— Что́? не правда ли? спросилъ Пуссенъ, вливая сотовый медъ въ этрурскую вазу.

— Замысловато! отвѣчалъ Черкоцци: но зачѣмъ въ вашихъ рукахъ свертокъ бумагъ, а не кинжалъ?

Пуссенъ улыбнулся и не отвѣчалъ, потому что вошелъ Гаспаро съ ковшами.

Больше всѣхъ хвалилъ ковши Кеноа и, конечно, болѣе всѣхъ имѣлъ на то права. Пуссенъ поставилъ вазу по-серединѣ стола, подкатилъ большую кушетку безъ спинки и боковъ, съ тремя подушками, и, несмотря на присутствіе двухъ кардиналовъ, возлегъ по-древнему, упираясь грудью въ подушки.

— Удивительно, сказалъ Маффеи, какъ это вы, обожая Римъ и его обычаи, не любите и его недостатковъ! Ваше пристрастіе походитъ на слѣпую привязанность къ женщинѣ, а тогда и недостатки любовницы намъ дороги.... Какъ, напримѣръ, вы не любите вина?

— Кто вамъ сказалъ? Напротивъ, я выпиваю ежедневно малый сосудъ, вылѣпленный моимъ другомъ Кеноа, но только за обѣдомъ, послѣ труда, а не употребляю его какъ подателя мыслей въ умной бесѣдѣ; конечно, быстрѣе ра-

зумъ, развязнѣе языкъ, но на-завтра я глупъ. Въ жизни нужна симметрія или, лучше сказать, порядокъ, въ каждомъ днѣ разнообразный, но въ двухъ дняхъ почти тождественный. Встать съ солнцемъ — удовольствіе; трудиться до полудня — блаженство; принять пищу, когда ѣсть хочется — наслажденіе; потóмъ читать избранныхъ писателей; минуетъ жаръ — отрадная прогулка; вечеръ — отрадная бесѣда; и голова, не утомляясь, не перестаетъ работать, добывать свѣдѣнія..... Все это настоящая идея настоящаго эпикуреизма.

— Мнѣ кажется, сказалъ Черкоцци, я читаю эту идею, когда гляжу на ваши пейзажи. Жаль, что ихъ не бывало въ природѣ!

— Никогда, отвѣчалъ Пуссенъ: никогда! Аристотель говоритъ, что поэту позволено представлять невозможное, лишь бы оно было лучше возможнаго. Но я, однако жъ, долженъ сказать, что между натурой и искусствомъ нѣтъ ни малѣйшаго различія; искусство не можетъ перейти предѣловъ, которые оно само себѣ начертало, потому что свѣтъ познанія, который, какъ даръ природы, разсѣянъ тамъ и сямъ, обнаруживается въ разныхъ людяхъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена: этотъ свѣтъ познанія, го-

ворю, самъ есть не что́ иное, какъ правила искусства; но замѣтьте: весь этотъ свѣтъ, или по-крайней-мѣрѣ бо́льшая часть его, никогда не можетъ быть въ одномъ человѣкѣ; вотъ почему искусство не во всѣхъ своихъ частяхъ въ одномъ отдѣльномъ произведенiи бываетъ согласно съ природою. Возьмите искусство въ цѣломъ, во всей суммѣ его произведенiй: вы не найдете ни какого различiя съ природой; потому-то, скажу, я не понимаю, какой «новости» требуютъ нынѣшнiе писатели отъ художниковъ. Новость въ живописи не заключается въ томъ, что я избралъ предметъ, котораго до меня не представляли; совсѣмъ нѣтъ: она, просто, заключается въ хорошемъ и новомъ расположенiи и выраженiи предмета. Причащенiе Святаго Джироламо превосходно написалъ Агостино Караччи, а Доменикино, въ своей картинѣ, былъ вполнѣ новъ, потому что въ томъ же сочиненiи умѣлъ сообщить фигурамъ новыя выраженiя и движенiя. Если живописецъ хочетъ поразить зрителя чѣмъ-либо чудеснымъ, напрасно введетъ онъ въ картину чрезвычайныя и непостижимыя новости; нѣтъ, пускай употребитъ весь свой генiй и обработаетъ предметъ во всѣхъ отношенiяхъ, такъ, чтобы предметъ казался совершеннымъ, превосходнымъ самъ по

себѣ; чтобы можно было сказать: materiam superabat opus. Конечно, въ этомъ случаѣ мало одного только сочиненія: надобно озаботиться и о формахъ; но не забывать, что форма предмета различается по впечатлѣнію или по цѣли. Нѣкоторые предметы производятъ смѣхъ, другіе ужасъ, и такъ далѣе; и этотъ смѣхъ, этотъ ужасъ — вотъ ихъ формы. Чтó касается до красокъ въ живописи, то, по моему мнѣнію, онѣ похожи на лесть, которая легко убѣждаетъ: для того же и красота стиховъ нужна въ поэзіи.

— Вы каждый вечеръ дарите насъ новыми замѣчаніями о живописи, сказалъ кардиналъ Массими: ваши вечернія бесѣды составили бы полнѣйшій кодексъ правилъ художества; можетъ-быть, обнародовавъ мысли свои о искусствѣ, вы бы остановили то несчастное направленіе, которому поклоняется наше время.

— Нѣтъ! нельзя исправить пороковъ, какъ нельзя испортить добродѣтели, отвѣчалъ Пуссенъ. Въ природѣ все расчитано; даже породы животныхъ исчезаютъ, можно сказать, пирамидально, какъ, слѣдуя той же фигурѣ, разраждаются новыя: такъ и въ художествѣ. Пирамида, изъ точки неизвѣстной, разраслась въ вѣкъ Льва X. Цѣлые города художниковъ, и художниковъ достойныхъ! Въ одно время

Рафаэль, Микель Анджело, Тиціанъ, Корреджіо, Леонардо да-Винчи, фра Бартоломео, Джіорджоне, Альбертъ Дюреръ, Гольбейнъ, Тинторетто, Джуліо Романо, и прочіе, и прочіе.... Второй вѣкъ, или второй ярусъ пирамиды уже и по объему и по достоинству: три Караччи, Доминикино, Альбани, Гвидо Рени, Каведоне. Нашъ, третій ярусъ, прости любезный Черкоцци, уже занимается бамбочіадами... Я прощаю шуткѣ, какъ люблю читать Гомера на изнанку; но не люблю поэмъ героическихъ, сдѣланныхъ на изнанку изъ площадныхъ сказокъ арлекина; а, съ немногими исключеніями, это характеръ нынѣшней живописи.

— Кардиналъ, съ улыбкой сказалъ Массими, обращаясь къ Маффеи: и мы сегодня видѣли на одномъ потолкѣ большую историческую, или героическую бамбочіаду.

Маффеи сдѣлалъ видъ, будто бы не слышитъ, и сталъ шептаться съ Черкоцци. Раздался ужасный стукъ у дверей, такъ, что многіе не усидѣли на мѣстахъ. Пуссенъ всталъ, взялъ со стола лючерну и, оставляя общество въ потьмахъ, пошелъ отворить двери.

— Кто тамъ?

— Сдѣлай милость, отвори поскорѣе: черти стали по улицѣ ходить; я ужас-

ный трусъ, и ночью никогда не путешествую.

По голосу легко было узнать Каведоне. Вошедши въ сѣни, Каведоне выглянулъ еще разъ на улицу и со смѣхомъ сказалъ:

— Что́ взяли, черти!

— Опять станетъ ругаться, несносный старичишка! сказалъ Валентенъ, услышавъ голосъ Джакомо.

— Милости просимъ, милости просимъ! ласково говорилъ Пуссенъ, вводя гостя въ залу.

Каведоне комически раскланивался и наконецъ усѣлся вдали, у окна, одинъ, какъ-будто скромничая.

— Пожалуйте! тутъ есть мѣсто, говорилъ Пуссенъ, ложась на свою кушетку.

— Покорнѣйше благодаримъ; намъ и тутъ хорошо, отвѣчалъ Джакомо, вставъ и почтительно кланяясь.

— Объ чемъ мы говорили? началъ Пуссенъ: да! о бамбочіадахъ. Вотъ, Джакомо скажетъ, какъ прежде, при Караччи, хлопотали о защитѣ вкуса отъ нашествія Караваджіо. Я уважаю публику, какъ ее называютъ многіе; но я уважаю ее изъ сожалѣнія, какъ невольнаго грѣшника. Вотъ, публика-то и не понимаетъ, что́ значитъ въ живописи новость, потому что для этого нуженъ высшій свѣтъ по-

знанія. По инстинкту она требуетъ новости, и уродливость считаетъ самою свѣжею, отрадною новизною: во Франціи не нравится Пинтуриккіо, а понравился Рубенсъ.

— А теперь, сказалъ Джакомо, нравится Вуэ, а не понравится Пуссино; я дамъ расписку, если не вѣрите. А ужъ, вѣрно, соблазнятъ тебя, Николо! Я думаю, теперь и рѣчи въ Парижѣ только что́ про тебя. Впрочемъ, я живу давно; десятками видѣлъ философовъ: каждый презиралъ дары Фортуны до случая; каждый терялъ свою философію отъ женской улыбки, вельможеской ласки, мытарскаго кошелька.... отъ разныхъ причинъ; и какъ ни любишь Римъ, какъ ни счастливъ въ Римѣ, а напиши король слово, пришли денегъ кардиналъ-гугенотъ, и завтра у крыльца аркадскаго живописца будетъ стоять веттурино, а жена укладывать въ повозку все, что́ не нужно въ дорогѣ.

— Вы ошибаетесь, Джакомо! Слово честнаго Римлянина, ни зачто не поѣду во Францію!

— Увидимъ!

— Увидите! Начто Французамъ Пуссино, когда у нихъ Симонъ Вуэ, съ щегольскою кистью, съ красками столь свѣжими, яркими, какъ цвѣты, украшающіе луга въ швейцарскихъ долинахъ, съ рим-

скою славою? Не забудьте: и Вуэ писалъ для Ватиканской Базилики. Да и на что́ мнѣ Французы! Жизнь моя у нихъ была цѣпью непріятностей, досадъ, обидъ, болѣзней и нищенской бѣдности.

— А всё-таки поѣдешь! сказалъ Джакомо.

— Повторяю вамъ, дорого̀й Джакомо, какъ уважаю васъ и всѣхъ достойныхъ учителей моихъ, какъ уважаю золотую мою независимость, слово Римлянина: не поѣду!

Раздался стукъ. Пуссенъ опять вышелъ съ лючерной и почтительно ввелъ кардинала Барберини. Всѣ встали, кромѣ Каведоне, который махалъ капуцину шляпой и, когда глаза ихъ встрѣтились, Каведоне сдѣлалъ такую мину, которою капуцинъ вполнѣ остался довольнымъ. Онъ усѣлся возлѣ пуссеновской кушетки.

— Все старые знакомые! сказалъ кардиналъ, окинувъ сѣрыми глазами общество. А давно я у васъ не былъ, Пуссино! давно! Но вы не должны взыскивать. Представить не можете сколько работы! Его святѣйшество взялъ на себя окончаніе Ватиканской Базилики и фамильнаго дворца, а на меня возложилъ тысячу мелочей, такъ, что въ день едва успѣваю осмотрѣть работы; но я не ропщу, не жалуюсь.... Въ короткое время

Римъ значительно похорошѣетъ. Собираемся приступить къ розыскамъ и раскапываніямъ на древнихъ виллахъ....

— Ахъ! пора, пора, пока природа и руки невѣждъ не уничтожатъ безчисленныхъ и чудныхъ остатковъ! сказалъ Пуссенъ со вздохомъ.

— На все нужно время, деньги и руки, отвѣчалъ Барберини, по обыкновенію улыбаясь. Времени мнѣ остается не много; не знаю, гдѣ меня похоронятъ, потому что у меня есть намѣреніе умереть въ Іерусалимѣ. Денегъ, право, нѣтъ; едва могу расплатиться.... а руки.... кажется, всѣ свободныя и способныя руки цѣлой Италіи работаютъ въ Римѣ..... Скажу вамъ, между прочимъ, пріятную новость. Балдахинъ утвержденъ. Онъ будетъ изъ коринѳскаго металла.

— Да откуда вы его возьмете? спросилъ съ изумленіемъ Пуссенъ.

— Найдемъ, найдемъ! А балдахинъ великолѣпный. Бернини отличился.

Художники улыбнулись: эта общая улыбка не ускользнула отъ зоркаго капуцина, и онъ продолжалъ:

— Его святѣйшество утвердилъ уже давно рисунокъ; завтра будетъ осматривать модель въ настоящую величину.

— Одинъ? спросилъ Каведоне.

— Да съ кѣмъ же? спросилъ сурово Барберини.

Каведоне расхохотался и отвѣчалъ:

— Я не ожидалъ такого вопроса отъ вашей эминенціи. Вѣдь вы съ Урбаномъ ничего въ этомъ не смыслите. Это наше дѣло! Вотъ, я.... что́-нибудь могу сказать; Валентино, Стелла́, Черкоцци, Кеноа, а больше всѣхъ насъ, Пуссино... Право, не хорошо, ваша эминенція! Ну, вообразите, что́ бы сказали врачи, если бы вы вздумали исполнять должность повивальной бабки!

Художники съ трудомъ удерживались отъ смѣху. Неумолимый Каведоне продолжалъ:

— Вотъ и сегодня мы съ вами видѣли плафонъ; ну, дали бы вы поправить рисунокъ Пуссино.... и эта картина была бы вполнѣ достойна папскаго дворца; а то, сами посудите, цѣлый олимпъ таскаетъ принадлежности фамильнаго герба Барберини.... Я было подумалъ, что это дворецъ какого-нибудь барона-гугенота.

Капуцинъ задумался и почти невольно обмолвился:

— Да! и Доменикинъ то́ же думаетъ...

— Развѣ онъ въ Римѣ? спросили съ участіемъ почти всѣ.

— Нѣтъ! но вѣроятно видѣлъ рисунокъ

и написалъ объ немъ свое мнѣніе къ командору дель-Поццо.

— То-тó и есть! сказалъ Каведоне, садясь на свое мѣсто и надувшись: украшаютъ Римъ по своему разумѣнію; у порядочныхъ людей и совѣта не спросятъ!

Кардиналъ Массими, желяя прервать дерзкія рѣчи Каведоне и вывести капуцина изъ смущенія, спросилъ особено громко:

— А чтó это сегодня мы командора дель-Поццо не видимъ?

— Видно, отвѣчалъ капуцинъ, у его святѣйшества проситъ позволенія заказать Кортонскому новую картину; послѣ плафона художникъ сталъ посвободнѣе....

— Нѣтъ! сказалъ Пуссенъ: я увѣренъ что онъ зачитался, и вѣрно еще сегодня окончитъ свои замѣчанія на Ѳукидита.... Кажется, подъѣхала карета.... Стучатъ Это онъ!

И Пуссенъ ввелъ командора дель-Поццо.

— Вы кстати пожаловали, сказалъ Барберини. Пуссино гордится вашею дружбою, illustrissime.

— Скажите лучше, eminentissime, Поццо гордится дружбою Пуссино. Чтó я?— богатый Римлянинъ, и только; умъ или скупость отцовъ моихъ оставили мнѣ порядочный достатокъ, но Богъ даровалъ

охоту употребить его не на разрушительныя удовольствія, а на лучшія наслажденія; и, конечно, дружба съ Пуссино была необходимостью: мы оба хотимъ быть Римлянами старыхъ временъ и живемъ въ одномъ городѣ.

— Послѣднее условіе разорвано, сказалъ Барберини.

— Какъ! спросили Пуссенъ и Поццо.

— Король зоветъ васъ въ Парижъ.

— Зловѣщій вóронъ! невольно воскликнулъ Валентенъ, поглядывая на Джакомо.

— Святѣйшій отецъ поручилъ мнѣ, сказалъ Барберини, передать вамъ бумаги, полученныя сегодня на имя ваше вмѣстѣ съ другими. Кавалеръ д'Орбиньи завтра отъѣзжаетъ назадъ съ отвѣтами и ожидаетъ вашего. Святѣйшій отецъ желаетъ знать, если вы позволите, содержаніе.

— Оно коротко, отвѣчалъ Пуссенъ; теперь я не могу ѣхать во Францію, потому что я обязался на срокъ окончить многія работы въ монастыри.

— Къ сожалѣнію, это не препятствіе, отвѣчалъ Барберини: мы, въ угодность христіаннѣйшему, можемъ приказать монастырямъ отсрочить, или даже и вовсе не безпокоить васъ дешевыми заказами; не только можемъ, но и должны.

— Но ужъ мнѣ, сказалъ командоръ,

вѣроятно его святѣйшество не захочетъ запретить, чтобы я не требовалъ отъ Пуссино моихъ «Семи таинствъ.» Вы знаете, что эти картины — вѣнецъ Пуссино; онъ ни гдѣ, кромѣ какъ дома, писать ихъ не можетъ; еще остается три картины, труднѣйшія.

— Особенно «Бракъ,» замѣтилъ Пуссенъ, какъ-будто предчувствуя, что эта картина будетъ слабѣйшею изъ семи и дастъ начало пословицѣ — *хорошій бракъ и въ живописи труденъ.*

— И какъ хотите, продолжалъ командоръ, я не выпущу Пуссино изъ Рима, пока онъ не кончитъ всѣхъ семи. Пусть Франція понесетъ отъ того самыя чувствительныя потери; пусть объявитъ войну всѣмъ державамъ Европы; пусть отъ невольнаго отказа Пуссино умретъ Ришліё и его пажъ Мазарини: все, что́ угодно, а Пуссино я не пущу.

— Командоръ! но въ такомъ случаѣ отказъ можетъ быть только временнымъ, а ѣхать всё-таки надобно.

— Со-временемъ! отвѣчалъ командоръ: но вы знаете, eminentissime, что́ значитъ у Французовъ «со-временемъ?» Четыре дня — и они отложатъ попеченіе: къ нимъ заѣдетъ какой-нибудь Фламандецъ, или Италіянецъ безъ славы: они утѣшатся; разлюбятъ Пуссино, котораго не знаютъ,

и о которомъ судятъ по гравюрамъ, и по римской его славѣ.... Тогда Пуссино можетъ у насъ остаться, хоть до втораго Пришествія.

— И такъ.... воскликнулъ Барберини, съ трудомъ скрывая удовольствіе.

— Я во власти вашей, отвѣчалъ Пуссино: конечно, если вы меня не защитите, я долженъ ѣхать..... и потому предаю себя вашему покровительству.

Въ словахъ Пуссино замѣтна была грусть, страхъ, досада, и надежда, что могучіе покровители выручатъ. Командоръ всталъ съ мѣста, и съ видомъ досады и неудовольствія началъ ходить по комнатѣ. Когда подошелъ къ Каведоне, тотъ шопотомъ сказалъ ему:

— Философъ, а струсилъ!

— Кого не испугаетъ необходимость ѣхать къ варварамъ! подхватилъ командоръ: гдѣ казнятъ кардиналовъ, герцоговъ, даже князей королевской крови по приговорамъ купленныхъ судей? гдѣ на каждаго честнаго человѣка есть два подлеца, — одинъ доносчикъ, другой клеветникъ? гдѣ классъ художниковъ еще — ремесленной цѣхъ, а его управа—убранные титулами невѣжды? Зовутъ, просятъ, приглашаютъ, обѣщаютъ, и, если не казнятъ, такъ сошлютъ, не сошлютъ, такъ замучатъ, не замучатъ, такъ выживутъ,

послѣднее еще изъ всѣхъ золъ лучшее, но дорого стòитъ.... Какъ онъ хочетъ, но у меня есть контрактъ, правильный, законный. Онъ не можетъ окончить «Семи таинствъ» въ Парижѣ. Если этого не захотятъ понять невѣжды, такъ въ томъ же контрактѣ сказано, что Николо Пуссино, въ настоящемъ 1639 году, обязанъ расписать альфреско мою галерею.... ее уже оканчиваютъ... сверхъ того два образа: я долженъ ихъ отослать въ мою приходскую церковь, ex voto.

Пуссенъ покраснѣлъ, слушая, какъ храбро лгалъ командоръ; онъ бормоталъ чтó-то, но такъ несвязно, что не было возможности разобрать словъ. Джакомо хохоталъ, приговаривая:

— Не трусь, не трусь, Николо!... а въ Парижъ поѣдешь!

— И любопытенъ я знать, спросилъ командоръ, чтò они предлагаютъ Пуссино? Думаю, золотыя горы!... Обѣщать и не исполнить—это исторія французскаго народа.

— Конечно, конечно! сказалъ Барберини, доставъ бумаги и подавая Пуссену, который всталъ для ихъ принятія; пріймите, прочтите громко.

Пуссено прочелъ слѣдующее:

«Дано въ Фонтенблó, пятнадцатаго ян-«варя 1639 года. Дорогòй и возлюблен-

«ный! Многіе изъ приближенныхъ слугъ «Нашихъ донесли Намъ, какое великое «уваженіе пріобрѣли вы, и какое высо- «кое мѣсто занимаете между самыми зна- «менитыми и превосходными живописца- «ми всей Италіи. Желая, по примѣру «предковъ, сколько возможно, содѣйство- «вать къ украшенію королевскихъ двор- «цовъ, приглашая ко двору Нашему лю- «дей, нынѣ первенствующихъ въ искус- «ствѣ, которыхъ достоинство видно наи- «болѣе тамъ, гдѣ такъ дорожатъ ими, Мы «пишемъ настоящее письмо, и объявляемъ, «что Мы избрали и утвердили васъ ор- «динарнымъ нашимъ живописцемъ, и что «впредь желаемъ употребить ваши талан- «ты по сему званію. Для того Мы же- «лаемъ, чтобы вы, по полученіи сего, «распорядились о немедленномъ отъѣздѣ «туда, гдѣ услуги, какія вы окажете, бу- «дутъ столько же уважены, какъ ваши «произведенія и достоинства уважаются «тамъ, гдѣ вы нынѣ проживаете. Съ симъ «вмѣстѣ Мы приказали господину де-Нойѐ, «совѣтнику въ Нашемъ государственномъ «совѣтѣ, секретарю Нашихъ повелѣній и «начальнику зданій, съ бо́льшею подроб- «ностью изъяснить, сколько Мы доро- «жимъ вами, и какія пользы и выгоды «хотимъ извлечь изъ вашего здѣсь пребы- «ванія. Къ тому Мы присовокупимъ толь-

«ко: да сохранитъ васъ Богъ подъ сво-
«имъ покровомъ.

«ЛЮДОВИКЪ.»

Пуссенъ поцѣловалъ королевскую подпись.

— Добрый король! сказалъ онъ съ примѣтнымъ чувствомъ.

— Не вѣрьте, сказалъ Поццо. Продиктовано кардиналомъ, который увѣрялъ въ безконечной привязанности королеву Марію Медичи, отправляя ее въ ссылку; плакалъ надъ несчастными жителями Ла-Рошели, подписывая приказъ по артиллеріи произвести на другой день втрое болѣе выстрѣловъ нежели въ тотъ день, въ который онъ плакалъ. А что́ же пишетъ государственный совѣтникъ? Прочтите ужъ за-одно.

Пуссенъ читалъ:

«Рюэль, четырнадцатаго января 1639 года.»

— Ага! сказалъ командоръ, вотъ откуда приглашеніе. Совѣтникъ посовѣтовался съ кардиналомъ, какъ искуснѣе обмануть живописца-философа. Послушаемъ; любопытная политическая переписка.

Пуссенъ продолжалъ:

«Государь мой! Лишь только король «сдѣлалъ мнѣ честь, возложивъ на меня «должность начальника своихъ зданій, «первою моею мыслію было воспользо-

«ваться всею властью, мнѣ его величест-
«вомъ пожалованною, чтобы возстано-
«вить уваженіе къ искусствамъ и наукамъ,
«и какъ я имѣю особенную страсть къ
«живописи, то и рѣшился ласкать ее какъ
«пламенно любимую женщину и пода-
«рить ей первыя мои попеченія. Вамъ
«извѣстно, черезъ посредство вашихъ
«друзей, пребывающихъ за Горами, а рав-
«но изъ писемъ, которыя я просилъ ихъ
«написать къ вамъ отъ моего имени, что
«я требую справедливости отъ Италіи.
«Она должна намъ дать нѣкоторыхъ
«изъ своихъ питомцевъ. Вы догадывае-
«тесь, что подъ этимъ я разумѣю госпо-
«дина Пуссена и еще какого-либо пре-
«восходнаго италіянскаго живописца. Же-
«лая сдѣлать извѣстнымъ тó уваженіе,
«какое питаетъ король къ вашей особѣ и
«ко всѣмъ людямъ, какъ вы, рѣдкимъ и
«добродѣтельнымъ, я просилъ друзей ва-
«шихъ написать къ вамъ и то, чтó я под-
«тверждаю настоящимъ письмомъ моимъ;
«оно вамъ пóслужитъ предварительнымъ
«ручательствомъ въ точномъ исполненіи
«даннаго вамъ обѣщанія, пока съ пріѣз-
«домъ вашимъ я не отдамъ вамъ въ ру-
«ки подлинныхъ грамматъ и повелѣній
«королевскихъ. И такъ, я вамъ пошлю
«тысячу экю на путевыя издержки. Каж-
«дый годъ я прикажу вамъ выдавать ты-

«сячу экю жалованья; выгодное помѣще-
«ніе въ королевскомъ дворцѣ, въ Луврѣ,
«въ Парижѣ или въ Фонтенебло́, по ва-
«шему назначенію: я прикажу убрать его
«приличною мебелью для вашего пріѣз-
«да, на первый случай, если хотите. Все
«это зависитъ отъ вашего желанія. Вы
«не будете писать ни въ плафонъ, ни въ
«сводахъ; срокъ вашего пребыванія огра-
«ничивается, по вашему желанію, пятью
«годами, но я увѣренъ, что вы, поды-
«шавъ воздухомъ отечества, съ трудомъ
«рѣшитесь его оставить. Вотъ условія,
«вамъ предлагаемыя. Вы сами ихъ же-
«лали. Остается назначить еще одно:
«именно, что вы не будете писать для
«кого бы то̀ ни было безъ моего позво-
«ленія, потому что я приглашаю васъ
«для короля. Не хочу совершенно ли-
«шить васъ возможности сдѣлать что́-ни-
«будь пріятное и частнымъ людямъ; нѣтъ,
«я прошу только, чтобы вы писали для
«нихъ съ моего вѣдома. Затѣмъ, пріѣз-
«жайте къ намъ здоровы и веселы,
«и будьте увѣрены, что вы найдете у
«насъ болѣе удовольствія, нежели сколь-
«ко ожидаете.

«Де-Нойѐ.»

— Изъ этого лукаваго письма, сказалъ
командоръ, я вижу, что васъ уже и пре-
жде приглашали такъ называемые друзья.

— Никто! отвѣчалъ Пуссино. Одинъ мой добрый Шантлу, и здѣсь въ Римѣ, и потомъ письмомъ изъ Парижа, дружески совѣтовалъ мнѣ возвратиться въ отечество; но объ этихъ условіяхъ я въ первый разъ слышу: это, какъ вы сказали, политика новыхъ временъ.

— Безстыдная политика!,... и, конечно, эминенца, вы упомянете въ своемъ отвѣтѣ, что Пуссино не изъявлялъ ни какихъ желаній, не предлагалъ ни какихъ условій.

— Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ капуцинъ: мы имѣемъ свою политику, и въ настоящее время ссориться не станемъ: давно ли Французы были подъ Казаломъ? Сколько усилій, жертвъ, потерь, чтобы выжить иностранцевъ изъ Италіи! Честнѣе другихъ дѣйствовала Франція; намъ надобно беречь дружбу кардинала. Наше мнѣніе откровенно и ясно: Пуссино долженъ ѣхать немедленно въ Парижъ: пять лѣтъ не вѣчность; а тогда онъ будетъ совершеннымъ хозяиномъ своего времени.

— Онъ не поѣдетъ, eminentissime.

— Какъ угодно, illustrissime! Я сказалъ наше мнѣніе. Мы сдѣлали свое; а завтра по-утру кавалеръ д'Орбиньи прійдетъ за отвѣтомъ. Скажите ему, что́ хо-

тите, отвѣчайте де-Нойé чтó угодно; мы сдѣлали свое и умываемъ руки.

Кардиналъ всталъ; Массими и Маффеи также; Пуссенъ лежалъ въ раздумьѣ; художники не спускали съ него печальныхъ взоровъ, какъ-будто онъ уѣзжалъ въ африканскія степи, на жертву голоднымъ львамъ и тиграмъ.

Джакомо взялъ со стола лючерну и сказалъ:

— Я проведу васъ, кардиналы, а онъ пускай поломаетъ голову; эта задача труднѣе перспективы и мудренѣе всѣхъ книгъ Цокколини.... Я думаю, въ этомъ вопросѣ меньше смыслу чѣмъ въ Ницероновой книгѣ Taumaturgus opticus studiosissimus, или въ Вителіевой: De naturâ, ratione et projectione radiorum visus, luminum, colorum, atque formarum, quam vulgo perspectivam vocant. Я зналъ обѣ книги наизустъ, когда еще былъ съ талантомъ; теперь помню только заглавія. Eamus igitur, eminentissimi.

Пуссенъ улыбался, прочіе смѣялись; одинъ командоръ былъ золъ по-прежнему. Кардиналы уѣхали; послѣдній вышелъ Массими. Четыре богато одѣтыхъ носильщика подставили носилки; два ливрейные лакея освѣщали путь фонарями; шесть лакеевъ позади, съ короткими

алебардами, ожидали шествія. Пуссенъ свѣтилъ въ дверяхъ.

— Не безпокойтесь! не безпокойтесь! говорилъ Массими: къ вамъ совѣстно ѣздить. Мнѣ, право, жаль васъ, любезный Пуссино: какъ не имѣть хоть одного слуги!

— А я сожалѣю о вашей эминенціи, что у васъ такъ много лишнихъ людей, которыхъ вы принуждаете къ праздности.

— Всякій разъ я получаю, любезный Пуссино, какой-нибудь урокъ на дорогу. Прощайте!

— Сегодня едва-ли не лучшій! отвѣчалъ Каведоне, помогая Пуссену запереть двери.

— Ну, теперь мы одни, сказалъ Джакомо, возвращаясь въ залу и ложась на мѣсто Пуссена: совѣтъ, я предсѣдатель. Мое мнѣніе — сказать кавалеру д'Орбиньи: Пошелъ къ чорту! я Римлянинъ и боюсь гугенотовъ въ кардинальскихъ шапкахъ.

Совѣтъ продолжался за полночь; разошлись, ничѣмъ не рѣшили, а Пуссино, отпустивъ гостей, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ; на зарѣ онъ написалъ коротенькую записку:

«Священный долгъ Француза повиноваться своему королю. Священный долгъ человѣка — исполнить свои обязательства; не нарушу ни того, ни другаго. Николо

Пуссино. Римъ, пятнадцатаго февраля 1639 года.

Обернувъ снуркомъ и приложивъ печать, Пуссенъ надписалъ къ «де-Нойé,» отдалъ письмо служанкѣ, приказалъ вручить его кавалеру д'Орбиньи, а самъ взялъ карандаши, папку и ушелъ въ поле.

ГЛАВА IV.

(Римская IV.)

РОТУНДА.

Въ гостинницѣ Чернаго Орла, на высокой галереѣ, у входа въ покои, нанятые кавалеромъ д'Орбиньи, стоялъ капуцинъ, босой и подвязанный веревкой. Было еще очень рано. Капитанъ спалъ. Слуга, на той же галереѣ, чистилъ разноцвѣтныя мантіи и камзолы, и развѣшивалъ кружевныя фрезы для шеи и сапоговъ. Весь Римъ еще былъ погруженъ въ глубокій сонъ; невозмутимая тишина царствовала на улицахъ уже не всемірной столицы. Только изрѣдка до-

ходилъ едва внятный отдаленный стукъ: и монахъ и слуга старались къ нему прислушаться, но не могли угадать его причины.

— Садитесь, святой отецъ, сказалъ слуга по-французски.

— Благодарю! отвѣчалъ капуцинъ на томъ же языкѣ, и снова послѣдовало молчаніе.

Слуга, продолжая чистить платье, видимо хотѣлъ завязать разговоръ, и сталъ думать вслухъ.

— Почисти всѣ!.... А зачѣмъ всѣ?.... Развѣ мы такъ долго останемся въ Римѣ?... Не твое дѣло!.... Вотъ то́-то и есть. Господинъ слугѣ никогда ничего не скажетъ, а потомъ оба въ дуракахъ.... Да присядьте, святой отецъ; мнѣ нельзя; видите, сколько работы!

— И, кажется, напрасной, замѣтилъ монахъ.

— Напрасной? Гмъ! какъ я одѣну сегодня капитана на мой ладъ, такъ вы не скажете, напрасно. Мы во Флоренціи денька три прожили у кавалера Пальфи: такъ посмотрѣли бы вы! Молодая жена кавалера такъ глазами за капитаномъ и ходитъ. Они, правда, и прежде были знакомы на родинѣ, въ валентинской долинѣ, помнится, въ Сондріо.... Да ужъ если бы я капитана теперь не одѣлъ по-

свóему, такъ и старая любовь не помогла бы. Ужъ это, просимъ извинить!.... Въ Парижѣ баловъ нынче мало, а когда случатся, такъ мой капитанъ всегда первый, а Сенъ-Марсъ второй. Вотъ люди, святой отецъ! Кажется, оба щеголять умѣютъ, а друзья.... большіе друзья.... Да! вотъ чтó значитъ хорошая, старая кровь.... Да! такъ не напрасно!...

— Напрасно, потому что вы сегодня же отправитесь въ обратный путь.

— Сегодня?.... Да вы какъ знаете?

— Такъ случилось.

— А! позвольте.... черезъ Флоренцію?

— Тамъ какъ себѣ хотите.

— Ну, такъ черезъ Флоренцію, святой отецъ, черезъ Флоренцію. Тамъ мы съ недѣльку погуляемъ; можетъ-быть, и кавалеръ, того... Плохъ, плохъ! дай Богъ ему до Петрова дня дотянуть.... Дальній срокъ... Черные говорили, что и до Пасхи, того... а далеко ли, кажется?... Ахъ, ты Господи! капитанъ проснулся....

Слуга ушелъ и скоро возвратился.

— Святой отецъ, того, пожалуйте къ капитану.

Капуцинъ вошелъ въ небольшую прихожую, откуда, черезъ стеклянную дверь, увидѣлъ капитана, который лежалъ и потягивался на кровати.

— Пожалуйте, пожалуйте, ворчалъ слуга: капитанъ всегда такъ принимаетъ. Онъ безъ причудъ.

— Кто тамъ? закричалъ д'Орбиньи.

— Мы, мы, капитанъ, съ отцомъ.... Какъ васъ зовутъ?

— Бруно.

— Съ отцомъ Бруно.

— Войдите!

— Что́ вамъ угодно? спросилъ капитанъ по-италіянски.

— Я принесъ отъ его эминенціи, кардинала Барберини, нѣкоторыя бумаги.

Капуцинъ подалъ свертки. Д'Орбиньи пересмотрѣлъ нѣкоторыя и вскочивъ, закричалъ:

— Лошадей, лошадей! Мы ѣдемъ сегодня, сейчасъ.

— Кардиналъ просилъ вручить аббату Мазарини небольшія посылочки отъ Бернини и отъ себя.

— Отдайте, пожалуйте, моему Роху, а я долженъ еще сходить къ Пуссену за отвѣтомъ: когда онъ намѣренъ выѣхать изъ Рима?

— Онъ отложилъ это намѣреніе, сказалъ отецъ Бруно по-французски.

— Какъ! онъ смѣетъ ослушаться?

— Нѣтъ, капитанъ; онъ будетъ отсрочивать. Италіянцы научатъ его всѣмъ изворотамъ....

— Вы развѣ отецъ Бруно....

— Французъ, капитанъ, и весьма знаю, что любезное отечество не увидитъ Пуссена.

— Этого быть не можетъ! Гдѣ онъ живетъ? Я его уговорю.

— Если вамъ угодно, я могу служить проводникомъ. Но сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Развѣ у васъ такъ много лишняго времени, капитанъ?

— Какое тутъ лишнее время! Срокъ, назначенный для доставленія кардиналу депешей, не позволяетъ мнѣ заняться и своими дѣлами.... Впрочемъ, день, другой.... Потóмъ надо будетъ наверстать скорой ѣздой, а дорóга пренесносная.— Рохъ, одѣваться!

Д'Орбиньи одѣлся и вмѣстѣ съ капуциномъ отправились къ Пуссену. Они нашли лаконическую записку, а самъ художникъ былъ далеко.

Окрестности Рима справедливо называются Полемъ, Ager. Красивая пустыня, усѣянная обломками древняго величія, Римское Поле не похоже на окрестности Флоренціи или Неаполя; но виллы римскихъ богачей сдѣлали изъ поля чудесную цѣпь чудесныхъ садовъ и зданій. Пуссенъ въ сотый разъ разсматривалъ этотъ живой лексиконъ своихъ пейзажей, но впервые съ какою-то грустью, сожалѣніемъ, досадою. Карандашъ не прикасался къ бумагѣ.

Пуссенъ стосковался въ благодатной пустынѣ, возвратился въ городъ, но домой не пошелъ, боясь повстрѣчаться съ капитаномъ д'Орбиньи. Безъ цѣли бродилъ онъ по улицамъ Рима: всѣ дома и ставни были заперты; ни живой души не встрѣтилъ Пуссенъ въ самыхъ многолюдныхъ кварталахъ; издали только доходили до него крики работниковъ и стукъ молотовъ. Онъ скоро открылъ причину шума и, ступивъ на площадь Ротунды, едва вѣрилъ глазамъ своимъ. Высокіе лѣса закрывали портикъ Пантеона; множество народа, какъ мухи, лѣпилось въ деревянной паутинѣ; огромныя бронзовыя розеты, украшавшія потолокъ портика, съ трескомъ скатывались на площадь по деревянному искусственному косогору; груды камней, обросшихъ высокою травою, покрывали еще не расчищенную площадь Ротунды. На огромныхъ вѣсахъ папскіе солдаты вѣсили розеты. Приставъ, въ широкополой шляпѣ, отмѣчалъ въ тетрадкѣ и черной краской надписывалъ на каждой розетѣ вѣсъ и клеймо.

— Послѣдняя! закричали работники, и розета остановилась не вдалекѣ отъ Пуссена.

— На вѣсы! сказалъ приставъ, отмѣтилъ въ книгѣ, надписалъ на розетѣ клеймо и вѣсъ, и подошелъ къ работникамъ. —

Вырывай остальные гвозди! закричалъ онъ, и отъ многочисленности работниковъ и удобства лѣсовъ гвозди посыпались дождемъ.

— Какъ не загорятся лѣса подъ ногами этихъ святотатцевъ! закричалъ Пуссенъ.

Приставъ и работники не могли слышать этого восклицанія отъ стуку гвоздей и молотовъ, но возлѣ, изъ травы, поднялась тощая фигура Каведоне.

— Николо! Николо! говорилъ Джакомо, прыгая къ Пуссену съ камня на камень: ты пришелъ посмотрѣть, какъ тебя грабятъ Барберини? Въ-конецъ, не правда ли? Мало того, что они украли съ форума три храма и построили sic nominatus дворецъ; мало того, что перетащили туда изъ Термъ древнюю живопись.... Бронзу Пантеона.... бронзу Пантеона!.... и твой Jupiter Tonnans молчитъ, и Марсъ медлитъ, и Вулканъ не вступится за работу своихъ циклоповъ! Шутки въ сторону, а разорять древность могутъ только Варвары.

— И пословица, которую я вчера слышалъ, весьма справедлива! сказалъ незнакомецъ, сидѣвшій позади Пуссена на камнѣ.

— Какая пословица? съ живостью спросилъ Каведоне. Пословицы — моя страсть;

я самъ сочиняю пословицы: есть у меня десять превосходныхъ; чистая древность!.. съ Плавтомъ поспорятъ.

— Такой не выдумаете!

— Сдѣлай дружбу; милостыни не давай, а скажи пословицу.

— Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini.

— Браво! браво! хлопая въ ладоши, кричалъ Джакомо. Ахъ, я болванъ! какъ мнѣ это не пришло въ голову?

И, подбѣжавъ къ приставу, нѣсколько разъ прокричалъ ему на ухо:

— Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini.

Солдаты гонялись за Каведоне, но онъ исчезъ быстрѣе серны.

Пуссенъ стоялъ въ задумчивости, глядя на огромныя груды бронзы, покрывшія бо́льшую часть площади.

— Любопытно, велика ли добыча? сказалъ онъ.

— Спросимъ, отвѣчалъ незнакомецъ, и оба подошли къ приставу.

— Сколько пушекъ выйдетъ! толковали между собою солдаты.

— На глазомѣръ не угадаешь, а надобыть прійдется другую крѣпость строить; у Ангела не помѣстятся.

— Дураки! замѣтилъ приставъ, съ важностью сводя итоги: эта бронза пойдетъ

вся на балдахинъ въ Ватиканскую Базилику.

— Коринѳскій металлъ!... вотъ вашъ коринѳскій металлъ! сказалъ Пуссенъ тихо и печально. Во-истину, Варвары!

— Шутишь, дядя! сказалъ солдатъ: тутъ, чай, тысяча тысячъ фунтовъ.

— Да, безъ малаго, съ улыбкой отвѣчалъ приставъ, оканчивая счисленіе.

— А въ самомъ дѣлѣ сколько, дядя?

— А вотъ сейчасъ. Сорокъ пять тысячъ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ.

— Ухъ! грянули изумленные солдаты: да хорошо ли ты считалъ, дядя?

— А вотъ повѣрю. Да; не иначе. Однихъ гвоздей — девять тысячъ триста семьдесятъ четыре фунта.

— Римъ! съ гордостью воскликнулъ Пуссенъ: и это малѣйшій изъ твоихъ памятниковъ.

Приставъ и солдаты съ насмѣшкой посмотрѣли на Пуссена и стали нагружать бронзы на фуры, со всѣхъ сторонъ наполнявшія площадь. Наконецъ пріѣхалъ Бернини, и еще нѣсколько человѣкъ папскихъ чиновниковъ и помощниковъ главнаго архитектора. Осмотрѣвъ добычу, Бернини подошелъ къ работникамъ и закричалъ: «Долой лѣса!» Не прошло получасу, и величественный портикъ открылся изумленнымъ взорамъ незнакомца.

— Жаль! сказалъ онъ: зачѣмъ вчера я не видалъ Пантеона! Еще можно было бы судить объ его величіи.

— Пріѣзжайте черезъ три года, отвѣчалъ изъ травы Джакомо: и вы не найдете слѣдовъ древняго Рима: я дамъ росписку! За то у всѣхъ Барберини будетъ по три дворца, да по три загородныхъ дома, да у каждой изъ любовницъ по одному дворцу и по одной виллѣ. Summa summarum, будетъ третій Римъ: Roma Barberina. Но пристыжу я ихъ! Я сказалъ будочницѣ, что́ тутъ дѣлается, и, помянете мое слово, сейчасъ, отъ художника до кожевника, въ Трастевере, гдѣ я ночевалъ третьягодня, все прибѣжитъ выручать твою бронзу, Пуссино!

Услышавъ имя своего собесѣдника, незнакомецъ всталъ съ камня, на который-было усѣлся, и почтительно поклонился Пуссену. Тотъ отвѣчалъ поклономъ и, казалось, все кончилось между ними. Между-тѣмъ предсказаніе Джакомо сбылось: со всѣхъ сторонъ валила чернь на площадь Ротунды. Обозъ двинулся, но толпа заступила дорогу: больше всѣхъ шумѣли проводники, особенный классъ, котораго остатки до-сихъ-поръ еще встрѣчаете въ чичеронахъ; тогда онъ составлялъ родъ цеха, имѣлъ старшину, болѣе похожаго на атамана разбойниковъ не-

жели на градскаго чиновника. Толпа умножалась. Каведоне выступилъ изъ своихъ укрѣпленій и принялъ начальство надъ разъяренною чернью. Бернини, примѣтивъ народное волненіе, сѣлъ на лошадь, и, съ трудомъ проѣзжая впередъ, кричалъ:

— Пропустите! пропустите! Эта бронза, украшавшая храмъ язычниковъ, осѣнитъ честныя мощи святыхъ апостоловъ Петра и Павла въ Ватиканской Базиликѣ!

И буйная чернь повалилась на-земь съ молитвами: первый примѣръ подалъ Каведоне. Во все время какъ проѣзжали телѣги съ драгоцѣннымъ грузомъ, чернь не поднималась; наконецъ, какъ-будто опомнясь, бросилась за обозомъ, отпрягла воловъ и муловъ и потащила на себѣ бронзу. Каведоне пошелъ вслѣдъ за толпою. На площади остался приставъ съ десяткомъ солдатъ и множествомъ бронзы; да на двухъ камняхъ сидѣли еще Пуссенъ и незнакомецъ.

— Прекрасный портикъ! сказалъ незнакомецъ по-французски.

— Сама Ротунда для меня еще лучше, отвѣчалъ Пуссенъ: я нерѣдко просиживалъ въ ней по часу, мечтая о Римѣ, его религіи, жертвахъ, нравахъ и прочая. Зайдемъ!

Незнакомецъ былъ доволенъ Ротундой,

но не изъявлялъ того глупаго удивленія, которое предписываютъ себѣ многіе путешественники, какъ необходимое условіе жизни въ Римѣ. Пуссенъ тотчасъ замѣтилъ это, и, выходя изъ Пантеона, спросилъ незнакомца:

— Давно вы въ Римѣ?

— Не весьма.

— Откуда?

— Изъ Парижа.

— Путешествуете?

— По неволѣ.

— Чтó вы этимъ хотите сказать?

— Я государственный изгнанникъ, не будучи государственнымъ преступникомъ.

— Въ чемъ вина ваша?

— Въ дружбѣ.

— Забавное преступленіе!... И я долженъ ѣхать къ этимъ тиранамъ!

— Поѣзжайте, достойный человѣкъ! Вы смягчите звѣрскую натуру многихъ, кистью, словомъ и жизнію.

— Но вы меня не знаете!

— Кто́ не знаетъ Пуссена? А для Француза это было бы смертельнымъ грѣхомъ.

— Вы полагаете, что всѣ наши соотечественники того же мнѣнія?

— Ручаюсь. Я солдатъ, и льстить не умѣю.

— Вы не видали Рима? сказалъ Пуссенъ, желая прекратить разговоръ, который повторялся съ нимъ почти ежедневно, только въ другихъ словахъ.

— Я философъ, отвѣчалъ незнакомецъ: не видя живой души знакомой въ Римѣ, я уже недѣлю брожу наугадъ изъ улицы въ улицу; разспрашиваю у проходящихъ, что́ понадобится, и этимъ довольствуюсь.

— Вы были въ Ватиканѣ?

— Былъ, но ничего не видалъ. Солдатъ съ грубостью сказалъ мнѣ, что внутри передѣлываютъ; я толкнулся въ церковь: заперто; работаютъ; я пошелъ въ Кастель-Анжело: прогнали; къ Павлу: заперто; въ Латеранскій: заперто. Я рѣшился не заходить болѣе никуда. Надоѣло! Какъ-будто въ Парижѣ: все за деньги!

— Пойдемъ со мной! сказалъ Пуссенъ.

— Пожалуй; только мнѣ совѣстно отнимать у васъ дорогое время.

— Нѣтъ, мнѣ не до работы. Я долженъ ѣхать во Францію: король зоветъ; я долженъ повиноваться, и вся моя философія исчезла. Такой тоски во всю жизнь мою я не испытывалъ.

— Когда вы ѣдете? спросилъ незнакомецъ доро́гой.

— Объ этомъ я самъ себя спрашиваю

безпрестанно, и никакъ не могу дать отвѣта.

— О! какъ бы я желалъ быть на вашемъ мѣстѣ; я прилетѣлъ бы въ Парижъ, отыскалъ бы мою Эвелину; на руки, мой господинъ, на руки схватилъ бы ее, и убѣжалъ подъ облака, куда-нибудь на Риги или другую швейцарскую гору.

— Это, вѣрно, ваша жена?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вальероль: жена умерла въ день моего изгнанія.

Пуссенъ остановился и глядѣлъ на Вальероля съ участіемъ; тотъ продолжалъ:

— А Эвелина, единственная дочь моя, осталась на рукахъ отца Виганда, пріора кармелитскаго монастыря. Но вотъ уже прошелъ мѣсяцъ: на двадцать моихъ писемъ, никакого отвѣта! Сношенія Рима съ Парижемъ непрерывны. Пріѣзжаю въ Римъ, увѣдомивъ о томъ Виганда благовременно семью письмами: никакого извѣстія....

— Нельзя ли вамъ помочь? сухо сказалъ Пуссенъ.

— Можно, отвѣчалъ Вальероль.

— Какъ?

— Взять меня съ собою въ Парижъ, подъ видомъ слуги; изъ Парижа послать меня въ Римъ зачѣмъ-нибудь; я уѣду съ Эвелиной и.... прощай Франція! Все

это не будетъ стóить вамъ ни одного экю: благородный Вандомъ прислалъ денегъ всѣмъ изгнаннымъ друзьямъ своимъ.

— Тутъ есть небольшое препятствіе, отвѣчалъ Пуссенъ: я въ жизнь мою никогда не имѣлъ слуги.

— Чтó за бѣда!... рѣшились взять для дороги.

— Конечно, конечно..... Ѣдемъ! Но, позвольте узнать какъ васъ зовутъ?

— Жоржъ де-Вальероль, драгунскій капитанъ.

ГЛАВА V.

(Римская V и послѣдняя.)

ВАТИКАНСКАЯ БАЗИЛИКА.

Новые знакомцы пришли на площадь Петра и Павла. Тамъ еще не было ни Берниньевской Колоннады, ни великолѣпныхъ фонтановъ, и едва-ли не было лучше. На паперти Базилики они еще разъ повстрѣчади Джакомо: онъ спорилъ и чуть не дрался съ упрямымъ сторожемъ.

— Слышишь ты, плѣшивая мышь! кричалъ онъ: я здѣсь по просьбѣ его святѣйшества; онъ меня уговорилъ писать для этой базилики картину. Слышишь! Отворяй!

— Гляди, отвѣчалъ сторожъ, тутъ военные пристава ходятъ: не сидѣть бы тебѣ въ потьмахъ при солнцѣ!

— Ахъ, ты рожа изъ красной глины! terra cuotta работы Бернини! я тебя разобью какъ ночную посудину. Вонъ!... кричалъ Джакомо, и оттолкнулъ старика.

— Постой, уймутъ тебя! говорилъ сторожъ, и хотѣлъ уже кликнуть товарищей.

Въ это время подошелъ Пуссенъ съ Вальеролемъ.

— Пропусти, Джованни! сказалъ ласково Пуссенъ: это нашъ знаменитый Джакомо Каведоне Болоньскій.

Сторожъ ворча повиновался. Каведоне первый вскочилъ въ соборъ, и началъ оглядываться. «Лѣстницу! кричалъ онъ: лѣстницу!» Никто не слушалъ его, хотя подъ куполомъ хлопотало множество работниковъ. Установивъ модель балдахина, со всѣхъ сторонъ тщательно закрытую полотномъ, они убирали щепки, гвозди и инструменты съ особенною поспѣшностью. Бернини не успѣвалъ раздавать приказаній. Въ это время Пуссенъ и Вальероль вошли на площадь подъ куполомъ. Слыша восклицанія Джакомо, Пуссенъ сказалъ Бернини:

— Прикажите подать лѣстницу Каведоне.

— Право, намъ некогда, отвѣчалъ Бер-

нини: зачѣмъ ему лѣстница? Еще что-нибудь разобьетъ, испортитъ: тогда кто будетъ отвѣчать?

— Я, сказалъ съ улыбкой Пуссенъ: я, кавалеръ! прикажите подать лѣстницу.

— Будь по вашему, отвѣчалъ Бернини, и человѣкъ двадцать покатили безмѣрную лѣстницу.

— Куда? спросилъ работникъ.

— Сюда, къ Рафаэлю, отвѣчалъ Каведоне, взобрался наверхъ и началъ хохотать.

— Если бы упалъ оттуда! проворчалъ Бернини.

— Чему вы смѣетесь? спросилъ Пуссенъ.

— Какъ же не смѣяться, Николо! Снизу, я думалъ, палкой вымѣряю эту мозаику. Влѣзъ: каждая рука больше меня!

— Да зачѣмъ вамъ мѣра? Пишите по-своему, а мастера уже сами приведутъ въ размѣры мозаику съ вашей картины.

— Справедливо! самая лучшая мѣра! слѣзая съ лѣстницы, говорилъ Каведоне. Ну, теперь прощайте!

И онъ сталъ обнимать Пуссена, Вальероля, Бернини и работниковъ.

— Куда же?

— Прощайте, прощайте! Зайду проститься къ Урбану: и въ Болонью; черезъ полгода картина готова, но вы ея не

увидите: вы будете въ Парижѣ. Прощайте!

Каведоне хотѣлъ уже уйти; но двери притвора святаго Себастіана отворились, и вошелъ папа въ сопровожденіи кардинала Барберини, кавалера дель-Поццо и Піетро Кортонскаго.

— Святѣйшій отецъ! сказалъ Пуссенъ; всѣ присутствовавшіе преклонились.

Урбанъ, какъ-будто не замѣчая присутствующихъ, подходилъ къ серединѣ, откуда всѣ работники почтительно удалились въ безмѣрные пролеты храма. Вся базилика совершенно была окончена внутри въ томъ видѣ, въ какомъ представляется и нынѣ, кромѣ нѣкоторыхъ монументовъ и огромнаго балдахина надъ гробомъ святыхъ Апостоловъ. Бернини установилъ на мѣстѣ деревянную вызолоченную модель, въ настоящую величину: она стóила, по книгамъ, до ста тысячъ римскихъ скудъ. Огромныя полòтна закрывали ее отъ любопытныхъ взоровъ; снурокъ отъ креста былъ въ рукахъ Бернини, и когда папа подошелъ довольно близко, полотна слетѣли и великолѣпнѣйшій алтарь съ величественнымъ балдахиномъ представился изумленнымъ глазамъ зрителей. Папа и спутники остановились: дòлго и молча всѣ они любовались созданіемъ зодчаго, который, пре-

клонясь, стоялъ у первой ступеньки своего произведенія и казался не больше мухи.

— Кавалеръ Бернини! сказалъ ласково папа, вы не обидѣли безсмертнаго Буонароти: вашъ балдахинъ достоинъ купола, куполъ балдахина!

Джакомо Болоньскій стоялъ, разинувъ ротъ, и безпрестанно чихалъ. Резонансъ въ пустой церкви отвѣчалъ на чиханье Джакомо неоднократными отголосками. Папа съ улыбкой сказалъ ему:

— А, бунтовщикъ!... и ты здѣсь! Погляди, развѣ не стóитъ этотъ балдахинъ бронзы Пантеона?

— Не стóитъ, ваше святѣйшество, не стóитъ, чихая отвѣчалъ Джакомо: кажется, не стóитъ: позвольте.... Право, я не умѣю дать себѣ отчета, зачѣмъ этотъ балдахинъ?... то есть, какая его цѣль?... то есть, какая въ немъ нужда?... у мѣста ли онъ? Балдахинъ покрываетъ алтарь, воздвигнутый надъ честными мощами святыхъ Апостоловъ.... (и съ этимъ словомъ, преклонивъ правое колѣно, сказалъ скороговоркою:) святые Апостолы Петръ и Павелъ, молите Бога за насъ! — Если для этого, — продолжалъ онъ, вставая, — такъ, по моему, довольно было буонаротьевскаго купола; человѣкъ не съумѣетъ лучше покрыть святыню; а этотъ храмъ въ храмѣ, что-то лишнее, мелкое какъ люд-

ское тщеславіе. Будетъ дорого стóить, вотъ и все-тутъ! Конечно, затѣя не безъ мысли, исполненіе не безъ изящества: но зачѣмъ эти спиральные столбы, когда во всемъ храмѣ царствуетъ благородный, чистый вкусъ? зачѣмъ эта смѣсь стилей? Не понимаю! Хвалить будутъ, ваше святѣйшество, только не Джакомо Болоньскій.

— А ваше мнѣніе, Пуссино? сказалъ Урбанъ, ни мало не оскорбленный словами Джакомо.

Пуссенъ преклонился и отвѣчалъ:

— Маститый художникъ, честь и слава болоньской школы, имѣетъ нѣкоторыя основанія, весьма справедливыя. Конечно, гармонія архитектуры всего храма нарушена спиральными колоннами и композитнымъ орденомъ, особенно подъ куполомъ Буонароти; но она нѣсколько уравновѣшена въ размѣрахъ и мысли. Я полагаю, вышина балдахина на-глазъ болѣе ста футовъ.

— Сто двадцать четыре пальмы, замѣтилъ Урбанъ.

— Я почти угадалъ; значитъ, балдахинъ выше Лувра.

— Неужели? съ довольною улыбкою спросилъ Урбанъ.

— Пропорція угадана; а угадать размѣры подъ такимъ куполомъ и сообразно

съ этими пролетами, это уже дѣло большаго таланта. Въ мысли едва-ли еще не бо́льшей похвалы заслуживаетъ созданіе балдахина; конечно, смѣшно подкладывать подъ чужую работу свои собственныя идеи, но иначе нѣтъ независимаго сужденія, и кавалеръ Бернини позволитъ мнѣ сказать, что́ я думаю.

— Слава моя — въ похвалѣ Пуссино, и слышать ее изъ устъ знаменитаго художника-философа величайшая награда, отвѣчалъ Бернини.

— Просимъ, просимъ, съ нетерпѣніемъ прервалъ Урбанъ.

— Этотъ храмъ воздвигнутъ для храненія честныхъ мощей святыхъ Апостоловъ; все прочее новое, недавнее; древность — единственна, и она должна быть означена явственно мѣстомъ и формою. Я не знаю, отъ чего вздумалось Карлу Мадерно оставить мысль Буонароти и продолжить церковь въ латинскій крестъ: это уже ошибка; главный алтарь надъ главной святыней пересталъ быть средоточіемъ храма, чѣмъ онъ былъ у Буонароти, и даже у самаго Браманто, по первоначальному плану. Но Мадерно не былъ такъ искусенъ, чтобы совершенно испортить великія мысли. Несмотря на продолговатость креста, куполъ и внутренніе размѣры ротунды, по-неволѣ, дѣлаютъ,

ее видимымъ средоточіемъ, и лучшаго мѣста для главной святыни новозможно было придумать. Это главное мѣсто должно быть и главнымъ алтаремъ по необходимости, да съ востока и запада, съ сѣвера и юга, богомольцы видятъ святѣйшаго отца, намѣстника святаго Петра и главу Западной Церкви. Это, что́ до мѣста; теперь что́ до формы: стиль церкви— намъ современный, или, лучше сказать, это стиль эклектическій, избранный изъ лучшихъ образцовъ архитектурнаго изящества. Но святыня — древность полуторы тысячи лѣтъ: она должна быть заключена въ драгоцѣннѣйшемъ ковчегѣ, или кивотѣ, по подобію ковчега Древняго Завѣта. Храмъ есть дань благоговѣнія всей Церкви первенствующимъ ея Апостоламъ, и храмъ безпрекословно и достойно выразилъ эту идею. Святыня этого храма — древность, и хранилище ея должно говорить о томъ формами; другихъ способовъ выраженія я не знаю. Такимъ образомъ форма кивота должна носить печать древности; но только печать, потому что точное подражаніе древнимъ киваріонамъ было бы уже безобразно и не согласовалось бы съ цѣлымъ. Въ древней базиликѣ сто мраморныхъ колоннъ окружали киваріонъ, какъ свидѣтельствуетъ Григорій Турскій, кромѣ колоннъ, кото-

рыя поддерживали самый кивотъ: множество замѣняло изящество, и оно согласовалось и съ базиликой и съ современнымъ вкусомъ. Кавалеръ Бернини искусно замѣнилъ лѣсъ колоннъ четырьмя, сохранивъ въ формѣ древность и сообщивъ древней формѣ нѣкоторое, возможное изящество. Вмѣсто мрачнаго, таинственнаго киваріона, онъ поставилъ высокій балдахинъ, свѣтлый, какъ мысль настоящаго, не гонимаго, но уже господствующаго христіанства. Такимъ образомъ идея древности и киваріона сохранилась; изящество и гармонія не пострадали.... Вотъ мое мнѣніе.

— Не могу не порадоваться, сказалъ папа, что обстоятельства отсрочили вашу поѣздку въ Парижъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Пуссенъ изумился. Капуцинъ улыбался. Вальероль чуть не заплакалъ. Одинъ Поццо сохранялъ видъ совершеннаго равнодушія.

— Проповѣдуйте, продолжалъ Урбанъ, опустивъ глаза: ваши мысли должны освѣщать путь намъ, невѣждамъ. Все наше знаніе заключается въ любви и уваженіи къ художествамъ: если мы ошибаемся, то потому только, что не всегда можемъ получать совѣты отъ Пуссиновъ.

Пуссенъ преклонился. Поццо былъ въ восторгѣ. Капуцинъ улыбался.

— Командоръ и кардиналъ Барберини! сказалъ папа, тіара сохранитъ мое имя въ исторіи; но вы обезсмертили себя покровительствомъ Пуссино и другимъ достойнымъ художникамъ. Пріймите меня въ вашъ прекрасный тріумвиратъ.

— Вашему святѣйшеству, замѣтилъ капуцинъ, стóитъ только умножить заказы, и я полагаю....

— Сынъ мой Людовикъ отнимаетъ эту возможность. Постарайтесь, Пуссино, скорѣе окончить Лувръ и пріѣзжайте къ намъ, въ Римъ, строить и расписывать новое зданіе, по собственному вашему разумѣнію, безъ малѣйшаго со стороны нашей вмѣшательства. Нужныя суммы будутъ отпускаемы изъ нашего казначейства: вы будете совершеннымъ хозяиномъ всѣхъ работъ. Я убѣжденъ, что, если бы дали подобную свободу Буонароти, намъ бы не досталось ни малѣйшей доли въ великой славѣ быть строителями Ватиканской Базилики.

— Осмѣлюсь спросить, ваше святѣйшество....

— Тайна, тайна, любезный Пуссино!... пока вы не раздѣлаетесь съ Французами. — Піетро, сказалъ Урбанъ обращаясь къ Бернини: благодарю и благословляю!

Папа ушелъ съ кардиналомъ. Поццо слѣдовалъ за ними, но Пуссенъ остановилъ его.

— Командоръ, я уѣду завтра же.

— И вы не поняли, добрый другъ, отвѣчалъ Поццо, что и у насъ завелась ришлiёвская политика?... Когда вы возвратитесь изъ Парижа, объ этомъ новомъ зданiи никто уже и не вспомнитъ! Это мѣткая приманка для генiя, и только.

Командоръ ушелъ. Пуссенъ схватилъ за руку Вальероля, и посреди безмѣрной базилики стоялъ въ безмолвномъ раздумьѣ. Сомнѣнiя волновали мудреца-художника. Видно, съ обстоятельствами не суждено ладить ни какой философiи!

ГЛАВА VI.

ЗАПАДНЯ.

Простите, дорогіе читатели: винюсь; это моя слабость. Хочу все разсказать, и оттого невольно увеличивается объемъ моихъ многодлинныхъ произведеній. Винюсь, но не извиняюсь, то есть, не прошу прощенія, потому что разсказъ мой долженъ быть для всѣхъ, а изъ этихъ всѣхъ, для многихъ будетъ занимательна предшествовавшая картина художествъ въ Италіи. Семнадцатый вѣкъ еще былъ въ значительной зависимости отъ Рима. Урбанъ умѣлъ поддерживать нравственное

вліяніе ватиканскаго престола на всю Европу. И это вліяніе, съ помощію езуитовъ, простиралось невидимо, непримѣтно, до Швеціи и Шотландіи. Художества и литература были главнѣйшими проводниками папизма. Во Франціи, усиливаясь построить монархію, увлеченный системой, не обсудивъ ея со всѣхъ сторонъ, не вѣдая самъ, что́ творитъ, Ришліе именно подкапывалъ основанія монархической власти и религіи. Бичъ вассаловъ и завоеватель Ла-Рошели, онъ уничтожилъ высшее дворянство, оплотъ престола, и поколебалъ религію, допустивъ развратъ во всѣ сословія какъ политическое средство всеобщаго безсилія и повиновенія. Многіе противники ришліевской системы, угадавъ намѣренья кардинала, приняли его средства для того только, чтобы прикрыть свои интриги и замыслы, и инымъ удалось обмануть своего врага весьма удачно.

Д'Орбиньи нашелъ въ Парижѣ все постарому. Кардиналъ былъ доволенъ капуциномъ Барберини; но аббатъ Мазарини примѣтно огорчился тѣмъ, что капитанъ д'Орбиньи не привезъ ему кардинальской шапочки, о чемъ премного хлопотали и Ришліе, и король, и королева, и нунцій, и всѣ, всѣ, потому что Мазарини былъ любимъ и уважаемъ всѣми.

И тѣни ришліевской гордости и надменности не было замѣтно во всеобщемъ любимцѣ. Любезность, вкрадчивость, тонкость, все это дѣлало его очаровательнымъ *молодымъ человѣкомъ*, хотя *аббатику* давно уже было за-тридцать. Мазарини никто не считалъ честолюбцемъ, никто его не боялся; многіе лукаво или открыто смѣялись надъ Ришліё, и говорили, что онъ никого не обманетъ назначеніемъ на свое мѣсто Мазарини, почитали это шуткой, покровомъ тайны, и тому подобнымъ. Молодежь любила аббатика за вольные нравы, что́ нѣкоторымъ образомъ и ее оправдывало. Мазарини въ этомъ отношеніи боялся строгости Людовика XIII, и сколько могъ покрывалъ свое поведеніе тайной и наружною набожностью. Вотъ почему сегодня аббатикъ боленъ: вѣроятно, ему приснился дурной сонъ; или королева въ дружеской бесѣдѣ съ чувствомъ вспомнила о блистательномъ Бокингемѣ; или, можетъ-быть..... Чего не могло прійдти въ голову молодаго аббата въ началѣ семнадцатаго вѣка и во Франціи!

Капитанъ д'Орбиньи откланивался. Мазарини проводилъ его до сѣней, съ видомъ совершеннаго разстройства.

— Я такъ боленъ, говорилъ онъ, что едва-ли добреду до Рюэля. Еще разъ

благодарю за доставленіе посылокъ, и еще разъ прошу извиненія за безпокойство.

Д'Орбиньи ушелъ; больной выздоровѣлъ; заперся и разрѣзалъ посылки; каминъ пылалъ: оболочки одна за другой исчезали; столъ наполнился бамбочіадами Черкоцци и Лаара, рисунками руки Бернини и Беретини. Съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ аббатъ каждую бумажку, ставилъ ее на свѣтъ, грѣлъ на огнѣ: ни какого признака письма. Наконецъ, взялъ онъ небольшую книгу, послѣднюю посылку: на первомъ писчемъ листѣ сверху было надписано — «Biblith. Franc. Barberini;» перевернувъ этотъ листъ, Мазарини съ удивленіемъ прочелъ, «Junii, Dissertatio theologico-philologica de coma.»

— Объ волосахъ! воскликнулъ онъ. Что́ за вздоръ!... Но это не даромъ.

И тщательно перелисталъ всю книгу. Ни какого признака.

«Не можетъ быть!» подумалъ онъ, и возвратился къ первому листу. Освидѣтельствовавъ его, Мазарини придвинулъ книгу къ огню, и симпатическія чернила, почернѣвъ, уложились въ явственныя четыре латинскія строчки въ видѣ марціаловой эпиграммы: это была точно эпиграмма, самая злая, самая обидная; всѣ услуги Мазарини забыты: кардинальской

шапкѣ назначался неопредѣленный срокъ и трудное условіе!

— Проклятый капуцинъ! сказалъ Мазарини: мнѣ шапка нужна теперь, сейчасъ, сію-минуту. Ришліё — какъ тѣнь; родъ болѣзни — самый умный, рѣшительный, безъ дальнихъ сомнѣній.... А что́ такое аббатъ?... и аббатъ въ Парижѣ?... хоть бы онъ умѣлъ творить чудеса.... De Coma?... Да это капуцинское двусмысліе! Дѣло не объ волосахъ, а объ коммѣ, о запятой... И, точно, запятая!...

— Ординарный живописецъ Депортъ, тихо сказалъ слуга за дверьми.

— Проси!... хоть разъ кстати! сказалъ Мазарини, вырвалъ первый листъ, скомкалъ, и — въ ротъ.

Продолжая жевать письмо Барберини, аббатъ растворилъ обѣ половинки дверей и, бросивъ книгу, усѣлся за столъ съ римскими новостями.

— Эминенца! сказалъ Депортъ, входя и раскланиваясь.

«Чтобъ васъ чортъ побралъ, художниковъ! подумалъ Мазарини: еще дразнятъ!» — Садитесь, садитесь, сказалъ онъ громко: я ужасно́ боленъ. Мнѣ такъ скучно! Вотъ, получилъ изъ Рима тму новостей, и не могу преодолѣть лѣни, пересмотрѣть эти забавныя, умныя шутки

Лаара и Черкоцци.... Чтó новаго, любезный землякъ?

— Много, много, эминенца!

— Напримѣръ? спросилъ Мазарини, попеременно то зѣвая, то охая.

— Король вчера не на шутку поссорился съ Сенъ-Марсомъ.

— Въ который разъ?

— Ну, этотъ разъ не хорошъ. Полагаю, будетъ разрывъ: король вышелъ изъ себя и хотѣлъ писать, жаловаться кардиналу....

— Только-то? Ну, такъ не будетъ разрыву.

— Вы увѣрены?

— Ручаюсь. Я буду въ Рюэлѣ сегодня или завтра, и помирю всѣхъ.

— Вы надѣетесь?

— Надѣюсь упросить моего благодѣтеля: онъ такъ добръ!... пожуритъ господина великаго по-отцовски; тотъ исправится: вотъ и всё-тутъ.

— Какъ бы это было хорошо!

— А почему, осмѣлюсь спросить?

— А потому, что господинъ великій мнѣ другъ.

— А мнѣ врагъ.

— Не стыдно ли вамъ, эминенца! Я знаю, вы меня считаете кардиналистомъ, и вы не ошиблись. Хотите ли знать?... скажу откровенно: я будущій кардина-

листъ, по расчету и по чувству патріотизма. Кажется, ясно.

— Вашу руку, добрый Депортъ! вашу руку!... Надѣюсь, раскаяваться не будете. Такъ Сенъ-Марсъ мнѣ не врагъ?

— Какъ это могло прійти вамъ въ голову?

— Ага! такъ онъ уже раздумалъ быть первымъ министромъ Франціи?

— Что́ вы это говорите?

— Нѣтъ, это онъ говорилъ Маріонъ-де-Лормъ, а она... (Мазарини запнулся).

— Бабьи сплетни, монсиньоръ.

— Да иначе и быть не можетъ.... Но, если воля моего благодѣтеля призоветъ меня на это скользкое и скучное мѣсто, вы думаете, я буду считать себя счастливымъ человѣкомъ?.... Мученикомъ, и только!.... Все мое утѣшеніе — художество. Рубенсъ пишетъ ко мнѣ о какомъ-то Ванъ-Дикѣ; онъ теперь въ Римѣ: оттуда заѣдетъ въ Парижъ. Бернини далъ слово пріѣхать. Пiетро Кортонскій собирается въ дорогу. По-крайней-мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, я поддержу славу моего благодѣтеля.... дворецъ Мазарини не уступитъ кардинальскому, если не обширностью, такъ по-крайней-мѣрѣ изяществомъ. Я убью всѣхъ здѣшнихъ художниковъ; рѣшительно уничтожу до тла этихъ интригантовъ, сплетниковъ, доносчиковъ,

лазутчиковъ, мерзавцевъ.... Не правда ли?

— Конечно, эминенца; Симонъ Вуэ....

— Нѣтъ! всѣ, всѣ.... И, въ особенности, я буду преслѣдовать тѣхъ, которые вздумали преслѣдовать мою домашнюю жизнь. Не знаю, кто́ они, но тогда все откроется. Да! любезный Депортъ, вы мнѣ поможете открыть моихъ непріятелей.

— Эминенца, отвѣчалъ Филиппъ, поблѣднѣвъ: это также бабьи сплетни.... и охота вамъ вести знакомство съ этою устарѣлою прелестницей! будто только и женщинъ, что Маріонъ-де-Лормъ!

— Я съ нею не знакомъ: видѣлъ ее разъ и, признаюсь, лучше женщины я не видывалъ и въ Италіи.

— Вы шутите, монсиньоръ. Она дважды уже была удостоена вашего посѣщенія, четырежды вы осчастливили ее позволеніемъ быть у васъ; и я никакъ не могу понять причины, почему вы таитесь отъ лучшаго вашего доброжелателя.

— А вотъ почему: нечего дѣлать! я долженъ быть откровеннымъ; вы, не только по наружности, но и по дѣйствіямъ, сдѣлались совершеннымъ Французомъ. Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать къ приглашенію какого-либо изъ нашихъ великихъ художниковъ, вы такъ дѣятельно хлопотали о Пуссенѣ.

— Правда, правда; на-видъ это ошибка, но въ существѣ это расчетъ.

— Какой расчетъ?

— Надо сперва уронить Вуэ и всѣхъ стариковъ, потому что они составили общество противъ всякаго иностранца: они слишкомъ сильны. Италіянца они запутаютъ въ сѣтяхъ, приготовятъ публику, подожгутъ еще неусыпленную месть къ нашей націи, и останутся въ прежнихъ креслахъ. Противъ Пуссена ихъ козни безсильны: Франція гордится Пуссеномъ; клеветамъ ихъ не повѣрятъ; на-дѣлѣ они будутъ побѣждены въ два, въ три мѣсяца. Король, кардиналъ, де-Нойе, теперь только сомнѣваются въ ихъ способностяхъ: пріѣдетъ Пуссенъ, и ничтожность ихъ обнаружится вполнѣ, уваженіе къ нимъ исчезнетъ безвозвратно. Тогда надо уронить и выжить самого Пуссена и расчистить дорогу соотечественникамъ. Люди торжественно переходятъ изъ религіи въ религію: жаль, что нельзя съ нѣкоторыми обрядами переходить изъ націи въ націю!.... тогда ваше министерство было бы надежно, а безъ этого, помяните мое слово, Французы не простятъ вамъ происхожденія.

— Въ этихъ словахъ, любезный Депортъ, я слышу голосъ истинной дружбы.... Но если пребываніе Пуссена въ

Парижѣ сопряжено со вредомъ мнѣ, и вамъ, и каждому Италіянцу, если для меня необходимо, чтобы онъ сегодня пріѣхалъ, а завтра возвратился въ Италію....

— Мошенничество — порокъ, а умная хитрость съ патріотическою цѣлію — добродѣтель. Это аксіома, утвержденная всѣми философами.

— Что́ вы этимъ хотѣли сказать?

— Мошенничество — хватается за наличныя средства; умная хитрость сама творитъ ихъ.

— Всё еще не понимаю!

— Невозможность — такая же мечта какъ и возможность; и то́ и другое — крайности; поворотить оглобли пуссеновской повозки.... тутъ нѣтъ невозможности; остается изобрѣсти средства.

— Какія же, любезный Депортъ?

— Пусть пріѣдетъ: онъ самъ ихъ откроетъ. А пока, мы должны въ публичномъ мнѣніи приготовить Пуссену легкую побѣду, не надъ его, а надъ нашими врагами. Побѣдитель послѣ генеральнаго сраженія всегда слабъ, и свѣжая сила всегда его одолѣетъ. Ришліё послалъ Густава-Адольфа для побѣдъ; пришло время, и.... кто́ знаетъ!... можетъ-быть, самъ кардиналъ въ него выстрѣлилъ.

— Макіавель!...

— Макіавель не былъ мошенникомъ, но образцомъ той добродѣтели, о которой я говорю.

— И такъ....

— И такъ, за дѣло, эминенца! Вы будете въ Рюэлѣ: вотъ первый случай.

Вошелъ слуга и что́-то на ухо шепнулъ Мазарини. Аббатъ покраснѣлъ.

— Проси въ ротунду, сказалъ онъ вставая. Любезный Депортъ, посидите здѣсь, намъ надо еще переговорить.

Мазарини надѣлъ щегольской бархатной кафтанъ и поясъ съ огромной бриллiантовой пряжкой въ нѣсколько тысячъ ливровъ, римскую тонсуру прикрылъ турецкой шапочкой; вытеръ лицо и руки духами, и исчезъ за обоями.

«Конечно посижу! разсуждалъ Депортъ: дѣло еще не кончено; онъ не въ моихъ рукахъ, потому что всѣ его откровенія ложны; что-нибудь другое прикрыто ненавистью къ Пуссену: все это хламъ, а зерно далеко.»

Депортъ подошелъ къ обоямъ: но ни малѣйшаго шопоту или отголоску; тихо, какъ-будто никого тамъ не было.

«Въ ротунду! подумалъ Депортъ: тамъ его нѣтъ. Но какого гостя принимаетъ онъ такъ тайно? Конечно, женщина. Какая женщина? Маріонъ-де-Лормъ: можно идти объ закладъ сто противъ одного.

Слѣдственно, онъ просидитъ тамъ долго; не мѣшаетъ пересмотрѣть римскія новости; авось....»

— И Депортъ повторилъ операцію Мазарини: каждую бумажку испытывалъ онъ на солнцѣ и огнѣ. Окончивъ трудъ скучный и не малосложный, Депортъ хотѣлъ испытать ящики мазариневскаго стола. Кромѣ чистой бумаги съ разнообразными каемками, кромѣ снурковъ, печатей, золоченыхъ перьевъ, онъ не нашелъ ничего. Нигдѣ ни одной буквы; на столѣ только лежали неконченные латинскіе стихи на дворецъ Барберини, но безъ надписи, такъ, что Депортъ принялъ ихъ за похвалу Ришліё или за скромный гимнъ самому Мазарини. Духъ открытій не нашелъ болѣе пищи. Депортъ усѣлся у камина и началъ читать диссертацію Юнія о волосахъ. Между-тѣмъ Мазарини возвратился, весь въ огнѣ, со влажными глазами, и безъ бриллiантовой пряжки. Депортъ взглянулъ на него, сталъ разсматривать коверъ и долго не поднималъ глазъ на аббата, какъ-будто желалъ дать ему время охладѣть, успокоиться.

— Простите, если я заставилъ васъ одиночествовать такъ долго; но я надѣялся на вашу дружбу. — О чемъ мы говорили? Да! о Пуссенѣ.... сказалъ Мазарини, сѣвъ въ свои кресла. Я даже не

знаю, стоило ли выписывать во Францію живописца философовъ.... для меня онъ скученъ.

— Pittura seria не понравится Французамъ; по-крайней-мѣрѣ это скоро надоѣстъ: и это принадлежало къ моему расчету; главный его недостатокъ — онъ не умѣетъ писать женщинъ. Я былъ у Шантлу; видѣлъ двѣ, три картины Пуссена: и, помяните мое слово, онъ не напишетъ портрета ни одной герцогини, ни одной изъ обожаемыхъ вами дамъ ея величества. Конечно, ихъ красота не выше кисти Пуссена: а всё-таки не напишетъ!

— А вы полагаете, что у меня много обожаемыхъ?

— Притворно, эминенца, притворно! Вы не любите никого, но вамъ велятъ любить ихъ, какъ велятъ любить себя.

— Діаволо! воскликнулъ Мазарини, вскочивъ съ креселъ: это клевета, основанная на уваженіи моемъ къ женщинамъ.

— Не бойтесь этой клеветы, эминенца! Но если у васъ въ самомъ дѣлѣ есть грѣшки, такъ вы не умѣете покрыть ихъ притворною, но страстною, безумною, любовію къ невинной дѣвушкѣ. Это возвыситъ ваше достоинство въ кругу женщинъ, возбудитъ полезную для васъ рев-

ность; а гдѣ эта ревность будетъ опасна, тамъ можно открыться въ притворствѣ, даже предупредить....

— Вы насильно хотите быть моимъ другомъ и наставникомъ....

— Участіе, монсиньоръ, живое участіе въ геніальномъ соотечественникѣ, которому суждено прославить умъ Италіянцевъ; а также и расчетъ..... Можетъ-быть, когда удастся убѣдить васъ въ моей искренности, я займу у кардинала Мазарини мѣсто «сѣрой эминенціи», какъ называли покойнаго отца Іосифа, совѣтника и друга Ришліё.... Кардиналъ и отецъ Іосифъ имѣли дѣло съ мужчинами. Но король не надеженъ....

— Ужасъ беретъ, когда вы говорите.

— А другихъ беретъ ужасъ, когда вы дѣйствуете!

— Отвратительная искренность....

— А все-таки искренность. Напримѣръ, какъ вы думаете, зачѣмъ я пришелъ къ вамъ?

Мазарини, помолчавъ, отвѣчалъ:

— Надо быть по-крайней-мѣрѣ Депортомъ, если не дьяволомъ, чтобы разгадывать ваши намѣренія.

— Однако жъ?

— Не знаю! не знаю! И такъ довольно загадокъ.

— Вотъ зачѣмъ: я открылъ школу живописи; въ два мѣсяца ученики мои сдѣлали огромные успѣхи, особенно одинъ портретный живописецъ, весьма молодой человѣкъ съ отличными способностями. Вы должны поддержать мою школу.

— О! на это я ничего не пожалѣю.

— Ничего пока и не нужно; только позволеніе моему Альфреду снять съ вашей эминенціи портретъ и право школѣ моей считаться подъ особеннымъ вашимъ покровительствомъ.

— Да почему вы объ этомъ не просили кардинала?

— На это есть важныя причины, монсиньоръ, и вы легко ихъ отыщите: королю это не будетъ пріятно.

— Признаюсь вамъ, я терпѣть не могу сидѣть для портрета.

— Три, четыре присѣста, не болѣе: а какая живопись!.... полюбуйтесь; я нарочно принесъ послѣднюю работу моего Альфреда.

Депортъ всталъ, взялъ изъ угла свертокъ, и глазамъ Мазарини представился образъ совершеннѣйшей красоты, одушевленный высочайшею живописною поэзіей. Аббатъ вспыхнулъ и, не спуская глазъ съ очаровательнато лица незнакомки, въ восторгѣ воскликнулъ:

— Какая превосходная фантазія!

— Какъ, фантазія?

— Конечно это не портретъ живой женщины.

— Помилуйте! да это портретъ моей воспитанницы.

— Вашей воспитанницы? спросилъ съ жаромъ Мазарини, схвативъ Депорта за руку. И она здѣсь? въ Парижѣ? и я еще её не видѣлъ?....

— И не увидите, эминенца: вы человѣкъ опасный, отвѣчалъ сухо Депортъ, свертывая полотно.

— Что́ вы дѣлаете?.... Дайте полюбоваться.

— Нѣтъ! Я уже раскаяваюсь въ моей оплошности. Такъ иногда и мы, люди смышленые, платимъ дорого за самонадѣянность!.... Мнѣ и въ голову не приходило, что вы можете влюбиться въ портретъ!.... Умоляю васъ, монсиньоре, оставимъ этотъ разговоръ.

— Оставимъ!.... оставимъ! отвѣчалъ Мазарини: недоставало послѣдней глупости! влюбиться въ портретъ и потомъ читать пасквили съ рынку, гдѣ и такъ уже честитъ меня маркизъ де-Кокъ съ тайною братьей!... Это значило бы уронить мое достоинство, испортить репутацію при дворѣ, потерять расположеніе.... А вотъ что!.... этотъ портретъ сто́итъ галереи.... Продайте!

— Не продажный портретъ, эминенца, а фамильный; я не имѣю права располагать....

— И это весьма справедливо.... Вы будете сегодня въ Рюэлѣ?

— Нѣтъ; я прямо отъ васъ ѣду къ королю: послѣ обѣда его величество будетъ заниматься живописью.... И мнѣ пора.

— Да; если его величество въ Сенъ-Жерменѣ, такъ пора.... Я не смѣю васъ удерживать.

Распростились. Депортъ, проходя богатые покои Мазарини, улыбался и тихо ворчалъ: «Врешь! ты — мой!»

Мазарини съ улыбкой усѣлся передъ своимъ каминомъ и также шепталъ: «Врешь! она — моя: ты за этимъ и приходилъ.»

ГЛАВА VII.

ФОКУСНИКЪ.

Что́ такъ тихо въ Сенъ-Жерменѣ? На дворѣ королевскаго дворца не видно ни слѣда колеса и копыта: будто всѣ бросили этотъ прелестный загородный домъ и обрекли его запустѣнію. Третій день никто не навѣщалъ короля, или, лучше, никого издали не допускали ко дворцу Людовика XIII. И соколовъ не кормилъ король, и на охотѣ все это время не былъ, и Сенъ-Марса гонялъ отъ себя, и съ отцомъ Сирмондомъ не говорилъ ни слова. Пріѣзжала королева съ дѣви-

цей де-Оотфоръ: ни тѣни прежней нѣжности никто не замѣтилъ въ суровомъ и больномъ лицѣ Людовика. Онъ даже не видался съ женою и предметомъ любви, промелькнувшей безъ всякихъ послѣдствій. Сложивъ руки и сжавъ губы, онъ по цѣлымъ часамъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; по-утру и ввечеру за налоемъ пѣлъ псалмы съ Дюбуа и Сенъ-Марсемъ; остальную часть дня проводилъ съ карандашемъ въ рукѣ и чертилъ головы кардинала, монашенки Лафайеттъ, шведскаго посланника и Сенъ-Марса. Это была болѣзнь особеннаго роду: болѣзнь воли. Людовикъ рѣшался на какую-то важную мѣру. Но скоро онъ утомился, усталъ, не выдержалъ борьбы, и погрузился въ родъ безчувственнаго бездѣйствія.

Солнце пылало на западѣ. Король, сложивъ руки на столѣ и протянувъ ноги на истертыя подушки, сидѣлъ въ высокихъ креслахъ и глядѣлъ въ паркъ недвижными, мутными глазами. Вошелъ Дюбуа тише кошки и, почти шопотомъ, въ десятый разъ доложилъ:

— Капитанъ гвардіи вашего величества, д'Орбиньи, возвратился изъ Рима и желаетъ представиться.

Какъ и въ прежніе разы, ни какого отвѣту. Молчаніе продолжалось нѣсколько

минутъ. Солнце заглянуло прямо въ глаза ему, и какъ-будто разбудило своими животворными лучами. Онъ протянулъ руку къ окну. Дюбоа подошелъ и увидѣлъ тотъ же самый неизмѣнный пейзажъ, изъ всѣхъ видовъ сенъ-жерменскихъ оконъ самый грустный, самый пустынный.

— Дюбоа! тихо сказалъ Людовикъ, поищи полотно и краски; солнце опустилось: эта пустыня такъ похожа на монастырскій дворъ, такъ хорошо освѣщена вечернимъ солнцемъ, такъ согласна съ печальнымъ сердцемъ, мечтающимъ о тишинѣ иноческой обители!...

Дюбоа поставилъ треножникъ и особеннаго устройства кресла, которыя были изобрѣтены двумя механиками, будто бы для бо́льшаго удобства рукъ живописца, и оставлены немедленно послѣ изобрѣтенія; принесъ палитру изъ неизвѣстнаго египетскаго дерева, присланнаго въ даръ Ришліе, какимъ-то эмиромъ. Но, увы! на палитрѣ краски окаменѣли. Ни король, ни Дюбоа не могли помочь горю.

— Вотъ, видишь, любезный! сказалъ король: вотъ твоя система!... благодѣянія, добро, польза.... все это сдѣлано: а краски засохли! Благодѣянія, добро, польза: а Сенъ-Марсъ скучаетъ, не хочетъ понимать моихъ желаній, нейдетъ туда, куда я хочу, и, въ придачу, говоритъ

мнѣ грубости; кардиналъ играетъ моими наклонностями... кардиналъ хочетъ вполнѣ царствовать.... жена запирается въ монастырѣ, и дѣлаетъ изъ монашенокъ политическую почту; отецъ Сирмондъ подкладываетъ книги о набожной щедрости; братъ Гастонъ — каждую ночь въ Парижѣ въ кругу буйныхъ, развратныхъ дворянъ, и оскорбляетъ своего короля неприличнымъ краснорѣчіемъ: собираются для дѣла, а не умѣютъ выбрать людей, не умѣютъ хранить тайны!.... И чѣмъ это кончится? и что обо всемъ этомъ говоритъ шведскій посланникъ?... Вотъ, Дюбоа, твоя система! А мнѣ кажется, что надо быть рѣшительнымъ.... И что скажетъ исторія?...

— Государь, исторія отдастъ справедливость Людовику Справедливому.

— Ты надѣешься на твои записки, добрый Дюбоа. Я спряталъ ихъ какъ сокровище, какъ государственную драгоцѣнность... Но кто поручится, что мой собственный сынъ не предастъ ихъ пламени!

— Государь, поблѣднѣвъ отвѣчалъ Дюбоа: надобно принять рѣшительныя мѣры.

— Противъ Анны Австрійской? противъ жены моей? противъ матери будущаго короля Франціи?

— Государь, я въ отчаяніи!

— И я тоже..... Надобно умножить

экземпляры, послать списки въ Гагу, Лондонъ и Римъ, въ вѣрныя руки....

— Великая мысль!... я займусь этимъ. А между-тѣмъ мы можемъ распросить у д'Орбиньи, кому въ Римѣ можно довѣриться.

Король горько улыбнулся и сказалъ:

— Другъ мой! это значило бы преждевременно самимъ уничтожить рукопись. Д'Орбиньи — капитанъ моей гвардіи, другъ Сенъ-Марсу, родня моей Авреліи: все это такъ; но кардиналъ ему довѣрилъ важныя дѣла въ Римѣ, и я ни въ чемъ уже не вѣрю д'Орбиньи.... Удивительный вечеръ!... Погляди, какъ хорошо освѣтилась эта купа деревъ, что́ у правой дорожки.... Не похожа ли она на общество молодыхъ людей, когда ихъ освѣтитъ внезапная, но минутная радость?

— Если бы я умѣлъ дѣлать стихи, тотчасъ изъ словъ вашего величества сдѣлалъ бы сонетъ.

— Подай перо. Попытаемся. — Дюбоа! Дюбоа!... да это, кажется, мой Филиппъ? сказалъ король, указывая въ окно.

— Точно такъ, ваше величество.

— Посмотри, какъ задумчивъ!... вѣрно и у него есть горе! Гуляетъ по саду одинъ.... а краски засохли! Позови!

Дюбоа послалъ за Депортомъ, а самъ воротился къ королю.

— Намъ теперь будетъ веселѣе, сказалъ король: мы отплатимъ Сенъ-Марсу... Пусть гуляетъ: прогуляетъ санъ конетабля, невѣсту, и все.... я готовъ на это рѣшиться.... Только, тсъ! Дюбоа!.... не говори никому!

Вошелъ Депортъ.

— Прекрасно! прекрасно, Филиппъ! съ улыбкой сказалъ Людовикъ: а краски засохли!

Депортъ не отвѣчалъ ни слова, изъ длиннаго кармана вытащилъ плоской ящикъ, развернулъ, и подалъ королю ловкую походную палитру, которая составляла крышку: самый ящикъ былъ наполненъ превосходнымъ приборомъ отлично приготовленныхъ красокъ.

— Что́ это? спросилъ король.

— Мое сочиненіе, ваше величество. Въ отлучкахъ, въ путешествіяхъ, въ походахъ, это очень удобно. Карандашъ не можетъ сохранить всей игры освѣщенія и колориту: вотъ я и придумалъ походныя краски съ ламповымъ устройствомъ; человѣкъ, разъ въ день, долженъ переворачивать ящикъ, и краски сохраняютъ свой жидкій видъ и не осѣдаютъ; складныя кисти, перья съ карандашами, запасное масло, дюжина тряпочекъ изъ плотнаго батисту, перспективный пробиръ по правиламъ Альберта Дюрера, и линѣй-

ка съ градусами: все тутъ есть; раскиньте линѣйку и она будетъ служить подпоркой для руки, муштабелемъ.

— Превосходно! превосходно! сказалъ король, разсматривая ящикъ: прикажи сдѣлать такой же и для меня.

— Надъ этимъ я собственно трудился для вашего величества. Я въ походахъ не бываю; сверхъ-того, осмѣлюсь доложить вашему величеству, втораго экземпляра подобнаго ящика во Франціи нѣтъ и не будетъ: quod licet Jovi, non licet bovi... Даже модели, которыхъ я долженъ былъ сдѣлать около десяти, пока доискался окончательной гармоніи въ цѣлой работѣ, сжегъ до тла; и жена не видала, когда я работалъ.

— Такъ ты это самъ?...

— Самъ, ваше величество. Какъ можно было довѣрить мастерамъ тайну, назначенную для удовольствія моего государя?

— Не правда ли, Дюбоа: нашъ Филиппъ умнѣе многихъ кардиналовъ?

— Конечно, ваше величество. Не мѣшало бы этимъ выскочкамъ поболѣе озаботиться объ удовольствіяхъ своихъ благодѣтелей.

— Да, да!... а то я, вотъ, умираю со скуки; не могу дождаться войны.... Чего

они медлятъ, и самъ не понимаю!... Недѣля уже, какъ я подписалъ всѣ бумаги.

— А вотъ второй томъ моего сочиненія, сказалъ Депортъ, вынимая изъ другаго кармана ящикъ, объемомъ больше прежняго: позвольте мнѣ сыграть роль фокусника; выдумка того стоитъ.

— Изволь, изволь! А мы сядемъ, Дюбоа; мы будемъ публикой.

Король сѣлъ. Вошелъ Сенъ-Марсъ.

— Что́ вамъ угодно, маркизъ?

— Я пришелъ освѣдомиться, не угодно ли чего вашему величеству?

— Намъ угодно уволить себя отъ вашей бесѣды.

— Слушаю-съ.

Сенъ-Марсъ ушелъ.

— Какой покорный! сказалъ король: посмотримъ, на долго ли? — Ну, начинай.

Сенъ-Марсъ возвратился.

— Испанская армія, ваше величество, выступила въ походъ. Позвольте....

— Выступила въ походъ! закричалъ король и закашлялся.

Дюбуа подбѣжалъ къ королю и со слезами сказалъ:

— Государь!.... не принимайте такъ къ сердцу!

— Ахъ, Дюбоа!.... отъ радости! отъ радости!....

— Есть чему радоваться! ворчалъ Сенъ-Марсъ тихо, но король услышалъ и, топнувъ ногою закричалъ:

— Васъ, вѣрно, подкупили Испанцы, маркизъ? Вы прежде насъ знаете государственныя тайны! Не ваше дѣло докладывать намъ о движеніи войскъ нашихъ.

— Я доложилъ объ этомъ какъ великій конюшій; снимите, государь, чинъ, спадутъ и обязанности.

— Сниму, сниму, но когда захочу. Не ваше дѣло!.... Ступайте.

— Я не могу понять, государь, за что вы изволите сердиться? Я исполнилъ мой долгъ: не курьеру же докладывать вашему величеству! Я ужъ и самъ, право, не знаю какъ угодить....

— О! это совершенно въ вашей власти: но вы такъ мало объ этомъ думаете!.... Вы мнѣ надоѣли, Сенъ-Марсъ! Прежде вамъ было весело служить у меня, когда вы прятались въ подушкахъ или за дверьми, и подслушивали мои слова, чтобы переносить ихъ Ришліё. Я разбудилъ въ васъ благородныя чувства, приличныя вашему рожденію; вы поняли всю гнусность такого поведенія, перестали ѣздить въ Рюэль, но зато вамъ стало скучно въ сенъ-жер-

менскомъ монастырѣ.... Вамъ стало скучно служить своему благодѣтелю. Стыдно!

— Я въ отчаяніи, государь; но, право, не виноватъ.

— Полно, полно оправдываться! Садитесь, и будьте смирны. Филиппъ хочетъ показать намъ какую-то проказу.... Ну, начинай, Филиппъ.

— Вотъ ящикъ, ваше величество: и, кажется, болѣе ничего. Откроемъ. Ящикъ пустъ!.... можно уложить въ него тысячу голландскихъ червонцевъ, карманныя деньги вашего величества. Не правда ли? Ровно тысячу: я ручаюсь.... Слѣдственно онъ пустъ?... Ничего не бывало!... Разъ, два, три.... палка! Разъ, два, три.... другая! Разъ, два, три.... третія! На каждой есть что-то въ родѣ винта. Сложимъ. Теперь, беру изъ пустаго ящика этотъ шарикъ и навинчиваю! Раскладываю.... треножникъ! Беру эти два крючка и палку: передъ вами.... мольберъ!

Дюбоа искренно хохоталъ отъ удивленія; король съ улыбкой поглядывалъ тó на Дюбоа, тó на Депорта; фокусникъ продолжалъ:

— Сажусь; у меня есть мольберъ, палитра, кисти, краски.... Да на чемъ же я буду писать?... Вынимаю изъ ящика рамку. Вы видите: безчисленное множество гвоздиковъ, вверхъ остріемъ, покрываютъ всѣ четыре палочки, составляющія рамку.

Теперь вынимаю полóтна.... разъ, два, три, четыре, пять, шесть; всѣ разной величины. Возьмемъ на-угадъ нумеръ третій, наколемъ каждую дощечку на край холста. Теперь, изъ ящика возьмемъ последнюю вещь: винтъ съ четырьмя пружинами. Завинчивая: дощечки расходятся; холстъ натянутъ.... все готово!.... Не угодно ли попробовать, ваше величество?

— Безподобно! безподобно! говорилъ король, разсматривая всѣ вещи; а какъ теперь сложить назадъ?

— Ничего нѣтъ легче, ваше величество, отвѣчалъ Депортъ и мигомъ уложилъ все въ ящикъ, потóмъ весьма искусно надвинулъ первый ящикъ съ красками на мѣдные подрѣзы втораго, поставилъ весь приборъ на мраморный столъ, почтительно отступилъ, и сказалъ:

— Походная мастерская его величества, для испанскаго походу, не боится воды и дороги, смѣю ручаться.

— Очень, очень благодаренъ, сказалъ король. Какъ же мы поѣдемъ, Сенъ-Марсъ?

— Какъ прикажете, ваше величество.

— Сдѣлай дружбу, отправь обозъ, если можно, еще сегодня, а мы выѣдемъ завтра или послѣ завтра.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Это почему?

— Надоѣлъ мнѣ Парижъ и загородные

дворцы. Въ полѣ, подъ шатрами, больше воздуха.

Людовикъ покачалъ головою и съ улыбкою сказалъ:

— Больную голову лечитъ вѣтеръ.

— И пуля, прибавилъ Сенъ-Марсъ.

— Безъ пророчествъ, маркизъ! Вы будете при нашей особѣ.

Сенъ-Марсъ вздохнулъ.

— Что̀ значитъ этотъ вздохъ?

— Такъ, ваше величество; сгрустнулось. Не всегда и не всѣхъ мы оставляемъ охотно.

— Eheu, fugaces, Posthume, labuntur anni!... Все пройдетъ; и къ грусти можно привыкнуть.

— Позвольте мнѣ, ваше величество, съѣздить сегодня въ Парижъ проститься съ друзьями.

— Съ какими друзьями? Зачѣмъ, маркизъ, вы завели эту безнужную челядь? Вы не исполнили моей просьбы..... И какіе друзья!... Маре́, Скарронъ, Бальзакъ, Воатюръ.... все знаменитости Рамбульетскаго Дворца и гостиной Маріонъ де-Лормъ! Все это люди, такъ сказать, неудачные. Честолюбіе безъ способностей, вотъ стихія вашихъ писателей, вотъ источникъ цѣлыхъ библіотекъ, червь, который изощряетъ ихъ злорѣчіе, а самъ точитъ ихъ сердце.... Вы задобриваете

этихъ мстительныхъ шмелей, забывая, что у нихъ есть улей, — казначейство кардинала: не переманите!... Если — къ этимъ друзьямъ я васъ рѣшительно не пущу.

— Нѣтъ, государь; я хотѣлъ откланяться ея величеству и проститься съ де-Ту и нѣкоторыми дамами.

— А! теперь я понялъ.... и у меня есть другъ! вздохнувъ, сказалъ король: завтра, Сенъ-Марсъ, мы будемъ въ Парижѣ и простимся.

— Завтра я долженъ....

— Перестаньте, Сенъ-Марсъ! — Ну, что́ Филиппъ, каково идетъ твоя школа?

— Превосходно, ваше величество, хотя у насъ недостаетъ мецената. Кардинала я не смѣлъ безпокоить; притомъ же онъ теперь ужасно скупъ. Впрочемъ, кажется, надо будетъ прибѣгнуть къ его эминенціи. Иначе намъ будетъ трудно!

— Я готовъ помочь тебѣ; но только издержки..... Да нельзя ли, Филиппъ, обратиться къ кому-нибудь изъ герцоговъ, изъ моихъ роскошныхъ вельможъ?...

— Герцоги перевелись, ваше величество.

— Да, да! со смѣхомъ сказалъ король: скажи лучше, ихъ извелъ кардиналъ.... Большая заслуга!... Что́ правда, то́ прав-

да.... величайшая заслуга!... А сколько, полагаешь, нужно для твоей школы?

— Чтобы образовать каждый годъ отъ десяти до двадцати художниковъ, надобно, ваше величество, по-крайней-мѣрѣ, тысячи три экю.

— Я готовъ бы.... Да у насъ есть много богатыхъ людей изъ старыхъ фамилій! И сколько клевретовъ кардинала обогащены герцогствами и графствами, не только одними титулами, но и помѣстьями!

— Всѣ обѣднѣли, ваше величество: разорились на собакъ и соколовъ.

— Жаль! Я не могу тебѣ помочь. Если бъ не Лувръ — другое дѣло!... А ты знаешь, чего онъ будетъ стóить! Я со страхомъ ожидаю Пуссена. Необходимости ни какой не было! Кардиналъ увѣряетъ, будто Лувръ надо отдѣлать такъ, чтобы Европа изумилась: а я въ этомъ не вижу ни какой нужды. Кчему это хвастовство? Мнѣ хотѣлось только починить, поправить Лувръ, построить удобную проходную галерею.... а имъ Богъ знаетъ чтó приходитъ въ голову! Не по деньгамъ!... Мы очень бѣдны.... А жить, слава Богу, есть гдѣ. Въ Луврѣ и скучно и душно.... И когда онъ пріѣдетъ, этотъ Пуссенъ?... Ничего не слышно?

— Капитанъ д'Орбиньи возвратился изъ

Рима и хочетъ представиться вашему величеству, я имѣлъ счастіе докладывать, сказалъ Дюбоа.

— Сенъ-Марсъ! введите д'Орбиньи. — На мѣста!

Король сѣлъ въ кресла. Дюбоа отошелъ къ дверямъ, ведущимъ во внутренніе покои, Депортъ къ другимъ, и всѣ молчали. Сенъ-Марсъ отворилъ двери и громко произнесъ имя, фамилію и званіе кавалера. Д'Орбиньи вошелъ и остановился.

— Поздравляемъ васъ, капитанъ, со счастливымъ окончаніемъ даннаго вамъ порученія. Что̀ новаго въ Римѣ?

— Его святѣйшество поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вашему величеству отеческое свое безпокойство о вашемъ здоровьѣ, передать пастырское благословеніе, и удостовѣрить, что всегдашнія молитвы возсылаются съ римскихъ алтарей о долгоденствіи и счастіи вашего величества.

— Принимаю съ признательностью, отвѣчалъ Людовикъ. Что̀ нашъ Пуссенъ? когда пріѣдетъ?

— Живописецъ Николай Пуссенъ пользуется въ Римѣ общимъ уваженіемъ, отъ святѣйшаго отца до послѣдняго изъ черни. Онъ съ восторгомъ принялъ приказаніе вашего величества; но Италіян-

цы, услышавъ о намѣреніи его оставить Римъ, употребили всѣ хитрости и обольщенія, чтобы удержать у себя Пуссена, поселили въ немъ недовѣрчивость къ Французамъ, сомнѣніе въ искренности нашей, и я узналъ, изъ вѣрныхъ источниковъ, что онъ вовсе оставилъ намѣреніе пріѣхать во Францію. Нельзя обвинять великаго Пуссена: готовность его несомнѣнна; но италіянскіе происки могутъ поколебать самаго рѣшительнаго человѣка. Посольство мое сопряжено было съ политическими порученіями, которыя не терпѣли ни какого отлагательства и я не могъ даже лично переговорить съ Пуссеномъ: его спрятали отъ меня; и я полагаю, что надобно повторить посольство, послать человѣка, хорошо знакомаго художнику и пользующагося его довѣріемъ, если не дружбою.

— Чего же лучше? попросите отъ меня Шантлу! Онъ и такъ хотѣлъ ѣхать въ Римъ. Пусть ѣдетъ, и, во что́-бы то ни стало, пусть привезетъ Пуссена.... За усердіе благодарю; за успѣхъ въ порученіяхъ политическихъ, вѣроятно, васъ не оставятъ безъ награды. До свиданія. Не забудьте о Шантлу. — Дюбоа!

Дюбоа растворилъ обѣ половинки дверей, и король, кивнувъ головой, удалился съ нимъ во внутренніе покои.

Д'Орбиньи и Сенъ-Марсъ какъ-будто того только и ожидали: схватились за руки и бросились къ окну.

— Ну, что́? каково идутъ твои дѣла, селадонъ? спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Слава Богу! слава Богу!... Я видѣлъ во Флоренціи мою Марію. Какъ она похорошѣла! И, кажется.... я не радуюсь чужому несчастію.... но Пальфи безнадеженъ, и Марія....

— Послушай! сказалъ Сенъ-Марсъ грустно: со свадьбой лучше бы обождать, пока не рѣшимъ участи Люцифера.

— Я полагаю, къ тому времени....

— Что́ за вздоръ! Какъ можно надѣяться на успѣхъ!

— Что́ съ тобой, Сенъ-Марсъ?

— Не мѣсто, не мѣсто! Д'Орбиньи, ты ѣдешь въ Парижъ?

— Сію-минуту. Я обѣщалъ еще сегодня побывать у одной дамы, не знакомой, но весьма занимательной. Марія разсказала мнѣ объ ней цѣлую повѣсть.... Ты и не воображаешь, что́ вокругъ насъ дѣлается.

— Хорошо, хорошо, ты мнѣ разскажешь. Ну, а отъ этой дамы?

— Прямо туда!

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія! Пойдемъ.

Сенъ-Марсъ схватилъ за руку Депорта,

во все это время стоявшаго по-одаль, и потащилъ его въ свою комнату.

— Позвольте, позвольте, маркизъ, сказалъ Депортъ, пробѣгая переднюю: надо захватить эту драгоцѣнность; проклятый испанскій походъ помѣшалъ показать ее королю.

— А что́ это?

— Увидите, увидите! отвѣчалъ Депортъ, схвативъ свертокъ, стоявшій въ углу и побѣжалъ за Сенъ-Марсомъ.

— Ипполитъ! сказалъ маркизъ, входя въ свою комнату: сбѣгай къ Генріеттѣ, и вели ея отцу осѣдлать лошадь.

— Увидите, маркизъ, старый Жеромъ когда-нибудь васъ выдастъ!

— Чортъ его возьми! Я долженъ быть сегодня въ Парижѣ, во что́ бы то ни стало. Если Ришліё не пошутилъ, и войска дѣйствительно тронулись къ испанской границѣ, то завтра къ вечеру мы будемъ далеко отъ Парижа.

— Маркизъ! если это уже не избѣжно, сказалъ Депортъ, поѣзжайте со мной. У меня карета съ плотными занавѣсками и съ превосходными лошадьми.

— Прекрасно! — Одѣваться!

Сенъ-Марсъ одѣвался. Депортъ сидѣлъ у стола, и, съ улыбкой глядя на красиваго маркиза, спросилъ:

— Не правда ли, маркизъ: а хотѣлось

бы по дорогѣ забѣжать къ Генріеттѣ? Что́ вамъ за охота волочиться за этими неопрятными красавицами королевской дворни.

— Ахъ, Депортъ, въ нашемъ сенъ-жерменскомъ монастырѣ Генріетта — кладъ! Во-первыхъ, садовница, романическое лицо, и Скюдери дорого заплатила бы за такой оригиналъ.

— Скажите скорѣе Пуссенъ или я: намъ нужна натура.

— Правда, правда! Да я ревнивъ, и на тебя, Филиппъ, больно не надѣюсь; ты и такъ нѣсколько похожъ на кота.... А что́ же ты мнѣ не показалъ твоей драгоцѣнности?

— Посмотрите, маркизъ.

Депортъ развернулъ портретъ. Сенъ-Марсъ долго глядѣлъ съ восторгомъ на прелестную дѣвушку.

— Хороша! сказалъ: очень хороша! слишкомъ хороша!.... но опасна. Я избѣгаю такихъ женщинъ: невольно попадешь въ измѣну!.... Что́ тогда скажутъ?

— Такъ-то я вамъ и позволю, маркизъ, влюбиться въ мою Эвелину!

— Развѣ дочь?

— Воспитанница, маркизъ; такъ, пріемышъ.... Вы готовы? Ѣдемъ.

— Ѣдемъ, Депортъ, ѣдемъ!

Вошелъ Дюбоа.

— Вы еще не уѣхали, дорогой мой другъ? сказалъ Дюбоа Депорту: вотъ вамъ подарочекъ отъ короля.

— Табакерка, осыпанная брилліантами! сказалъ Сенъ-Марсъ, улыбаясь. Неслыханная щедрость! Хорошо, что ты не аббатъ, не прелатъ: а то надо бы было тебя опасаться.

— Я смущенъ королевскою милостью; эта бездѣлица, право не стóила....

— Государь приказалъ вамъ подумать, нельзя ли уменьшить расходовъ на школу; на одну тысячу государь рѣшится.

— Доложите его величеству, что я постараюсь вовсе избавить моего государя отъ излишнихъ расходовъ и не прошу ничего, пока испанская война не пополнитъ казны его величества.

Сенъ-Марсъ расхохотался.

Дюбоа съ неудовольствіемъ поглядѣлъ на великаго, и, обращаясь къ Депорту, сказалъ:

— Весьма умно, любезный другъ! Кто доволенъ малымъ, тотъ получитъ много....

— Обѣщаній, прибавилъ Сенъ-Марсъ. Мы испытали цѣнность этихъ заемныхъ писемъ, которыя выдаетъ скупость и недовѣрчивость, надѣясь ими купить усердіе и пожертвованія.

— Прощайте, любезный другъ, сказалъ Дюбоя съ досадой, пожалъ руку Депорта, и ушелъ, хлопнувъ дверью.

— Дерзкій лакеишка! сказалъ Депортъ: лѣзетъ въ друзья! Вотъ наша Франція! Вотъ уваженіе къ художникамъ!

— Ѣдемъ, ѣдемъ, Депортъ! Мы найдемъ средства отомстить Дюбоа; онъ былъ и такъ уже въ страхѣ: по моей милости, король потребовалъ у него «Записки». Но эта месть не удалась: она только увеличила Королевскую къ нему милость. Надобно выдумать что-нибудь поумнѣе, и это мы сдѣлаемъ общими силами. Ѣдемъ!

ГЛАВА VIII.

ВСТРѢЧИ.

Гаръ-Піонъ сидѣлъ на мраморномъ львѣ и курилъ трубку. На другомъ львѣ сидѣлъ Гойко и считалъ звѣзды. Погода была холодная, но ясная; на площади — тихо, на улицахъ также; изрѣдка проходили пѣшіе, но каретъ и носилокъ не было видно. Наконецъ часы Святаго Роха проиграли и пробили десять, и улица Сентъ-Онорé и примыкавшіе къ ней переулки наполнились людьми и носилками. Жужжа какъ пчелы, расходились люди, Гаръ-Піонъ всталъ, потушилъ трубку и сказалъ молчаливому собесѣднику:

— Сходи, черный! принеси фонарь! Господа сейчасъ будутъ: комедія отошла.

— Я не слуга въ этомъ домѣ, отвѣчалъ Гойко, не трогаясь съ мѣста.

— Постой же: коли не слуга, я тебя провожать буду прикладомъ моего солдатскаго ружья. Слышишь?... принеси фонарь!

— Не сердись, Гаръ-Піонъ; ты служишь бабамъ, такъ за ними и гляди; а мои господа сейчасъ пріѣдутъ; еще успѣю устать. Сегодня безсонная ночь: можетъ-быть, на этомъ львѣ и ночевать прійдется!

— Чортъ же тебя возьми! сказалъ Гаръ-Піонъ, и пошелъ самъ за фонаремъ.

— Взаимно! отвѣчалъ Гойко, отворачиваясь.

— Посмотрите! вскричала Джудита, какая у насъ въ домѣ исправность: Гаръ-Піонъ на крыльцѣ, Жаннета на лѣстницѣ, и оба съ огнями! Но, Альфредъ! перестаньте разговаривать.... Полно, полно! ступайте домой! Ступайте къ вашему Корнелю.... Боже сохрани, увидитъ Депортъ!.... Ну, довольно прощаться! Завтра увидимся.

Дамы ушли на лѣстницу. Альфредъ исчезъ.

— Что́, Гаръ-Піонъ? спросила Джудита: не былъ никто?

— Никто.

— Странное дѣло! Онъ писалъ, что будетъ въ театрѣ. Я нарочно пошла сегодня въ Ришліёвскій Дворецъ... Мнѣ не до комедіи.... А онъ не явился!

— Кто? спросила изумленная Эвелина.

Джудита не отвѣчала, но, обратясь къ Гаръ-Піону, сказала ласково:

— Любезный другъ! потрудись взять фонарь и на крыльцѣ обождать нашего гостя. Онъ пріѣдетъ въ каретѣ, въ зеленомъ плащѣ, при шпагѣ, въ розовомъ камзолѣ съ золотыми снурками; шляпа съ тремя разноцвѣтными перьями.

— Такъ что́ прикажете сказать ему?

— Проси къ намъ, проводи—и только.

— Слушаюсь! А больше никого не пускать?

— Никого.

— Слушаюсь.

— Кто это къ намъ будетъ, Джудита?

— Чего ты испугалась, Эвелина? Я его жду съ нетерпѣніемъ, съ радостію.... Но у тебя, мой другъ, измялась прическа.

— Въ театрѣ было такъ жарко!

— И ваши локоны....

— Поправь, поправь скорѣе!

И обѣ хлопотали о взаимномъ приведеніи въ порядокъ разстроеннаго туалета.

Гаръ-Піонъ взялъ свое ружье, фонарь, и вышелъ на крыльцо. Гойко, увидавъ его съ обѣщаннымъ оружіемъ, соскочилъ съ крыльца и остановился въ десяти шагахъ.

— Эй, смотри, Гаръ-Піонъ! умрешь даромъ!... умрешь какъ собака!

— Да что́ ты колдунъ, что́ ли?

— Какъ Богъ святъ, умрешь. Больше не скажу ни слова.

— А кто его знаетъ? сказалъ Гаръ-Піонъ тихо: можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ!... Что онъ жидъ, это видно; а ужъ если жидъ, такъ вѣрно всякое зло знаетъ. — Ну, садись, садись, примолвилъ онъ громко: да если на колдовство пойдетъ, такъ, гляди, не боюсь.

Гаръ-Піонъ перекрестился и перекрестилъ ружье.

— Теперь на заколдуешь.

— Ну, да не хитеръ же ты, Гаръ-Піонъ, сказалъ Гойко, мостясь на льва.

— Да и не дуракъ, слава Богу!

— Дуракъ, Гаръ-Піонъ, дуракъ! Кому ты служишь?

— Эвелинѣ де-Вальероль, дочери моего капитана.

— Нѣтъ, не ей, а этому Депорту; да еще и безъ денегъ.

— Да на что́ мнѣ деньги? Сытъ, одѣтъ....

— Ну, не глупъ ли ты? Вотъ теперь пойдетъ тутъ въ домѣ такое волокитство, что и въ Содомѣ не бывало: а ты бы со всѣхъ лупилъ деньгу; съ самого хозяина противу каждаго гостя вдвое.

— Что́ ты бредишь?

— Тебѣ денегъ не нужно; отдавалъ бы ихъ мнѣ.

— Вотъ сумасшедшій? И, право, прикладомъ тресну, хоть бы на-мѣстѣ умереть.

— Не горячись, а выслушай. Мнѣ деньги нужны; жену надо выкупить.

— Да гдѣ она?

— Не твое дѣло. А я бы тебѣ каждый день сказывалъ, что́ съ Эвелиной дѣлать хотятъ.

— Да что́ съ нею дѣлать хотятъ? Извѣстное дѣло — выдадутъ за Альфреда, вотъ и всё тутъ.

— Ахъ, ты, солдатская простота! Ты, братъ, нашихъ ученыхъ расчетовъ и не смѣкаешь.

— Да поди ты къ Антихристу!

— Нѣтъ, туда твоя госпожа пойдетъ, какъ такая, знаешь, прелестница....

Гойко скатился съ льва отъ сильнаго удара прикладомъ и на послѣдней ступенькѣ, лежа, кричалъ о помощи. Гаръ-Піонъ всталъ и, поднявъ ружье, сказалъ:

— Крикни еще разъ, и тó будетъ послѣдній: душу выколочу!

Гойко замолчалъ, всталъ, оправился, хотѣлъ бѣжать, но, почувствовавъ, что сильная рука держитъ его за воротникъ, сказалъ ласково:

— Вотъ видишь ты, мой дорогóй усъ! я тебя добромъ предупреждалъ, а ты.... Тише, тише: я молчу не души; самъ увидишь.

— Откуда тебѣ такой вздоръ въ голову лѣзетъ? Говори! А нето какъ шубу подыму и стану пыль выколачивать.

— Убей.... не скажу ни слова! Заплати.... все узнаешь! Мнѣ нужны деньги, и я поклялся, что не скажу слова, не сдѣлаю услуги, безъ платы.

— Врешь! скажешь, какъ я стану спрашивать.

Вдругъ подъѣхала нарядная карета.

— Дома Депортъ? спросилъ кто-то, отдергивая оконныя занавѣски.

— А какъ вы одѣты, государь мой? отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, выпустивъ Гойко и схвативъ фонарь.

— Чтó за дурацкій вопросъ? Говорятъ тебѣ, дома ли Депортъ?

— Въ Сенъ-Жерменѣ, отвѣчалъ Гойко: надобно быть, черезъ часъ будетъ домой.

— Скажи, что аббатъ Мазарини къ нему заѣдетъ еще сегодня; есть дѣло....

Гаръ-Піонъ, свѣтя въ карету, проворчалъ: «Это не гость!»

Мазарини уѣхалъ; Гойко стоялъ на серединѣ площадки. Гаръ-Піонъ усѣлся на прежнее мѣсто.

— Вотъ одинъ уже и былъ!.... дай хоть пару ливровъ, скажу зачѣмъ, говорилъ Гойко.

— Провались ты сквозь землю! Не просятъ; сами узнаемъ.

— Да какъ не во время, да не ловко узнаешь, такъ и будешь въ Бастиліи гнилые сухари ѣсть. Правда, честь велика!.... въ компаніи съ маршаломъ де-Бассомпіеръ.

— Дома госпожа Депортъ? спросилъ кто-то изъ кареты.

— А какъ вы одѣты?

— Посмотри.

— Милости просимъ!... милости просимъ!

И Гаръ-Піонъ ввелъ незнакомца въ гостиную, заперши прежде двери съ крыльца.

— Простите, очаровательная Джудита, если я осмѣлился такъ поздно безпокоить васъ моимъ посѣщеніемъ, король задержалъ меня въ Сенъ-Жерменѣ, и я не могъ пріѣхать въ театръ по обѣщанію, сказалъ капитанъ д'Орбиньи.

— Милостивая госпожа, закричалъ

Гаръ-Піонъ голосомъ докладчика: какой-то аббатъ Мазарини только-что пріѣзжалъ къ мосье Депорту; черезъ часъ будетъ опять.

Джудита поблѣднѣла; Эвелина смутилась; капитанъ улыбнулся и продолжалъ:

— Надѣюсь, что онъ меня здѣсь не застанетъ!

— Напротивъ: если я смѣю умолять васъ объ чемъ-нибудь именемъ моей подруги и сестры, то, ради Бога, останьтесь. Ваше присутствіе необходимо. Что́, моя добрая Марія здорова?

— Не совсѣмъ. Мой бѣдный Пальфи также боленъ, боленъ опасно.

— Вы, вѣрно, объ немъ сожалѣете? Конечно, грѣхъ: а ужъ не безъ мысли, какъ бы поскорѣе отправился Пальфи къ предкамъ и Марія сдѣлалась мадамъ д'Орбиньи. Не скромничайте! Мнѣ обо всемъ писала Марія. И съ вами, конечно, есть письмецо?

— Я забылъ, Джудита. Глядя на васъ, конечно, простительна подобная неисправность.

— Благодарю за шутку, и молю васъ, продолжайте такъ шутить при моемъ мужѣ, при всѣхъ, если это вамъ не будетъ скучно.

— Вы позволяете?

— Шутить?.... сколько угодно!.... Но

что́ пишетъ Марія?.... Такъ! я не ошиблась!.... твой отецъ въ Италіи.

— Батюшка!

— Первая моя любовь, Эвелина! шопотомъ сказала Джудита. Но Марія не могла его видѣть; онъ пробылъ во Флоренціи четыре часа и уѣхалъ въ Римъ. Добрая Марія! она хочетъ увѣдомить его, гдѣ находится Эвелина, но требуетъ у меня подробностей. Какъ послать ихъ? Помогите, д'Орбиньи!

— Нѣтъ ничего легче. Послѣзавтра ѣдетъ въ Римъ Шантлу за Пуссеномъ: приготовьте письмо, онъ отдастъ его Маріи вмѣстѣ съ моимъ.

— Нельзя ли написать прямо въ Римъ? сказала Эвелина.

— Нѣсколько дней долѣе, но вѣрнѣе черезъ Марію; она для Джудиты сдѣлаетъ все на свѣтѣ, даже сама поѣдетъ; а Шантлу и безъ-того много порученій отъ короля и кардинала: неравно забудетъ.

На улицѣ послышался стукъ кареты, и черезъ нѣсколько секундъ вошли въ гостиную Депортъ съ Сенъ-Марсомъ.

— Сенъ-Марсъ! съ удивленіемъ воскликнулъ д'Орбиньи.

— Здравствуй, д'Орбиньи! Вотъ неожиданная встрѣча!

— Имѣю счастіе, сказалъ Депортъ,

представить вамъ, маркизъ, мою жену и дѣвицу Эвелину де-Вальероль.

Сенъ-Марсъ ловко поклонился дамамъ; тѣ отвѣтили почтительнымъ поклономъ.

— Позвольте, капитанъ, сказала Джудита, представить вамъ моего мужа, Филиппа Депорта, о которомъ вы такъ много слышали.

— Имѣю величайшее счастіе рекомендоваться, говорилъ Депортъ: и не знаю, какъ благодарить случай....

— Очень радъ вашему знакомству, сказалъ д'Орбиньи, протягивая руку: мы уже видѣлись у короля.

— Милости просимъ садиться, отвѣчалъ Депортъ, подавая кресла.

Всѣ усѣлись и бесѣда, самая пустая, ничтожная, продолжалась болѣе получаса. Д'Орбиньи былъ гораздо старше Сенъ-Марса, но тотъ долженъ былъ уступить ему въ любезности, увлекательной, откровенной, веселой, дѣтской. Сенъ-Марсъ походилъ на ученика, выпущеннаго на срокъ изъ коллегіума: глаза великаго разбѣжались, онъ находился въ величайшемъ затрудненіи: Эвелина, дѣйствительно, была прекрасна какъ ангелъ; но красота Джудиты, развязность, огненные взоры, невыразимая пріятность улыбки, гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на юношу, которому женскій соблазнъ еще не сдѣ-

лался приторнымъ; притомъ же положеніе великаго въ свѣтѣ и отношенія его съ Депортомъ обѣщали легкую, скорую побѣду: а на походѣ, куда думать о правильной, медленной осадѣ дѣвичьяго сердца?.... Но и Эвелина такъ мила, такъ невинна, такъ похожа на Марію Неверскую!... побольше простоты, больше этой очаровательной, нѣжной чувствительности, которая оправдываетъ поэтическое сравненіе женщины съ розой, опустившей разцвѣтающую головку. Депортъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на собесѣдниковъ, искоса только на одного д'Орбиньи. Посѣщенія капитана онъ не могъ себѣ объяснить ничѣмъ, и терялся въ догадкахъ. Д'Орбиньи не замѣчалъ ничего, и злилъ Сенъ-Марса, примѣтно побѣждая его въ глазахъ Джудиты. Великій наконецъ рѣшительно былъ отрѣзанъ отъ хозяйки и, отъ нечего-дѣлать, отъ досады, прилежно занялся Эвелиной. Умъ и важность молодой де-Вальероль поразили его мѣтко, въ самое сердце: онъ началъ задумываться, глядя на Эвелину; д'Орбиньи подшучивалъ надъ нимъ; Депортъ торжествовалъ: во всю бесѣду онъ не произнесъ ни одного слова, какъ-будто его не было въ комнатѣ. Все, по его мнѣнію, шло на ладъ, какъ вдругъ раздался стукъ у крыльца, и въ гостиную вошелъ аббатъ

Мазарини. Всѣ встали, но аббатъ за высокимъ д'Орбиньи и Сенъ-Марсомъ не могъ разглядѣть дамъ.

— Любезный другъ, сказалъ онъ Депорту, который почти въ дверяхъ его встрѣтилъ: представьте меня вашей женѣ и попросите извиненія, что я такъ поздно васъ обезпокоилъ. — Ахъ!... здравствуйте, маркизъ! — Капитанъ! и вы здѣсь?... Какое пріятное общество!

И Сенъ-Марсъ, и д'Орбиньи, были изумлены пріѣздомъ Мазарини. Сенъ-Марсъ съ бѣшенствомъ глядѣлъ на хозяина. Блѣдный, испуганный, Депортъ не зналъ куда дѣваться, что́ сказать. Въ замѣшательствѣ, схвативъ за руку Мазарини, онъ тащилъ его къ женѣ и съ трудомъ могъ произнести нѣсколько разъ сряду:

— Монсиньоръ... Монсиньоръ Джуліо... Мазарини.

— Мы знакомы, сказала Джудита такимъ голосомъ, что всѣ вздрогнули.

— Maladetta!... стуча зубами и посинѣвъ, проворчалъ Мазарини.

Депортъ выросъ отъ ужаса и пятился на корточкахъ въ уголъ комнаты. Эвелина, дрожа, обняла Джудиту, и спрятала головку за плечи несчастной. Сенъ-Марсъ схватилъ за руку д'Орбиньи и,

казалось, глядѣлъ и слушалъ всѣмъ своимъ существомъ. А Джудита?...

Она стояла какъ мраморная статуя: смертная блѣдность смѣнилась багровымъ румянцемъ; руки поднялись и пальцы съёжились, какъ когти разгнѣванной тигрицы. Мгновеніе, — и она закричала отчаяннымъ голосомъ — «Traditore!», и упала безъ чувствъ на софу. Эвелина упала съ нею, обливая слезами несчастную.

— Ѣдемъ, д'Орбиньи! сказалъ Сенъ-Марсъ.

— Нельзя!... я далъ слово Джудитѣ.

— Насъ ждутъ!

— Трагедія сейчасъ кончится.

Мазарини уже опомнился и, подходя къ Сенъ-Марсу, спросилъ:

— Съ кѣмъ это она нашла во мнѣ такое ужасное сходство?

— Съ капитаномъ Джуліо Мазарини, сказалъ д'Орбиньи.

— Ахъ, да! весьма быть можетъ.... Мой племянникъ капитанъ Мазарини, говорятъ, какъ двѣ капли воды похожъ на меня; но теперь не время ее разувѣрять.... Любезный Депортъ! отложимъ объясненіе; отложимъ и дѣло, за которымъ я пріѣхалъ.... Вы должны теперь употребить всѣ супружескія средства и ласки, чтобы успокоить несчастную. А

мы, господа, мѣшать ему не будемъ: не правда ли?

Все это было сказано такъ мягко, такъ плавно, что даже Сенъ-Марсъ повѣрилъ, и пошелъ за аббатомъ таща за руку д'Орбиньи. Но капитанъ, которому отъ Маріи очень хорошо была извѣстна вся исторія Джудиты, повиновался съ трудомъ легковѣрному Сенъ-Марсу и повторялъ сквозь зубы: «Tradittore! Tradittore!»

ЭВЕЛИНА ДЕ ВАЛЬЕРОЛЬ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

..... A due morti mi avvicino.
D'una so certo e l'altra mi minaccia.
(MICHEL ANGELO BUONAROTTI.)

ГЛАВА IX.

АУДІЕНЦІЯ.

Въ Тюильрійскомъ Дворцѣ собрался дворъ, ожидая прибытія короля. Королева въ отдаленныхъ покояхъ готовилась къ посѣщенію непріятному, тягостному. Кардиналъ Ришліе, въ особой комнатѣ, больной, измученный, сидѣлъ въ крес-

лахъ; его окружали де-Нойé, Шавиньи, Мазарини, канцлеръ и другіе чины. Шантлу и кавалеръ д'Орбиньи, въ большой залѣ, въ глубокомъ окнѣ, тихо разговаривали. Депортъ, въ другомъ окнѣ, разсказывалъ какому-то нарядному придворному, преклонныхъ лѣтъ, объ успѣхахъ своей школы, о ничтожности и педантизмѣ Вуэ и его товарищей. Нарядный, къ несчастію, самъ дѣлалъ дрянные очерки перомъ и слылъ при дворѣ художникомъ: всѣ альбомы придворныхъ дамъ были обезображены его перомъ. Каждый праздникъ онъ подносилъ королю и королевѣ по одному рисунку, и получалъ въ награду милостивое слово, а иногда и приглашеніе къ охотѣ или къ туалету. Онъ былъ счастливъ, и рисункамъ не было конца. Вуэ неосторожно произнесъ какъ-то свое мнѣніе о произведеніяхъ наряднаго господина, и съ тѣхъ поръ непримиримая вражда возникла между отцомъ французской живописи и маркизомъ Дезюмидъ: такъ назывался нарядный. Маркизъ не мало помогалъ намѣреніямъ Депорта, самъ не зная того: онъ разносилъ по гостинымъ тѣ клеветы и обвиненія, которыхъ Депортъ не рѣшался выпускать въ свѣтъ подъ своимъ именемъ. Они разговаривали дружески, потому что предметъ разговора ласкалъ ихъ

общую злобу. Между-тѣмъ, вошелъ маршалъ Шатильіонъ съ выраженіемъ досады и неудовольствія. Д'Орбиньи замѣтилъ его, оставилъ Шантлу и, взявъ маршала за руку, повелъ въ смежный покой.

— Отчего вы не были въ Бульіонскомъ Дворцѣ? спросилъ д'Орбиньи; я полагалъ, что васъ нѣтъ въ Парижѣ.

— Я сидѣлъ, господа, по вашей милости, въ Рюэлѣ, и слушалъ длинныя наставленія кардинала, какъ дѣйствовать противъ герцога Бульіонскаго.

— Неужели онъ уже знаетъ о возмущеніи?

— Какъ-нельзя лучше! Мѣстныя свѣдѣнія всѣ у него. По-счастію, ему неизвѣстно, что у Бульіона въ Парижѣ есть сильные и умные друзья.... А что́, герцогъ Орлеанскій былъ съ вами?

— Представьте! мы съ Сенъ-Марсомъ были у одной знакомой дамы. Неожиданное происшествіе насъ разогнало; было еще рано, но мы не хотѣли нигдѣ показываться и отправились въ бульіонскія палаты. Входимъ: и что́ же? Гастонъ Орлеанскій сидитъ уже за столомъ съ толпою друзей!

— Вотъ мнѣ и не нравится эта толпа, Генрихъ! Твой соименникъ тоже дѣлаетъ

глупости: завелъ себѣ какого-то Депорта, весьма подозрительнаго человѣка.

— Извините, маршалъ! Вы знаете, что всѣ парижскіе жиды на нашей сторонѣ.

— Благодарю за общество! сказалъ Шатильіонъ, отворачиваясь.

— Успокойтесь! эта мѣра необходима; жиды изъ нашихъ тайнъ не знаютъ ни одной, а мы получаемъ весьма важныя и замѣчательныя извѣстія. И мудрый Эвоэ приставилъ къ Депорту какого-то весьма умнаго и проворнаго слугу.

— Смотри, Генрихъ! вы ведете свое дѣло какъ дѣти и, вѣроятно, кардиналъ уже знаетъ о вчерашней бесѣдѣ въ Бульіонскомъ Дворцѣ.

— Какъ бы не такъ! Въ главномъ этажѣ Бульіонскаго Дворца играла музыка; всѣ люди герцога были собраны съ женами, дочерьми и знакомыми; плясали до утра и, по причинѣ бала у герцогскихъ людей, никто не обращалъ вниманія на наше собраніе. Фонтрай стоялъ у калитки: онъ знаетъ всѣхъ нашихъ и показывалъ дорогу.

— Такъ заговоръ, по вашему мнѣнію, идетъ удачно!

— Бульіонъ своимъ возстаніемъ нѣсколько повредилъ нашему дѣлу. Надобно было дождаться, пока война съ Испаніей не разгорится въ полной силѣ; но вы,

маршалъ, увѣдомили Бульіона, что войска выступятъ двѣнадцатаго, а между-тѣмъ они вышли вчера, почти черезъ мѣсяцъ, и Бульіонъ ошибся въ расчетѣ. Впрочемъ, мы положили отправить Фонтрайя сегодня же въ Испанію съ предложеніемъ мирнаго трактата отъ имени Гастона и французскаго дворянства. Мнѣ поручено васъ объ этомъ увѣдомить.

— Что́ же мнѣ дѣлать?

— Сообразитесь на-мѣстѣ. Само счастіе назначило васъ начальникомъ военныхъ дѣйствій противъ герцоговъ Бульіонскаго, Соассонскаго и молодаго Гиза, котораго такъ обидѣлъ кардиналъ въ лицѣ Маріи Неверской.

— А онъ, безъ шутокъ, сватался?

— Да; но кардиналъ отвѣчалъ Гизу, что Марія принадлежитъ Франціи, какъ орудіе ея политики.

— Какъ иногда и умные люди дѣлаютъ глупости! Этимъ онъ оттолкнулъ отъ себя и Сенъ-Марса.

— Рѣшительно. Теперь мы можемъ на него вполнѣ полагаться. Боюсь одного: не опоздалъ ли онъ сегодня въ Сенъ-Жерменъ?... Тогда король узнаетъ о возстаніи герцога Бульіонскаго отъ кардинала, а это будетъ плохо. Надобно убѣдить короля, что не одинъ только Ришліе

можетъ знать тайны государственныя, и что пора его миновалась.

— Кажется, пріѣхалъ король.

— Да; шумъ.... Пойдемъ въ залу.

Король вошелъ въ покои, гдѣ сидѣли королева и Марія Неверская. Церемоніальныя привѣтствія окончились.

— Вы ѣдете, ваше величество? спросила Анна Австрійская не безъ трепета.

— Вы сильно препятствуете, королева, но это минутная отсрочка; и никто уже вамъ помогать не будетъ. Я найду средства лишить французскую королеву возможности вредить своему государству.

— Государь!

— Оставьте, государыня, ваши оправданія. Братъ мой, Гастонъ, и герцоги дѣйствуютъ по вашему желанію вмѣстѣ съ вашими Испанцами. Все утѣшеніе въ томъ, что они называютъ себя *князьями мира*. Пожалуй, миръ! Но я имъ предпишу условія, которыя вашему величеству не понравятся. Тогда маркизъ де-Кокъ и всѣ рыночные писатели посмѣются. Нечего дѣлать! вы заставляете.

— Клянусь вамъ, государь....

— Ахъ перестаньте! Сколько клятвъ я уже имѣлъ терпѣніе прослушать! Позвольте узнать о здоровьѣ моего сына.

— Онъ здѣсь, ваше величество, онъ здѣсь.

И ребенокъ дофинъ, въ сопровожденіи дамъ и нянекъ, вошелъ въ комнату.

— Я думаю, ты уже выучилъ много словъ? спросилъ король, взявъ на руки сына: какъ тебя зовутъ?

— Людовикъ Четырнадцатый, отвѣчалъ весьма чисто дофинъ.

— Пока еще не Четырнадцатый, сказалъ король, нахмурясь и поставивъ ребенка на полъ. — Вотъ, чему его учатъ! съ досадой продолжалъ онъ, обращаясь къ Сенъ-Марсу: пойдемъ, а то еще услышимъ что́-нибудь хуже....

— А, mon cousin! воскликнулъ король, входя въ комнату, гдѣ сидѣлъ кардиналъ съ Мазарини и совѣтниками. Зачѣмъ вы безпокоитесь? Я хотѣлъ самъ быть у васъ.

— Дѣла большой важности, ваше величество.

— Послушаемъ, послушаемъ, отвѣчалъ

король, обращаясь къ Сенъ-Марсу. — Садитесь, mon cousin, садитесь.

Ришліё не садился, пока Сенъ-Марсъ не подалъ креселъ королю.

— И такъ! сказалъ король, глядя на потолокъ.

— Всѣ мои старанія сохранить миръ внутри государства остаются безуспѣшными, оттого что милосердіе и добросердіе нерѣдко мѣшаются въ нашу политику. Врагъ общественнаго порядка и личный врагъ вашего величества, герцогъ Соассонскій, проживалъ съ дозволенія вашего въ Седанѣ, у герцога Бульіонскаго. Государь, вы изволите припомнить, я не соглашался; но вашему величеству угодно было назначить изгнаннику срокъ пребыванія въ Седанѣ не болѣе четырехъ лѣтъ. Истекли четыре года; я потребовалъ выдачи герцога Соассонскаго....

— И не ужели вы думали, прервалъ король, что благородный Французъ выдастъ человѣка, который пришелъ искать у него покровительства? Вы знали последствія вашего требованія напередъ, и нашли выгоднымъ довести моего добраго вассала до крайности! Бульіонъ въ полѣ; испанская армія пойдетъ на него: маршалъ Шатильіонъ получитъ сегодня же мои приказанія. Вы должны быть

довольны нами, mon cousin; мы увольнили васъ отъ труда заниматься военными дѣлами, когда здоровье ваше такъ слабо; берегите драгоцѣнное здоровье, берегите его для испанской войны.

Король съ Сенъ-Марсомъ вышли въ большую залу. Оглушенный неожиданной энергіей короля, Ришліё побагровѣлъ, колика стала мучить его нестерпимо, лицо исковеркалось; но ни одинъ звукъ не обнаружилъ его страдальческаго положенія. Чрезъ минуту онъ даже улыбнулся и приказалъ нести себя домой. Междутѣмъ, король, увидѣвъ Шантлу, обратился къ нему и ласково спросилъ:

— Когда вы ѣдете?

— Я хотѣлъ откланяться вашему величеству.

— Счастливой дороги и успѣху! Во что́ бы то ни стало Шантлу, во что́ бы то ни стало! — Шатильіонъ! а вы когда ѣдете?

— Куда, ваше величество?

— На войну.

— Ожидаю приказаній.

— Вы ихъ получите сегодня ввечеру.... и не медлите ни одного дня!... Успѣхъ зависитъ отъ быстроты. Доносите мнѣ прямо въ Ренсъ о вашихъ побѣдахъ.

Поговоривъ еще съ нѣкоторыми изъ

придворныхъ, король вышелъ съ Сенъ-Марсомъ. На лѣстницѣ встрѣтили ихъ Гордъ и Дюбоа.

— Гордъ! сказалъ король, сегодня ты поѣдешь со мной; а Сенъ-Марсу некогда: ему надобно прощаться съ друзьями. — Не такъ ли?

— Если ваше величество позволите....

— Ступай, ступай шалунъ! я за тобой пришлю Горда.... Но куда?

— Я ему скажу, ваше величество.

— А почему же не мнѣ?

— Кчему вамъ знать мои тайны?

— Конечно, конечно! Можетъ-быть, моему слуху и неприлично слышать названія лицъ, которыхъ господинъ Великій удостоиваетъ своею дружбой. Ну, говорите, говорите: я не слушаю.

— А послѣ спро́сите у Горда.

— Какъ тебѣ не стыдно, Сенъ-Марсъ.

— Простите, Государь! — и тихо на ухо сказалъ онъ Горду: — Въ Вандомскомъ Дворцѣ.

Между-тѣмъ Дюбоа подошелъ къ королю и сказалъ:

— Ваше величество, кардинала понесли изъ дворца чуть не мертваго.

— Мы его огорчили, Дюбоа; но нѣтъ ни какихъ средствъ выдержать. — Поѣдемъ, Гордъ, поѣдемъ.

— Во дворецъ Ришліё! крикнулъ Дюбоа, задергивая занавѣски, служившія вмѣсто дверецъ, и карета тихо тронулась.

ГЛАВА X.

ТАЙНА.

Сенъ-Марсъ не обманулъ Горда и отправился къ Депорту. Какъ и вчера, на мраморныхъ львахъ сидѣли тѣ же Гаръ-Піонъ и Гойко и, увидавъ Сенъ-Марса, оба вскочили. Маркизъ вынулъ кошелекъ и каждому далъ по червонцу. Гойко спряталъ свой быстро; Гаръ-Піонъ чинился; но Сенъ-Марсъ приложилъ еще два и сказалъ ласково:

— Старому солдату не грѣхъ взять подарочекъ отъ молодаго капитана.

— Правду изволите говорить, капитанъ:

моего господина нѣтъ, такъ пожалуй я и вамъ послужу; только не въ этомъ домѣ.

— А почему, мой добрый драгунъ?

— Не скажу, а знаю.

— Ну, такъ доложи своей госпожѣ, что пришелъ маркизъ д'Эффіа, великій конюшій его величества.

Гаръ-Піонъ вытянулся въ столбъ и нѣсколько мгновеній не могъ произнести ни слова; потомъ, какъ-будто опомнясь, надѣлъ шапку, пошелъ къ дверямъ крыльца и, оборотясь къ Сенъ-Марсу, сказалъ:

— Хоть бы самъ король, не пущу.

— Что̀ это значитъ? со смѣхомъ спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Капитанъ оставилъ дочь на мои руки: такъ ужъ извините! У бѣдной дѣвушки теперь нѣтъ другаго защитника.

— У какой дѣвушки? спросилъ Сенъ-Марсъ. Я хотѣлъ видѣть госпожу Депортъ: имѣю порученіе отъ мужа: онъ остался во дворцѣ, а тутъ есть королевское дѣло.

— Милости просимъ, господинъ капитанъ! милости просимъ, ваше сіятельство!... Сейчасъ доложу; пожалуйте, пожалуйте. Тутъ вамъ ожидать не приходится.

Гойко хохоталъ, глядя на проводы Сенъ-Марса.

— Пустилъ сокола въ птичникъ! вскричалъ Гойко, помирая со смѣху: а червонцы помогли! Черный народъ, какъ грязная рука, любитъ носить свѣтлые металлы.

Гаръ-Піонъ возвратился и опять сѣлъ на свое мѣсто.

— Ну, теперь купи у меня языкъ, сказалъ Гойко.

— А на что́?

— Увидишь.

— Скажи: сто́итъ, такъ и безъ уговору заплачу.

— Вотъ, видишь.... На тебя можно положиться: заплатишь. Дѣло вотъ въ чемъ. Депортъ сводитъ и свою жену и госпожу твою съ этими господами.

— Да зачѣмъ?

— За деньги, за вѣсъ, за силу. Такіе люди чортъ знаетъ куда попадаютъ! Мой отецъ продалъ мою жену за пять сотъ червонныхъ сыну вотъ этого самаго герцога Вандомскаго.... Да грѣхъ ихъ попуталъ! Ночью увели отъ меня Сару. Я все узналъ, но поздно. Съ ножомъ въ рукахъ добылъ я у отца тайну. Бѣгу; не тутъ-то было: слѣдъ простылъ. На третій день уже открылъ я, что жена не досталась молодому развратнику, но что

городскіе стрѣлки ее захватили со всѣми людьми герцога, и въ тюрьму.... Я въ ратушу.... Голова — человѣкъ умный... «Нельзя, говоритъ: сегодня мы выслали всѣхъ Вандомовъ изъ Парижа по приказанію кардинала; люди ихъ нужны для уголовнаго дѣла; а Сару и можно бы выпустить, да надо выкупъ». — Какой выкупъ? — «Да видишь, любезный: вѣдь она жидовка....» Я клялся, божился: голова не вѣрилъ. — «На пыткѣ, говоритъ, все узнаемъ; а выпустить можно, по человѣчеству, изъ состраданія; можно.... да она жидовка: такъ ратушѣ прійдется очищать себя за эту милость обѣднями и милостыней: вѣдь это разорительно; жечь также нынче дорого стóитъ: длинный церемоніалъ; такъ мы бы и рады выпустить, да на свой счетъ этого сдѣлать не можемъ: пусть посидитъ, а можетъ-быть, Богъ поможетъ тебѣ промыслить пять сотъ червонныхъ. Тогда, дѣло другое! А не достанешь, такъ мы ее пристроимъ. Нынче молодежь щедра, и намъ заплатитъ за содержаніе и расходы, а грѣхъ на себя прійметъ.» Изверги! подумалъ я; молилъ, просилъ; голова смѣялся. Въ отчаяніи, я прибѣжалъ къ отцу; но его уже не было: исчезъ и съ деньгами, съ моими и съ своими вещами!... Съ-тѣхъ-поръ я каждый день ви-

жу Сару, отдаю головѣ деньги: онъ уже началъ служить обѣдни. Но бѣдность моя горькая.... и ста червонныхъ еще не успѣлъ заплатить: а уже четыре мѣсяца! Дай Богъ головѣ здоровья по-крайней-мѣрѣ особая комната, хорошая пища. И у меня теперь нѣтъ другой квартиры; я живу въ темницѣ.

— На тебѣ, всѣ три! сказалъ Гаръ-Піонъ, подавая Гойкѣ полученные имъ червонцы.

Гойко плакалъ и цѣловалъ руки Гаръ-Піона.

— Давай плутовать вмѣстѣ, сказалъ Гаръ-Піонъ: авось насытимъ голову.... Только послушай, Филиппъ: вѣдь ты жидъ!

— Человѣкъ! отвѣчалъ жалобно Гойко.

— Ну, коли жидъ, такъ еще не человѣкъ.... да ужъ такъ и быть! Кармелитъ Симонъ отпуститъ такой грѣхъ; а если ты не человѣкъ, такъ мнѣ человѣкомъ быть это не помѣщаетъ.

— И я тебя называлъ дуракомъ!.... ты уменъ какъ раввинъ! Ты умнѣе многихъ богатыхъ людей.

— Можетъ быть, если умъ въ честности.... Посмотрѣть, что́ дѣлаютъ господа!

— Ступай, Гаръ-Піонъ! Теперь я твой слуга до гробу!

Гаръ-Піонъ пошелъ наверхъ; Гойко, отирая слезу, сказалъ вслѣдъ драгуну:

— Погоди, служивый: эти три червонца выростутъ тебѣ же въ прокъ. Ты будешь благодаренъ не-человѣку.

Гойко усѣлся на прежнемъ мѣстѣ и не спускалъ глазъ съ улицы.

Сенъ-Марсъ вошелъ неожиданно, когда Эвелина читала новую комедію Корнеля, «Вдова». Она отъ души хохотала, но изъ восторга комическаго перешла въ трагическій ужасъ, увидавъ Великаго.

— Маркизъ! сказала она трепещущимъ голосомъ, собираясь уйти.

— Простите, если я прервалъ ваше пріятное чтеніе. Что̀ это вы читали?

— «Вдова», комедія Корнеля.

— И вамъ не скучно?

— Напротивъ, я хохочу все время, какъ ребенокъ. Такъ смѣшно!

— Право?

— Ей Богу!

— Вы, вѣрно не читали Скаррона?

— Джудита не позволяетъ.

— Не позволяетъ? О, какая неумѣстная скромность! Я вамъ подарю экземпляръ одного сочиненія Скаррона, писанный собственной его рукою.

— А я его сожгу не читавши.

— Такъ я вамъ и не подарю.

— И не дарите.

— Такъ я вамъ лучше подарю мое сердце.

— Это чье твореніе?

— Боже! Но вы лукавы, очаровательная Эвелина; вы смѣетесь, потому что въ самомъ дѣлѣ смѣшно дарить, что уже давно принадлежитъ вамъ.

— Давно? Я васъ не понимаю, маркизъ.

— Не хотите понять. О, я знаю, что́ вамъ прокричали про меня наши рамбулыетскія совы, эти блистательныя писательницы, сплетницы высшаго круга!

— Я не знаю ихъ, точно такъ же, какъ и васъ, маркизъ.

— Не притворяйтесь!... не притворяйтесь! Вашъ умъ, ваша начитанность, слогъ вашего разговора, все измѣняетъ вамъ. Я слишкомъ опытенъ, и самъ принадлежу иногда къ рамбулыетскимъ фразёрамъ.... Но съ вами сердце говоритъ откровенно: ваши глаза уничтожаютъ способность къ блистательной лжи; ваша улыбка обезоруживаетъ уста подготовленнаго оратора.... съ вами по-неволѣ сдѣлаешься скромнымъ, невиннымъ....

Эвелина расхохоталась.

— Чему вы смѣетесь? спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Да вы говорите изъ комедіи Корнеля; только въ прозѣ!

Опытный волокита смѣшался; лукавая улыбка Эвелины еще болѣе умножила его смущеніе.

— Это потому вамъ кажется, что вы никогда не любили, сказалъ Сенъ-Марсъ, оправясь.

— Ваша опытность не ошиблась.

— Вотъ, видите! Полюбите, и вы признаете въ словахъ моихъ искренность.

— Я послѣдовала бы вашему совѣту, маркизъ; но, говорятъ, еще рано.

— Самое лучшее время! Но какъ бы я желалъ, чтобы изъ одержанныхъ побѣдъ вамъ понравилась послѣдняя!

— А я полагаю, маркизъ, что первая слаще.

— Кто же этотъ счастливецъ?

— Надобно справиться; теперь не помню.

— Забудьте его, Эвелина, и помните, что побѣдитель тогда счастливъ, когда умѣетъ остановиться въ своихъ завоеваніяхъ.

Опрометью вбѣжалъ Депортъ и, остановясь возлѣ Сенъ-Марса, не могъ произнести ни слова.

— Что́ съ вами, любезный другъ?

— Ступайте въ вашу комнату! сказалъ

строго Депортъ, схвативъ за руку Эвелину; но она не обращала никакого вниманія на бѣшенаго Филиппа и съ ласкою сказала Сенъ-Марсу:

— Простите, маркизъ, за невѣжливость: только теперь вспомнила!..... прошу садиться.

И она сѣла; Сенъ-Марсъ сѣлъ возлѣ ея. Вошла Джудита, отлично одѣтая, и, какъ пышная роза въ полномъ цвѣтѣ, помавая роскошной головкой, усѣлась между Эвелиной и Сенъ-Марсомъ.

— Продолжайте, продолжайте, сказала она, рукою удерживая Сенъ-Марса въ креслахъ: я слышала вашъ разговоръ и пришла учиться. — Садитесь, Депортъ. Чтó это при гостяхъ вы всегда стоите? Какая дурная привычка!

Филиппъ сѣлъ. Сенъ-Марсъ засмѣялся и сказалъ Джудитѣ:

— Какъ это съ вашимъ умомъ вы не исправите моего друга? Онъ ужасно робокъ.

— Врожденное! съ коварной улыбкой отвѣчала Джудита: и я потеряла надежду....

— А мнѣ казалось, что вы способны передѣлать самую непокорную природу.

— Вамъ это показалось, добрый маркизъ: а я и себя не могу еще передѣ-

лать. Напримѣръ, вчера, этотъ аббатъ такъ испугалъ меня....

— Вы узнали его, Джудита, и въ этомъ платьѣ?

— Именно меня и перепугала его одежда; со смерти отца и матери я такъ боюсь въ домѣ своемъ....

Джудита не окончила: вошелъ Гаръ-Піонъ и доложилъ, что какой-то господинъ Гордъ, придворный его величества, спрашиваетъ господина великаго.

— Король всегда намъ мѣшаетъ! проворчалъ Сенъ-Марсъ.

Джудита вздохнула. Сенъ-Марсъ, съ рѣшительностью, почти вскрикнулъ:

— Не пойду!

Гаръ-Піонъ ушелъ.

— Промѣнять такое общество на скучную сенъ-жерменскую бесѣду!... Согласитесь, очаровательныя дамы, что это убійственно; стóитъ отчаянія, обмороку... если бы намъ позволено было падать въ обморокъ.

— Вы очень любезное дитя, отвѣчала Джудита: но ужъ мнѣ не приходится участвовать въ вашихъ дѣтскихъ шалостяхъ и огорчать добраго короля, лишая его любимой игрушки.

Сенъ-Марсъ вспыхнулъ.

— Ни зачто не поѣду! сказалъ онъ рѣшительно.

— Оставайтесь, отвѣчала Джудита, взявъ за руку Эвелину и уходя изъ комнаты, но бросивъ на Сенъ-Марса такой взоръ, котораго и соборъ мудрецовъ не растолковалъ бы психологически: оставайтесь; намъ пора въ церковь.

— Любезный Депортъ, твои дамы свели меня съ ума! сказалъ Сенъ-Марсъ, когда дамы ушли.

Депортъ молчалъ.

— Я не вижу большаго преступленія, если нахожу въ ихъ бесѣдѣ цѣлое море истиннаго, чистаго наслажденія.

Депортъ молчалъ.

— Ты мнѣ позволишъ навѣщать твою семью?

— О, если бы я могъ запретить вамъ, маркизъ, проходить мимо оконъ моего дома!

— Это почему?

— И вы еще спрашиваете! сказалъ Депортъ, почти плача. Какія намѣренія могутъ оправдать ваше желаніе?

— Какъ знать, Депортъ! Можетъ-быть, я имѣлъ честь разговаривать съ двумя будущими герцогинями! Грядущее закрыто! И чѣмъ эта Комбалé, эта герцогиня Эгильіонская, лучше твоихъ дамъ? Такая же бѣдная французская дворянка. Племянница кардинала Ришліё, и только!

— Это одно изъ тѣхъ обѣщаній, о

которыхъ вы говорили въ Сенъ-Жерменъ?

— Дай срокъ, Депортъ, значительно отвѣчалъ Сенъ-Марсъ: и я докажу.

Вошелъ Гаръ-Піонъ.

— Господинъ Гордъ говоритъ, что король дожидается васъ уже въ Луврѣ.

— Прощай, Депортъ! Мы успѣемъ переговорить. Пріѣзжай въ Сенъ-Жерменъ.

— Когда прикажете!

— Сегодня; сейчасъ.

ГЛАВА XI.

УСЛОВІЕ.

Сенъ-Марсъ ушелъ съ Гаръ-Піономъ.

— Куда пошли дамы? спросилъ Сенъ-Марсъ на лѣстницѣ.

— Извѣстное дѣло, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, въ церковь....

И онъ вѣроятно бы сказалъ все, если бы Гойко не дернулъ его сзади за полу.

— Въ какую церковь? спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Оно бы можно сказать вамъ, маркизъ, отвѣчалъ Гойко, да господа не приказывали.

— Вотъ тебѣ, любезный другъ!

Сенъ-Марсъ сунулъ Гойкѣ денегъ.

— Что́, Гаръ-Піонъ, вѣдь маркизъ насъ не выдастъ!

Гаръ-Піонъ покраснѣлъ и закрутилъ единственный свой усъ.

— Ну, товарищъ! капитанъ, и уходя, своихъ не забываетъ.

И нѣсколько золотыхъ монетъ зазвенѣли въ рукѣ Помпея.

— Только не выдайте, капитанъ! отворотясь говорилъ Гаръ-Піонъ: по сосѣдству, къ Святому Роху.

— Ради Бога, маркизъ, спѣшите! сказалъ Гордъ, ожидавшій Сенъ-Марса на крыльцѣ.

— Да какъ же я поспѣшу безъ носилокъ или безъ кареты!

— Далеко-ли!

— Пѣшкомъ!... Покорнѣйше благодарю!... у меня нога болитъ.... Я потащусь шажкомъ, а вы бѣгите и пришлите за мною носилки къ церкви Святаго Роха.

Гордъ бросился со всѣхъ ногъ по улицѣ, ворча про себя:

— Капризный мальчишка! Старые дворяне должны бѣгать за носилками для безбородаго любимца!

—

Джудита и Эвелина изъ притвора церкви видѣли, какъ вошелъ Сенъ-Марсъ и осматривалъ всѣхъ молельщицъ.

— Не станемъ, сказала Джудита, оскорблять святыни грѣшными мыслями и насмѣшками. Пока онъ ищетъ насъ въ противоположномъ притворѣ, уйдемъ.

Сенъ-Марсъ обошелъ всѣ притворы, всѣ скамьи, и съ досадой вышелъ на паперть, гдѣ Гордъ стоялъ уже съ носилками.

— Меня обманули! сказалъ онъ съ досадой. Впрочемъ, у меня есть еще съ кѣмъ увидѣться передъ отъѣздомъ. Воатюръ не даромъ говоритъ, что число, мною избранное, самое счастливое. Семь любовницъ и одна любовь: это верхъ Овидіева искусства!... Но зачѣмъ онъ это пишетъ! Проклятыя его письма читаютъ вездѣ, отъ гостиной Рамбулییетскаго Дворца до уборной королевы.

— Король сердится, замѣтилъ Гордъ, и Сенъ-Марсъ, вскочивъ въ носилки, закричалъ со злостью:

— Несите, несите!

— На что́ это похоже, Сенъ-Марсъ? сказалъ король. Вы заставляете меня дожидаться два часа въ этомъ скучномъ

Луврѣ, гдѣ бы я не желалъ оставаться минуты! Пусть кардиналъ дѣлаетъ съ вами, что́ хочетъ; пусть назначитъ васъ маршаломъ противъ Бульіона; все, что̀ ему угодно. — Гордъ! вы поѣдете со мной въ Сенъ-Жерменъ, а маркизъ потрудится отнести эту записку къ кардиналу.

Король ушелъ съ Гордомъ, бросивъ на столъ запечатанную записку. Въ галереѣ Людовикъ остановился и спросилъ:

— Ну, что́ Сенъ-Марсъ?

— Задумался отвѣчалъ Гордъ.

— Можетъ-быть, и совсѣмъ обдумается! Кажется, я схитрилъ удачно. Ѣдемъ, ѣдемъ, Гордъ!

Сенъ-Марсъ точно задумался: но объ чемъ? Письмо Воатюра опять пришло на умъ молодаго волокиты.

— Семь! Нѣтъ, Воатюръ. Не семь, а десять.... Но тринадцати никогда не будетъ! И эти двѣ.... О, какъ еще далека побѣда!.... Конечно, Джудита.... Но передъ отъѣздомъ надобно кончить это дѣло.... надобно увѣриться....

Сенъ-Марсъ спряталъ записку, и побѣжалъ почти бѣгомъ по длиннымъ галереямъ, говоря съ дѣтскимъ веселіемъ:

— Слава Богу, хоть отсрочку подарилъ король! Часа два, три промедлить можно.

—

— Что́ это все значитъ, Джудита? спросилъ Депортъ, когда Джудита, возвратясь изъ церкви, и не снимая своего богатаго костюма, вошла въ гостиную съ Эвелиной.

— А что́ такое?

— Да я ничего не могу понять въ вашемъ поведеніи!

— Да и не трудитесь, Депортъ! Мои загадки замысловатѣе вашихъ. Сколько лѣтъ я плакала и одиночествовала какъ вдова Корнеля!.... Мнѣ понравилась философія вчерашней комедіи, и я рѣшилась послѣдовать совѣтамъ житейскаго мудреца. А вы, сдѣлайте милость, не мѣшайтесь въ мои дѣла, какъ я не мѣшаюсь въ ваши, и поѣзжайте куда-нибудь, потому что вы скоро будете лишнимъ въ нашемъ обществѣ.

— Нѣтъ, Джудита! не забудьте, что подъ нашимъ попечительствомъ сирота; за ея нравственность мы отвѣчаемъ. Можно ли мнѣ позволять, чтобы невинная Эвелина смотрѣла на такіе примѣры безстыдства и соблазна? Скажите, когда вы успѣли познакомиться съ Мазарини, съ д'Орбиньи?... съ однимъ поссориться, съ другимъ подружиться? Какъ мужъ, я требую отчета.

— Но вы пропустили Сенъ-Марса, Депортъ. Я не уступлю его Эвелинѣ,

клянусь, не уступлю! Онъ мнѣ нравится; онъ еще ребенокъ, и я займусь его воспитаніемъ.

— Но какъ это вы.... до сего времени такая скромная, такая постоянная.... и вдругъ три любовника!

— А мнѣ казалось, что я угождаю вамъ, помогаю вашимъ намѣреніямъ; строю ваше счастіе и судьбу дѣтей моихъ!.... Неужели жена такого важнаго придворнаго, королевскаго любимца, должна оставаться при мѣщанскихъ правахъ, съ уличными пріемами, и въ нашъ вѣкъ не имѣть ни одного любовника, когда у другихъ знаменитыхъ дамъ считаютъ ихъ дюжинами?... Вотъ, Эвелина, благодарность за наши старанія. Такъ я никогда не буду маркизой, герцогиней, даже дворянкой? Посмотрите: Хукіеру король подарилъ шпагу; а вы совсѣмъ безъ честолюбія, Депортъ. Я это замѣтила, и сама принялась за дѣло.... Я рада даже съ Мазарини помириться, но только цѣною шпаги моему Филиппу.

— Ангелъ мой, Джудита, наконецъ ты взялась за умъ!

— Другъ мой, лѣта — самые убѣдительные совѣтники.... Но ты сегодня сидишь дома, а теперь одинъ день стóитъ года?

— Твоя правда. Прощай!

— Прощай, мой другъ! Не правда ли, и тебѣ и мнѣ теперь веселѣе?

— Я въ раю, Джудита!... И ты сегодня же увидишь, какъ я тебя хорошо понялъ.

Депортъ, выходя на улицу, встрѣтилъ Сенъ-Марса уже на крыльцѣ своего дома.

— Ахъ, маркизъ! вы опоздали одной минутой, сказалъ опечаленный Депортъ: онѣ уѣхали за городъ съ какимъ-то кавалеромъ.

— Какъ! А вы не знаете кто онъ?

— Да какое мнѣ дѣло? Дряхлый богачъ; пусть дурачится: на этихъ Адонисовъ я гляжу сквозь пальцы.

— Куда же вы теперь?

— Есть небольшое дѣло; а потомъ въ Сенъ-Жерменъ, по обѣщанію.

— Пріѣзжайте, пріѣзжайте! А я на-минутку къ кардиналу.

Оба бросились, каждый въ свою карету, и разъѣхались.

— Ординарный живописецъ Филиппъ Депортъ! сказалъ за дверьми слуга.

— Всѣ двери настежъ! закричалъ Мазарини, вскочивъ съ креселъ.

— Теперь вы мнѣ родной, говорилъ аббатъ, обнимая Депорта: но такой, съ которымъ надо вести тяжбу до конца жизни.

— Нельзя ли, Господинъ Аббатъ кончить полюбовной сдѣлкой? отвѣчалъ Депортъ сухо и холодно.

Аббатъ взбѣсился и закричалъ:

— Можно, неаполитанскій каменщикъ, можно!... если не хотите опять висѣть: только не на потолкахъ!

— Кчему такая горячка, капитанъ? Не знаю, кто̀ будетъ въ накладѣ. Шантлу еще не уѣхалъ, и король будетъ просить святѣйшаго отца о бѣдной Джудитѣ....

— Вы съ ума сошли, любезный Депортъ! Сказки вышли изъ моды, и я слишкомъ долго щадилъ васъ.... Но приступимъ къ сдѣлкѣ прямо, откровенно; отложимъ тонкости политической науки, все въ сторону: насъ должно занимать только дѣло.... Во-первыхъ, мои дѣти должны мнѣ быть выданы сегодня же.

— Этотъ пунктъ можете рѣшить съ Джудитой.

— Но она не согласится меня видѣть.

— И! перестаньте! Это только такъ, отъ внезапности.

— Стефано! Стефано! закричалъ Мазарини: одѣваться.

— Э, нѣтъ аббатъ! позвольте!... Даромъ ни шагу! Гдѣ залоги вашей скромности?

— Возьмите, назначьте все, что́ хотите!

— Безъ шутокъ, аббатъ?

— Безъ шутокъ!

— Такъ этотъ крестъ будетъ мнѣ залогомъ.

Депортъ схватилъ каноническій крестъ, лежавшій на столѣ.

— Нельзя, Депортъ! сказалъ Мазарини, поблѣднѣвъ.

— Нельзя иначе, аббатъ. На другія условія я не соглашаюсь.

— Дайте мнѣ его на минуту.

— Ни на мгновеніе.... Угодно?

— Нѣтъ!

— Такъ прощайте!

Онъ положилъ крестъ на свое мѣсто.

— Извольте, извольте!... такъ и быть! съ улыбкой сказалъ аббатъ, взялъ крестъ и пожалъ пружинку; смертная блѣдность покрыла лицо Мазарини; онъ бросился къ дверямъ и въ бѣшенствѣ закричалъ:

— Гдѣ, гдѣ онъ?

— Въ моихъ рукахъ! отвѣчалъ Де-

портъ, показывая горсть плотно сложенныхъ бумажекъ.

— И пока въ моемъ домѣ! сказалъ аббатъ, заперъ двери и положилъ ключъ въ карманъ.

— Но какой же залогъ вы можете предложить мнѣ въ замѣнъ этихъ ничтожныхъ бумажекъ? спросилъ Депортъ, протянувъ руку съ записками въ растворенное окно.

— Все, что́ вамъ угодно! Герцогство, когда буду министромъ.

— Такъ пока вы будете министромъ, не угодно ли пожаловать мнѣ шпагу.

— И только? спросилъ обрадованный Мазарини.

— Только, на-сегодня. Шпага — ключъ къ моему дому; все прочее зависитъ отъ Джудиты: вы съ ней поладите! Она готова помириться.

Кто-то постучался у дверей.

— А, кстати, Стефано!... носилки! я ѣду къ кардиналу, сказалъ Мазарини громко, а потомъ, понизивъ голосъ: за дворянствомъ Депорту.

— Кардиналъ уѣхалъ въ Рюэль, отвѣчалъ Стефано.

— Такъ лошадей!

— Вотъ наши тайны, аббатъ. До свиданія! Не забудьте условія.

— Слава Богу! говорилъ Мазарини, оставшись одинъ и во второй разъ пересчитывая бумажки: отдѣлался довольно дешево!

ГЛАВА XII.

РЮЭЛЬ.

Кардиналъ лежалъ въ постели въ углу обширной залы рюэльскаго зáмка; де-Нойè сидѣлъ въ той же залѣ за столомъ и писалъ. Въ противоположномъ углу стоялъ кардинальскій оркестръ, лучшій въ то время во всей Франціи, и наигрывалъ различныя сочиненія Модюи и Кустó. Кардиналъ дремалъ; но коварная улыбка не оставляла крѣпко сжатыхъ губъ его. Кошекъ цѣлое стадо играло на коврахъ. Окна были завѣшены. Тишина прерывалась однообразными, безцвѣтны-

ми гармоніями оркестра, и это какъ-будто усиливало мрачность печальной залы.

— Довольно! сказалъ кардиналъ, когда музыканты окончили съ полъ-дюжины піесъ: отдохните.

Музыканты, положивъ инструменты, удалились.

— Брось, де-Нойé! Право, надоѣло! И тебѣ пора ѣхать.

— Всегда, ваша эминенція, послѣ побѣды дѣлаетесь лѣнивыми, отвѣчалъ секретарь: а если еще и мы залѣнимся, такъ ваши блистательные подвиги не принесутъ ни какихъ послѣдствій.

— Нѣтъ, де-Нойѐ, это сотая побѣда, и сладость успѣха съ каждою уменьшается.... Мы помирились съ королемъ, правда; но онъ не выдалъ доносчика, того, кто увѣдомилъ его о седанскомъ возмущеніи.

— Надо настоятельно разспросить Сенъ-Марса.

— Ахъ, де-Нойé! жалобно сказалъ кардиналъ, на Сенъ-Марса я давно уже не полагаюсь; онъ лжетъ мнѣ безсовѣстно, скрываетъ королевскіе разговоры. Онъ слишкомъ старъ для службы: она ему надоѣла. Бывало, я зналъ отъ него малѣйшія подробности; всѣ восклицанія короля онъ собиралъ слѣпо и приносилъ

ихъ сюда, въ эту самую залу, безъ зову, каждый день. Теперь я долженъ посылать за нимъ. Приставилъ ты къ Сенъ-Марсу дядьку этого Сентъ-У: да что́ въ томъ пользы!.... они видятся разъ въ день, и то не всегда; и, если я не ошибаюсь, Сенъ-Марсъ замѣшанъ, вовлеченъ, въ бульіонскую исторію... Но, де-Нойе́, пора тебѣ ѣхать. Нельзя ли въ Сенъ-Жерменѣ какъ-нибудь открыть доносчика?

— Я прикажу Депорту.

— Именно, именно.... Только надо его поощрить чѣмъ нибудь.

— Я много думалъ объ этомъ, но вотъ бѣда, что онъ какъ живописецъ — самый ничтожный, безталантный человѣкъ, и нельзя придумать предлога для награды. По Лувру онъ мнѣ помогъ, признаюсь; перессорилъ всѣхъ, и заставилъ самого Вуэ просить о своемъ увольненіи.

— Конечно, ты не колебался?

— Ни одной минуты!... Но представьте и мое положеніе: Вуэ отказался, Пуссенъ не ѣдетъ; а галерея лежитъ въ развалинахъ.

— Шантлу привезетъ Пуссена.

— А если тотъ не согласится?

— Я послалъ съ нимъ надежныхъ слугъ.

— Но что́ скажутъ?

— И это спрашиваешь ты!... Что́ скажутъ? Скажутъ, что́ прикажемъ.

— Но посланники....

— Одинъ шведскій сумазбродъ напишетъ объ этомъ къ Оксенштернѣ посланіе въ латинскихъ стихахъ: стихи будутъ скучны, потому что нѣтъ ничего скучнѣе философскихъ стиховъ: не дочитаютъ; а Пуссенъ, изъ приличія, принужденъ будетъ заняться дѣломъ.... Но, де-Нойе́, не забудь, что Лувръ долженъ быть монументомъ Ришліё, а не арсеналомъ, на который онъ такъ теперь походитъ. Еще: не упускай изъ виду, что король полагаетъ, будто онъ на зло мнѣ вызвалъ Пуссена.... Ну, поѣзжай, поѣзжай; а по дорогѣ вели подать лампы, и пусть позовутъ Корнеля; онъ опять что-то склеилъ: пусть прочитаетъ; а тебѣ надобно ѣхать... Брось, говорю!

— Сейчасъ; ваша эминенція позволите мнѣ окончить статью въ газету о возмущеніи Бульіона.

— Я какъ-будто предчувствовалъ, что ты занимаешься тѣмъ, чего не нужно! Я увѣренъ, что король уже написалъ статью собственноручно и послалъ къ газетчикамъ.

— Но она не была еще у вашей эминенціи.

— Весьма естественно; потому что газетчики не успѣли прислать... Поѣзжай, поѣзжай!.. а мнѣ пришли лампы и Корнеля.

Де-Нойé исполнилъ приказаніе кардинала. Лампы зажглись и освѣтили въ углу залы мрачную фигуру съ длинными локонами у висковъ; темя, откуда волоса уже сбѣжали, покрывала шапочка; воротнички не ровно выходили отъ шеи и висѣли на черномъ однобортномъ камзолѣ; подъ черной, изношенной мантіей скрывалась шляпа и толстая тетрадь; рѣдкіе усы дурно осѣняли губы, на которыхъ, казалось, не бывало никогда улыбки.

— Здравствуй, мой благой рифмачъ! сказалъ кардиналъ съ злобной улыбкой: мнѣ первому?... не правда ли?

— Ктó же лучше вашей эминенціи можетъ оцѣнить трудъ музы? отвѣчалъ Корнель.

— А вѣрно обманываешь!... Племянница мнѣ уже говорила...

— Объ отрывкахъ, можетъ-быть, которые я имѣлъ счастіе случайно прочесть моей благодѣтельницѣ герцогинѣ наизустъ.

— Но, по-крайней-мѣрѣ, моей племянницѣ, которая, такъ же, какъ и я, покровительствуетъ руанскаго Сенеку...

— Въ Руанѣ некому играть моихъ піесъ.

— А въ Парижѣ много счастливыхъ соперниковъ.

— Ни одного, съ гордостью сказалъ Корнель.

— Какъ ни одного! спросилъ кардиналъ, подымаясь съ постели.

— Кромѣ вашей эминенціи.

— То-то же! Я вѣдь имѣлъ время привыкнуть къ лести.

— Заслушались, ваша эминенція, и откровенное мнѣніе своего Корнеля смѣшиваете съ панегириками тайныхъ враговъ.

— Полно, полно! Садись; читай.

Корнель самъ взялъ небольшой налой, покрытый атласною подушкой съ кружевами, и поставилъ у постели кардинала; поправивъ лампы, усѣлся и началъ читать.

— «Поліевктъ мученикъ, христіанская трагедія».

— Вотъ это твое дѣло!... а то писать Сида!... Ужъ извини, до-сихъ-поръ немогу понять какъ ты могъ написать такую плохую піесу.

— Кто же безгрѣшенъ. И если бы я зналъ, что Сидъ навлечетъ на своего отца такое продолжительное негодованіе....

— Совсѣмъ не продолжительное, по-

тому что я и забылъ про Сида, не лишилъ тебя милостей, и даже принялъ посвященіе Горація, хотя и эта піеса, и Синна, извини, еще далеки отъ Ротру и Котеллѐ, и еще нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеній. Я тебя не унизилъ ни въ какомъ случаѣ, и даже назначилъ пятымъ авторомъ, для сочиненія театральныхъ піесъ вмѣстѣ съ Этоалемъ, Боароберомъ, Котеллѐ и Ротру. Изъ этого ты видишь, что я тебя считаю человѣкомъ съ талантомъ; но что́ правда, то правда: самонадѣянность тебя погубитъ.

— Я еще такъ недавно изучаю правила, что не успѣлъ совершенно ихъ себѣ усвоить.

— А! признаешься?.... Такъ зачѣмъ же, по угламъ нападаешь на такихъ людей, которые никогда не погрѣшили противъ правилъ, а по таланту выше тебя?... Да и развѣ я даромъ учредилъ Французскую Академію, этотъ храмъ литературной Весты?

Корнель улыбнулся. Ришліё опять привсталъ.

— Чему ты смѣешься? Не хочешь ли и ты подражать маркизу де-Коку? Не думаешь ли и ты, подобно литераторамъ Сенъ-Мишельскаго Моста, что я устроилъ академію для того, чтобы она превозносила меня похвалами и защищала отъ нападеній

маркиза и другихъ рыночныхъ пасквилантовъ?... Я не преслѣдую судомъ моихъ площадныхъ непріятелей: я отвѣчаю имъ самъ, собственноручно, безъ вашей помощи.

«Да, подумалъ Корнель: но съ помощью Бальзака!»

Кардиналъ какъ-будто прочиталъ въ душѣ Корнеля.

— Бальзакъ! Я знаю, кому я обязанъ этой глупой клеветой. Виноватъ ли я, что Бальзакъ и Ноде́ влюбились въ книгу Маккіавеля и, какъ умные люди, умѣли смотрѣть на наше время съ надлежащей точки зрѣнія?.... Я имъ не могъ дать взаймы ума и слогу!.... Кажется такъ?... И удивляюсь, какъ это, до-сихъ-поръ, никому не пришло въ голову приписать мои трагедіи кому-нибудь изъ академиковъ!

— Онѣ слишкомъ оригинальны, замѣтилъ Корнель, и не походятъ на произведенія господъ академиковъ.

— Ну, нѣтъ, отвѣчалъ кардиналъ, скромничая: и Котелле́, и Ротру, писали нѣсколько въ моемъ родѣ.... Да, да, я теперь вспомнилъ: маршалъ Марильякъ говорилъ въ Италіи, будто я купилъ мои піесы у Ротру..... но я за это не сердился.

«Такъ! подумалъ Корнель: простилъ,

когда голова Марильяка скатилась съ эшафота!»

— Одно меня утѣшаетъ, сказалъ кардиналъ послѣ минутнаго молчанія: что у тебя мнѣ не удалось купить не піесы, ни похвалы... По-крайней-мѣрѣ ты самъ этимъ хвасталъ.

— Я, ваша эминенція? я?..

— Полно полно! Богъ съ тобой! читай!

— Нѣтъ, сказалъ Корнель съ жаромъ: это рѣшительно клевета! Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю счастіе принадлежать вашей эминенціи....

— Читай, читай! Для стиховъ у насъ времени не много.

— Аббатъ Мазарини пріѣхалъ освѣдомиться о здоровьѣ вашей эминенціи, сказалъ секретарь, отворивъ двери.

— Проси. А ты возьми свою рукопись и посиди въ библіотекѣ: я позову тебя.

Мазарини смѣнилъ Корнеля.

— Добрый вечеръ, Мазарини, сказалъ кардиналъ. Что̀? вы имѣете ко мнѣ дѣло? Если нѣтъ, такъ не хотите ли слушать новой трагедіи Корнеля?

— Хотя я не жалую вашего Корнеля, однако, служить вашей эминенціи собесѣдникомъ, это уже счастіе; гораздо удивительнѣе видѣть въ васъ опытнаго и

бѣглаго филолога нежели владыку Европы.

— Напрасно вы не любите Корнеля! Высокій, но гордый талантъ, которымъ управлять труднѣе нежели Франціей.... Прочли вы послѣднюю записку, которую я написалъ дла васъ?

— Я ее выучилъ наизустъ.

— Это — предисловіе, или первыя страницы большаго сочиненія, собственно для васъ, мой другъ. И, если я не ошибаюсь, оно вскорѣ будетъ вамъ нужно: недугъ мой усиливается, кашель также, припадки горячки стали чаще. Врачи меня ласкаютъ полнымъ выздоровленіемъ; но надо быть слишкомъ легковѣрнымъ, чтобы не видѣть близости гробу, какъ ни хотѣлось бы оттолкнуть его подальше; если бы можно сторговаться, я купилъ бы себѣ только десять лѣтъ, и дѣло французской монархіи было бы выиграно.

— Помните, Мазарини, сказалъ кардиналъ послѣ продолжительнаго молчанія: вамъ прійдется разрушать вторую половину непріятелей монархіи. Это не аристократія, которая уже ищетъ при дворѣ мелочныхъ должностей и стряпаетъ заговоры противъ меня въ темныхъ корридорчикахъ, у келій придворныхъ дамъ... самые дерзкіе... отъ-нечего дѣлать... и

это занятіе доставилъ имъ я; проводятъ все свое время въ кабачкахъ по предмѣстіямъ Парижа и гоняются за особеннаго роду женщинами, которыхъ число, благодаря счастію, размножилось довольно, чтобы занять мысли и дѣйствія французскаго дворянства. Честолюбивѣйшіе спорятъ о томъ, кому на слѣдующій мѣсяцъ владѣть сердцемъ Маріонъ де-Лормъ.... И я совѣтовалъ бы вамъ, Мазарини, уступить имъ эту прелестницу; вы и меня связываете, и себѣ можете повредить въ глазахъ Людовика.

«Старъ и боленъ, подумалъ Мазарини, а ревнуетъ!»

— Не заботьтесь о дворянахъ, продолжалъ кардиналъ: они поставлены на такую соблазнительную дорогу, съ которой не сманятъ ихъ ни Генрихъ IV, ни Карлъ Великій. Но вамъ предстоитъ борьба съ тѣми кастами, между которыми трудно водворить средства, разрушающія силу, и, признаюсь вамъ, выборъ мой палъ на васъ потому болѣе, что предстоящая борьба требуетъ всей вашей хитрости: а вы одарены этимъ качествомъ въ высочайшей степени, вы обманываете даже меня.

— Ваша эминенція!...

— Полно, Мазарини! я говорю это безъ упрека, потому что, гдѣ нужно, и я съ вами дѣлалъ и дѣлаю то же.... Съ

моею смертію должны возникнуть новые вопросы, и вопросы, которые обнаружатся только послѣ моей смерти; но, чтобы вы могли предвидѣть ихъ, вамъ мало моихъ комнатныхъ наставленій: вамъ надо дѣйствовать, принять участіе въ управленіи, и потому сегодня, при второмъ нашемъ свиданіи съ королемъ, его величество пожаловалъ васъ совѣтникомъ: и завтра поѣзжайте въ Сенъ-Жерменъ, вмѣстѣ съ другими, принять приказанія короля передъ его отъѣздомъ.

— Какъ! развѣ король ѣдетъ?

— Въ испанскій походъ не удалось, такъ ѣдетъ въ Ренсъ чинить въ городѣ судъ и расправу.

— Я уже и не благодарю вашей эминенціи за отцовскую обо мнѣ заботливость; но это бремя, которое вы почти насильно на меня возлагаете, будутъ сильно оспаривать....

— Надѣюсь, не королева! А, между нами, она ближе всѣхъ къ власти, и вы не сердитесь, если я принужденъ былъ недавно напомнить, что Ришліе еще не умеръ.

— Говоря откровенно, урокъ ей нуженъ и для меня.

— Видите, mio caro! видите, какая у васъ правительственная сообразительность!.... мы поссоримся, а вы насъ помирите!

— Я одного не понимаю: почему ваша эминенція даете извѣстность своимъ намѣреніямъ на счетъ меня?

— Вы шутите, Мазарини! вы очень хорошо знаете мое мнѣніе, но хотите услышать его въ словахъ! Весьма просто: Франція и Европа должны привыкнуть къ этой мысли, и, когда вы пріймете управленіе дѣлами государства, никто не будетъ думать, что случилась дѣйствительная перемѣна: Ришліе умеръ, а все еще продолжаетъ управлять Франціей по тѣмъ началамъ, на которыхъ основалось ея счастіе и величіе! Всякій другой такъ бѣденъ умомъ, что захочетъ дѣйствовать по-своему: и въ одинъ годъ потеряны всѣ плоды моихъ трудовъ.... а, не забудьте, что многія мои дѣйствія или еще въ цвѣту, или только поднимаются изъ земли нѣжными отпрысками. Одинъ Мазарини столько уменъ и глубокъ, что, насаждая свое, дастъ возможность оплодотвориться моимъ начинаніямъ.

— Великій человѣкъ!.... О! если бы вы могли видѣть самую будущность, а не однѣ только надежды!

— Любезный сынъ! въ государственной опытности пріобрѣтается и нѣкотораго роду способность къ предвѣдѣнію.

— Боюсь, что на первомъ шагу вели-

кимъ и безкорыстнымъ намѣреніямъ вашей эминенціи помѣшаютъ любимцы.

— Куклы! Я ихъ самъ выкроилъ и сшилъ, самъ и выброшу: пустяки!

— А на рынкахъ говорятъ сильно про министерство Сенъ-Марса и де-Ту.

— Де-Ту лишенъ мною всѣхъ должностей, удаленъ отъ двора, и вотъ, посмотрю, можетъ-быть, пошлю его куда-нибудь съ порученіями: людей съ безпокойнымъ умомъ и острыми талантами надо употреблять такъ, чтобы они могли дѣйствовать этимъ умомъ и этимъ талантомъ безъ эпитетовъ. Безпокойство ума можно передѣлать въ тщеславіе, остроту въ хитрость: надо подумать, нельзя ли изъ де-Ту сдѣлать хорошаго посла; только, изъ ученыхъ рѣдко выходятъ порядочные государственные люди. Вотъ и примѣръ на-лицо: шведскій посланникъ..... Что́ касается до Сенъ-Марса, то сто́итъ только разлучить его съ де-Ту, отыскать ему красавицу въ королевскихъ паркахъ или въ сенъ-жерменскомъ предмѣстьѣ, выдать за-мужъ Марію Неверскую — и честолюбіе господина великаго лишится пищи. Впрочемъ, онъ, я думаю, и самъ понимаетъ нелѣпость подобныхъ предположеній.

— О, напротивъ! онъ-то и проговорился; а де-Ту такой глупости никогда не сдѣлаетъ.

— А! проговорился? спросилъ кардиналъ, уставивъ на Мазарини свои сѣрые глаза и крѣпко сжавъ губы.

Послѣ мгновеннаго молчанія кардиналъ продолжалъ:

— Какъ же я объ этомъ ничего не знаю? Пожалуй, они въ самомъ дѣлѣ составятъ кабинетскій заговоръ, а я объ немъ узнаю подъ ножомъ убійцы! И такъ меня недавно засталъ врасплохъ герцогъ Орлеанскій!... Я три дня молился потомъ, и благодарилъ Богородицу за трусость Гастона.... Нашумѣлъ, накричалъ, хватался за эфесъ, и все кончилось тѣмъ, что онъ же оставилъ Парижъ, а теперь пріѣзжаетъ въ столицу тайно и боится своей тѣни. Надо бы его разъ попугать... да я боленъ, а безъ себя нельзя позволить такой шутки.... Такъ Сенъ-Марсъ проговорился?.... Гм!.... нечего дѣлать, надобно его образумить, вымыть голову, и онъ успокоится.... Главная наша забота, Мазарини, должна быть маленькая шапочка, а прочее уладимъ....

Мазарини вздохнулъ.

— Не печальтесь! сказалъ Ришліе: Шантлу привезетъ ее вмѣстѣ съ Пуссеномъ. На этотъ разъ хитрости и библіотека Барберини не помогутъ. Ну, теперь мы довольно наговорились; станемъ слушать.

Мазарини сдѣлалъ видъ, будто ничего не понялъ и, вставъ, сказалъ почтительно:

— У меня есть просьба, въ которой ваша эминенція мнѣ вѣрно не откажете.

— Разумѣется! отвѣчалъ кардиналъ.

— Подарите вашему Депорту дворянство.

— Съ удовольствіемъ! Я и самъ думалъ, какъ бы поощрить этого способнаго человѣка: но не овладѣетъ ли и этимъ пресмыкающимся твореніемъ демонъ честолюбія?

— Нѣтъ! Я въ этомъ убѣдился. А онъ намъ нуженъ.

— Скажите, неужели вы ходатайствуете за него изъ благодарности за похищеніе сожженныхъ писемъ?

— Именно! отвѣчалъ Мазарини, нѣсколько смѣшавшись: и въ похищеніи любовныхъ писемъ я замѣтилъ его расторопность. Жаль, что онъ принесъ только пепелъ: какъ бы ваша эминенція похохотали, если бы могли прочесть ихъ содержаніе!

— А что́ такое?

— Да это письма отъ его жены!

— А! такъ вотъ заслуги для полученія дворянства.

— Ваша эминенція!.... каюсь.... но умоляю.

— Смѣшно! сказалъ Ришліе, садясь за письменный столъ и пиша записку: кардиналъ помогаетъ аббату въ любовной интригѣ!

— Каждая минута бесѣды съ вами, сказалъ Мазарини, увѣряетъ меня, что я нашелъ отца въ вашей эминенціи.

— А я наслѣдника, вполнѣ достойнаго, отвѣчалъ кардиналъ, улыбаясь и ложась на постель. — Но, продолжалъ онъ: какимъ образомъ вы познакомились съ женою Депорта?

— Это исторія капитана Мазарини, а я не хочу, чтобы она стала извѣстна въ Парижѣ. Тайна сто́итъ дворянства.

— Справедливо, мой другъ; потому что, закрыть ее иначе, значило бы потерять способнаго Депорта.

Помолчавъ нѣсколько, Ришліе продолжалъ весьма важно, размѣрно, лежа и зажмуривъ глаза:

— Ну! теперь вы должны быть довольны. Я сдѣлалъ все, чего вы желали, но я не доволенъ вами, синьоре Мазарини! Да, да! я недоволенъ вами! Вы получили отъ герцога Оливареса въ картинахъ письма. Ихъ содержаніе: ходатайствовать за герцога Вандомскаго и его друзей, покровительствовать герцогамъ Орлеанскому, Соассонскому, Буліонскому, Гвизу, и всѣмъ бунтовщикамъ, или князь-

ямъ Мира; тамъ были копіи съ писемъ королевы-матери; тамъ были золотыя горы обѣщаній.... Конечно, вы посмѣялись предположеніямъ, но вы сожгли письма. Второе: капуцинъ Барберини, на книгѣ, увѣдомилъ васъ о постыдномъ условіи, безъ чего, по его мнѣнію, вамъ не бывать кардиналомъ. Ложь!

Рука Ришліе поднялась и стукнула по налою. Кардиналъ продолжалъ:

— Ложь! Вы будете кардиналомъ. Я исправлю вашу хитрость, дамъ ей другое направленіе, окончу ваше воспитаніе: а капуцинъ больно ошибется!.... Ну, теперь давайте руку.

И Ришліе довольно сильно пожалъ дрожащую руку Мазарини.

— Вы сердитесь, ваша эминенція?

— Вы еще живы, свободны.... значитъ, я простилъ васъ.

— Благодѣтель!

— Д'Эфіа́, маркизъ де-Сенъ-Марсъ, доложилъ секретарь.

— Что́ за чудо? Безъ приглашенія! Уйдите, Мазарини, въ библіотеку и потолкуйте съ Корнелемъ. И его приласкать не мѣшаетъ. Онъ хвалитъ меня противъ сердца: такъ не худо благовременно заставить его приготовить похвалу и для васъ.... Ступайте, ступайте! Сенъ-Марсъ идетъ!

Вошелъ Сенъ-Марсъ и, не произнося ни одного слова, подалъ записку кардиналу.... Ришліе прочелъ; лицо старика побагровѣло, страданія скорчили уста, но не помѣшали встать и принять видъ ужасный.

— Что́ это значитъ, Сенъ-Марсъ? До чего вы дошли? Вы вывели изъ терпѣнія добрѣйшаго короля, заставили жаловаться?

— Ничего не знаю, отвѣчалъ Сенъ-Марсъ, опустивъ глаза и снявъ шляпу.

— Что́ вы дѣлали въ Вандомскомъ Дворцѣ?

— Волочился за хорошенькими.

— А въ Бульіонскомъ?

— Тоже.

— Тоже? Но васъ не видали на лакейскомъ балѣ.

— Я былъ въ маскѣ.

— Снимите же ее теперь, Сенъ-Марсъ! Слышите? Снимите; нето я сорву, и будетъ худо.

— Господинъ кардиналъ! вы такъ привыкли казнить герцоговъ, что маркизовъ считаете ниже черни изъ предмѣстій.

— Это что́? это что́? закричалъ кардиналъ, и губы его посинѣли, задрожали: вы слишкомъ много себѣ позволяете! Не забывай, что я устроилъ твое счастіе, и что я могу слишкомъ скоро его разрушить: если ты не будешь себя вести съ

бо́льшимъ благоразуміемъ и съ почтительностію, то я тебя велю выгнать какъ лакея изъ Сенъ-Жерменя!

Сенъ-Марсъ вспыхнулъ и рука невольно повернулась къ шпагѣ, но ея не было: она осталась въ передней, въ рукахъ стражи. Кардиналъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и сталъ звонить. Сбѣжались пажи и люди: кардиналъ успокоился.

— Не удастся, мерзавецъ! сказалъ кардиналъ тихо: ты не каешься, и я сажусь писать записку о твоемъ увольненіи.

Сенъ-Марсъ опомнился. Естественное чувство мгновенно увлекло его, но онъ припомнилъ просьбы Маріи, совѣты друзей, и отвѣчалъ почтительно:

— Никогда бы я не желалъ, чтобы ваша эминенція были на моемъ мѣстѣ. Вамъ было угодно поставить меня подъ эту пытку: и виноватъ ли я, что отъ нея нестерпимая боль? Научите, какъ вести себя?

— Ты умѣлъ быть и услужливымъ и почтительнымъ: куда это все дѣвалось?

— Израсходовалось, ваша эминенція; израсходовалось.

Сенъ-Марсъ сказалъ это съ такимъ комическимъ выраженіемъ, что кардиналъ невольно улыбнулся.

— Нельзя ли занять этихъ качествъ

у кого-нибудь, пока подрастутъ собственныя?

— Постараюсь, но только вы поддержите меня.

— На меня ты не можешь жаловаться, а я на тебя могу; да не буду, а при случаѣ раздѣлаюсь.... Береги себя, Сенъ-Марсъ! — Я помирю тебя съ королемъ, продолжалъ Ришліе, развернувъ свою записку и дописывая еще что́-то: но, смотри, Сенъ-Марсъ, безъ шутокъ повторяю тебѣ, береги себя! Отдай эту записку королю и заѣзжай на-дняхъ для отчету.

— Я постараюсь достойно отблагодарить вашу эминенцію за всѣ милости.

— Ступай! ступай! Старайся удержаться въ королевской милости; на твое мѣсто я еще никого не искалъ: а пріискать не долго. Прощай.

Сенъ-Марсъ скрылся, кардиналъ легъ и сказалъ тихо:

— Позовите Мазарини и Корнеля!

Чтеніе трагедіи началось и продолжалось безъ дальнѣйшихъ препятствій. Секретарь докладывалъ о пріѣздѣ разныхъ лицъ, но всѣмъ отказывали по поводу занятій военными дѣлами.

ГЛАВА XIII.

МИСТЕРІЯ.

Было очень поздно, но король, противъ обыкновенія, еще не былъ совершенно одѣтъ: шляпа и короткая мантія уединенно лежали на двухъ подушкахъ. Весь дворъ былъ отпущенъ; только Дюбоа, сонный, торчалъ въ одномъ углу комнаты, а въ другомъ чинно стоялъ Депортъ, не сводя глазъ съ неспокойнаго Людовика. По всему Сенъ-Жермену часы проиграли и пробили десять.

— Еще полчаса, можетъ-быть и часъ! сказалъ Людовикъ, ходя по комна-

тѣ. — Ну, что́, Филиппъ? много новостей въ Парижѣ? что̀ говорятъ про Буліона?

— Я не вдаюсь въ эти разговоры, ваше величество! Мое дѣло кисть, школа, служба.

— И прекрасно дѣлаешь! Если бы каждый былъ занятъ только своимъ дѣломъ, благоденствіе Франціи не нуждалось бы въ этихъ кровавыхъ средствахъ! Я написалъ сегодня объ этомъ въ газету. Не знаю, напечатаютъ ли; а, кажется, мнѣ удалось изложить этотъ вопросъ весьма хорошо, вразумительно: этакъ и де-Нойе́ не напишетъ. А кстати, пріѣхалъ ли де-Нойе́?

— Давно, ваше величество, отвѣчалъ Дюбоа: и, полагаю, уже спитъ.

— Спитъ?... Кардиналисты не спятъ: это мы съ тобой ложимся въ девятомъ часу, а кардиналисты работаютъ..... Я считалъ де-Нойе́ человѣкомъ правдивымъ; но воздухъ кардинальскаго дворца заразителенъ. И Сенъ-Марсъ не ѣдетъ!..... вѣрно посадили его въ рюэльскую башенку на замо́къ.... Желалъ бы, очень желалъ бы!

— Ваше величество, робко произнесъ Депортъ: съ вашимъ небеснымъ сердцемъ можно простить молодости. Сенъ-Марсъ такъ васъ любитъ, такъ мучится, что не умѣетъ угодить вамъ, государь!.

по-необходимости, онъ избралъ меня своимъ наперстникомъ, и если что́ возмущаетъ его нѣжныя чувства, такъ это уничиженіе, къ которому принуждаютъ его сильнѣйшіе.

Король улыбнулся и, послѣ мгновеннаго размышленія, отвѣчалъ:

— Онъ самъ построилъ себѣ эту клѣтку; надо было слѣдовать моимъ намѣреніямъ, угадывать мои желанія, а онъ и до-сихъ-поръ ничего понять не хочетъ: оскорбляетъ меня непозволительными связями, волочится за всѣми садовницами и лѣсничихами.... вѣтренъ какъ кокетка: и въ какое время?... именно тогда, когда бы слѣдовало думать да думать. Вотъ и попался!... Я не виноватъ.... онъ долженъ мстить не мнѣ.

Король покраснѣлъ, сказавъ это; потомъ, обращаясь къ Дюбоа, спросилъ:

— А что̀ Гордъ?

— Не возвращался еще отъ газетчиковъ.

— Любезные друзья, поскучайте со мною; пожертвуйте одною ночью.... Но, Дюбоа, если не ошибаюсь....

Дюбоа, не трогаясь съ мѣста, поглядѣлъ на окно и сказавъ торопливо: Точно такъ, ваше величество» — ушелъ во внутренніе покои.

— Ступай, Филиппъ, и сторожи Гор-

да: когда онъ пріѣдетъ, приходите ко мнѣ оба.... Нѣтъ, лучше обождите: я позову васъ.

Прошло нѣсколько минутъ: двери изъ внутреннихъ покоевъ растворились, вошелъ незнакомецъ и за нимъ всѣ двери, одну за другою, кругомъ залы, кто-то заперъ ключемъ. Король самъ опустилъ занавѣсы оконъ и, обращаясь къ незнакомцу, шопотомъ сказалъ:

— Рѣдкое счастіе, carissime! Благодарю васъ за готовность.

Незнакомецъ былъ среднихъ лѣтъ и средняго росту; но чело изморщилось отъ неутомимаго мышленія, уста хранили улыбку довольства, внутреннее спокойствіе отражалось на умномъ лицѣ. Король взялъ его за руку и посадилъ противъ себя въ широкія кресла.

—Мы давно не видались, сказалъ король.

— Болѣе года, ваше величество, въ такой бесѣдѣ....

— Да въ церемоніальныхъ нашихъ свиданіяхъ я и не подхожу къ вамъ!.... боюсь навлечь подозрѣнія. Не разсказывать же мнѣ кардиналу, что онъ обязанъ сохраненіемъ министерской власти вамъ... Но, мудрый Гуго, я не могу его оставить на этомъ мѣстѣ долѣе: онъ не долженъ бы раздѣлять королевства съ королемъ; надо бы хлопотать о мирѣ, о

тишинѣ; а я только и слышу о возстаніяхъ моихъ вассаловъ, которые любятъ меня, и которыхъ я люблю. Посмотрите, что́ получилъ я сегодня отъ Бульіона! Прочтите, мой добрый Гуго! прочтите! Герцоги объявляютъ войну не мнѣ, а кардиналу, министерской хитрости, за меня, за мою независимость, за права лицъ и народа.

Гуго ванъ-Гроотъ, или Гроціусъ, — такъ назывался незнакомецъ, — прочитавъ письмо, положилъ его на столъ и хранилъ молчаніе.

— Избавьте меня отъ кардинала! Согласитесь заступить его мѣсто, и вы увидите, какъ я буду рѣшителенъ.

— Государь, отвѣчалъ Гроціусъ: я не забылъ вашихъ благодѣяній: я помню, какъ вы спасли меня отъ плахи и не выдали моей бѣдной головы на жертву голландскому фанатизму. Я нашелъ при дворѣ вашемъ все, но, въ придачу, и ненависть кардинала. Преслѣдованія Ришліе были нестерпимы: онъ гналъ, не меня, а мои мысли, мои мнѣнія, особенно, когда я, сидя въ Парижѣ, посредствомъ печати, сталъ защищать права европейскихъ державъ противъ Франціи.

— Зачѣмъ же вы это дѣлали, Гуго?

— Я считалъ обязанностью говорить о томъ, что́ не было извѣстно ни коро-

лямъ, ни министрамъ, а между-тѣмъ было естественнымъ закономъ всѣхъ ихъ дѣйствій. Книга моя «De Jure belli et pacis» удостоилась одобренія величайшаго изъ министровъ нашего времени: Оксеншерна усвоилъ ея начала, и Швеція съ-тѣхъ-поръ легко и удобно разсѣкаетъ Гордіевы узлы европейской политики, къ общему удовольствію. Когда нигдѣ меня не понимали, а въ Парижѣ преслѣдовали, королева Христина и Оксеншерна одни оцѣнили безкорыстіе моихъ намѣреній, пользу моей дѣятельности, и подарили мнѣ жизнь со всей ея полнотою. Швеція спокойна; могущество ея значительно, безъ обиды, безъ нарушенія правъ другихъ государствъ; наши сношенія мирны, тихи, честны, и я почитаю себя вдвойнѣ счастливымъ, во-первыхъ, потому что нѣкоторымъ образомъ послужилъ поводомъ къ этой честной политической системѣ, во-вторыхъ, что не лишенъ возможности на-дѣлѣ доказывать справедливость моихъ положеній и успѣшною дѣятельностью, по тѣмъ же правиламъ, быть полезнымъ и пріятнымъ слугою моей королевы и другомъ моего благодѣтеля. Государь, простите, если я осмѣлюсь отклонить отъ себя измѣну, которая бы унизила меня и въ глазахъ вашего величества.

— По-крайней-мѣрѣ не лишайте меня совѣтовъ въ столь важномъ выборѣ. Меня упрекаютъ въ нерѣшительности, въ пристрастіи къ кардиналу. Глупцы! Кѣмъ замѣню я человѣка, который столько лѣтъ борется съ интригами, клеветами, вліяніемъ матери моей, жены, брата?... Много, много въ его пользу!.... Но онъ мнѣ надоѣлъ.... Онъ строилъ мнѣ государство: теперь разрушаетъ.... Пора его миновалась.... Жестокости, какія онъ себѣ позволилъ.... Нѣтъ, мудрый Гуго, я не хочу кардинала! Я требую вашего совѣта....

— Я совѣтую вашему величеству отложить этотъ выборъ до смерти кардинала. Цѣль его прекрасна, но средства оскорбляютъ человѣчество и ведутъ совершенно къ противуположнымъ послѣдствіямъ. Государь! не утверждайте его приговоровъ.

— Но онъ дѣйствуетъ посредствомъ судебной власти нашихъ судовъ и парламентовъ, такъ, что я не имѣю случая и времени употреблять мое верховное право помилованія.

Гуго Гроціусъ вспомнилъ странное поведеніе короля съ матерью, заключенною сначала въ крѣпость, потомъ изгнанной, когда все зависѣло отъ одного слова Людовика; вспомнилъ дѣло Марильяка, мар-

шала Франціи, котораго, за клочокъ сѣна, казнили на Гревской Площади; вспомнилъ Монморанси.... Вездѣ право помилованія могло имѣть свое дѣйствіе, но мудрый Гуго зналъ характеръ короля: онъ зналъ, что Людовикъ убѣжденъ въ крайности своего положенія, и отвѣчалъ:

— Лишите кардинала возможности быть столь поспѣшнымъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Къ хитрости я не способенъ; я не хочу кардинала вовсе: а эти полу-мѣры вовлекутъ меня только въ борьбу, скучную и безполезную. Я устану и буду побѣжденъ! Увольте меня отъ этого послѣдняго стыда.

— Государь! откажитесь отъ испанской войны!

— Что́ вы? что́ вы, любезный другъ?

— Иначе, государь, вы никогда не рѣшитесь разстаться съ вашимъ министромъ: одна и та же страсть васъ соединила на-вѣки. Но, скажите, ваше величество, и простите моему простодушію: какія причины и основанія этой войны? Права народа и величества нигдѣ не пострадали; война стремится къ нравственной цѣли унизить домъ Австрійскій: чѣмъ можно оправдать эту цѣль? неужели желаніемъ возвыситься на его мѣстѣ и, какъ онъ, нарушить равновѣсіе Европы, на

счетъ постоянныхъ кровопролитій и потерь французскаго народа?

— Я не хочу кардинала, и, можетъ-быть, когда его не будетъ, я соглашусь съ вами. Не скрою: во мнѣ застыли рыцарскія страсти; даже отъ охоты я начинаю отвыкать; хотѣлъ бы царствовать, но мнѣ нужна помощь, одномысліе, чистота чувствъ моего министра; и если молодежи нашей удастся, что́ она задумала, я возьму де-Ту.

— Какъ, государь! привсталъ и торопливо спросилъ Гуго: такъ вы извѣщены объ этомъ заговорѣ противъ кардинала, о которомъ самъ онъ ничего не знаетъ и, можетъ-быть, ничего не узнаетъ?

Но какимъ образомъ вы, Гуго, могли объ немъ провѣдать?

— Случайно, ваше величество: по сношеніямъ заговорщиковъ съ изгнанниками; а изъ нихъ многіе живутъ у насъ въ Швеціи..... Но, ваше величество, если вамъ уже извѣстно, такъ не мѣшало бы, кажется, арестовать заговорщиковъ.

— Что́ вы? что́ вы, любезный другъ? Какое мнѣ дѣло! Одного люблю я какъ сына, хотя и непокорнаго; другаго ненавижу, хотя онъ мнѣ и братъ; а третій будетъ хорошимъ министромъ. Прочіе — цвѣтъ французскаго дворянства....

— Государь! я вамъ долженъ платить

искренностью, и признаюсь: съ такимъ министромъ Франція погибнетъ....

— Съ де-Ту!

— Съ де-Ту, ваше величество.

— Да вотъ я у васъ съ полчаса добиваюсь, кого же назначить на мѣсто Ришліе?

— Если на простой вопросъ надо дать простой отвѣтъ, такъ по моему мнѣнію, ваше величество, аббата Мазарини.

— Вы полагаете?

— Онъ пойдетъ по слѣдамъ Ришліе къ той же цѣли; но, съ его гибкимъ умомъ, съ постояннымъ желаніемъ учиться, съ желаніемъ заслужить любовь короля и Франціи, онъ перемѣнитъ средства. Франція выиграетъ втрое столько у себя дома, сколько она теряетъ при Ришліе внѣ своихъ предѣловъ.

— Нѣтъ, Гуго! нельзя! Онъ Италіянецъ; а вспомните, что́ въ мое царствованіе надѣлали Италіянцы! Насилу избавился; и никогда не перестану я сожалѣть о моемъ дорогомъ конетаблѣ.... И если бы не капризъ, не тайный развратъ, не злое сердце.... я возстановилъ бы санъ конетабля. Но, можетъ-быть, съ молодостью уйдутъ и недостатки возраста. Я не теряю надежды, и главное, кажется, клеится: я ихъ поссорю съ кардиналомъ, сдѣлаю непримиримыми врагами....

— Если ваше величество считаете только Француза достойнымъ замѣнить кардинала, въ чемъ я совершенно согласенъ, то вы, государь, имѣете сокровище, какое Богъ даруетъ не каждому вѣку.

— Ради Бога, Гуго, кто онъ?

— Рене Декартъ.

— Гдѣ онъ?.... въ Парижѣ?

— Нѣтъ, государь! онъ видѣлъ примѣръ на мнѣ, и благовременно, продавъ все свое имѣніе во Франціи, переѣхалъ въ Утрехтъ.

— Теперь вы сами видите, каково мнѣ отъ кардинала! Онъ удаляетъ всѣхъ способныхъ людей изъ государства. Декартъ, умный человѣкъ, въ Голландіи; Пуссенъ, великій живописецъ, въ Италіи; де-Ту безъ мѣста.... И я узнаю объ этихъ людяхъ отъ постороннихъ, случайно или насильно!.... Вы знакомы съ Декартомъ?

— Мы въ перепискѣ какъ ученые.

— Напишите къ нему, чтобы онъ немедленно явился ко двору моему; напишите, что слухъ объ его учености проникъ въ сенъ-жерменскій монастырь, какъ называетъ Сенъ-Марсъ мой дворецъ, и что я его вознесу и прославлю.

Гуго Гроціусъ улыбнулся и всталъ, потому что и король, оканчивая послѣд-

нюю рѣчь съ нѣкоторою торжественностью, оставилъ свое мѣсто.

— Мы едва ли съ вами скоро увидимся, сказалъ король: я ѣду въ Ренсъ, можетъ-быть, завтра, но буду совершенно спокоенъ на счетъ приглашенія Декарта. Онъ написалъ много?

— Весьма много, но до-сихъ-поръ издалъ только одну книгу, «О Методѣ.»

— Пришлите мнѣ ее отъ имени кого-нибудь изъ моихъ дворянъ: да вотъ!.... отъ имени Депорта. — Еще разъ благодарю васъ, прибавилъ король, привѣтливо кланяясь Гроціусу.

Шведскій посланникъ подошелъ къ дверямъ, но они были заперты.

— Ахъ да! я и забылъ объ нашихъ предосторожностяхъ, сказалъ король, позвонилъ, и Дюбоа увелъ Гроціуса черезъ внутренніе покои, по тайной лѣстницѣ.

Занавѣсы королевскаго кабинета, одна за другой, повисли на золоченыхъ вѣтвяхъ, и окна освѣтились.

— Не знаю, сказалъ Гроціусъ, зачѣмъ мои люди положили со мною этотъ узелъ? А! вѣрно полагали, что я буду ночевать въ Сенъ-Жерменѣ. Посмотримъ, что́ тутъ? Всѣ принадлежности моего вечерняго уединенія.... А! кстати, вотъ и она со мной!

Гроціусъ взялъ книгу, завернулъ ее

въ бумагу, надписалъ: «Отъ дворянина Депорта,» отдалъ Дюбоа, наказалъ скорѣе отнести къ королю, а если есть чужіе, не говорить отъ кого.

ГЛАВА XIV.

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА.

Дюбоа засталъ короля въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Гордъ подробно разсказывалъ, въ какое восхищеніе привела газетчиковъ статья, написанная Людовикомъ; какъ они перечитывали строки, набросанныя королемъ, и утверждали, что эта статья — образецъ политическаго слога, но къ завтрашнему дню напечатать въ Gazette de France находили невозможнымъ, и просили дозволенія отсрочить до слѣдующаго разу.

— А знаешь ли, Гордъ, сказалъ съ

улыбкою король: почему они не успѣютъ этого сдѣлать сегодня? Имъ надобно показать статью въ Рюэлѣ..... Но, дастъ Богъ....

Людовикъ замолчалъ и захохоталъ, прочитавъ надпись на обверткѣ книги, присланной Гротомъ.

— Ты дерзокъ, Филиппъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Филиппу: какъ это ты себя пожаловалъ въ дворяне?

Депортъ не на-шутку испугался, и не зналъ что́ отвѣчать королю. Первая мысль, что Мазарини употребилъ какую-нибудь хитрость, чтобы обвинить его въ глазахъ короля, мелькнула въ головѣ Депорта; но, не замѣчая въ лицѣ Людовика ни малѣйшаго признака гнѣва и неудовольствія, совершенно запутался въ догадкахъ и лепеталъ несвязныя слова:

— Я.... я.... ваше величество.... Фукіеръ.... интриги....

Корольнедолго любовался замѣшательствомъ Депорта: развернувъ книгу, онъ съ изумленіемъ пробѣгалъ страницы, гдѣ въ каждомъ словѣ находилъ силу, новость, пареніе могущаго и великаго разума....

Король пересматривалъ книгу съ конца въ конецъ; напослѣдокъ громко прочелъ первое положеніе новой методы, повторенное потомъ и въ другихъ сочиненіяхъ

Декарта: «Чтобы достигнуть истины, надо разъ въ жизни освободиться отъ всѣхъ полученныхъ уже мнѣній и построить снова, съ самыхъ основаній, всю систему своихъ познаній.»

— Поздно! сказалъ король со вздохомъ. Но справедливо! Наше ученіе, наше воспитаніе — чужое платье, которое никогда не бываетъ впору; начнешь передѣлывать по себѣ: пока пригонишь, оно уже — лохмотья!

Вошелъ Сенъ-Марсъ, забрызганный грязью, и съ лицомъ, на которомъ было написано глубоко уязвленное самолюбіе и злобная рѣшительность. Онъ подалъ королю письмо кардинала и отошелъ къ Горду, не вымолвивъ слова. Король съ улыбкой смотрѣлъ на него и, обратясь къ Депорту, сказалъ въ полъ-голоса:

— Посмотри, какъ онъ мнѣ служитъ!

Развернувъ письмо, король значительно поглядѣлъ на Депорта; уста его сложились въ непріятную улыбку; послѣ минутнаго молчанія онъ сказалъ сухо:

— Депортъ, вы будете посѣщать насъ только вслѣдствіе письменныхъ нашихъ приказаній.

Смертная блѣдность покрыла лицо Депорта.

«Мазарини, подумалъ онъ: это твоя услуга! но ты не зналъ, не предвидѣлъ,

что клевета твоя застанетъ меня въ Сенъ-Жерменѣ, и что я отплачу тебѣ....»

— Государь, сказалъ громко Депортъ: не понимаю причины такой немилости и осмѣлюсь....

— Нѣтъ, право, ничего! сказалъ король: предосторожность.... порядокъ.... церемоніалъ.... и только! А мы останемся къ вамъ по-прежнему милостивыми.

Депортъ заплакалъ и произнесъ съ чувствомъ:

— Право, я не въ чемъ ни виноватъ, ваше величество! Клянусь Богомъ, ничего не знаю! Убей меня громъ Господній, ничего не знаю!

— Фи! сказалъ съ неудовольствіемъ король: какъ тебѣ не стыдно, Филиппъ?... Ты искалъ повышенія въ нашихъ милостяхъ черезъ посредство кардинала, когда мы сами тебя открыли и такъ быстро возвысили въ званіе, котораго добиваются первые таланты Европы!

— Клянусь Богомъ, не искалъ, не говорилъ ни слова, и знать не знаю кому я обязанъ этимъ неожиданнымъ покровительствомъ.

— Неужели? спросилъ изумленный король: вѣрно сама судьба жалуетъ тебя въ дворяне. Великій человѣкъ по ошибкѣ назвалъ тебя дворяниномъ; теперь Ри-

шліе проситъ о дворянствѣ Депорту: право удивительно!

Депортъ воскресъ. Глаза сверкали. Отъ искренняго страху и отчаянія онъ перешелъ въ притворный ужасъ.

— Злобные люди! сказалъ онъ, отирая слезу: что́ я имъ сдѣлалъ? Нашли кому завидовать!.... Бѣдному живописцу! Я какъ-будто предчувствовалъ, что они найдутъ средства унизить меня въ глазахъ моего государя и.... помните, маркизъ?.... я говорилъ вамъ объ этомъ, а вы меня еще успокоивали, говорили: «Да, да, клеветать будутъ, да государь привыкъ къ ихъ проискамъ, не обидитъ.» Вотъ, видите, что́ они со мной сдѣлали!

— Трусъ! сказалъ король ласково: что́ же? Сдѣлали тебя дворяниномъ, и только.

— И лишили вашихъ милостей.

— Не правда! Подражай имъ: они тебя сдѣлаютъ маркизомъ и все будутъ думать, что удачно подкопались подъ нашу пріязнь.... а ты вотъ что́ сдѣлай: поѣзжай завтра же въ Рюэль, поблагодари кардинала и пріѣзжай ко мнѣ: вмѣстѣ посмѣемся.

— Государь мой и благодѣтель! сказалъ Депортъ, бросаясь къ ногамъ Людовика.

— Хорошо, хорошо! сказалъ король вынимая шпагу и ударивъ ею по плечу

Депорта. Встань. Ты благороденъ, и умѣй отмстить тому, кто въ томъ сомнѣвался.

Сказавъ это, король не обращалъ уже никакого вниманія на пышную благодарственную рѣчь, которая лилась изъ устъ Депорта, и продолжалъ читать письмо кардинала.

— Кардиналъ увѣдомляетъ меня, сказалъ король, обращаясь къ Сенъ-Марсу: что вы увѣрили его, будто имѣете большое желаніе угождать мнѣ во всемъ; а между-тѣмъ вы этого не дѣлаете по одной статьѣ, о которой я просилъ кардинала поговорить съ вами, именно, на счетъ вашей лѣности.

— Да, отвѣчалъ Сенъ-Марсъ: кардиналъ мнѣ говорилъ объ этомъ. Но я на этотъ счетъ не могу исправиться и лучше вести себя не умѣю.

Король разсердился и сказалъ:

— Человѣкъ вашего званія долженъ думать о томъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ предводительствовать войсками; вы сами изъявили мнѣ это желаніе: а лѣность совершенно тому противна.

— Это желаніе и въ умъ мнѣ не приходило.

— Не приходило?

— Никогда!

Король отворотился съ неудовольствіемъ, помолчалъ нѣсколько, какъ-будто желалъ

Сенъ-Марсу дать время опомниться, и опять началъ:

— Лѣность дѣлаетъ человѣка ко всему неспособнымъ; лѣность хороша у Маре́: тамъ всѣ совершенно преданы только удовольствіямъ; вы между ними воспитаны. Но, если не хотите оставить такой жизни, надо возвратиться къ Маре́.

— Я готовъ.

— Если бы я не былъ умнѣе васъ, то знаю, что́ вамъ отвѣчалъ бы на это. Кажется, вамъ не слѣдовало бы такъ говорить съ вашимъ благодѣтелемъ.

— Увольте меня, государь, отъ вашихъ благодѣяній! Возьмите ихъ назадъ! Быть только Сенъ-Марсомъ, право, пріятнѣе чѣмъ быть великимъ конюшимъ. Жить иначе, какъ угодно, я не могу.

— Расположеніе вашего духа не позволяетъ мнѣ болѣе васъ слушать, и вы мнѣ сдѣлаете пріятность, если избавите меня отъ вашего присутствія.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Сенъ-Марсъ, и ушелъ.

Всѣ остались въ изумленіи. Одинъ король улыбался и сталъ писать.

Гордъ, поди сюда! сказалъ король.

Гордъ подошелъ, и король прочелъ письмо къ кардиналу, сохранившееся донынѣ въ подлинникѣ, съ котораго, съ

буквальною точностью, списанъ весь этотъ разговоръ Людовика съ Сенъ-Марсомъ.

— Что́? не такъ? спросилъ король, окончивъ чтеніе.

— Чистая истина, отвѣчалъ Гордъ.

Король дописалъ еще нѣсколько словъ и, отдавая Депорту, сказалъ:

— На, Филиппъ! Эта довѣренность еще болѣе утѣшитъ твоихъ враговъ. Отвези это письмо къ кардиналу!

Рано поутру доложили кардиналу о пріѣздѣ Депорта. Ришліе прежде всего сталъ разспрашивать обо всѣхъ обстоятельствахъ отношеній Мазарини съ женою Депорта; но умный Филиппъ изумился и просилъ кардинала защитить его отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій аббата.

— Главное мое несчастіе, говорилъ онъ: жена и воспитанница; обѣ хороши собой; но, я надѣюсь, молодость возьметъ верхъ и сдѣлаетъ Мазарини соперникомъ Сенъ-Марса.

— Какъ! спросилъ кардиналъ съ особенно довольною улыбкою: такъ ты и Сенъ-Марса увлекъ въ сѣти?

— Случай, ваша эминенція.

— Мой другъ, дѣла перемѣняютъ свой видъ. Слушай, Депортъ, и рачительно

исполни.... Представь мнѣ свидѣтельство, въ которомъ бы не могъ никто сомнѣваться, что Сенъ-Марсъ влюбленъ въ твою воспитанницу!... Не теперь, конечно, не теперь, потому что король сегодня увезетъ его въ Ренсъ.

— Послѣ такой ссоры?

— Притворная ссора, любезнѣйшій: я опять буду просить короля о прощеніи! Меня не поймаютъ. Вотъ, мы съ тобой должны поймать Сенъ-Марса!

— Но Мазарини....

— Не бойся! Мазарини не будетъ соперникомъ Сенъ-Марса....

— Въ такомъ случаѣ еще хуже; онъ будетъ ухаживать за женой.

— А глаза и я на что́? Будь спокоенъ... Только свидѣтельство, письмо, что-нибудь, но вѣрное, положительное, несомнѣнное! Ступай. Мнѣ некогда.

Было уже очень поздно. Весь Сенъ-Жерменъ находился въ волненіи; множество придворныхъ толпились на крыльцѣ; дорожніе экипажи наполняли дворъ и улицы: всѣ суетились; увидѣвъ Депорта, многіе голоса закричали: «Пріѣхалъ! пріѣхалъ!»

Дюбоа махалъ Депорту платкомъ на

встрѣчу. Въ растворенномъ окнѣ показался король съ Сенъ-Марсомъ и также сдѣлалъ Депорту знакъ рукою.

Опрометью вбѣжалъ Депортъ въ большую залу, гдѣ было много дворянъ и придворныхъ. — «Король васъ ждетъ; за вами остановка... Спѣшите!... Спѣшите!...» кричали ему со всѣхъ сторонъ незнакомыя лица. Депортъ, едва переводя дыханіе, вошелъ къ королю.

— Разсказывай, разсказывай! сказалъ король, садясь.

— Нечего разсказывать, ваше величество. Я вошелъ и сталъ благодарить кардинала. «Не зачто! Не зачто! отвѣчалъ онъ: ступай съ Богомъ!» — Но я не могу угадать причины такихъ благодѣяній, говорилъ я.... — «Ступай прочь, съ досадой говорилъ кардиналъ: мнѣ некогда.»

— Попался! со смѣхомъ сказалъ король: но и ты, Филиппъ, кажется, струсилъ....

— Ахъ, ваше величество! я, право, не могу опомниться отъ такого пріему.

— А что́ же онъ сказалъ на письмо?

— Право, не помню'.... Да! приказалъ вамъ, господинъ великій, немедленно пріѣхать въ Рюэль.

— Подождетъ! отвѣчалъ Сенъ-Марсъ.

— Подождетъ, прибавилъ король, до нашего возвращенія изъ Репса! Ѣдемъ...

Прощай Филиппъ! — Сенъ-Марсъ! надо чтобы охота была не вдалекѣ отъ насъ. Если вздумается дорогой позабавиться...

— Я уже распорядился, ваше величество; слово — и все будетъ въ готовности.

— Ѣдемъ, Сенъ-Марсъ! сказалъ король и ушелъ.

— Ѣдемъ, ваше величество.... — Филиппъ! скажи своимъ дамамъ, что я ихъ обожаю....

— Обѣихъ, маркизъ?

— Пока, обѣихъ.

— И не простились съ Эвелиной?

— Не успѣлъ! Ты самъ видѣлъ, какая вчера была буря.

— Напишите ей два слова.

— Плохой ты знатокъ въ любовныхъ сношеніяхъ! До писемъ еще далеко.

— Сенъ-Марсъ, Сенъ-Марсъ, ѣдемъ! раздался голосъ короля изъ залы.

— Бѣгу! отвѣчалъ Сенъ-Марсъ, и дѣйствительно побѣжалъ въ залу.

Депортъ остался одинъ въ комнатѣ и въ окно смотрѣлъ на королевскій отъѣздъ. Сенъ-Жерменъ опустѣлъ, но Депортъ долго стоялъ въ раздумьѣ.

— Кто васъ пойметъ, люди? сказалъ онъ громко, со вздохомъ. Хитрость легко понимаетъ хитрость; но вашихъ простодушныхъ поступковъ она разобрать не въ силахъ.... Увезли мою пташку; вчера

поссорились, сегодня помирились. Въ кого влюбился Сенъ-Марсъ: въ жену или въ Эвелину? И! полно! влюбился ли еще? Я остался одинъ, безъ пищи, безъ дѣятельности....

— Утѣшьтесь, Депортъ: я съ вами; мои условія исполнены; исполняйте ваши.

Депортъ чуть не упалъ отъ испугу: то былъ Мазарини.

ГЛАВА XV.

БѢГСТВО.

Знойное полуденное солнце раскалило домà и мостовую Рима. Нигдѣ не было замѣтно ни одной кареты, ни однѣхъ носилокъ. Только вдоль домовъ, подъ узкою тѣнію отъ карнизовъ и выпусковъ, люди ползли на Испанскую Площадь къ аустеріямъ, и то по одиначкѣ, тихо, медленно. Пуссенъ несъ въ платкѣ мраморные куски; де-Вальероль тащилъ за нимъ мраморную ногу.

— Мнѣ, право, совѣстно, капитанъ! говорилъ Пуссенъ, положивъ свой тяже-

лый узелъ у Баркаччіи на Испанской Площади и стараясь освѣжиться брызгами водомета.

— Да у васъ ноша тяжелѣе, отвѣчалъ капитанъ, приставивъ ногу къ бассейну и отирая потъ, обливавшій лицо его.

— Мнѣ кажется, я снесъ бы Пантеонъ на плечахъ въ мою мастерскую, если бъ мнѣ его подарили.

— Однако, полдень. До дому пять шаговъ; отдохнемъ лучше въ прохладныхъ комнатахъ.

— Да! если дадутъ отдохнуть посѣтители.... а нечего дѣлать, пойдемъ. И художники собираются въ аустеріи на обѣдъ; заговорятъ. Пойдемъ!

Не успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ Гаспаръ Дюгé прибѣжалъ къ нимъ на встрѣчу.

— Николо! Николо! кричалъ онъ издали: гости пріѣхали.

— А чтò? не говорилъ я! сказалъ Пуссенъ съ досадой. — Какіе гости?

— Шантлу изъ Парижа.

— Ахъ, какъ я радъ! воскликнулъ Пуссенъ.

— И я тоже, сказалъ тихо Вальероль.— Не за нами ли?

Шантлу стоялъ подъ навѣсомъ и, увидѣвъ Пуссена, пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Не могу обнять васъ, говорилъ Пус-

сенъ: дорогіе кусочки мѣшаютъ! — Возьми ихъ, Гаспаръ! — Какими судьбами, дорогой Шантлу? Скажите, на долго ли?

— Отъ васъ зависитъ, отвѣчалъ Шантлу.

Всѣ вошли въ комнаты.

— Если такъ, я начну сочинять для васъ надгробный памятникъ; потому что и себя и васъ я хотѣлъ бы похоронить въ Римѣ.

— А я пріѣхалъ просить васъ въ Парижъ, отъ имени короля и кардинала.

Всѣ вздрогнули.

— Небо моего счастія опять помрачилось, сказалъ Пуссенъ съ грустью. Но я надѣюсь на вашу дружбу, Шантлу: вы посовѣтуете мнѣ, какимъ образомъ избѣгнуть этой ужасной необходимости! И скажите: давно ли наши господа Французы стали такъ постоянны въ своихъ намѣреніяхъ?

— Когда дѣло идетъ о славѣ націи, Французы всегда тверды и постоянны.

— Это доказываетъ продолжительное министерство Ришліе, сказалъ Гаспаръ, поглядывая на Вальероля.

Капитанъ бросилъ на него умоляющій взглядъ и скрылся.

— Молодой человѣкъ! не судите такъ опрометчиво о великихъ людяхъ.

— О великихъ извергахъ, сказалъ Дюге́, и ушелъ.

*

— Кто этотъ молодой человѣкъ? спросилъ Шантлу.

— Братъ моей жены, Гаспаръ Дюге́, котораго скоро будутъ называть Гаспаромъ Пуссеномъ. Я его усыновлю.

— Зачто́ же онъ такъ сердится на кардинала?

— За меня! Все семейство Гаспара здѣсь; а по милости Ришліе́, по волѣ кардинала, онъ долженъ съ нимъ разлучиться, потому что безъ меня не останется въ Римѣ.

— Такъ вы готовы ѣхать въ Парижъ и освобождаете меня отъ необходимости употреблять хитрости, убѣжденія, просьбы, и прочая, и прочая?

— Ѣхать я долженъ, но, не скрою отъ васъ, я не перестану думать какъ бы избавиться отъ этого путешествія.

— Да что̀ вы такъ разлюбили Францію? Римъ, вашъ Римъ, вотъ царство Генсерика и Вандаловъ! Что́ у васъ сдѣлали съ Галилеемъ? что́ сдѣлали съ сочиненіями Декарта? Не говорю о писателяхъ: вспомните, что у васъ играютъ на театрѣ подъ секретомъ!

— Римъ, отвѣчалъ Пуссенъ, академія художествъ; и прекрасно дѣлаютъ, если не позволяютъ другимъ отраслямъ человѣческаго знанія возвышаться на счетъ художествъ.

— Вы покраснѣли. Такъ ваши чувства не согласны съ словами?... Не правда ли?

— Вру.... вы угадали.... Но если люди и въ Римѣ невѣжды, поборники омраченія, такъ зато камни, стѣны Рима, разливаютъ неугасаемый свѣтъ, котораго не омрачитъ ни какая сила.

— Вы можете изъ Парижа сдѣлать тоже.

— Вы шутите, Шантлу!....

— Ни мало! По-крайней-мѣрѣ вы начнете. Я знакомъ со всею школою нашего Вуэ, и способности молодыхъ Французовъ меня удивляютъ; тѣло есть, не достаетъ души, и само небо васъ возлелѣяло въ Римѣ, чтобы нанести ему смертельный ударъ въ Парижѣ. Такъ дѣти варварскихъ королей возрастали въ державномъ Римѣ на гибель своему тирану. И не досадно ли смотрѣть на эту монополію Рима, въ области, которая должна принадлежать всѣмъ равно! Гдѣ есть люди, тамъ должны быть и всѣ средства для ихъ нравственной жизни, точно такъ же, и для ихъ пищи.... Книгопечатаніе вырвало у наукъ эту исключительную таинственность, но, въ художествахъ, гравюра — плохое средство. Римъ стоитъ на землѣ волканической; младшіе города исчезли: кто поручится, что рука природы

не опрокинетъ семи холмовъ столицы художествъ и не покроетъ страшнаго Мавзолея зловоннымъ озеромъ, отъ котораго далеко разбѣгутся даже дикіе звѣри?... Помпея, Геркуланъ, Пестумъ — не далекіе сосѣди.... И на прошедшей недѣлѣ, говорятъ, подземные удары слышались въ римскихъ окрестностяхъ.

Пуссенъ сѣлъ и, положивъ голову на руки, впалъ въ глубокое раздумье. Прошло нѣсколько безмолвныхъ мгновеній. Великій художникъ всталъ и, откинувъ назадъ голову, съ гордостью отвѣчалъ:

— Останется исторія!

— Прекрасное утѣшеніе, когда все погибнетъ!

— По-крайней-мѣрѣ не отъ руки невѣжества. Но оставимъ этотъ разговоръ и пойдемъ обѣдать.

— Не могу, дорогóй Пуссенъ! Я долженъ явиться къ кардиналу Барберини. Можетъ-быть, и его святѣйшество удостоитъ меня выслушать.... Послѣ обѣда, если позволите.

— Пожалуйте кушать, сказалъ капитанъ, отворивъ двери и почтительно остановясь за ними.

— Ступайте! ступайте! вы отдохните, а мнѣ надо спѣшить, сказалъ Шантлу и вышелъ.

Пуссенъ хотѣлъ итти за нимъ, но Валье-

роль бросился и отворилъ двери. Провожая Шантлу, капитанъ почтительно спросилъ по-италіянски:

— Позвольте узнать, синьоръ, какъ васъ зовутъ и гдѣ изволили остановиться: неравно барину понадобится.

— Зовутъ меня просто Шантлу, а остановился я на Испанской Площади у Чернаго Орла.

«Хорошій признакъ! сказалъ Шантлу про себя: философъ завелся слугою!»

— Что́ съ вами, капитанъ? я васъ не узнаю, сказалъ Пуссенъ Вальеролю.

— Вы ѣдете въ Парижъ. День службы моей начался, по условію...

— Съ-тѣхъ-поръ какъ вы живете въ моемъ домѣ, я и забылъ объ этой шуткѣ, которая насъ познакомила на площади Ротунды.

— Пуссенъ! неужели вы пошутили?

— Я видѣлъ невозможность вашего возвращенія во Францію и хотѣлъ дружбой залечить раны вашего сердца. Замѣтьте, что я даже не любопытствовалъ узнать обстоятельствъ вашего дѣла, боясь вскрыть язвы, которыя, казалось, заживали.

— А я только о томъ и думалъ, когда вы поѣдете во Францію и когда доставите мнѣ блаженство быть вашимъ слугою!

— Почтенное упрямство, Вальероль!

Но я не желалъ бы доставить вамъ этого блаженства собственнымъ несчастіемъ.

— Молчу, молюсь и надѣюсь! Пожалуйте кушать.

За обѣдомъ Пуссенъ старался шутить, говорить о постороннихъ предметахъ, и каждый разъ прекращалъ разговоръ о поѣздкѣ въ Парижъ. Жена Пуссена, миловидная Француженка, не могла надивиться, отчего мужъ не соглашается ѣхать въ Парижъ. Тамъ ожидали её удовольствія, самыя соблазнительныя для женщины: французскіе кавалеры, путешественники, такіе милые, развязные! говорятъ такъ красно, что иногда нельзя понять о чемъ они думаютъ! такъ хорошо умѣютъ они скрывать свои ощущенія! какіе тамъ театры, балы!... жена Пуссена въ Парижѣ важнѣе многихъ герцогинь: чего добраго! самъ Людовикъ будетъ къ ней не равнодушенъ: вѣдь онъ любилъ же дѣвицъ д'Отфоръ и Лафайетъ! Быть равнодушной женой равнодушнаго мужа стало ей привычкой; но теперь она его ненавидѣла: Пуссенъ смѣялся надъ парижскими обычаями, надъ костюмомъ Шантлу, и восхищался кусками разбитой статуи!...

— Пойдемъ, сказалъ онъ, въ мастерскую, всталъ изъ-за стола и ушелъ съ Вальеролемъ.

Жена расплакалась. Гаспаръ журилъ сестру и проклиналъ Ришліе.

— Мастика портитъ видъ, а статуя прекрасна! говорилъ Пуссенъ, отходя отъ стола, на которомъ стояла склеенная статуйка смѣющагося Бахуса.

— Я полагаю, можно вытопить мастику на легкомъ огнѣ; мраморъ сойдется отъ недостатка воздуха между кусками и отъ тонкости въ слоѣ мастики Бахусъ получитъ первоначальную цѣлость; останутся признаки, швы: да это не бѣда. Слава Богу, голова уцѣлѣла!... Какую я напишу вакханалію!... и подарю...

— Кажется, Ришліе? сказалъ Вальероль, очищая мраморную ногу отъ земли и травы.

— Вы шутите, капитанъ!... Удивительно, какъ это Урбанъ, который корчитъ знатока и покровителя художествъ, не займется раскапываніемъ виллъ? Мы, шутя, сегодня нашли два сокровища: а если бы поискать съ толкомъ и, главное, съ средствами... Будемъ молчать, Вальероль, а черезъ недѣльку опять отправимся гулять куда-нибудь подальше. Каждый день нельзя: замѣтятъ; и Урбанъ завладѣетъ сокровищами, пока никому не принадлежащими. Я не воръ, и дѣйствую согласно съ римскими законами: Res nullius cedit primo occupanti.

— Да вы развѣ не думаете ѣхать въ Парижъ?

— Боже меня сохрани!

— Но если всѣ ваши покровители отрекутся? Шантлу потребуетъ отъ васъ рѣшительнаго отвѣта именемъ короля.

— О! тогда дѣло другое. Но я надѣюсь умилостивить Шантлу.

Шантлу вошелъ въ то самое время въ мастерскую вмѣстѣ съ Гаспаромъ, и слышалъ послѣднія слова.

— А я надѣюсь умилостивить васъ, Пуссенъ, сказалъ онъ. Вы, вѣрно, не захотите разлучить меня съ семействомъ на всегда!

— Какъ, Шантлу!

— Безъ васъ я не имѣю права возвратиться во Францію.

— И я тоже! сказалъ тихо Пуссену Вальероль, проходя мимо него съ жаровней.

Пуссенъ опустилъ голову и безмолвно глядѣлъ на Бахуса.

— Римъ мнѣ улыбается въ этомъ антикѣ, сказалъ онъ съ грустію: а я долженъ ѣхать, Богъ знаетъ куда, Богъ знаетъ зачѣмъ!... Нѣтъ! дѣлайте, что́ вамъ угодно, я не поѣду.

Прошло нѣсколько дней въ безуспѣшныхъ переговорахъ. Шантлу успѣлъ вез-

дѣ, только не у Пуссена; даже командоръ дель-Поццо согласился отпустить своего друга, но только на три года, и былъ счастливъ, что умѣлъ выторговать изъ сроку почти половину. Шантлу соглашался на все, разсыпалъ обѣщанія, но Пуссенъ былъ непоколебимъ. Съ печалію видѣлъ онъ, какъ покровители, которые съ такимъ жаромъ и такой хитростью сами прежде создавали препятствія къ поѣздкѣ его въ Парижъ, теперь толпами собирались къ нему по вечерамъ и уговаривали согласиться на предложенія Шантлу. Пуссенъ заперъ двери своего дома. Шантлу и покровители отпирали ихъ назойливымъ умрямствомъ. Пуссенъ притворно слегъ въ постель. Каждый присылалъ своего врача, и у постели Пуссена, цѣлые дни лучшее общество Рима ожидало его выздоровленія. Наконецъ Пуссенъ выздоровѣлъ, и обманулъ радость друзей своихъ. Въ нѣсколько часовъ весь Римъ узналъ о необыкновенномъ событіи. Толкамъ не было конца; догадки сыпались дождемъ.... напрасно!.... Пуссенъ исчезъ изъ Рима.

ГЛАВА XVI.

ВИЛЛА АЛЬДОБРАНДИНИ.

Однажды, ввечеру, въ гостинницѣ Чернаго Орла, сидѣла толпа Французовъ и уничтожала итальянское вино гомерически. Въ углу былъ небольшой буфетъ, и слуга, для принятія приказаній посѣтителей. Шумъ отъ французской бесѣды былъ слышенъ по всей площади. Вошелъ Вальероль и спросилъ у слуги:

— Что̀? никто на дняхъ не пріѣзжалъ изъ Франціи?

— Никто! Вотъ сидятъ послѣдніе!... Они пріѣхали съ этимъ господиномъ Чантелупо.

— Какъ! всѣ? спросилъ изумленный Вальероль.

— Всѣ; да они еще не всѣ, потому что шести человѣкъ здѣсь нѣтъ.

— А гдѣ же остальные?

— А каждый день въ-очередь ищутъ какого-то господина, который убѣжалъ изъ Рима.

— Сколько же ихъ всѣхъ?

— Ровно двѣ дюжины.

— Сколько же было нужно повозокъ для такого путешествія!

— У нихъ всего восемь повозокъ; все свои.... и пресмѣшныя.

«Неужели это дворъ Шантлу? я никогда не слыхалъ, что Шантлу такъ богатъ!» подумалъ Вальероль, подошелъ къ собесѣдникамъ, и разговорился съ ними; выпилъ, сѣлъ, и внимательно сталъ разсматривать ихъ лица: всѣ были одѣты какъ порядочные люди, изъ *третьяго* состоянія; но изъ разговоровъ и ухватокъ было замѣтно, что платья на нихъ — чужія: по произношенію, рѣдкіе принадлежали къ парижскому округу; все обнаруживало какую-то тайную цѣль. «Слѣпыя орудія ужасной воли! подумалъ Вальероль: зачѣмъ вы здѣсь?...»

— Чортъ возьми! сказалъ Французъ въ красномъ плащѣ, съ огромными усами: когда намъ сдѣлали нарядъ, я звалъ слав-

наго Гаръ-Піона. Извѣстное дѣло! Хитрая голова: онъ какъ-разъ бы отыскалъ этого сумасшедшаго, что вторую недѣлю отъ насъ скрывается.

Вальероль затрепеталъ и ласково спросилъ:

— А ты знаешь Гаръ-Піона?

— Какъ же мнѣ его не знать! Каждый день въ дворцовой Галереѣ мы съ нимъ табакъ покупаемъ у одной и той же торговки.

— И въ этомъ все ваше знакомство?

— А чего еще?

— Отчего же онъ съ тобой не поѣхалъ?

— Да много причинъ. Во-первыхъ, говоритъ, не хочу служить кардиналу; во-вторыхъ, почему знать, можетъ и дѣло не чисто; а, главное, у меня, говоритъ, на рукахъ осталась госпожа молодая: такъ надо беречь пуще глаза, пока пріѣдетъ капитанъ.... Послѣднее еще туда-сюда; а ужъ первыя двѣ причины — вздоръ. Какое намъ дѣло? Кто насъ нанялъ, тотъ и отвѣчай: а мы дѣйствуемъ по условію; взять такъ взять; не обижать такъ не обижать; не выпустить — не выпустимъ: вотъ и все тутъ.

— А не знаешь ли у кого живетъ Гаръ-Піонъ?

— Говорилъ, да изъ ума вонъ.... Какой-то важный и умный человѣкъ.

Вальероль былъ такъ счастливъ, такъ веселъ, что приказалъ подать нѣсколько сосудовъ вина и просилъ выпить за здоровье добраго своего пріятеля, Помпея Гаръ-Піона.

— Именно, Помпей! какъ теперь помню! говорилъ красный: Помпей.... Такъ его и торговка называла.... Помпей! Помпей Гаръ-Піонъ!.... совершенно такъ.... А тебя, дружокъ, какъ зовутъ?

— Меня? спросилъ съ улыбкой Вальероль, и, позволяя себѣ пошутить съ невѣждами, прибавилъ: Юлій Кесарь Гаръ-Піонъ!

— Чортъ возьми! такъ какъ же ты приходишься Помпею?

— Племянникъ.

— Племянникъ? Такъ давай еще вина:

— Съ удовольствіемъ. Вина!

— А у кого служишь?

— Да вотъ у нашего, у Француза, Николая Пуссена.

— Пуссена! закричали всѣ и вскочили съ мѣстъ: лови его! онъ вѣрно знаетъ, куда Пуссенъ спрятался!

Вальероль уже былъ далеко, когда на Испанскую Площадь высыпали изъ аустеріи пьяные Французы и кричали: «Ло-

ви! лови Гаръ-Піона!... Юлія Кесаря!... племянника!...»

Изъ улицы появился папскій жандармъ, изъ аустеріи вышелъ Шантлу, и кое-какъ успокоили разгнѣванныхъ Французовъ.

Недалеко отъ Рима есть городокъ Фраскати, образовавшійся изъ тускуланскихъ развалинъ. Особенно здоровый воздухъ былъ причиною, что кругомъ и въ самомъ городѣ римскіе богачи завели прелестныя виллы съ изящными дворцами и роскошными садами. Въ отчизнѣ Катона Ценсора доживалъ вѣкъ свой кардиналъ Альдобрандини среди превосходныхъ произведеній искусства, наукъ и природы. Былъ уже вечеръ: солнце не грѣло, но золотымъ шаромъ тонуло въ роскошной весенней зелени вѣтвистыхъ платановъ. Кардиналъ сидѣлъ въ широкихъ креслахъ и слѣдовалъ глазами за утопающимъ солнцемъ. Пуссенъ оканчивалъ рисунокъ съ Доменикиновой фрески, украшающей виллу Альдобрандини.

— Забавно! сказалъ кардиналъ: мнѣ снилось, или я на яву мечталъ, будто Пуссенъ когда-нибудь посѣтитъ старика въ тайномъ убѣжищѣ Доменикина; но ни-

когда не думалъ, что увижу его, какъ Цампіери, добровольнымъ изгнанникомъ изъ Рима отъ преслѣдованія и гоненія враговъ своихъ. Любовь ваша къ Италіи — лучшая похвала нашей несчастной отчизнѣ: мы сильны еще нравственно; и только неловкость правителей и раздробленіе края мѣшаютъ благоденствію полуострова.

— Ахъ, эминенца! сказалъ со вздохомъ Пуссенъ: зачѣмъ на свѣтѣ существуютъ политика, границы, войска! Неужели міръ никогда не будетъ государствомъ братій, державой Христа?

— Философъ! не съ нашими страстями думать объ этомъ! Блаженъ, кому средства позволяютъ нѣсколько локтей земли обнести высокою стѣною, повыше человѣческаго росту, чтобы глаза проходящихъ не соблазнялись завистью, и за стѣною устроить себѣ небольшой рай изъ деревъ, цвѣтовъ, свѣжей воды, душистыхъ травъ, спокойныхъ комнатъ и безцѣнныхъ произведеній науки и искусства. Долголѣтіе и счастіе — принадлежности только совершеннаго уединенія. Даже другъ нерѣдко возмущаетъ тишину райской обители!.... Я не успѣлъ еще совершенно разлучить себя со внѣшнимъ свѣтомъ, и уже нерѣдко сержусь на послѣдній мой недостатокъ, состраданіе; но

благословляю его, когда небо посылаетъ возможность подать руку помощи Доменикинамъ и Пуссенамъ! Впрочемъ, это себялюбіе.... Художникъ въ моемъ уединеніи — новая книга, новая картина.

Стало совсѣмъ темно. Пуссенъ положилъ карандашъ и опять сказалъ со вздохомъ:

— Что́ теперь думаютъ обо мнѣ въ Римѣ?

— Вотъ лишняя мысль для нашего счастія! Не должно никогда думать о томъ, что́ объ насъ думаютъ другіе. Эта дума — мать тщеславія, честолюбія, самолюбія, лжи, хитрости, коварства и многихъ другихъ пороковъ; она врагъ добродѣтели, которую многіе присоединяютъ къ числу пороковъ подъ именемъ себялюбія. Я люблю думать о томъ, что́ думаютъ другіе, но не обо мнѣ, а о природѣ. Римскіе себялюбцы сожгли сочиненія Картезія, а я отъ нихъ въ три недѣли сдѣлался умнѣе.... Но я не стану спорить съ Римлянами: я даже не скажу имъ, что читалъ Картезія; даже, смотря по обстоятельствамъ, если замѣчу, что они возмущаютъ мое спокойствіе вопросами, я похвалю ихъ поступокъ.

— Ужасная мудрость!

— А я отъ нея счастливъ! Вы замѣтили, Пуссино, что у меня въ большой

залѣ слишкомъ много скульптуры, и что однѣ статуи лишаютъ эффекта другія? Потрудитесь разставить ихъ по вашему разумѣнію во всемъ дворцѣ. Для меня двойная выгода: наслажденіе съ новыхъ точекъ зрѣнія, и экономія наслажденія. Вы совершенно правы: когда я бываю въ залѣ, я всегда затрудненъ выборомъ: чѣмъ любоваться?

Вошелъ секретарь кардинала и доложилъ, что слуга Пуссино спрашиваетъ его.

— Это мой добрый Вальероль; одинъ онъ только знаетъ мое убѣжище.

— И напрасно, замѣтилъ кардиналъ: безопасность потеряна. Зачѣмъ оставлять какую-нибудь связь съ людьми, отъ которыхъ бѣжимъ! какой-нибудь слѣдъ для ихъ завистливаго и чуткаго обонянія? Даже мысленныя сношенія опасны: они могутъ возбудить раскаяніе, сожалѣніе, и тому подобное.

Пуссенъ вышелъ и встрѣтилъ Вальероля съ веселымъ лицомъ.

— Что̀, капитанъ? всѣ ли довольны моимъ поступкомъ?

— Какъ-нельзя больше! отвѣчалъ Вальероль: потому что рѣшились на послѣднія мѣры: рѣшились употребить насиліе.

— Что́ вы, что́ вы, капитанъ? на что́ это похожо?

— На повелѣнія кардинала Ришліе.

И Вальероль разсказывалъ все, что́ съ нимъ случилось въ гостинницѣ Чернаго Орла.

Пуссенъ задумался.

— Но какъ они меня отыщутъ? спросилъ онъ, послѣ мгновеннаго молчанія.

— Да все Фраскати знаетъ объ вашемъ пребываніи на виллѣ, а люди Шантлу уже въ Палестринѣ, и разспрашиваютъ вездѣ, гдѣ можно; я обогналъ ихъ.

— Но кардиналъ меня не выдастъ!

— На это не полагайтесь, любезный другъ, сказалъ секретарь, который въ это время вышелъ отъ кардинала: Альдобрандини слишкомъ дорожитъ своимъ спокойствіемъ и ссориться съ папой не будетъ; а если узнаютъ, что вы здѣсь, выхлопочутъ цѣлую буллу.

— Изо всего я вижу, что мнѣ приходится ѣхать; необходимость печальная, но я не упрекну себя, что я самъ согласился на мое несчастіе. Пусть меня украдутъ.... Ну вотъ, любезный Вальероль, помогите моимъ врагамъ, и мы уѣдемъ вмѣстѣ!

— Вы не шутите?

— Я рѣшился.... Но еще одно условіе: безъ Гаспара я не поѣду.

—

Шантлу сидѣлъ одинъ въ высокомъ мезонинѣ въ гостинницѣ Чернаго Орла. Рано утромъ, страдая безсонницей по милости Пуссена, онъ перебиралъ въ головѣ своей какими средствами открыть его убѣжище; изъ Неаполя и Флоренціи, изъ Генуи и Венеціи, отовсюду получены уже письма: нигдѣ не видали Пуссена.... Кто-то постучался у дверей.

— Войдите, сказалъ Шантлу, и вошелъ Вальероль.

— Вѣрно ты пришелъ жаловаться на моихъ людей? сказалъ Шантлу.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Вальероль: а пришелъ просить нельзя ли окончить эту исторію.... Вы только измучите людей, а ничего не узнаете.

— Любезный другъ, но я безъ Пуссена не могу ѣхать!

— И я тоже; а страхъ, какъ хочется побывать на родинѣ. Только я вамъ скажу, что добромъ вы Пуссена не возьмете; а развѣ силой. Если бы вы рѣшились на это средство....

— Все истощено; лишь бы только найти его, я рѣшился на эту непріятную мѣру.

— Одно желаніе возвратиться на родину не заставитъ меня измѣнить тайнѣ моего добраго господина.

— Все, что́ хочешь, Жанъ! все, что́ хочешь!

— Какъ вы это соблазнительно говорите! Да я боюсь, вы еще его убьете, какъ онъ станетъ защищаться....

— О! этого случиться не можетъ; я буду впереди.... Но гдѣ онъ? Ради Бога, гдѣ онъ?

— Постойте! Вы скажете, что вы хотѣли меня пытать, и только ужасъ мученій....

— Конечно! конечно!

— Но, вотъ бѣда! Какъ мы возьмемъ Гаспара?

— Да зачѣмъ намъ Гаспаръ?

— Такъ прійдется съ дороги возвращаться, или посылать за Гаспаромъ.... Безъ него онъ и силой не поѣдетъ.

— Что́ же намъ дѣлать?

— А вотъ что: черезъ два часа мы будемъ съ Гаспаромъ на мосту della Solfatara: велите насъ схватить на дорогѣ, и тогда за Пуссеномъ.... Но ужъ такъ, чтобы прямо и въ дорогу!....

Вечерѣло. Пуссенъ возвращался съ горы, гдѣ въ древности находились тускуланскія виллы; весь Римъ и море были

видны съ виллы Руфинельской, и Пуссенъ замѣтилъ, что подъ горой, у лѣса, остановилось много повозокъ, изъ которыхъ высыпало около двадцати человѣкъ: впереди шелъ Шантлу. Первая мысль: бѣжать; но Пуссенъ вспомнилъ разговоръ съ Вальеролемъ, и съ гордостью и спокойствіемъ ожидалъ Шантлу и его людей.

— Шантлу! вы нигдѣ не дадите мнѣ покою? сказалъ Пуссенъ.

— Кромѣ какъ въ Парижѣ! отвѣчалъ Шантлу.

А люди, окруживъ Пуссена, почтительно, ожидали дальнѣйшихъ приказаній своего начальника.

— Это похожо на насиліе!

— Не доводите до этой ужасной мѣры.

— Помните, Шантлу, что я повиновался вооруженной силѣ.

— Считайте, какъ хотите, нашъ поступокъ, но лошади готовы и мы объѣдемъ Римъ еще сегодня ночью.

— Безъ Гаспара и моего слуги я не могу ѣхать.

— Они въ повозкахъ, отвѣчалъ Шантлу; со всѣми вещами, которыя намъ казались необходимыми для вашей поѣздки.

— Но жена....

— Она затруднила бы только путешествіе; но завтра нашъ посланникъ обо

всемъ ее увѣдомитъ и будетъ заботиться объ ея нуждахъ и спокойствіи.

— Такъ нѣтъ уже ни какого средства?....

— Ни какого, отвѣчалъ Шантлу.

Пуссенъ протянулъ руки къ Риму, заплакалъ и, отерши слезу, сказалъ Шантлу съ трагическою важностью:

— Ведите меня въ темницу!

Шантлу повиновался.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ГЛАВЫ. *Стр.*

(Предостереженіе). 5
I. Нищій. 9
II. Palazzo barberini. 28
III. Пуссеновскій вечеръ. 51
IV. Ротунда. 80
V. Ватиканская базилика. 95
VI. Западня. 106
VII. Фокусникъ. 123
VIII. Встрѣчи. 144

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

IX. Аудіенція. 161
X. Тайна. 172
XI. Условіе. 184
XII. Рюэль. 195
XIII. Мистерія. 216
XIV. Ложная тревога. 229
XV. Бѣгство. 241
XVI. Вилла Альдобрандини 252

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
PG3337
.K76
E94
1841
t.1-2